

О. С. А Х М А Н О В А

**ОЧЕРКИ
ПО ОБЩЕЙ
И
РУССКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА • 1957

ВВЕДЕНИЕ

Лексикология как систематическое изучение словарного состава языка требует, с одной стороны, углубленного изучения теории этой дисциплины, а с другой — систематического исследования всего огромного объема лексических фактов, всей совокупности слов данного языка и их фразеологических эквивалентов. К теории лексикологии относятся следующие вопросы: проблема слова как основной языковой единицы, положение слова в ряду других единиц языка, вопрос о лексическом значении, о лексико-семантической системе языка, о значении и понятии, о соотношении и взаимодействии лексического и грамматического значений в слове, о способах определения значения, об омонимии и синонимии и т. п.

Как в советском, так и в зарубежном языкознании имеется теперь целый ряд очень ценных работ, рассматривающих эти вопросы. Обобщение имеющихся уже выводов и наблюдений и их критическая оценка составят первую часть настоящей работы.

Что касается изучения лексических фактов языка, то их лексикографическое инвентаризирование и описание остаются до сих пор почти единственным видом исследования. Других видов лексикологического описания, основанного на массовом или сплошном изучении и классификации лексического материала, почти нет. Собственно лексикологические работы до сих пор, как правило, ограничиваются лишь приведением отдельных примеров или описанием отдельного явления (или небольшой группы явлений). Думается, что при таком положении вещей наиболее естественным путем была бы попытка освещения общих вопросов лексикологии на основе того богатейшего фактического материала, который собран современной лексикографией. При этом очень важно, чтобы лексиколог не только «пожинал плоды» чужих лексикографических трудов, но и сам принимал в этих трудах непосредственное участие, так как именно непосредственное и постоянное общение с бесчисленными и многообразными фактами лексики, которого требует лексикография, дает наиболее твердую основу для научных обобщений.

Начиная со второй части предлагаемая книга представляет собой обобщение опыта более чем пятнадцатилетней лексикографической работы. За это время под моей редакцией и при моем участии в качестве составителя вышло свыше 20 изданий словарей: десять изданий англо-русского, девять изданий русско-английского (краткого) и два издания основного русско-английского словаря (третье, переработанное издание этого словаря подготовлено к печати). Особенно много ценного дала мне работа над основным русско-английским словарем, над которым я работала под руководством проф. А. И. Смирницкого.

Работая над составлением словарей, я пришла к выводу, что в общем многочисленные и сложные лексикологические вопросы могут быть сведены к двум основным — к проблеме «отдельности» и к проблеме «тождества» слова. К первой относятся вопросы, связанные с выделением слова, с ограничением его от других языковых единиц.

Для того чтобы описывать и систематизировать словарный состав языка, естественно начать с выяснения того, что конкретно представляют собой его единицы — слова, в чем специфика слова в отличие от смежных с ним языковых единиц — морфемы, с одной стороны, и словосочетания — с другой; где границы одного отдельного слова и в каком отношении слова, особенно сложные и производные, находятся к их составным эквивалентам — фразеологическим единицам. Отграничив слово от смежных с ним образований, следует обратиться к отождествлению единиц, выделенных и достаточно определенно отграниченных, т. е. к выяснению того, являются ли они разновидностями одного и того же слова или же разными словами. Как можно видеть из приводимой ниже характеристики состояния науки по этой проблеме, до сих пор остаются мало изученными как вопрос о тождестве слова, не нарушаемом многообразием его воспроизведений (или «реализаций»), так и вопрос об утрате, нарушении тождества слова, в частности о распадении слова на омонимы. Особенно мало внимания уделяется вопросам фонетического и морфологического варьирования слова, особенностям структурно-звуковой оболочки слова (этот вопрос, как известно, осложняется наличием в культурных языках «второй» оболочки — оболочки буквенной или графической, которая не является простым слепком с основной (звуковой) оболочки, а обладает собственными сложными закономерностями). В тесной связи с вопросом о структурно-звуковых вариантах слова находится вопрос о синонимии, который не может рассматриваться на основе абстрактных представлений о большей или меньшей сходности некоего отвлеченного значения, а должен быть поставлен на твердую и объективную основу последовательного рассмотрения морфологического строения сравниваемых единиц,

Вопрос об «отдельности слова» подвергается мною детальной разработке в книге под названием «О разграничении слова и словосочетания» (утверждена к печати Ученым советом Института языкознания АН СССР)¹. Эта работа имела целью, во-первых, теоретически обосновать выделимость слова как основной единицы языка, принципиально отличной как от сочетания слов, так и от части слова — морфемы. Для этого потребовалось критическое рассмотрение основных направлений современного лингвистического структурализма, построения которого, при всем разнообразии деталей, сходятся на отрицании роли слова как основной единицы языка: проблема слова представляется лингвистическому структурализму псевдопроблемой, а разграничение таких категорий, как морфема, слово и словосочетание, не только принципиально невозможным, но и ненужным. Во-вторых, проверить, обосновать и доказать правильность сделанных выводов о возможности и необходимости разграничения слова и смежных с ним единиц на таком материале, который представляет особые трудности в этом отношении. Как известно, такие трудности представляют собой прежде всего сложные слова и служебные слова. Эти две категории явлений и были подвергнуты подробному изучению на материале германских языков и преимущественно английского, поскольку именно в английском языке разграничение слова и словосочетания представляет наибольшие трудности.

Предметом настоящей книги является вторая из указанных выше проблем — проблема тождества слова, которая расчленяется следующим образом: 1) лексико-семантическое варьирование слова и омонимия как предел такого варьирования; 2) лексико-фразеологическое и лексико-синтаксическое варьирование слова в словосочетании и фразеологическая единица как предел такого варьирования; 3) фонетическое и морфологическое варьирование слова и синонимия как его предел. Вопрос о стилистической дифференциации слов был введен в работу и сделан предметом специального рассмотрения в связи с тем, что разграничение стилистического и семантического моментов играет важную роль при решении вопроса о тождестве слова.

¹ Отдельные части этой работы опубликованы. См. статьи «Словосочетание в современном английском языке» (Известия Академии наук СССР, отд. л-ры и языка, 1950, № 6); «О роли служебных слов в словосочетании» (Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1952, № 2); «К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц» (Труды Института языкознания АН СССР, т. 4, 1954); «Об образованиях типа *stone wall*, *speech sound* в английском языке» (совместно с А. И. Смирничкиным; Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1952, № 2); «Словосочетание» (сб. «Вопросы грамматического строя», изд. АН СССР, 1955),

Предлагаемое выделение и номенклатура частей работы требует некоторых пояснений. Неясным может представиться разграничение лексико-семантического и лексико-фразеологического варьирования слов. Ведь слова реально воспроизводятся (или «реализуются») всегда только в речи и, следовательно, нормально в словосочетании, почему их семантическое варьирование как будто может вообще быть только лексико-фразеологическим (соответственно лексико-синтаксическим). Тем не менее для более обстоятельного и всестороннего рассмотрения вопроса все же представляется не только возможным, но и целесообразным рассмотрение этих двух аспектов по отдельности. При этом в разделе, посвященном лексико-семантическому варьированию слова, рассматриваются только такие случаи, когда многозначность слова не вызывает никакого сомнения и поэтому нет никакой надобности проверять ее (а тем более искать) в словосочетании, в лексико-фразеологическом и лексико-синтаксическом многообразии слова. Так, например, чтобы убедиться, что «фонетическими (и орфографическими) комплексами» *край* или *засытаться* обозначаются разные «предметы» (т. е. соответственно «предельная часть чего-нибудь», «страна», «область» и «сорт говядины»; «покрыться чем-нибудь сыпучим» и «попасться»), вовсе не обязательно ставить их во «фразовое окружение». Различие значений не оказывается в таких случаях непосредственно обусловленным особенностями их сочетания с другими словами. Проблемой в таких случаях является не наблюдение над поведением данного «фонетического (и орфографического) комплекса» в тех или других его «окружениях», а выяснение того, приводит ли данное совершенно несомненное и потому не требующее проверок и доказательств семантическое многообразие к расщеплению, разделению данного «комплекса» на два или более разных слов-омонимов или же все его разнообразные соотнесения с разными элементами действительности не нарушают тождества слова. Ведь разные языки по-разному «трактуют» то, что дано во внеязыковом опыте, выделяя, подчеркивая в явлениях действительности то те, то другие их стороны. Поэтому, рассуждая теоретически, весьма разные «значения» могут совмещаться в одном слове.

Совсем иначе выглядит вопрос о многозначности слова, если к нему подойти с точки зрения его лексико-фразеологического варьирования, рассматривая словосочетания как граничащие с «фразеологическим эквивалентом слова». Здесь в центре внимания оказываются уже не слова как таковые. В отличие от первого раздела, здесь во главе угла оказываются уже не отдельные слова с вполне доказанной и абсолютной семантической раздельностью и самостоятельностью. Здесь в качестве исходного пункта исследования выступают уже не слова, а определенные типы словосочетания,

причем внимание направляется на выяснение таких фразеологических и синтаксических особенностей поведения тех или других категорий слов, которые могут привести к утрате словами их «словесных» качеств, превращению их в «тени», «призраки» слов (а в плане диахроническом — в «потенциальные» слова). Ведь, например, хотя *зга* или *свояси* «технически» вполне определенно выделяются в таких словосочетаниях, как *не видно ни зги* или *отправиться во свояси*, именно как слова, а не морфемы, т. е. как вполне определенно грамматически оформленные единицы, они все же представляют собой по существу лишь «тени» или «призраки» слов, будучи лишенными того, что является главным для слова, а именно отдельного лексического значения. (Современной фразеологией (как наукой) с несомненностью установлено, что словосочетания не поддаются простому двойному делению на «синтаксические», или «общие», или свободные (не идиоматические), с одной стороны, и «лексические», или «изолированные», или «связанные» (идиоматические) — с другой. Теперь можно считать твердо установленным фактом то, что между «идеальным», свободным словосочетанием (в котором слово выступает в своем общем, основном, несвязанном значении) и «фразеологическим эквивалентом» слова (т. е. таким словосочетанием, в составе которого «внешнее подобие» слова либо совсем лишено отдельного значения, не может быть семантически выделено из словосочетания, либо если и выделяется, то с особым значением, совершенно не совместимым с тем, какое соответствующий «фонетический (и орфографический) комплекс» имеет в обычном или «свободном» употреблении) лежит большое количество промежуточных случаев. Поэтому представляется целесообразным попытаться определить некоторые общие закономерности градаций и переходов между двумя крайними случаями и на этой основе определить в общем виде тот предел лексико-фразеологического варьирования слова, переходя который слово перестает существовать как таковое, приобретает новое качество «элемента фразеологической единицы» или соответственно «потенциального слова».

Хотя лексико-семантическое и лексико-фразеологическое варьирование слов и рассматривается здесь по отдельности, в более широком плане оба эти вида варьирования слов объединяются тем, что в обоих случаях звуковая оболочка слова остается неизменной: в обоих случаях видоизменяется, варьируется семантическая сторона слова.

Прямо противоположную картину дает фонетическое и морфологическое варьирование слов. Здесь неизменным остается значение, а видоизменяется, варьируется внешняя оболочка слова. Прямо противоположным тому, что имеет место при семантическом варьировании, является в этом случае и характер нарушения тождества

слова. Если пределом лексико-семантического варьирования слова является омонимия — возникновение двух или нескольких слов, совпадающих по внешней оболочке, но совершенно не совместимых по значению, то пределом фонетического и морфологического варьирования слова является синонимия — возникновение двух или нескольких слов с разными звуковыми оболочками, но сходных или близких по значению. Между прочим, нельзя не обратить внимания еще и на следующее различие между этими двумя явлениями: число случаев, когда на базе семантического расхождения фонетических и морфологических вариантов слова возникают разные слова-синонимы, сравнительно невелико, тогда как возникновение омонимов в определенных категориях слов нередко носит регулярный, массовый характер.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
О ПРИРОДЕ ЗНАЧЕНИЯ

ГЛАВА I
ВХОДИТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ В СОСТАВ ЯЗЫКОВОЙ
ЕДИНИЦЫ?

§ 1. Два противоположных подхода

Хотя о природе значения и имеется огромная литература, вопрос этот справедливо считается до сих пор одним из наиболее сложных и запутанных. Успешному изучению этого вопроса мешает также и то, что под значением и наукой о нем — семантикой разные ученые как одной специальности, например лингвисты, так и разных специальностей, например философы, психологи и лингвисты, нередко понимают совершенно разные вещи, вкладывают в эти слова совершенно различное содержание¹.

Разные понимания значения и семантики нередко приводили, приводят и теперь к умножению терминов, отражающих разные подходы к вопросу и разные аспекты его рассмотрения².

Основной причиной многообразия различных содержаний, вкладываемых разными учеными в слово «семантика», является расхождение по кардинальному вопросу: входит ли значение в состав языковой единицы, содержится ли оно в ней или же оно только вызывается ею в «ситуациях» речевого общения? Несмотря на бесконечное многообразие различных вариантов и оттенков в подходе к этому основному вопросу семантики, можно выделить два основных направления, две основные точки зрения. 1) Поскольку язык вообще, а следовательно, и его единицы являются воплощением, носителями мысли, они должны быть способны выражать и передавать ее. 2) Поскольку язык вообще, а следовательно, и его единицы не воплощают, не несут в себе мысли, они не могут и выражать и передавать ее; они служат лишь для того, чтобы натолкнуть на мысль, вызвать при помощи языка известную реакцию в определенной ситуации³. Эти две основные концепции в общем соответствуют тому, что известно под названиями «экспрессионизм» и «функционализм», а теперь некоторыми обозначается как противопоставление «ментализма» и «механизма» (или операционализма).

Первое из указанных основных направлений имеет гораздо большее число представителей, чем второе, гораздо полнее разработано с разных сторон и, как будет показано ниже, имеет гораздо

большее значение для развития марксистского языкознания, чем второе. Поэтому представляется целесообразным сначала привести примеры, иллюстрирующие второй, т. е. «функционалистический» подход к вопросу о значении, чтобы затем подробно остановиться на первом, согласно которому значение не только входит в состав языковой единицы, но и является основным конституирующим ее элементом.

§ 2. «Функционалистическая» точка зрения

«Функционалистическая» точка зрения — это точка зрения тех языковедов, которые либо, признавая необходимость различать язык и речь, занимаются по существу только последней, либо вообще не ставят вопроса о различении этих двух категорий и занимаются только речью.

То правильное и ценное, что дает подход к вопросу со стороны речи при признании и полном обосновании необходимости различать речь и язык раскрыто в работах известного английского лингвиста Алана Гардинера⁴. В условиях речевого общения слова выступают как «ключи» к ситуации. Их общее значение, вне ситуации, остается неопределенным. В каждом случае общения «подразумеваемое» может быть постигнуто, «обнаружено» (открыто) слушающим в данной ситуации только путем сознательного и активного умственного усилия. «Подразумеваемое» всегда вне слов, а не в них. «Подразумеваемое» всегда в ситуации, а не в высказывании. Гардинер поясняет это на следующем примере. Мери и Джон хотели отправиться на прогулку. Но вдруг Джон посмотрел на окно и сказал [reɪn] с восклицательной интонацией. Сделав требуемое умственное усилие и учтя ситуацию, Мери поняла, что Джон имеет в виду дождь (rain — «пошел дождь») и им придется остаться дома. В других ситуациях то же звучание могло бы быть «ключом к ситуации», включающей, например, «возжу» (reɪn) или «царствование» (reign). То, что Мери в данной ситуации сразу же сообразила, что речь идет о дожде, объясняется не только ситуацией мокрого окна, но и тем, что в быту чаще говорят о дожде, чем о возжах или царствованиях.

В отличие от глоссематиков, например Эйе (см. ниже, стр. 14), Гардинер критикует де Соссюра «справа», за то, что тот при анализе речевого акта совершенно игнорировал «подразумеваемое», т. е. стоящую вне языка вещь, «подразумеваемую» в общении. Ведь «подразумеваемая вещь» — это то, на основе чего только и может осуществляться общение (естественно, что если ничего не «подразумевается», ничего не имеется в виду, то не о чем и говорить). Гардинер стремится, в отличие от Соссюра, прежде всего определить отношение «речевой деятельности» к внешней реальности. Для этого он прежде всего направляет внимание на речевое общение, на взаимоотношение говорящего и слушающего. Однако поскольку, по его мнению, слова неспособны передавать мысли, а являются

лишь намеками, «толчками» или «ключами» (которые, правда, при умелом использовании могут помочь разобраться в ситуации и даже открыть «подразумеваемое»), мысли оказываются непередаваемыми. Отсюда принципиальное различие между его «подразумеваемым» и соссюровским «обозначаемым», да и вообще тем, что обычно понимается под значением слова.

Аналогичную позицию по этому вопросу занимает Э. Бэйссенс⁵. Речь, для Бэйссенса, — это прежде всего средство воздействия на других. Значением предложения (высказывания) является часть той мысли, которая побудила к высказыванию. Но поскольку ничего нельзя сказать на языке, не использовав определенных элементов, общих всем тем отдельным индивидам, которые уже делали или сделают данное высказывание, возникает противоречие между общественным характером языкового значения и индивидуальностью мысли. Слова, имея абстрактный смысл, употребляются в речи для обозначения конкретных предметов и при этом вовсе не всегда и не обязательно в соответствии с их смыслом; в случае идиоматического употребления слова могут даже прямо «вводить в заблуждение»; например, *намылить голову кому-либо* может не иметь никакого отношения ни к мылу, ни к голове; то, что значит, например, *говорить под руку кому-нибудь*, нельзя понять, сравнивая не только с *под* и *рука*, но даже и с таким сочетанием их, как *идти под руку* и т. п. По мнению Бэйссенса, такие факты свидетельствуют о разрыве между мыслью и языком. Отсюда вывод, что язык не выражает мыслей, а только передает какие-то их части; только в ситуации интеллект слушающего может подставить конкретную мысль под абстрактное значение языкового средства.

Поэтому языковой знак, строго говоря, не имеет собственного значения. Он лишь помогает определить значение предложения, причем по-разному, в зависимости от того, в какие комбинации он входит. Отсюда, в частности, делается вывод о том, что междометия не являются знаками, так как знаками могут быть только «фрагменты» предложения.

Языковед, по мнению Бэйссенса, должен избегать термина «понятие», так как иначе могут возникнуть недоразумения с психологами и логиками. Когда эти последние говорят о понятиях, они совершенно не принимают во внимание их общественного характера. Для лингвиста же центральной проблемой является сходство в «лингвистических поведении» разных индивидов.

Примером «функционалистического» подхода к явлениям речи без постановки вопроса о речи и языке является трактовка проблемы крупным американским лингвистом Л. Блумфильдом. Блумфильд определяет значение «лингвистической формы» (т. е. вообще «лингвистическое значение») как «ситуацию, в которой говорящий произносит ее, и реакцию, которую она вызывает в слушающем». Но в ряду: «ситуация говорящего», «речь», «ситуация слушающего», члены которого связаны причинной зависимостью, «ситуация говорящего», как первый член этого ряда, представляет более простой

аспект проблемы, чем реакция слушающего; поэтому значения обычно обсуждаются и определяются в терминах воздействия, оказываемого говорящим на слушающего.

Однако, хотя Блумфильд и не делает различия между речью к языком, его «ситуация» оказывается в конечном счете не конкретной ситуацией речевого общения, а данным конкретным проявлением «обобщенного», языкового «дифференциального» или «лингвистического» значения⁶. В этом, в частности, проявляется непоследовательность системы Блумфильда, на которую уже неоднократно указывалось в литературе.

Думается, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы дать представление о «функционалистическом» подходе к вопросу о языковом значении. На первый взгляд может показаться, что этот ответ на вопрос о природе языкового значения можно было бы всячески приветствовать. Однако, как будет видно из дальнейшего изложения, он слишком его сужает, ограничиваясь лишь одной стороной проблемы. Конечно, существенно констатировать тот факт, что при общении посредством языка его единицы по большей части указывают на нечто находящееся вне их самих. Но вряд ли достаточным для проникновения в природу языкового значения будет отрицательный вывод о том, что единицы языка (как таковые) не заключают, не несут в себе мысли и, следовательно, не могут и выражать их. В центре внимания должны поэтому быть те лингвистические теории, которые принимают как факт способность языковых единиц не только нести в себе, заключать в себе и передавать мысли, но и способствовать самому их формированию, участвовать в их развитии и, таким путем, в познании самой действительности.

§ 3. «Экспрессионистическая» точка зрения

Переходя к рассмотрению того направления, которое условно обозначено здесь как «экспрессионистическое», следует начать с семиологической теории де Соссюра, так как в этой области влияние на современное языкознание было особенно сильным.

Ф. де Соссюр в зависимости от того, с какой стороны он подходил в данный момент к языку, давал ему разные определения. Для развития науки о значении (по де Соссюру — науки о знаковых системах, или семиологии) наиболее существенно то из определений, которое гласит: «Язык — это мысль, организованная в звучащей материи»⁷. Это определение, хотя оно и не может раскрыть сущности языка вообще, вполне могло бы явиться отправной точкой для разработки вопроса о значении, если бы дальнейшее его исследование пошло по линии углубления и развития того, что понимается под мыслью. Однако общая позиция де Соссюра лишила его

возможности более глубокого рассмотрения этого основного вопроса — о природе «выражаемого», о природе мысли. Если мысль организуется языком, то язык выступает как активное начало, подчиняющее себе мысль, облекающее ее в свойственные ему формы. Организация и строение языка не могут поэтому быть объяснены организацией и строением мысли. Таким образом, де Соссюр пришел к своей знаменитой теории о том, что язык — замкнутая система знаков, что лингвистические знаки повинуются только своим собственным правилам и законам, что «ценность знаков зависит только от существующих между ними отношений» и т. д. Иными словами, исходным пунктом для де Соссюра оказался «язык» в том специфическом смысле, который он придал французскому слову *langue*, а именно «система знаков»⁸, принципиально не отличающаяся от всякой другой системы знаков, откуда, далее, мысль о построении семиологии как широкой научной дисциплины, «изучающей (вообще. — О. А.) жизнь знаков внутри общества», в которую язык входит наравне с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, формами учтивости, военными сигналами и т. п.

Как известно, мысль де Соссюра об определении семиологической «ценности» знаков только на основе существующих между ними отношений, в частности об отрицательной определенности «языковых ценностей» и т. п., явилась основой для построений неососсюрианства — структурализма. Наиболее последовательную разработку эти идеи получили у известного датского лингвиста Л. Ельмслева, поставившего вопрос о создании «имманентной алгебры языка», т. е. «учения о содержании» и «учения о выражении» на «внутренне функциональной основе». Таким образом, семиология оказалась «освобожденной» и «очищенной» от всякого соприкосновения с какой бы то ни было «материей»; по учению структуралистов, «наука о выражении» должна строиться безотносительно к звуковым фактам, т. е. не должна быть фонетикой, а «наука о содержании» — безотносительно к онтологическим фактам, т. е. не должна быть «наукой о значении». Предметом такой семиологии может быть, следовательно, безразлично любая система знаков — система световых сигналов, любой «естественный» язык, азбука Морзе, бой башенных часов и пр.⁹ Задача, следовательно, должна заключаться в том, чтобы, вдохновившись идеями де Соссюра о сущности языка, освободить лингвистику от всякого соприкосновения с «внешними факторами».

Из сказанного следует, что структурализм взял из семиологической теории де Соссюра только одну ее сторону, причем такую, которая не могла дать по существу ничего для подлинно научного исследования вопроса о языковом значении, о значении языковых единиц в обычном, а не «глоссематическом» понимании этого термина. То, что эта сторона семиологического учения де Соссюра вовсе не единственная и даже не основная, легко показать на многочисленных работах, так или иначе связанных с идеями де Сос-

сюра, так или иначе вдохновенных им. Больше того, «Курс общей лингвистики» де Соссюра явился источником совершенно противоположных выводов о семиологической природе языка, о природе значения и о принципах построения семиологии. Причиной этому явилось то, что хотя де Соссюр и сделал целый ряд указаний на отрицательную определенность языкового знака, языковую «ценность», как полностью обусловленную отношениями между элементами системы и т. п., он не исключил из рассмотрения вопрос о природе «обозначаемого», т. е. вопрос о соотношении языка и действительности. Такая двойственность его построения и явилась причиной дискуссии по вопросу о природе языкового знака.

Для разъяснения существа спора целесообразно остановиться на работе датского лингвиста Н. Эйе «Лингвистический знак произволен»¹⁰. После детального разбора всех тех мест «Курса», где затрагивается вопрос о природе лингвистического знака, Эйе приходит к следующему выводу: если большинство ученых считает неизбежным учет «реальностей» окружающего мира при обсуждении вопроса о природе лингвистического знака, то де Соссюр, напротив, совершенно сознательно избегал касаться вопросов теории познания. При этом, если де Соссюра обычно критикуют за то, что он не уделил должного внимания вопросу об отношении языкового знака к действительности, «вещи» и т. п. и не внес в него необходимой ясности, то критика де Соссюра в этом вопросе с позиций глоссематики может идти только в диаметрально противоположном направлении. Глоссематики могут критиковать де Соссюра только за то, что он, как основатель современного лингвистического структурализма, не сделал из своей теории всех необходимых выводов, не сумел совершенно освободиться от каких бы то ни было мыслей о «субстанции» или внеязыковой реальности¹¹.

В дальнейшем будет показано, что именно этот вопрос об отношении языка к внеязыковой действительности является центральным для семасиологии, так как без его разрешения не может быть научного решения вопроса о природе языкового значения.

§ 4. Действительно ли язык — лишь одна из разновидностей «конвенциональных» (т. е. условно или «по договору» принятых) знаковых систем?

В связи с изложенным выше необходимо выяснить, является ли язык действительно всего лишь одной из разнообразных знаковых систем и верно ли, что его употребление в речи ничем по существу не отличается от употребления любого кода для передачи сообщения. А если это не так, то как опровергнуть приведенные выше доводы структуралистов, якобы обоснованные уже в семиологическом учении де Соссюра?

Среди многочисленных работ, опровергающих структуралистическое понимание языка как лишь одной из разновидностей знако-

вых систем, важное место занимают работы двух крупнейших представителей современной семиологии — К. Бюлера и С. Ульмана.

Бюлер ¹² разъясняет принципиальное отличие языкового «знака» от всех других на примере сигнальных флажков, применявшихся во флоте до введения беспроводного телеграфа. В этой системе имеется всего три элементарных «знака» — круг, треугольник и прямоугольник. Ни один из этих трех знаков сам по себе не может передать никакого сигнала. Функция каждого из этих трех знаков ограничена определенным местом в сигнале, участием в построении сигнала и его отличия от других сигналов (в этом сходство их роли с той ролью, которую в языке играют фонемы). Сигнал передается только всем рядом флажков, прикрепленных к мачте в определенном количестве и последовательности. (Часто, для того чтобы перевести такой сигнал на обычный язык, потребуется несколько предложений.) Следовательно, такого рода сигнал не поддается разложению на более мелкие осмысленные части; это «глобальная символизация», или передача цельного содержания совокупностью единиц, каждая из которых по отдельности не может быть соотнесена с частями передаваемого содержания.

В системе «звучковых сигналов» языка, в отличие от только что описанной, участвуют по меньшей мере два различных «кода» — выбор слов и конструкция фразы. Поэтому каждый сложный сигнал, передаваемый посредством языка, может разлагаться на более мелкие осмысленные элементы. Вместе с тем при пользовании этой системой всегда возможно, отправляясь от элементов, построить бесчисленное количество предложений самой разнообразной формы и самого разнообразного содержания. Именно эта особенность языка и дает ему его бесконечные возможности выражения. Она же (эта особенность) требует, чтобы тщательно различались те значащие элементы, которые относятся к лексике, и те, которые относятся к синтаксису (для Бюлера грамматика равна синтаксису). Таким образом, Бюлер подходит к самому существенному. В отличие от кода, для которого возможность сообщения всегда строго ограничена, сведена к небольшому числу отчетливо регламентированных единиц и их комбинаций, число и разнообразие «сообщений», которые можно передать посредством языка, практически бесконечны, беспредельны.

В связи со всем сказанным приведем следующую совершенно правильную мысль Ульмана ¹³. Если желательно, чтобы «общая теория знаков», или «общая семиология», включала язык (и его производные, как например письмо и т. п.), необходимо сразу же разделить общую теорию знаков на две половины, на две принципиально отличные части, которые изучали бы следующие два принципиально различающихся предмета: 1) психологические системы знаков, такие, как язык, и 2) логико-математические системы, такие, как, например, математические исчисления.

Даже научный язык не свободен от форм убеждения, эмфазы, полемики и т. п. Поэтому даже этот язык, не говоря уже об

обычном разговорном языке, нельзя «высушить» и рационализировать, как хотели бы Блумфильд, Огден и Ричардс, Кожибский, Чейз и другие.

Развивая далее эту линию аргументации, необходимо отметить, что «сообщение», передаваемое посредством кода, всегда равно коду в том смысле, что оно не имеет в себе ничего, кроме данного в коде: «сообщение» — это код в действии. Отношение же между языком и его употреблением в речи — это отношение сложного взаимодействия, определяемого не только потребностями общения, но и внутренними законами самого явления. Код — это статическая, неподвижная система «произвольных» конвенциональных знаков, которая может оставаться неизменной в течение любого периода времени и при любом ее распространении. Код существует как таковой независимо от того, используется ли он или использовался ли он когда-нибудь для передачи сообщений. Можно, например, разработать, составить, установить код для тех или других целей сообщения в будущем. Если бы даже такое употребление фактически и не осуществилось, код как таковой не перестал бы от этого существовать.

В отличие от кода, язык не только не безразличен к «сообщениям», передаваемым посредством него, а, напротив, существует только в той мере, в какой существуют такие «сообщения». Он существует только в речи (актуальной или «законсервированной» в письменной традиции). Он не только не является статическим и неподвижным, но, напротив, непрерывно изменяется и развивается в разных условиях речевого общения под их непосредственным влиянием, причем не «по договору», не «конвенционально», а по своим особым внутренним законам.

§ 5. Синтез «экспрессионистического» и «функционалистического» подходов в терминах «язык» и «речь»

Для языкознания вообще и для семасиологии в особенности имеют гораздо большее значение работы тех ученых, которые направили свои усилия не на дальнейшее изощрение в отвлеченных рассуждениях по поводу языка, а на то, чтобы более глубоко проникнуть в соотношение языка и речи. Для этого необходимо рассматривать речь не только как «реализацию» не зависящей от нее, замкнутой системы языковых знаков, а как самостоятельный объект изучения, а также установить ряд дополнительных различий. В этом заслуга Ш. Балли, который предложил различать, с одной стороны, «языковую ценность» как имманентное свойство знака и, с другой — «значение» как употребление знака для обозначения в речи ¹⁴. А. М. Пешковский ¹⁵ предложил различать 1) слово-член как отдельный психофизиологический акт (по аналогии со звуком речи) и 2) слово-тип, или лексему, как ассоциативную группу представлений, обособившихся в уме говорящего в результате членения речи на отдельные психофизиологические акты (по ана-

логии с принятым в то время пониманием соотношения звука и фонемы).

Россети¹⁶ разделил общее и особое значения. По общему своему значению слово — факт языка, но своим особым значением оно — факт речи. Слово одновременно и абстрактно и конкретно в зависимости от того, рассматривается ли оно изолированно или как употребленное во фразе. Так же, как Пешковский, Россети видит здесь аналогию с соотношением фонемы и звука. Слово в этом отношении подобно фонеме, которая абстрактна по отношению к звуку, являющемуся ее конкретной манифестацией, ее реализацией в речи.

К. Бюлер обратил внимание на способность слова относиться к двум «полям»: к «полю», состоящему из лингвистических знаков, или «знаковому полю», и к «полю» ситуации. Следовательно, слово сочетает в себе способность нести как языковую «ценность», так и те «ценности», которые сообщаются ему данной ситуацией.

Таким образом, слово одновременно относится и к «контексту», образуемому совокупностью лингвистических знаков данного языка, и к «контексту» тех ситуаций, в которых оно может оказаться.

Вместо «языкового» и «речевого» значений польский лингвист В. Дорошевский¹⁷ говорит о конфликте единичного и общего в значении слова. Когда говорят, что «обозначаемым» слова *дерево* является дерево как предмет мысли, то это значит, что слово *дерево* может в потенции быть отнесено к любому конкретному дереву, поскольку разные конкретные деревья имеют общие черты. Но каждое отдельное дерево существует не «как называемый предмет»: если бы это было так, «быть» значило бы — «быть воспринимаемым». Поэтому при каждом отдельном назывании (употреблении слова) выступает единичное, временное, конкретное обозначаемое («дезинат»). Изменение и развитие значений слов обуславливается несоответствием, конфликтом нормы и ее конкретных единичных воспринятых в речи («актуализаций»). В своей работе Дорошевский стремится к материалистическому пониманию соотношения языка и речи, ищет в соотнесении с действительностью основу формирования и изменения значений.

Прямо противоположное устремление можно показать на примере современного немецкого лингвиста И. Л. Вейсгербера. Вейсгербер совершенно правильно считает конституирующим, «решающим» для слова, чтобы оно, кроме своей звуковой формы, имело еще и мыслимое содержание, т. е. значение. Однако это мыслимое содержание выступает у Вейсгербера не как отвлечение от реальных предметов внеязыковой действительности, а, напротив, как то, через призму чего слово может осмыслять или «схватывать» вещи как «объекты для духа»¹⁸.

В дальнейшем изложении построениям «неогумбольдтианской этнолингвистики», вождем и глашатаем которой является Вейсгербер, будет уделено особое внимание. Здесь же представляется небезынтересным обратить внимание только на следующее обстоятельство. Как уже было сказано, для неогумбольдтианцев вполне

приемлема точка зрения на значение слова как на идеальную сущность, не только входящую в слово, но и составляющую основу, конституирующий элемент языкового знака. Однако источник такого понимания они склонны искать не в работах де Соссюра, а в произведениях Гумбольдта¹⁹. Таким образом, появляется еще один противник «материалистической непоследовательности» де Соссюра (основным противником, как было сказано выше, является копенгагенский структурализм, или «глоссематика»). Сравнивая системы Гумбольдта и де Соссюра, вряд ли будет неправильным сказать, что внимание к «внеязыковой реальности» выгодно отличает лингвистическую теорию де Соссюра от отвлеченных философских построений фон Гумбольдта. Поэтому неправильно, как делают некоторые, считать позицию де Соссюра последовательно идеалистической. Учение де Соссюра оставляет известную перспективу для тех, кто допускает воздействие объективной действительности на формирование языкового значения, тогда как неогумбольдтианство принципиально отрицает возможность такого воздействия. Различие этих двух концепций можно проиллюстрировать примером эволюции лингвистических взглядов Ф. Слотти²⁰. Вначале Слотти различал: 1) способность слова указывать на данное явление окружающей действительности, его способность указывать, какая именно «данность» окружающей действительности имеется в виду, или *Meinung* слова, то, что подразумевается при его употреблении, и 2) способность слова показывать, каким образом мыслящий и одаренный фантазией человек семантически расчленяет явления окружающей действительности — *Bedeutung* слова, т. е. его значение в собственном смысле. Если первая из этих «способностей» слова направлена на окружающий мир, то вторая, напротив, «указывает» от окружающего мира обратно к мыслящему. В новой работе Слотти меняет общую ориентацию, отходя от понимания соотношения этих двух значений в плане языка-речи (де Соссюр) в сторону негумбольдтианства, которым подчеркивается идеалистическая сторона — не отвлечение известного мыслимого содержания от «данностей» окружающего мира, а порождение его свойствами «духа» с последующим проецированием на реальность.

Изложенное имело целью показать, что, хотя некоторые крайние точки зрения и могут быть обнаружены и выделены для наилучшего проникновения в существо предмета, дело ни в коем случае не может ограничиться только резким противопоставлением «экспрессионистической» и «функционалистической» позиций. В какой-нибудь один период развития науки, на одном его этапе, тому или другому исследователю нередко представляется необходимым всецело сосредоточиться на одном аспекте явления, вплоть до полного исключения всякого другого. Однако дальнейшее развитие становится невозможным, если не делается попытки учета и соотнесения разных аспектов, изучения разных сторон явления.

Ценными для более всестороннего освещения вопроса о лингвистическом значении оказываются данные психологии. Так, напри-

мер, в работе «Приспособление к ситуации и лингвистическая структура» П. Гарвин²¹ считает необходимым одновременно учитывать как языковой, так и внеязыковой аспект «приспособления к ситуации». При изучении общения посредством языка неправильно отдавать предпочтение одному из двух моментов, его обуславливающих, а именно ситуации или «языковой структуре». Эти два момента — лишь разные аспекты одного и того же явления, и они настолько тесно между собой связаны, что ни тем ни другим нельзя пренебречь, с какой бы стороны ни подходить к акту общения.

Психологов, естественно, больше интересуют явления речи, чем явления языка. Однако при более глубоком анализе они не могут не учитывать и закономерностей этого последнего. В этой связи небезынтересно остановиться на статье Г. Ревеша «Мышление и говорение», опубликованной им по ходу им же организованной дискуссии о языке и мышлении в Acta Psychologica²². Ревеш расчленяет проблему следующим образом: 1) возможна ли речь без мысли и 2) возможна ли мысль без речи? Иными словами, следует ли считать, что каждый и всякий без исключения единичный акт речи всегда подготовлен мысленным содержанием или мысленными процессами (или сопровождается ими или основан на них), и, с другой стороны, следует ли считать, что каждый единичный акт мысли без всякого исключения всегда подготовлен (и сопровождается) актами и образами речи?

Ответ на первый из этих двух вопросов представляется Ревешу совершенно ясным. Он считает доказанным, что речь непременно основывается на мысли. Хотя ответ по второму вопросу и не представляется столь же простым, все же нет сомнения, что мысли даже в *statu nascendi*, т. е. прежде чем их выразили или сформулировали в речи, обладают вполне определенной «символической структурой». В сознательной психической сфере всегда присутствуют мысленные содержания, уже ранее формулировавшиеся или выражавшиеся в речи. Предшествующий опыт, ранее приобретенное знание, определенные способы структуры мысли и речи хранятся у нас в памяти и всегда оказываются «под рукой», коль скоро начинается соответствующая деятельность интеллекта. По-видимому, эти отложившиеся в памяти способы построения речи и есть язык. Однако для понимания свойств этого последнего ни в коем случае нельзя ограничиться явлениями индивидуальной психологии.

§ 6. Синтез лингвистического и психологического аспектов в «психолингвистике»

О необходимости создания теории знакового выражения, как необходимой предпосылки для проникновения в природу значения, говорили и говорят представители разных наук — языковеды, психологи и философы. Одним из наиболее значительных явлений в этой области следует считать ту трактовку, которую проблема значения получила в «психолингвистике». Большим достоинством

этой новой науки является стремление преодолеть односторонность и ограниченность узколингвистического подхода, в частности вывести исследование из того тупика, в который его завел современный лингвистический структурализм. Многообещающим является также применение современных математических методов и планомерное сотрудничество не только с психологами, но и со специалистами по общей теории связи (теории информации)²³.

Как известно, все исследования в области радиотелефонии касаются только отношений между передатчиком и приемником, причем кодирование понимается только как построение сигнала по некоторому определенному принципу, имеющему простое математическое выражение. Но чтобы понять характер тех процессов, которые имеют место при «передаче» и «приеме» сообщений человеком, необходимо изучить отношения между фактами сообщения и фактами их смыслового восприятия. Это и является основным предметом психолингвистики, изучающей процессы «кодирования» и «декодирования» с точки зрения содержания сообщений. Таким образом, психолингвистика является важнейшим дополнением к общей теории связи.

Со смежными науками она соотносится следующим образом. Структуралистическое языкознание («микролингвистика») изучает структуру сообщения как объективный факт, независимо от внутренних состояний говорящих или слушающих: раз сообщение «закодировано» и «пошло», его можно исследовать как самостоятельное, объективное, естественнонаучное явление. В еще более узкоструктуралистическом смысле «лингвистика» — это вообще лишь определение «кода» данной сигнальной системы, т. е. тех различий и противопоставлений, которые используются в ней для дифференциации сообщений. Термин «экзолингвистика» (иногда «металингвистика») употребляется без необходимой научной точности в современном структуралистическом языкознании для обозначения тех аспектов изучения языка, которые занимают отношениями между свойствами сообщений и свойствами производящих и воспринимающих их индивидов, включая их поведение и культуру. Новая наука психолингвистика выделяет из этой широкой (и недостаточно определенной) области исследование тех процессов, при помощи которых: 1) интенции («намерения») говорящих преобразуются в сигналы данного «кода», 2) сигналы данного кода подвергаются обратному преобразованию в интерпретации слушающих при смысловом восприятии.

Для того чтобы справиться с этой сложнейшей задачей, психолингвистика должна была прежде всего подвергнуть детальному и всестороннему рассмотрению вопрос о значении, в частности посмотреть, какие стороны и элементы выделяются в нем и что именно относится к значению разными учеными — лингвистами и психологами.

Основное препятствие на пути к разработке научной теории значения, или семантической теории, психолингвисты усматривают

в том, что до сих пор нет вполне ясного представления о соотношении обычно выделяемых трех разновидностей значения: «ситуативного», «языкового» и «по поведению»²⁴. Дело осложняется тем, что разные исследователи уделяют не одинаковое внимание этим разновидностям значения, по-разному оценивают удельный вес каждой из них в области семантики в широком смысле. Так, современная тенденция в американском языкознании состоит в том, чтобы заниматься только «языковым» значением. С другой стороны, лексикография занимается в основном «ситуативным» значением, а психологи интересуются главным образом значением «по поведению». Этнографические исследования направляются как на «ситуативные» значения, так и на значения «по поведению».

Для преодоления этих препятствий психолингвистика считает необходимым заменить указанное тройственное деление противопоставлением четырех разновидностей или аспектов значения попарно следующим образом: «языкового» — «внеязыковому», а «ситуативного» — «поведенческому». Такой подход диктуется тем, что в «ситуацию общения» входят как языковые, так и «внеязыковые» стимулы; человек реагирует в данном случае именно таким, а не другим высказыванием, с одной стороны, потому, что им твердо усвоены именно такие, а не другие языковые привычки, а с другой — потому, что именно на такое, а не другое высказывание его наталкивает данная ситуация. Следовательно, «общая реакция» включает как языковые, так и внеязыковые элементы. Кроме того, для психологии языка важно отличать в отношении данной языковой формы предшествующее состояние, т. е. то, что заранее задано данными языковыми привычками, от характера развития или использования их в речевом акте. Неразличение этих двух моментов основано на теории «пустого организма», выдвинутой «поведенческой психологией» (бихейвиоризмом). Теория «пустого организма», не учитывающая роли прежнего опыта и твердо усвоенных привычек, явно несостоятельна при объяснении «языкового поведения». Хотя те особенности «языкового поведения», которые определяются предшествующим речевым опытом, ранее приобретенными знаниями, определенными способами построения речи и мысли, обусловленными принадлежностью к данной языковой общности и т. п., и не поддаются непосредственному наблюдению, они все же не стоят за пределами достижимого для современного психологического исследования с его детально разработанной техникой.

Разногласия в определении и различия в использовании термина «значение» связаны также с различиями в отводимом ему месте, с различиями в его локализации. Если «значение» — это некая «идеальная сущность», известное состояние сознания, то такое его понимание требует «помещения» его «в мозг» и делает его недоступным непосредственному эмпирическому наблюдению. А для некоторых представителей поведенческой психологии предметом исследования может быть лишь непосредственно данное в опыте, почему они и соглашаются говорить только о непосредственно наблюдаемых

Ситуациях и реакциях на них. Однако другие считают не только возможным, но и необходимым учитывать внутренние состояния организма, т. е. те его состояния, которые выявляются в процессе медиации. Поэтому к приведенным выше четырем попарно противопоставляемым разновидностям значения («языковому» — «внеязыковому» и «поведенческому» — «ситуативному») следует добавить еще противопоставление «внутреннего» «внешнему» в качестве еще одного «измерения» в области «значения». Бихейвиористы, как среди психологов, так и среди лингвистов, не допускающие интерполяции медиационных фаз в свои определения поведения, оказывают вынужденными допускать только «экстерналии» в своих определениях значения. Напротив, те, которые склонны принимать во внимание медиационные фазы, столь же настойчиво относят термин «значение» только к «медиационным реакциям», несмотря на то, что эти последние не поддаются непосредственному наблюдению и могут быть обнаружены только применением сложной экспериментально-психологической техники или на основании клинических данных.

Однако и указанных трех пар противопоставлений оказывается недостаточно для всестороннего рассмотрения вопроса. Существующие определения значения различаются еще по тому, относится ли данный термин к «единичному, целостному, нерасчлененному (глобальному), непосредственно данному контексту», или же к определенному классу многих или всех таких нерасчлененных контекстов, или только к общим особенностям всех таких контекстов данного языкового знака ²⁵.

Это последнее противопоставление (измерение) пересекает все три описанные выше. На основании сделанных разграничений становится возможным говорить либо об одной (единичной) неязыковой или языковой, внешней или внутренней, ситуативной или поведенческой реакции, связанной с данным языком, или же о всех таких ситуациях или реакциях, или об их общих дифференциальных признаках. Этой возможностью могут воспользоваться как разные исследователи, так и один и тот же исследователь на разных этапах своей работы. Например, языковед, изучающий еще никем не описанный язык, обычно переходит от единичного языкового контекста данного языкового факта к целому ряду или «собранию» его языковых контекстов и уже затем к отвлечению общих дифференциальных признаков этих контекстов, как основе для семантического определения данного языкового факта в системе данного языка.

Изложенное можно суммировать следующим образом. Обычное тройственное деление учитывает только три момента: 1) обозначаемый предмет, 2) языковую единицу (обычно как члена языковой системы) и 3) «значение», под которым бихейвиористы понимают только «экстерналии», т. е. поведение, а те, кто настаивает на необходимости принимать во внимание медиационные фазы, — «медиационные реакции» (несмотря на недоступность этих последних не-

посредственному наблюдению). Деление же, предлагаемое психолингвистикой²⁶, не только «выравнивает» обычную систему противопоставлений (предпочитая четное начало нечетному), но и обеспечивает учет всех возможных факторов и аспектов при изучении и сравнении различных семантических теорий и анализа различных определений значения, встречающихся в литературе²⁷.

§ 7. Вопрос о языковом значении в традиционном языкознании

Изложение психолингвистической трактовки вопроса о значении было сделано таким подробным потому, что эта мало известная у нас трактовка пытается обеспечить всестороннее рассмотрение вопроса о значении, учесть не только точку зрения собственно языкознания, но и смежных наук, в первую очередь психологии. Этим психолингвистика выгодно отличается от традиционного языкознания. Хотя и до психолингвистики ставился вопрос о «внутренней» стороне или «содержании» слова как логическом понятии, языковым выражением которого является слово, и психологическом представлении, выражаемом словом, — наиболее распространенной среди лингвистов тенденцией было стремление уклониться от обсуждения логического и психологического аспектов и говорить о «языковом значении», «смысле» и т. п., как о чем-то само собой разумеющемся и не нуждающемся поэтому в специальном рассмотрении²⁸. Именно такой характер носят широко известные определения слова Норреена²⁹, Мейе³⁰ (принятое Вандриесом), де Гроота³¹ и др. Все эти определения так или иначе указывают на связь данного (или «определенного», или «самостоятельного») значения с данным звучанием (или формой), которое (или которая) связано с особенностями данного языка, в частности грамматическими его свойствами. Следует заметить, что и дальнейшее уточнение лингвистических определений направлялось не на основное и главное, не на выяснение природы «значения» или «содержания» слова. Внимание обычно сосредоточивалось на том, чтобы сделать более современной трактовку внешних особенностей или свойств слова, например учесть, говоря о «данном звучании», достижения современной фонологии.

Особенно важно для настоящей работы то, что при этом иногда констатируется факт возможности фонетического варьирования слова (часто в очень широких пределах) без нарушения его тождества³².

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I ЧАСТИ ПЕРВОЙ

¹ В популярной форме путь, проделанный словом «семантика» с того момента, как оно было впервые употреблено Бреалем в статье по греческому языку в 1883 году, включая применение его в современной символической логике, «семантической философии» и «общей семантике» Кожибского, Чейза и др., охарактеризован у Ульмана (*S. Ullman, Words and their Use, New York, 1951, стр. 9*).

Обзор современных семантических теорий см. в докторской диссертации В. А. Звегинцева «О принципах семасиологических исследований», М., 1954. (Автореферат, стр. 2—3.) Вследствие необыкновенного разнобоя в понимании «семантики» у нас теперь предпочитают термин «семасиология».

² Например такие, как «семасиология», «сигнифика» (significs), «наука о символическом обозначении» (science of symbolism), «рематология» (от греческого гема — «сказанное»), «семиотика», «семиология», «ортология» и др. Подробную историю различных «соперников» слова «семантика» см. у A l l e n W. R e a d, An Account of the Word «Semantics» с подробной библиографией (Word, 1948, vol. 4, № 2). В ведущем направлении современного американского языкознания — дескриптивной лингвистике значение изгоняется из «собственно лингвистического исследования», или «микрولينгвистики», при помощи таких названий, как «макрولينгвистика», «металингвистика», «паралингвистика», «этнолингвистика» и др. Ср. мою брошюру «Основные направления лингвистического структурализма», М., 1956, стр. 14—15, а также ниже (стр. 73).

³ Древние (кроме Эпикура), как чистые «экспрессионисты», считали, что язык точно выражает мысль, откуда их интерес к этимологии и понимание синтаксических отношений как тождественных логическим.

Как известно, различать язык и мысль начали только с возникновением сравнительно-исторического языкознания, которому пришлось воочию столкнуться с непреложным фактом различия человеческих языков.

⁴ A. H. Q a r d i n e r, The Theory of Speech and Language, Oxford, изд. 2, 1951.

⁵ E. B u y s s e n s, Speaking and Thinking from the Linguistic Standpoint, Acta Psychologica, vol. X, 1—2, 1954.

⁶ L. B l o o m f i e l d, Language, New York, 1933, гл. 9. «...совершенно ясно, — пишет Блумфильд, — что необходимо различать недифференциальные признаки ситуации, такие, как размер, форма, цвет и т. п. данного конкретного яблока (имеется в виду известный пример «ситуации с яблоком». — О. А.), и дифференциальное, или лингвистическое, значение (семантические признаки), которые являются общими для всех ситуаций, вызывающих произнесение данной лингвистической формы, т. е. признаков, общих всем тем предметам, в отношении которых говорящие на английском языке люди употребляют слово apple — «яблоко». Поскольку наше исследование обычно касается только дифференциальных признаков формы и значения, в дальнейшем изложении я буду опускать определения «лингвистическое», или «дифференциальное», и говорить о формах и значениях, игнорируя существование недифференциальных признаков» (9, 2).

⁷ «Курс общей лингвистики», русский перевод, М., 1933, стр. 112—113.

⁸ Напомним, что де Соссюр отказался от «функционалистической» позиции, исходящей из первичности предложения, считающей, что слова существуют только в той мере, в какой они извлекаются из предложений (цит. произв., стр. 100). Следовательно, для де Соссюра, так же как и для древних, «вначале было слово» (правда, уже в виде «знака»).

⁹ См. мою брошюру «Основные направления лингвистического структурализма», стр. 15—24. Как можно видеть из приведенных там материалов, преобладание действительностью, объективной внеязыковой реальностью привело Ельмслева к «философской семантике» Карнапа и других представителей логического позитивизма, для которых значение не имеет никакого отношения к «истине фактов, основанной на данном их стечении» и определяется только «правилами семантики». Эти правила в свою очередь основываются на «семиотике», или «теории знаков и языков». При таком понимании задачей семантики является только анализ «семантических правил», которым эта наука и должна ограничиваться. Подробно об этом см. R. S a p p a r, Introduction to Semantics, New York, 1951.

¹⁰ E g e, N i e l s, Le signe linguistique est arbitraire, TCLC, vol. V, Recherches Structurales, Copenhague, 1949.

¹¹ Примером того, как представители копенгагенского структурализма, или «глоссематики», реагируют на всякое упоминание об обозначаемой единицами языка внеязыковой реальности, может служить критика Эйе работы Бенве-

ниста (E. Benveniste, *Nature du signe linguistique*, AL, 1, 1939, 23—29). За то, что Бенвенист, обсуждая вопрос о «произвольности знака», определил «произвольность» как применение именно данного, а не другого какого-либо знака для обозначения данного элемента действительности, Эйе обвинил его в неправомерном «сдвиге» разбираемых понятий в сторону реальности или действительности; из-за этого, полагает он, то, что у де Соссюра было лишь одним из элементов знака, т. е. «обозначающее», превращается в знак, а другой его элемент, «обозначаемое», превращается в отдельный от знака обозначаемый предмет. На самом же деле Бенвенист был далек от того, чтобы отождествлять значение с обозначаемым предметом внешней действительности, всячески подчеркивая «конsubstациональность», т. е. принадлежность к психическому и «обозначаемого», и «обозначающего».

¹² В своей широко известной монографии («Sprachtheorie», Jena, 1934) Бюлер (K. Bühler) подводит психологическую основу под теорию языкового знака, выделяя в содержании речи три стороны, или ингредента, а именно: «представление», указывающее на умственное состояние говорящего, «выражение», символизирующее или выражающее то, что подлежит сообщению, и «обращение», являющееся своего рода «сигналом» слушающему. Книга Бюлера имела большое влияние на языковедческие работы и не утратила своего значения и в настоящее время.

¹³ S. Ullmann, *Language and Meaning*, Word, vol. 2, Aug. 1946, № 2, стр. 115.

¹⁴ См. Ch. Bally, *L'arbitraire du signe* (Le français moderne, 1940, 193—206). В другой своей работе (*Sur la motivation du signe linguistique* (Bull. de la soc. de ling. de Paris, XLI, 1, 1940, стр. 75—80) Балли выступает против представления о «произвольности» знака как чистой его «конвенциональности». Языковое выражение может быть обусловлено как внешней формой (например, восклицания, онomatопея, звуковой символизм, экспрессивное ударение), так и внутренними отношениями (ассоциативные группы значений). «Жизнь знака» протекает между полюсами «полностью обусловленного» и «полностью произвольного» знака.

¹⁵ См. «Понятие отдельного слова» (Сборник статей: методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика), М., 1925.

¹⁶ A. Rosetti, *Sur la definition du Mot*, AL, vol. IV, f. 1, 1944.

¹⁷ W. Doroszewski, *Z zagadnien leksykografii polskiej*, Варшава, 1954.

¹⁸ I. L. Weisgerber, *Das Gesetz der Sprache*, Heidelberg, 1951, стр. 21.

¹⁹ Следует заметить, между прочим, что этому направлению вообще свойственно преуменьшать значение де Соссюра для современного языкознания и подчеркивать, что основные идеи соссюровского «Курса» были уже сформулированы Гумбольдтом.

²⁰ F. G. Slottu, *Wortart und Wortsinn* (TCLP, 1929, № 1, стр. 93 и след.), и F. G. Slottu, *Die Termini «Nennwert» und «Deutwert» in «Sprache» und «Rede»* (Indogerm. Forschung., Bd. LXI, 1954, стр. 53—60).

²¹ P. Garvin, *Referential Adjustment and Linguistic Structure* (AL, IV, f. 2, 1944 (1948), стр. 53—60).

²² G. Révész, *Denken und Sprechen*, Acta Psychologica, vol. X, 1954, № 1—2. Этот номер был полностью посвящен материалам дискуссии. Однако, как отметил в итоговой статье сам Ревеш, результаты дискуссии не вполне оправдали ожидания вследствие слишком большого разнообразия точек зрения и подходов к вопросу.

²³ См. особ. *Psycholinguistics. A Survey of Theory and Research Problems* под редакцией Ch. E. Osgood и Th. A. Sebeok; издана одновременно как приложение к JAL 20, Oct. 1954, № 4 (Memoir 10) и как приложение к *Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol. 49, Oct. 1954, № 4, ч. 2.

²⁴ Выделение этих трех аспектов наиболее четко у Морриса (C. W. Morris, *Foundations of the Theory of Signs*, International Encyclopedia of Unified Science 1—2, Chicago, 1938, и *Signs, Language and Behavior*, New York, 1946).

Отношение знаков к обозначаемым предметам Моррис назвал «обозначением», а изучение таких отношений — «семантикой». Отношение между знаками в системе знаков он назвал «импликацией», так как знаки в системе пред-

полагают или «подразумевают» наличие других знаков; изучение «импликаций» составляет «синтактику». Отношение знаков к вызываемому ими поведению Моррис назвал «выражением»: знаки «выражают» поведенческие реакции; изучение этого последнего отношения он назвал «прагматикой». Таким образом, получается три вида значений: «обозначающее» значение — семантика, «имплицитивное» значение — синтактика и «выражающее» значение — прагматика. Приведенные в тексте названия — «ситуационное», «лингвистическое» и «по поведению» — более понятны и более широко распространены.

Современное структуралистическое языкознание разработало точные классификационные схемы для изучения «альтернативности» и «эквивалентности» языковых единиц, но в своем американском варианте оно ограничивается «языковой формой» и не выходит за пределы «синтактики». Метод «альтернативности» и «эквивалентности» применяется теперь уже для анализа отношения «знака к обозначаемому», т. е. «семантики», по терминологии Морриса. Экспериментально-психологические исследования в области поведенческой теории проливают теперь новый свет на природу «знакового поведения».

²⁵ В большинстве имеющихся определений значения сколько-нибудь четкое разграничение этих двух моментов отсутствует. Однако в некоторых оно проводится достаточно ясно. Так, например, Л. Блумфильд (цит. произв., гл. 9) различает значение как «общий непосредственно данный контекст» и «дифференциальное значение» как «общие дифференциальные особенности контекстов». Каждое отдельное произнесение данной лингвистической формы вызывается «разнообразными единичными нерасчлененными ситуациями». Но для лингвистического аспекта проблемы существенными («релевантными») являются только «общие дифференциальные семантические признаки» всех таких ситуаций. Эти общие дифференциальные семантические признаки и представляют собой дифференциальное, или лингвистическое, значение.

²⁶ Автор данного раздела психолингвистики — Floyd G. Lounsbury.

²⁷ Для удобства применения при анализе различных семантических систем Лаунзбери предлагает ввести следующие обозначения:

1. S + R (стимул — реакция, или ситуативный — поведенческий).

2. Внешн. + Внутр. (внешний — внутренний).

3. Н + Л (нелингвистический контекст — лингвистический контекст).

4. Общ.*.} Общ.: Д (общий контекст — сумма общих контекстов — дифференциальные признаки, общие всем этим контекстам).

На этой основе описанная выше система Блумфильда (стр. 11) будет выглядеть так. «Значение» по Блумфильду: (S + R). (Внешн. + Внутр.). Н. Общ.; «дифференциальное значение» по Блумфильду: S. (Внешн. + Внутр.) Н. Д.

²⁸ Ср. J. L a z i c z i u s, La définition du mot, Cahiers F. de Saussure, 5, 1945.

²⁹ A. N o r e e n, Einführung in die Wissenschaftliche Betrachtung der Sprache, Halle, 1923, стр. 433.

³⁰ A. M e i l l e t, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921, стр. 30. Это известное определение Мейе: «Слово определяется связью данного смысла с данной совокупностью звуков, способных к данному грамматическому употреблению». Определение Мейе неоднократно подвергалось разнообразной критике. Особенно обстоятельной была критика Брэндаля. Брэндаль показал, что определение Мейе не разъясняет, что следует понимать под «данной совокупностью звуков» и под «данным смыслом». Ведь слово может подвергаться значительным фонетическим и семантическим видоизменениям (или, как мы бы сказали, «варьироваться») в очень широких пределах — и фонетически, и морфологически, и семантически — без утраты им его тождества, т. е. оставаясь одним и тем же словом. Не видно из определения Мейе и того, что следует понимать под «данным грамматическим употреблением»: синтаксические или морфологические свойства слова или и те и другие вместе. (Сам Брэндаль считает единственным постоянным элементом в слове его принадлежность к определенному классу слов — частей речи.) Нельзя не заметить, что если «данное грамматическое употребление» включает синтаксические свойства слова, то различия управления должны разравнять тождество слова и, например, *судить* (кого-нибудь) и *судить* (о ком-нибудь) нельзя считать разными

значениями одного слова, а только разными словами, независимо от того, совместимы ли эти два значения как таковые, т. е. в плане лексико-семантическом.

³¹ A. W. de Groot, *Structurele Syntaxis*, den Haag, 1949. Де Гроот критикует Вандриеса за отказ от общего определения слова, а также определение Мейе, на которое Вандриес ссылается, как на единственно возможное. Сам де Гроот предлагает общее определение слова, т. е. такое, которое должно быть пригодным для всех языков, имеющих слова. Это определение гласит: «Слово есть языковой знак с самостоятельным значением и с (существующей в данном языке) формой самостоятельности значения» (*een talteken met zelfstandige betekenis en met de (in de gegeven taal bestaande) vorm van zelfstandigheid van betekenis*, стр. 26). Хотя в каждом языке могут быть сомнительные или пограничные случаи, их число невелико и они не могут изменить данного основного или общего положения. Де Гроот считает, что не дело лингвиста решать, является ли значение слова понятием или чем-либо другим. Слово, по его мнению, «значит свое значение» (*betekent zijn betekenis*). На «предмет мысли» (*iets*, или *zaak*, или *thing-meant*, по Гардинеру) можно указывать: 1) посредством назывного слова, например: *кошка, дом, бежать, быстро*; 2) посредством указательного слова: *я, эти, то, нам и пр.*; 3) посредством междометий в соответствующих ситуациях.

В связи с изложенными положениями де Гроота небезынтересно напомнить то, что говорит о «понятиях» Бэйссенс (см. выше стр. 11).

³² Так, например, Бюлер (см. примеч. 12) говорит о словах, как о *phonematisch* (разрядка моя. — О. А.) *geprägten und feldfähigen Lautzeichen einer Sprache*. Таким образом, речь идет не просто о «комплексе или ансамбле звуков», а о такой «звуковой чеканке», которая носила бы фонематический характер, допускала бы возможность фонетического варьирования. Эту же мысль высказывает Лазичиус (см. примеч. 28), обращая внимание на то, что фоническое оформление слова может состоять из вариантов фонем, просодических элементов и т. п.

Сохранение тождества слова, несмотря на его реальное существование в виде различных фонетических комплексов, О. Хансен (*Age Hansen*, *On the Preservation of the Word Identity*, TCLC, 1, 1945, 40—50) объясняет следующим образом. Существом любой «системы знаков» должна быть ее неизменность. Однако языковая система все время реализуется, манифестируется в виде речи. Нелингвистические условия, действующие в акте речи, порождают силы изменения и разрушения, тогда как лингвистическая система стремится к сохранению. Следовательно, силы, стремящиеся разрушить тождество слова, идут извне, из речи, а речь — это физико-логическое явление, повинующееся действию физических и логических законов.

Тождество слова — основной устой языка; без этого не могло бы быть общения между поколениями. Однако границы допустимого варьирования очень широки. Например, датские *bleg* и *sp0g* могут звучать и как *[ble'g]* и *[sb0g]* и как *[blai']* и *[sb0i]* в зависимости от стиля речи. В данном случае «внешней» силой, стремящейся к разрушению тождества, является тенденция либо артикулировать *g* как *j*, либо же ослаблять артикуляцию до полного исчезновения согласного.

Г Л А В А 11

ВОПРОС О ЗНАЧЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ СОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

§ 1. Понятие, слово, значение слова

Ни в одной из многочисленных работ советских языковедов, как специально посвященных вопросу о слове и понятии, значении слова и т. п., так и трактующих эти вопросы как часть более широкой языковедческой проблематики, способность языка не только

выражать (передавать и т. п.) значения, но и участвовать в самом их существовании, возникновении и формировании не подвергается сомнению: языку принадлежит не только реальное звучание речи, но и значения воспроизводимых в речи языковых единиц ¹.

Спорным остается другой вопрос: как конкретно соотносятся язык и мышление, слово и понятие? Является ли значение слова не более как понятием, воплощенным, выраженным в данных звуках, или же чем-то другим, особым, отличным от понятия, не совпадающим с ним. Первый из этих двух ответов (т. е. значение слова как совпадающее с понятием) представляется правильным некоторым логикам и философам ². Языковеды же в абсолютном большинстве не удовлетворяются этим ответом, обращая внимание на сложное взаимодействие различных аспектов языкового значения, требующее гораздо более углубленного исследования, чем это делалось до сих пор. Языковедам принадлежит теперь целый ряд очень ценных работ, на интересном и разнообразном материале раскрывающих существо, природу языкового значения и показывающих несводимость его к понятию. Ниже именно эта сторона вопроса, т. е. выяснение собственно лингвистического аспекта вопроса о значении будет подвергнута специальному рассмотрению. Однако прежде следует несколько задержаться на более общей линии рассуждения, отправляющейся от понятий ³.

§ 2. От понятия к значению слова

Методологической основой советской науки является монистическое материалистическое понимание единства объективно существующей материальной действительности, весьма разнообразной в своих различных проявлениях, но имеющей одну основу — материю, «Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи».

В сознании отражаются не только единичные факты, но и то общее, что в них содержится. Высшая форма сознания — мышление есть отражение закономерностей общего. Таким образом, мышление — это отражение не отдельных, единичных фактов, а общих закономерностей, общего, содержащегося в частном.

Основными единицами мышления, в которых происходит обобщение частных случаев, являются понятия. Мышление и его единицы — понятия нуждаются в опоре. Чтобы они могли существовать и развиваться, необходимо, чтобы параллельно с восприятием действительности, отражением в сознании ее фактов и закономерностей осуществлялось восприятие внешней, звуковой стороны языка, как особого рода частных, конкретных и индивидуальных явлений.

Из сказанного следует, что если, как это и было сделано, отправляться от понятий, то значения языковых единиц вполне логично могут предстать как понятия, связанные с определенным звучанием, с определенной звуковой формой ⁴. Однако и при таком под-

ходе к вопросу, т. е. если взять за отправную точку понятия, необходимо считаться с тем фактом, что понятия выступают как неразрывно связанные с их конкретными внешними проявлениями в виде звуков. Они образуют единство с воплощением их в звуках, с вторичным отражением в сознании тех звучаний, в которых они воплощены⁵. Кроме того, нельзя не учитывать и взаимосвязи самих понятий, того, что каждое понятие существует не изолированно, а входит в систему понятий.

Таким образом, понятия приобретают трехстороннюю обусловленность.

1. Они основываются на познании действительности. При этом, являясь элементами мышления, они представляют общее, извлеченное из бесконечного многообразия объективной действительности.

2. Поскольку понятия не существуют и не могут существовать без опоры на конкретные, частные явления данной звуковой формы, они зависят в известной мере от существующих в ней особенностей и различий. Таким образом, создается обратная зависимость мышления от языка: мышление, возникая прежде всего через отражение действительности, видоизменяется в зависимости от той системы внешних (звуковых и пр.) различий, с которыми в данном языке связываются данные понятия.

3. Понятия модифицируются не только данной системой внешних различий, но также и тем, что они существуют не изолированно, а входят в систему понятий. Дальнейшее познание действительности, направленное на более адекватное ее отражение, меняет как отдельные понятия, так и их общую систему. Параллельно изменяется и внешняя (звуковая) сторона, то, с помощью чего понятия фиксируются в сознании. Более углубленное познание действительности, развитие и усовершенствование самих понятий оказывается связанным с преобразованием системы их внешнего различия.

Важным средством для усовершенствования понятия является осмысление его отношения к другим понятиям; в этом осмыслении отражается познание связи между отдельными явлениями самой действительности. Для этого большое значение имеет развитие терминологии, которая дает возможность не только осмыслить отношение понятий к действительности, но и отношения, существующие между понятиями как членами, составными частями определенной терминологии. Для установления терминологии имеет большое значение углубление, усовершенствование понятия при помощи определения. Давая определение, например, слова, мы уточняем связь этого понятия с другими элементами действительности: фонемой, морфемой, предложением и т. п., и таким образом углубляем и развиваем наше познание действительности. Осознание связи данного понятия с другими понятиями не только помогает проникнуть в существо реальных связей, явлений, существующих в действительности, но и приводит в дальнейшем к качественному изменению самого понятия. Так, например, в содержании слова *звезда* уже с самого его возникновения отражается то общее, что могло быть вос-

принято из реально имеющегося в бесчисленном количестве индивидуальных звезд. Когда этому понятию было дано научное определение (звезда — «самосветящееся раскаленное мировое тело»), слово *звезда* оказалось включенным в соответствующую терминологию, стало термином. В дальнейшем то, что было только что приведено как определение термина *звезда*, может стать общественно осознанным значением этого слова, т. е. тем его содержанием, с которым оно существует как единица данного языка ⁶.

То, что понятия реально существуют только в словах, раскрываются в значениях слов, позволяет нам не только указывать на отдельные единичные явления действительности, выделять, отмечать и различать их, но и вскрывать в них нечто общее с другими явлениями, т. е. связывать их со всем нашим обобщенным предыдущим опытом. Так, например, когда мы говорим *стол*, мы не только отличаем его от других предметов, но и связываем его со всем нашим предыдущим опытом, относящимся к этой категории предметов. Это и можно назвать осмыслением нашего восприятия каждого индивидуального предмета. Если я условлюсь называть этот предмет предметом *А*, а тот — предметом *Б*, то в них, в данной ситуации, вполне можно будет разобраться и знать, о котором из них в каждом случае идет речь. Но обозначая эти предметы условно выбранными знаками *А* и *Б*, я не буду иметь возможности связывать их со своим предыдущим опытом; они будут обозначены, но не осмыслены в общей совокупности моего опыта. Если же я говорю, что это — *стол*, а это — *стул*, то я осмысливаю их на основе своего предшествующего опыта, включаю их в систему моего знания. Я не только констатирую, что они не тождественны, но и указываю, в чем состоит разница, в чем их специфика по отношению к другим предметам. Поскольку значение является всегда отражением либо некоторого явления самого по себе, либо связи явлений действительности, постольку оно всегда выступает в известном отношении к действительности и потому всегда содержит в себе возможность известного «предметного отнесения». Поскольку понятие отражает общее в действительности, а не частное, закономерность, а не случайное, единичное проявление чего-то, данное «предметное отнесение» будет соответствовать значению, понятию только тогда, когда имеется в виду целый класс предметов, в котором воплощено отражаемое понятием общее. Если же имеется в виду конкретный, единичный индивидуальный предмет, то «предметное отнесение» слова, т. е. установление известного отношения между данным индивидуальным предметом и значением, воплощенным в слове, не совпадает с тем в объективной действительности, что в целом отражено в сознании в качестве значения этого слова. Это несовпадение можно кратко обозначить как несовпадение называния со значением. В самом деле, когда значение слова отнесено (находится в предметном отношении) к конкретному единичному предмету, то оно отражает этот предмет не в качестве единичного, индивидуального, бесконечного, многостороннего предмета, а только отдельные

стороны его, так как значение слова есть отражение общего в действительности.

Это последнее обстоятельство имеет первостепенную важность для лексикографии. При анализе значения слова и при разграничении полисемии и омонимии ни в коем случае нельзя ограничиваться тем, с какими единичными предметами действительности данный «фонетический (и орфографический) комплекс» может соотноситься, заключая о наличии у него таких-то «значений»; нельзя и о несовместимости таких-то предметных «отнесений» в смысловой структуре одного слова заключать просто на основании различия тех предметов действительности, с которыми данное слово может соотноситься. Данное «предметное отнесение» может в известных случаях как будто и не совпадать с тем, что в целом отражено в сознании в качестве значения данного слова, иногда даже как будто противоречить ему. Но обычно это несовпадение оказывается внешним, кажущимся, снимается при более глубоком проникновении в семантическую структуру слова (подробно об этом см. ниже, стр. 43 и след.).

§ 3. От языкового значения к понятию ⁷

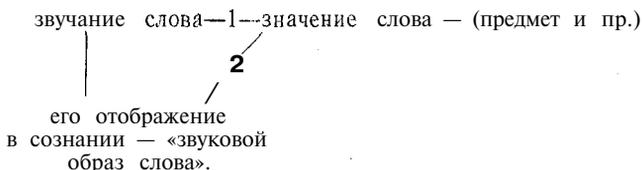
В § 2 настоящей главы была сделана попытка рассмотрения вопроса о природе языкового значения, отправляясь от понятий и закономерностей их образования, существования и развития. Иными словами, за исходный пункт рассуждения были приняты более общие философские и гносеологические категории. Теперь будет сделана попытка подойти к вопросу с собственно лингвистической стороны, т. е. поставить в центре внимания особенности и своеобразие тех языковых средств, тех систем звуковых и структурных различий, с которыми в разных языках связываются понятия: рассмотреть языковые явления с точки зрения их способности служить опорой для понятий, воплощать их в себе.

Этому основному вопросу семасиологии в современном советском языкознании уделяется большое внимание, причем очень убедительно и на большом и разнообразном материале доказывається, что между словами и понятиями нет взаимно однозначного соответствия, что «внешние» и «внутренние» языковые различия дают в каждом языке сложные и своеобразные переплетения, обуславливая различия их смысловых структур ⁸. Вместе с тем (и это особенно важно) подчеркивается то обстоятельство, что в образовании значения первостепенную важность имеет реальное звучание, без материальности которого языковые значения вообще не могли бы существовать. Поэтому при рассмотрении всех языковых единиц должны непременно одновременно учитываться как их внутренняя сторона, т. е. значения, так и внешняя, т. е. языковое выражение этих значений. Невнимание к той или другой из этих двух сторон каждой языковой единицы непременно приведет к ложному изображению того, что имеется в действительности ⁹. Поэтому нельзя ограни-

читаться традиционными «тремя углами»: предмет, слово, понятие. Необходимо выделить вопрос о лексическом значении, сделав его предметом особого рассмотрения¹⁰. Необходимо также гораздо точнее и конкретнее определить роль реального звучания языковых единиц для формирования и существования их значения, чем это делалось до сих пор. Для этого нужно определить соотношение реального звучания слова и того, что называют его психическим образом, или звукопредставлением¹¹.

Значение слова связано не только с реальным его звучанием, но и с отражением этого реального звучания в сознании, причем в обоих случаях значение остается одним и тем же. Поэтому создавалось впечатление, что психическое отображение звучания не только важнее самого реального звучания, но что только о нем (т. е. о психическом отображении, или звукопредставлении) и надо говорить, что им вполне можно ограничиться при обсуждении «внешней» стороны слова, поскольку реальное звучание при таком подходе выступает лишь как «реализация звукопредставления».

На самом же деле это не так. На самом деле первичным и основным является именно реальное звучание, природная материя языка, а представление этого звучания, т. е. его отображение в сознании, вторичным и производным. Каждое отдельное произнесение слова, действительно, обусловлено тем, что в сознании отображено звучание этого слова. Однако это отображение, это представление звучания слова не могло возникнуть иначе, как на основе действительного воздействия, через орган слуха, физического звучания на мозг человека и тем самым на его сознание как функцию мозга: без звучания вообще не могло бы развиваться общение, обмен мыслями, а вместе с тем и самое сознание, самое мышление¹². А. И. Смирницкий представил описанные отношения в виде следующей схемы:

Цифра 1 показывает, что основной, первичной является связь значения с реальным звучанием. Связь значения со «звуковым образом слова» (обозначенная цифрой 2) является вторичной. «Звуковой образ слова» — это лишь отображение в сознании реального физического звучания слова, «природной материи языка», на основе использования которой вообще возник и оформился человеческий язык.

Марксистское языкознание не может рассматривать вопрос о слове, как и вообще вопросы семасиологии, не касаясь гносеологических проблем. Поэтому для марксистского языкознания очень важно установить, что языковое значение — это, конечно, не сам

предмет действительности, не просто отображение действительности сознанием людей в виде понятий и представлений. Одной отрицательной констатации, однако, недостаточно. Чтобы понять природу языковой единицы, необходимо исследовать не только соотношение действительность → ее отображение в сознании → звучание, но и то важнейшее для языка вторичное, производное отношение, которое создается отображением звучания в нашем сознании и которое в качестве «звукового образа» играет важнейшую роль в создании того, что мы называем языковым значением¹³. Языковое значение вообще не могло бы оформиться и существовать, если бы звучания, связываемые с тем или иным отображением действительности, сами не выступали в качестве объективной реальности второго порядка, отображаемой сознанием в качестве «звукового образа» слова, т. е. отображения в сознании той природной материи, на основе которой только и мог возникнуть и развиваться язык и без которой он не может существовать. Без этого сложного и своеобразного, специфического для языка соотношения между: 1) объективной действительностью, 2) ее отображением в сознании, 3) звучанием и 4) его отображением в сознании (в связи с особенностями исторически сложившихся системных отношений, связывающих между собой отдельные единицы языка), воздействие действительности на сознание не могло бы иметь своим результатом того, что мы знаем как значение слова. Из сказанного ясно, как важно проникнуть в природу того сложного единства, которое составляют звуковая и смысловая стороны слова, не мыслимые вообще друг без друга.

Из сказанного следует, что каждый язык представляет собой как своеобразную, самобытную и неповторимую систему внешних различий, так и индивидуальную, самобытную и неповторимую систему значений. Поэтому отдельные значения, находящиеся в системе каждого данного языка, оказываются непосредственно не соизмеримыми со значениями, входящими в семантическую систему другого языка или языков. Так, например, то смысловое содержание, которое несет в себе русский глагол «ходить», не может быть передано каким-либо одним английским глаголом; приблизительно та же «семантическая сфера» покрывается в этом языке тремя глаголами: *walk*, *go*, *come*. Французский язык имеет два слова: *riviere* (река) и *fleuve* (река, впадающая в море) вместо одного английского слова *river* и русского *река* (всякая река, также впадающая в море). «Зато» по-английски и по-русски антонимами *deep* и *глубокий* будут *shallow* и *мелкий*, а французский язык не может противопоставить слову *profond* (глубокий) простого антонима.

По-русски, так же как и по-английски, по-французски и по-немецки, процесс игры, например, в шахматы и в жмурки обозначается одним и тем же словом: *играть*, *play*, *jouer*, *spielen*. По-шведски же играть в шахматы — *spela*, а в прятки и т. п. — *leka*. Как известно, число примеров подобного рода можно было бы беско-

нечно увеличивать. Однако в этом нет никакой необходимости, тем более, что ниже (примеч. 8) нами указаны работы советских языковедов, в которых содержатся ценные указания и интересный материал, иллюстрирующий различия смысловых структур даже близко родственных языков.

Для советского языкознания совершенно не вызывающей сомнения является необходимость изучения особенностей семантического строения отдельных языков; лингвистические значения следует изучать, исходя из данных, конкретных особенностей их языкового выражения, а не из «чистых понятий, свободно кочующих по всем языкам»¹⁴; невнимание к внешней стороне, к языковому выражению значений не может не привести к злоупотреблению семантикой, т. е. к идеализму. Однако у нас до сих пор почти не рассматривался вопрос о том, чем обусловлено различие семантических структур языков и (что самое главное) как это различие связано с мышлением. Поскольку невнимание к этим вопросам препятствует более глубокому проникновению в природу языкового значения, на них следует остановиться.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II ЧАСТИ ПЕРВОЙ

¹ В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, № 5, стр. 4: «Общеизвестно, что слово является не только названием предмета или предметов, но и выражением значения, а иногда и целой системы значений». Е. М. Галкина-Федорук, Основные вопросы языкознания в трудах В. И. Ленина, «Иностранные языки в школе», 1951, № 1, стр. 8; Знакомство в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Иностранные языки в школе», 1952, № 2: «Слово содержит в себе материальное и идеальное. Материальное в слове — звуковое оформление, идеальное — значение слова, понятие»; Современный русский язык. Лексика, МГУ, 1954, стр. 45: «В слове заключен известный смысл, известное значение»; Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. 2, Учпедгиз, 1953, стр. 19: «Слова являются важнейшим средством для нормального (говорящего) человека сформировать и закрепить звуковыми знаками добытое из действительности обобщенное знание предметов, явлений и т. д.»; А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 34; А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. 1, М., 1952, стр. 28: «Формируются мысли благодаря слову и в слове. Слово воплощает мысль, в словах расчленяется мысль, точнее — содержание мысли»; Р. А. Будагов, Очерки по языкознанию, АН СССР, М., 1953, стр. 99: «Слово — это... единство материального (звуки, «формы») и идеального (значение)».

Если к анализу семантических концепций советских языковедов приложить метод Лаунзбери (гл. I, прим. 27), то картина, следовательно, получится прямо противоположная тому, что дает анализ систем Блумфильда и Морриса: если там в основном Внешн. Н., то здесь практически общей формулой будет С. Внутр. Л. Д.

² Например: П. С. Попов, Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления, «Вестник МГУ», 1954, № 4; ср. в связи с этой работой: С. А. Фессалоники и др., Обзор литературы по вопросам связи языка и мышления, ВЯ, 1953, № 3, стр. 122—127 и О. С. Ахманова, Еще к вопросу о слове как основной единице языка, «Вестник МГУ», 1955, № 1.

В связи с этими примерами нельзя не обратить внимания на то, что в отличие от зарубежных логиков и философов наши логики и философы, трактуя вопросы слова и понятия, языка и мышления и т. п., нередко совершенно

игнорируют достижения языкознания, уже добытые и обработанные лингвистические факты.

Из новых языковедческих работ следует обратить внимание на статью: Л. С. Ковтуна, О значении слова, ВЯ, 1955, № 5, стр. 65—77. Л. С. Ковтун правильно заостряет внимание на проблеме различия и разграничения «понятия» и «значения слова». Там же даются полезные библиографические сведения.

³ Изложение общеметодологических основ проблемы дают работы Е. М. Галкиной - Федорук: «Основные вопросы языкознания в трудах В. И. Ленина», «Иностранные языки в школе», 1951, № 1, стр. 3—12; «Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания», «Иностранные языки в школе», 1952, № 2, стр. 3—11; «Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма», «Вестник МГУ», 1951, № 9, и др.

⁴ О том, что «звучание» и «звуковую форму» следует понимать расширительно, см. выше главу I, примечание 32.

⁵ В связи со сказанным нельзя не заметить, что по сравнению с понятиями как таковыми явления речи представляют собой более конкретные, частные и устойчивые моменты.

⁶ В этой связи необходимо сослаться на очень интересную статью Д. П. Горского «О роли языка в познании» («Вопросы философии», 1953, № 2).

⁷ Мысль о таком построении данного рассуждения, т. е. от понятия к языковому значению и от языкового значения к понятию, была внушена пятым разделом докторской диссертации В. А. Звегинцева «О принципах семасиологических исследований» (автореферат, МГУ, 1954, стр. 11). Как отмечает В. А. Звегинцев, «...Развитие понятия происходит не в пустом пространстве, а в определенной материальной среде, в процессе познания объективной действительности. Это связывает понятие одной стороной с миром предметов. Но другой стороной оно связывается с языком, в формах которого и с помощью которого только и может происходить познание природы и взаимосвязей предметов объективной действительности».

⁸ В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, № 5, особ. стр. 4—7; В. А. Звегинцев, О принципах семасиологических исследований, автореферат докторской диссертации, МГУ, 1954, особенно раздел 3, стр. 6—7; Е. М. Галкина-Федорук, Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Иностранные языки в школе», 1952, № 2, стр. 8; Современный русский язык. Лексика, МГУ, 1954; Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. 2, Учпедгиз, 1953, особ. стр. 20—21; А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 47 и след. А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. 1, Учпедгиз, 1953, стр. 28—29; Р. А. Будагов, Очерки по языкознанию, АН СССР, М., 1953, стр. 99.

⁹ См. А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, МГУ, 1954, стр. 23—27; Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», изд. АН СССР, М., 1955.

¹⁰ Ср. В. А. Звегинцев, цит. произв., стр. 12.

¹¹ См. А. И. Смирницкий, Значение слова, ВЯ, № 2, 1955, стр. 86. Между прочим, следует заметить, что у де Соссюра этот вопрос фактически не ставился: де Соссюр считал совершенно достаточным и исчерпывающим определение языкового «знака» в двух терминах:

Понятие

Акустический образ

(см. его «Курс общей лингвистики», русск. перевод, М., 1933, стр. 78).

¹² А. И. Смирницкий, цит. произв., та же страница. Приводимая ниже схема публикуется впервые. Ср., однако, его же, Объективность существования языка, МГУ, 1954, стр. 25.

¹³ А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, стр. 23—29 (особенно рисунок на стр. 26).

¹⁴ В. А. Звегинцев, О принципах семасиологических исследований, автореферат докторской диссертации, МГУ, 1954, стр. 6; ср. V. Hrabě, K problemu slova a pojmu (Slovo a Slovesnost, R. VI, č. 4, 1955).

ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ РАЗЛИЧИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КАК ЭТИ РАЗЛИЧИЯ СВЯЗАНЫ С МЫШЛЕНИЕМ

§ 1. Вильгельм фон Гумбольдт и «неогумбольдтианская этнолингвистика»

Как уже неоднократно подчеркивалось выше, настоящая работа не только не может стремиться к полному обзору различных точек зрения по затрагиваемым многочисленным вопросам, но, напротив, должна строго ограничиться рассмотрением основных современных теорий, тех учений, которые имеют хождение и являются или могут явиться основой практической работы в настоящее время. Поэтому обращение к теориям прошлого допустимо здесь только тогда, когда без этого не может быть достигнуто понимание существа актуальных современных направлений в науке.

Поскольку современная «неогумбольдтианская этнолингвистика» является попыткой активизации и развития идей В. фон Гумбольдта¹, необходимо начать с краткого упоминания об основных положениях его необычайного по охвату, глубине и самобытности, но сугубо идеалистического лингвофилософского построения.

Для Гумбольдта язык — это проявление национального сознания. Различие языков — это свидетельство национальных различий в мышлении и миропонимании. «Язык — орудие внутреннего бытия, само бытие»². Он — не законченное создание, не готовое произведение, а «самопроизвольная эманация духа данного народа», деятельность, организующая опыт в идеальном и раскрывающая эту его организацию как внешнее проявление творческих духовных сил данной нации. Отсюда единство творческого, духовного, организующего начала и языка: язык — дух народа и дух народа — его язык; язык полностью определяет как национальную форму мышления, так и восприятие данного человеку в опыте. Язык, как воплощение реализовавшегося в нем особого, национального способа мышления и восприятия, находит в каждом молодом представителе данной нации как бы «новый сосуд», в который он вливается, наполняя его и овладевая им. Поэтому люди могут мыслить только в категориях своего национального языка, формирующего их мышление и властвующего над ним³.

Эти идеи Гумбольдта являются основой современной неогумбольдтианской этнолингвистики. Во главе этой школы стоит Иоханн Лео Вейсгербер, поражающий как своей продуктивностью, так и энергией, с которой он развивает это направление⁴. При этом, если у Гумбольдта соответствующие идеи носили в основном характер интуиций и философских спекуляций, то у Вейсгербера основное внимание направляется на их конкретизацию, на то, чтобы сделать их реальной основой для изучения и обработки языковых фактов. Для этого Вейсгербер разработал широкий план

лингвистического исследования, конечной целью которого должно явиться раскрытие особенностей этнической и национальной культуры той части европейцев, которые говорят на немецком языке, по противопоставлению другим европейским языкам и культурам.

Исходя из общетеоретических предпосылок гумбольдтианской лингвистики, Вейсгербер приходит к выводу, что языкознание должно будет в будущем строиться на следующих двух категориях: 1) на языке как «среднем звене», в котором осуществляется синтез внутреннего мира человека и окружающей его внешней действительности, 2) на миропонимании, осуществляющемся на основе родного языка. Хотя язык и синтезирует «внутреннее» и «внешнее», ведущим, первичным является именно внутреннее: родной язык играет определяющую роль в том, как человек воспринимает действительность, что он видит в ней.

Отсюда три основных закона языка: 1) закон языковой общности, 2) закон родного языка и 3) закон обусловленного языком бытия. Язык не является готовой совокупностью форм и правил. Язык — это непрерывно осуществляющаяся деятельность, энергия, творчество, самоутверждающаяся и самоосуществляющаяся сила. Родной язык человека — это сила, созидаящая его дух, это путь преобразования мира и подчинения его духу. При этом в центре внимания стоит словарь языка, так как именно словарь, словарный состав языка дает наиболее ясное представление о «трех слоях» и их взаимоотношении, т. е. об отношении слово (Wortlaut) → посредствующий мир сознания → «реальное» бытие. Однако из рассмотрения не должны исключаться и особенности построения, т. е. синтаксис.

Из изложенной общей идеалистической концепции вытекает и идеалистическое понимание роли языка в формировании нации. Слово deutsch («немецкий») выражало понятие общего родного языка немцев и тем самым понятие данной языковой и этнической общности, прежде чем оно стало названием немецкого народа в более широком смысле, как единства географического, политического и культурно-исторического⁵.

Неогумбольдтианская этнолингвистика стремится возродить идеи Гумбольдта как основу для сравнительного изучения языков и противопоставить их методам младограмматиков. Эмпиризм и «атомизм» последнего направления выразился в том, что в центре внимания оказалось изучение звуковых соответствий, сопоставление отдельных слов разных языков в первую очередь со стороны их формы; при формальном соответствии младограмматики вполне удовлетворялись весьма общим и приблизительным семантическим соответствием, не делали его предметом систематического исследования. Задача, с точки зрения неогумбольдтианской этнолингвистики, состоит в том, чтобы сравнивать языки как целостные системы определенным образом организованных «языковых содержаний», как различные «картины мира», обнаруживающие различия «национального духа» разных народов. Только на этой

основе можно действительно понять и объяснить особенности разных языков и достигнуть их подлинно научного сравнения.

Как видно из сказанного, предлагаемое неогумбольдтианцами объяснение причин, обуславливающих различие семантического строения языков, является последовательно идеалистическим. Поэтому, строго говоря, его критика могла бы ограничиться общей критикой его объективно-идеалистических основ ⁶. Однако в настоящее время проводятся обстоятельные и обширные изыскания с позитивистских и прагматических позиций американской философии, которые резко противопоставляются только что охарактеризованным построениям объективно-идеалистического характера. Хотя советское языкознание и не может присоединиться к противопоставлению «философии здравого смысла» «отвлеченным и туманным построениям немецкой классической философии», материалы этих изысканий представляют большую ценность и интерес как по их конкретному содержанию, так и для выяснения более общих вопросов.

§ 2. «Язык, сознание и культура» в современном американском языкознании

Если для неогумбольдтианцев проблема различия человеческих языков — это проблема «языковой картины мира» как «инобытия» национального духа, то для современных американских ученых — это вопрос о том, могут ли эмпирическим путем быть обнаружены соотносительные связи между категориями языка и «неязыковым» или «культурным» поведением людей, т. е. можно ли установить соотношение между особенностями языка, особенностями жизни и мировоззрением данного человеческого коллектива.

Вопрос о «языке, сознании и культуре» затрагивался уже в работах Ф. Боуэза и Э. Сэпира, но наиболее определенно он был поставлен Б. Уорфом ⁷, склонявшимся к менталистической точке зрения. Хотя ни Уорф, ни его предшественники, в частности Сэпир, не считали, что миропонимание данного народа можно просто выводить из наличия или отсутствия в их языках тех или иных языковых категорий, все же в связи с исследованием языка хопи (одного из туземных языков Америки) ⁸ Уорфом был высказан ряд положений, сближающих его понимание вопроса о соотношении языка, сознания и культуры с изложенными выше построениями идеалистической лингвофилософии в Европе. В целом Уорф склонялся к мысли, что категории родного языка предрасполагают его носителей к тому, чтобы думать об окружающем мире, воспринимать мироздание именно так, а не иначе.

Развивающееся в настоящее время в США сотрудничество лингвистов, психологов и этнографов в целях совместного исследования сложных и до сих пор мало изученных вопросов взаимодействия и взаимозависимости языка, сознания (мышления) и культуры уже дало много ценных и интересных данных ⁹.

Не имея возможности подробно рассмотреть здесь эти данные, в целом можно констатировать, что обширные изыскания на материале разнообразных языков приводят современных американских исследователей к выводу, что «гипотезу Уорфа» не только нельзя принять в качестве общего решения вопроса о соотношении «языка, сознания и культуры», но ее нельзя использовать и как основу для дальнейшего исследования.

Главными недостатками этой теории, по мнению упомянутых исследователей, являются следующие: 1) основной тезис оказывается замкнутым в порочном кругу: утверждение, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир, доказывается только тем, что они говорят на разных языках¹⁰; 2) эта теория не учитывает коммуникативной функции языка, сводя вопрос к процессам восприятия и образования понятий¹¹. Чрезвычайно существенно также то, что до сих пор отсутствует удовлетворительный метод исследования: чтобы раскрыть «особенности миропонимания», таящиеся в разных языках, до сих пор употребляется почти исключительно то, что Сэпир совершенно правильно назвал «неуклюжими перефразировками»¹², — вольное переложение на родной язык языковеда, с его собственной специфической «схемой распределения понятий» тех особенностей выражения, которые свойственны исследуемому языку. В результате именно искомое, т. е. как раз то, что надо установить, — в какой степени и как тот или иной способ языкового выражения отражает специфические особенности национального миропонимания или даже «определяет» его, — выступает как исходный тезис, как основная аксиома, не требующая доказательств. Так, например, то содержание мысли, которое на русском языке звучит, как «земледелец убивает утенка», на языке куакьюлт требует для своего выражения привлечения ряда дополнительных категорий и дает нечто, что можно перефразировать на русском языке в виде «земледелец, не видимый мне, но стоящий неподалеку от меня (причем ты сидишь вон там) убивает принадлежащего ему утенка». При использовании упомянутого выше метода перефразировки факт несовпадения выражения «одной и той же мысли» на разных языках выступает якобы сам по себе как свидетельство различия «мышлений», наличия в мышлении одного народа категорий, чуждых мышлению другого. Думается, что, встретившись с подобными перефразировками, куакьютлы «не узнали бы своего собственного мышления». Не узнали бы своего «мышления» и русские, если бы их постарались уверить, что когда они говорят, например, «та белая женщина, которая приходит» или «те белые мужчины, которые приходят», они «мыслят» нечто, что на русском же языке можно перефразировать так: «тот — один — женский — деятель один — женский — белый — деятель женский — действующий — один — женщина — который — один — женский — деятель другой — один — теперь — приходит» и «тот — несколько — мужской — деятель несколько — мужской — белый — деятель мужской —

действующий — несколько — мужчина — который — несколько — мужской — деятель другой — несколько — теперь — приходиться» и т. п. ¹³.

Что же необходимо, по мнению современных американских исследователей, чтобы создать научную основу для систематических изысканий в этой труднейшей области?

Во-первых, освободиться от предвзятых метафизических идей, заимствованных в европейской идеалистической философии, и (особенно) преодолеть влияние идей Леви-Брюля, которые получили серьезную поддержку в донаучных материалах американских «металингвистов XIX века», приписавших американским индейцам неспособность сказать, например, «отец вообще», а только «мой отец», «твой отец» и т. п., назвать «дерево вообще», а только «дуб», «вяз», «клен» и т. п. Как показал А. Хилл ¹⁴, подобного рода утверждения нередко оказывается возможным проследить до их первоначального, совершенно ненадежного источника. Так, например, сведения об отсутствии якобы в языке могижан слова или слов, посредством которых можно было бы обозначить не какой-нибудь особый вид дерева, а дерево вообще, заимствованы Бонфанте у Есперсена. Есперсен же, оказывается, заимствовал их в свою очередь у одного из первых американских миссионеров, некоего Хеккевельдера, у которого первоначальные исследователи туземных американских языков почерпнули немало материалов. Поскольку материалы Хеккевельдера собирались без какого-либо понятия о методах языкового обследования, они не могли не привести к различным заблуждениям и недоразумениям. В частности, заблуждение о «конкретном» характере туземных языков порождено неучетом специфики ситуации опроса. Например, когда Хеккевельдер указывал на то или другое дерево и спрашивал, что это такое, опрашиваемый, естественно, отвечал: «клен», «дуб», «береза» и т. п., смотря по обстоятельствам. Хеккевельдер не знал, как поставить вопрос, чтобы узнать общее название для разных деревьев.

Хилл приводит в развитие своей критики еще следующий интересный пример. Из работы Уорфа о языке хопи известно, что этот язык называет одним и тем же словом бабочку, самолет и летчика. Если стать на точку зрения Есперсена-Бонфанте, человек, родным языком которого является хопи, должен был бы составить себе самое низкое мнение о «языковом мышлении» англичанина, язык которого вынуждает пользующихся им к употреблению совершенно разных слов для обозначения этих одинаковых по существу предметов, заставляет их мыслить «конкретно», лишает их способности к обобщению ¹⁵.

Во-вторых, нельзя смешивать: а) такие языковые различия, которые прямо связаны с условиями жизни, и б) такие, связь которых с внеязыковыми факторами непосредственному объяснению не поддается. К явлениям типа а) относятся многочисленные факты, отмечавшиеся в разнообразных работах, начиная с прошлого века.

Например, известно, что у эскимосов имеется много разных названий для разновидностей снега (правда, их, кажется, порядочно и у английских лыжников). У арабов тонко дифференцируются разные явления и процессы, связанные с ездой на верблюдах, и т. п. Однако, даже если бы подобные факты и не были известны, можно было бы априори сказать, что словарь языка должен соответствовать тому, что есть в жизни данного человеческого коллектива. Действительно, если данная группа людей живет главным образом рыбной ловлей, то и словарный состав их языка должен быть обширным и дифференцированным именно в этой области — иметь особые названия для разновидностей рыбы, лодок, сетей и т. п., так же как и для многих подробностей социальной организации, связанной с рыболовным промыслом. Также, например, народ, имеющий сложную и разветвленную систему браков и родства, должен иметь разветвленную систему терминов для этой области. Но, конечно, было бы абсурдно делать отсюда вывод, что у народа может развиться склонность к занятию рыбной ловлей потому, что в его языке много терминов, относящихся к рыбной ловле. Или такой пример: Х. Хойджер обратил внимание на то, что в языке навахо имеются особенности в выражении понятий, связанных с движением, и связал это с их кочевой жизнью. Но было бы абсурдным прийти на этом основании к выводу, что навахо стали кочевать потому, что их языку случилось иметь данную грамматическую особенность. Конечно, так элементарно вопрос и не ставится. Однако, если считать, что язык определяет «картину мира», т. е. то, как человек воспринимает мир (а данное восприятие мира не может не влиять и на его действия), в конечном счете подобные абсурдные суждения вполне могут явиться логическим выводом из соответствующих идеалистических предпосылок.

Но, конечно, наиболее сложную проблему представляют языковые явления, выделенные выше под б). Это, собственно, вся основная масса явлений — как словарных, так и грамматических. Для исследования этой категории явлений важную роль играет функциональная дифференциация языка в зависимости от сферы его употребления. Например, на научную тему можно с успехом говорить на любом языке, если только говорящие на нем причастны к научному миру и их язык располагает соответствующей научной терминологией. Напротив, некоторые виды художественных произведений и особенно религиозные и мистические обряды и т. п. нередко практически не переводимы в силу их специфической национальной окрашенности или отражения свойственных только данному народу особенностей культурно-исторического характера.

Как уже указывалось выше, американские языковеды разрабатывают теперь все эти вопросы в сотрудничестве с психологами и этнографами. Среди разнообразных точных методов исследования, предлагаемых для объективного (в позитивистском смысле) наблюдения фактов взаимосвязи и взаимозависимости языка, сознания и культуры (или «поведения»), наиболее простыми являются

опыты с различением цвета ¹⁶. Это объясняется тем, что различные распределения спектра в разных языках представляют собой самую простую и удобную область для «металингвистического» исследования: очень ясно и конкретно содержание — физический спектр; содержание это знакомо представителю разных слоев общества; эксперименты технически просты — на кубиках и пр. Можно дать любые цвета и их комбинации.

Как показали опыты, испытуемые быстрее и последовательнее распознают те оттенки цвета, для которых в их родном языке имеются особые обозначения. Так, например, если на языке зун нет слов, дифференцирующих желтый и оранжевый цвета, а на языке навахо (так же как у древних греков) нет слов, дифференцирующих синий и зеленый, они испытывают известные колебания, не смогут так же быстро и последовательно расклассифицировать соответствующим образом окрашенные кубики или таблички, как, например, русский или англичанин, в языках которых такие слова есть. Однако «тем, что от природы дано», в родном языке дело здесь не ограничивается. Известно, что если взять группу людей с общим родным языком, но разных профессий и социальной принадлежности и предложить им различить более тонкие оттенки цвета, то большая или меньшая скорость и точность определения оттенков цвета будет зависеть не от того, как их язык «делит спектр», а особенностями профессионального и вообще социального характера. Так, безусловно, по точности, быстроте и последовательности различения-называния оттенков цвета на первое место выйдут художники, текстильщики и т. п., которые по роду своих занятий привыкли повседневно дифференцировать и называть такие оттенки и разновидности цвета, о которых в «общем языке» обычно не говорят ¹⁷. Следовательно, речь должна идти уже не о том, что можно или нельзя сказать на том или другом языке, а что на том или другом языке легче, проще, удобнее сказать, что реально (и регулярно) именно так, а не иначе говорится теми, для кого данный язык является родным. Вполне понятно, что в общем мысль, опирающаяся на базу готового цельного слова, привычно оформляемая семантикой этого слова, возникает при прочих равных условиях непосредственнее и легче, чем мысль, не имеющая такой опоры, такого привычного, устойчивого оформления в родном языке говорящего.

В связи с рассматриваемыми вопросами следует напомнить также и о том, что языки не используют полностью всех потенциально имеющихся у них средств. Например, вполне четкие в структурном отношении формы словообразования могут реально использоваться лишь весьма ограниченно; несмотря на то, что в данном языке имеются вполне определенные правила образования сложных предложений, реально, в речи, они могут почти не использоваться; сложным предложениям могут предпочитаться ряды простых предложений и т. п. Таким образом, вопрос переходит уже в конкретно функциональный план; если потенциально в языке имеется

выбор из нескольких возможных вариантов, то какой вариант естественно предпочитают в нормальном речевом общении «хозяева» данного языка? ¹⁸

Из сделанного (по необходимости краткого) обзора следует, что хотя современное американское языкознание и преодолевает влияние объективно-идеалистических построений, оно не может в настоящее время противопоставить критикуемой им концепции какую-либо стройную и последовательную теорию. Это и не удивительно, поскольку философской основой их собственных изысканий является позитивизм и прагматизм. Поэтому основная ценность охарактеризованных выше изысканий в их критическом духе, в стремлении к объективной научной проверке и, следовательно, расчленению и анализу разных аспектов проблемы, в борьбе с догматизмом.

Однако для того чтобы борьба с догматизмом классической идеалистической философии была по-настоящему эффективной, необходимо противопоставить ей такое философское учение, которое могло бы с ней конкурировать. Думается, что позитивизм и прагматизм недостаточно сильны для этого.

§ 3. Как следует подойти к вопросу с позиций марксистского языкознания

Марксистское языкознание исходит из единства, неразрывной связи языка и мышления, единства, носящего диалектический характер. Наши мысли, а следовательно, и значения слов прежде всего определяются той действительностью, с которой мы имеем дело, но вместе с тем они определяются этой действительностью не совершенно независимо от данного языка, а как бы под известным его «руководством», т. е. под влиянием отраженного, зафиксированного и передаваемого в нем опыта предыдущих поколений. Поэтому, хотя определяющей является действительность, мы не можем рассматривать мышление независимо от его оформления посредством языка, именно вследствие неразрывности связи языка и мышления. При этом следует обратить внимание на то, что из факта оформления мышления посредством языка нельзя делать вывода о соотношении мысли и языка как содержания и формы, равно как и того вывода, что вся смысловая сторона речи есть мысль — содержание, а только ее внешняя звуковая (или в письменной речи начертательная) сторона есть язык — форма. Надо иметь в виду, что язык как таковой двусторонен, он сам имеет не только внешнюю, звуковую (соответственно начертательную) сторону, но и внутреннюю смысловую сторону — семантику различных его единиц.

Та или иная конкретная мысль данного человека об определенном предмете, явлении, отношении возникает в результате сложного процесса отражения в его сознании соответствующих элементов действительности, с одной стороны, и, с другой стороны, знания

семантики определенных единиц языка, семантики, в которой так или иначе отразилась и закрепились познавательная работа предыдущих поколений, их опыт, их обмен мыслями посредством языка. Эта семантика соединена в одно целое со звучанием соответствующих единиц, через которое она и передается от человека к человеку, делается общественным достоянием и объективно фиксируется. Этим и общается возникающей мысли устойчивость, необходимая определенность, и поэтому-то мысль и может возникнуть только на основе слов и словосочетаний языка. И вместе с тем данная, общественно выработанная семантика известным образом оформляет мысль, т. е. содействует определенному ее строению и установлению определенных ее границ ¹⁹.

Поэтому, хотя значения слов определяются прежде всего той действительностью, с которой мы имеем дело, они формируются не независимо от данного языка, а под влиянием отраженного, зафиксированного и передаваемого в нем опыта предыдущих поколений. Это относится ко всем значениям — от самых простых и конкретных, до самых сложных и отвлеченных, почему философски, гносеологически нет принципиального различия между такими, например, значениями, как «дерево» и «корень квадратный из минус единицы»: обобщение, момент творческой фантазии налицо в обоих случаях ²⁰.

Напротив, с точки зрения конкретного языковедческого исследования, в частности лексикографии, конкретность или абстрактность значения является очень существенным, принципиальным моментом. Когда мы имеем дело с объективно четкими различиями конкретных предметов и явлений, сама действительность настолько ясно определяет соответствующее содержание, что собственно языковой аспект, «руководство» со стороны языка оказывается менее существенным. И наоборот: то или другое специфическое оформление мысли, обусловленное мышлением на базе данного языка, играет тем большую роль для выделения в действительности тех или других ее элементов и для самого возникновения той или иной мысли, чем менее четко разграниченными или чем более абстрактными являются сами мыслимые предметы, явления или отношения действительности. Хотя разные степени такого разграничения и абстрагирования бесконечно разнообразны и крайне многочисленны, представляется все же возможным и полезным выделить следующие основные случаи, показав их на примерах.

I. 75 и 80 по-английски будет *seventy-five* и *eighty*, а по-французски *soixante-quinze* и *quatre-vingt*. Хотя, следовательно, языковое оформление мысли об этих числах в английском и французском языках оказывается различным (английский язык «изображает» их соответственно как $(7 \times 10) + 5$ и 8×10 , а французский как $60 + 15$ и 20×4), вряд ли можно сомневаться, что мысль об этих числах как таковая будет для англичанина и для француза одна и та же. Тот элемент действительности, который отражен в этой мысли, настолько ясен и однозначен на данном уровне культурного

развития людей, настолько просто может быть показан, определен и обозначен и без помощи языка, что особенности языкового оформления отходят на второй план, не имеют существенного значения для самой мысли. И для англичанина и для француза 75 и 80 — совершенно одни и те же числа, ни на одну триллионную ни больше ни меньше.

В известном смысле, следовательно, эти случаи сходны с тем, что мы находим при сравнении, например, английского *whale* и немецкого *Walfisch*. Значение этих двух слов «кит» имеет разное строение: в отличие от английского, немецкое слово сложное, состоит из двух корневых морфем — *wal-* + *-fisch*: кит + рыба, т. е. «кит-рыба». Было бы, однако, абсурдным на основании этого факта считать, что немцы и теперь считают кита рыбой. Как и в случае с разобранными выше числами (75 и 80), языковое оформление мысли понимается здесь как более или менее условное. Тем не менее того факта, что семантика французских *soixante-quinze* и *quatre-vingt* имеет строение «шестьдесят + пятнадцать» и «четыре раза двадцать», а в немецком *Walfisch* содержится значение «рыба», ни в коем случае нельзя вообще сбросить со счетов. Мышление может пользоваться этими словами, опираясь на их общую семантику и отвлекаясь от ее в той или иной мере условного строения. Однако этим отвлечением ее особое языковое строение не уничтожается и не отрицается. В частности, оно может быть «оживлено», как бы «извлечено на поверхность» при использовании его в качестве экспрессивно-стилистического средства.

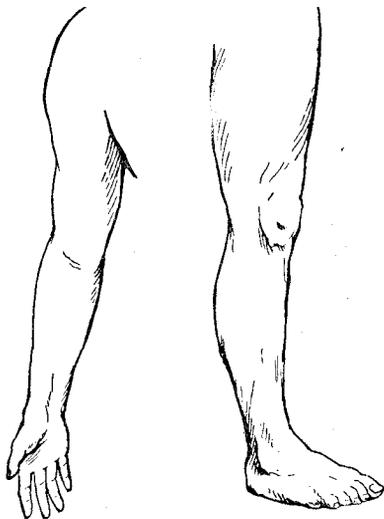

Рис. 1

II. Англичанину, французу и немцу так же хорошо, как и русскому, известны из практики изображенные здесь предметы действительности (см. рис. 1). Но чтобы возникли мысли об этих предметах, чтобы помыслить их, необходимо опереться на язык. И вот оказывается, что русский язык, с одной стороны, французский, немецкий и английский — с другой, дают в этих случаях мысли разную опору, по-разному «руководят» ею: русский язык своими словами *рука* и *нога* прежде всего направляет внимание на данные конечности как целое, без необходимости не отмечая, какая из двух частей этих конечностей имеется в виду (что, конечно, не исключает возможности их различения, если в этом возникает потребность); английский же, французский и немецкий языки, напротив, словами *hand/arm*, *main/bras*, *Hand/Arm*; *foot/leg*, *jambe/pied*,

Bein/Fuß каждый раз, даже когда в этом и нет, казалось бы, надобности, выделяют ту или другую часть руки и ноги (что, конечно, также не означает, что англичане, французы и немцы вообще не могут помыслить руку и ногу в целом).

Следует сразу же обратить внимание на то, что так же, как и в приведенном выше примере с цифрами 75 и 80, данное различие между языками может быть рассмотрено исторической семасиологией, причем конкретно-исторические обстоятельства его возникновения могут быть вполне точно выяснены. Иначе говоря, вряд ли можно вообще сомневаться, что данное оформление мыслей обусловлено не «типами мышления», а вполне определенными конкретно-историческими обстоятельствами. Необходимо далее подчеркнуть и то, что различные оформления мысли, как «объединяющие» — *рука, нога*, так и «разделяющие» — *hand/arm, main/bras, Hand/Arm; foot/leg, jambe/pied, Bein/Fuß* (как и в случае с числами), ничего не прибавляют к тому, что есть в действительности, ничего в нее не привносят и к ней не «примысливают», а лишь подчеркивают разные объективно существующие в ней моменты: реальную *объединенность* и вместе с тем *раздельность* частей. Ведь даже отдельный элемент действительности может быть очень сложным, и в нем могут быть выделены различные части и стороны, причем выделение их с помощью языка, хотя и будет так или иначе оформлять мысль, может не препятствовать осознанию и различных других частей, сторон и признаков и возникновению одинаковых мыслей, несмотря на различие их языковых баз, на различие их языкового оформления ²¹.

Однако, принимая все эти совершенно необходимые объяснения с точки зрения современной семантической структуры данных языков, нельзя не констатировать того факта, что одни и те же вполне определенные и конкретные элементы действительности различно отобразились в виде семантики относящихся к ним слов данных языков, почему мысли об этих элементах действительности по-разному оформляются на базе этих языков.

Выше подчеркивались моменты, объединяющие такие случаи, как 75 и 80, с одной стороны, *рука, нога* — с другой.

Теперь следует указать на существенное различие между ними, вследствие которого они не объединяются в настоящей работе, а приводятся как иллюстрации разных категорий случаев, обозначенных соответственно как I и II. Дело в том, что если различие в языковом оформлении мысли о числах 75 и 80 выступает как нечто более или менее условное, то в случае с *рука и нога* языковое оформление мысли имеет уже известное значение для ее реального возникновения и существования. Как уже неоднократно указывалось выше, если мысль опирается на готовое цельное слово, если она привычно оформляется семантикой готового целого слова, то она возникает при прочих равных условиях непосредственнее и легче, чем мысль, не имеющая такой опоры, такого привычного устойчивого оформления. Поэтому, пользуясь русскими словами *рука*

и *нога*, легче мыслить всю руку и всю ногу в целом, отвлекаясь от их членения, чем с помощью английских, французских и немецких *foot/leg, main/bras* и др., с помощью которых, наоборот, легче мыслить соответствующие их части, именно как таковые, в их отличии друг от друга.

Хотя, следовательно, между такими случаями, как 75 и 80, и такими, как *рука* и *нога*, и имеется достаточно существенное различие, вторые (II) близки к первым (I) в том смысле, что и здесь мы имеем дело с объективно четкими различиями конкретных предметов и явлений. И в таких случаях, как *рука* и *нога*, соответствующие элементы объективной действительности вполне понятны и определены и без обозначения их словами: их можно посмотреть, потрогать, нарисовать, отрезать и т. п. Поэтому и здесь — хотя особенности языкового оформления и не выступают в качестве только условных (как в первом случае), а уже в какой-то степени «руководят» мыслью, облегчая или затрудняя ту или другую ее дифференциацию — конкретность, объективная самостоятельность данных предметов достаточно говорит за себя. Правда, усваивая такие слова, как приведенные выше английские, французские и немецкие, русский не может первоначально не испытывать некоторого затруднения в их употреблении, потому что ему непривычно постоянно, даже без надобности, мыслить обе основные части руки или ноги в их различии, как отдельные. Однако сами предметы — рука, нога — таковы, что легко усмотреть различие их частей* и можно скоро приучиться к оформлению мысли о них, прежде всего как о двух различных частях, или, напротив, привыкнуть думать о них, как о целых.

III. Если в примерах, рассмотренных выше под I и II, в качестве отправной точки для рассуждения легко могли быть взяты предметы реальной действительности, которые можно было вполне наглядно изобразить неязыковыми средствами (цифры, рисунки), то здесь (III) мы сталкиваемся с такими «предметами», на которые вообще нельзя указать иначе, как при помощи слов того или другого языка. Так, например, существует факт знания чего-либо и на этот «предмет» указывают разные слова разных языков, причем указывают они на него по-разному, как в случае с «предметами», рассмотренными под I и II. Но там, т. е. в случаях I и II, различное языковое оформление мыслей о соответствующих «предметах» легко анализируется и проверяется обращением к самим предметам действительности, которые можно воспринимать и на которые можно указывать и помимо языка или языков. В случае же с такими «предметами», как, например, «знание» (хотя «знание вообще» и может объединять самые разнообразные и различные по существу виды знания), разобраться в этом многообразии очень трудно, и здесь для рядового человека, не философа, естественнее всего следовать тому, что «подсказывает» язык, в котором закреплен общественный опыт множества предыдущих поколений. В самом деле, «знать» можно самые разные вещи: правила уличного движения,

немецкий язык, определенное лицо, номер его телефона и его характер, что такое топор и что такое чувство собственного достоинства, не задумываясь о том, что все эти виды знания или некоторые из них являются существенно различными. Русский язык, так же как английский, ничего не говорит, не «подсказывает» в этом отношении, не наводит на классификацию или различие видов и разновидностей знания. Напротив, французский и немецкий языки требуют от пользующихся ими, чтобы они обязательно различали *знание* как «понятие о чем-либо, или научное знание» и *знание* как «практическое знание, умение»²² и обозначали эти два вида знания соответственно словами *connaître* и *savoir*, *kennen* и *wissen*.

Здесь, следовательно, можно заметить аналогию с тем, что мы имели в рассмотренном выше случае с *рукой* и *ногой*. Русским и англичанам их родные языки своими словами *знать* и *know*, применяемыми в самых разнообразных случаях, «подсказывают» наиболее обобщенное осмысление знания, отвлеченное от всяких отдельных различий, тогда как французский и немецкий языки «наводят» мысль говорящих на нем на дифференцирование двух видов знания — *savoir/wissen* и *connaître/ kennen*. Но наряду с указанной аналогией налицо и важное различие. В случаях, рассмотренных под II, хотя особенности языкового оформления и «руководят» в какой-то степени мыслью, облегчая или затрудняя ту или другую ее дифференциацию, конкретность, объективная самостоятельность обозначаемых предметов позволяет воспринимать эти предметы и без помощи языка, усматривать объективно присущие им свойства и без «языкового руководства». В случаях же, рассматриваемых здесь (под III), «руководство» со стороны языка (т. е. образование мысли под воздействием предшествующего общественного опыта, отложившегося в языке в виде семантики его слов) имеет большей частью решающее значение для возникновения именно такой, а не иной мысли. Различать два вида знания, помимо отдельных частных случаев, и распределять по ним эти частные случаи, пользуясь такими широко обобщающими словами, как русское *знать* и английское *know*, можно лишь привлекая дополнительные лингвистические средства. И, наоборот, усвоив вместе с языком привычку постоянно дифференцировать два вида знания посредством таких слов, как французские *connaître* и *savoir* или немецкие *kennen* и *wissen*, трудно отвлечься от соответствующих различий и мыслить «знание вообще». В случаях, рассматриваемых под III, оформление мысли оказывается почти не отделимым от создания самой мысли, от ее содержания. Оно уже не является более или менее условным «изображением» мыслимого, как в случаях вроде английских *seventy-five* и *eighty*, русских *семьдесят пять* и *восемьдесят* и французских *soixante-quinze* и *quatre-vingt*, где оформление серьезно не препятствует и иному осмыслению данного элемента действительности ввиду его конкретной данности и достаточно непосредственной ясности его строения. В случаях типа *знать* язык уже как бы «настойчиво навязывает» то или иное обобщение

и различие в сознании отдельных единичных фактов действительности. Важно, однако, подчеркнуть, что хотя в случаях этого последнего типа (III) «руководство» языка приобретает большое значение для возникновения именно такой, а не иной мысли, но и в таких случаях по существу определяющим моментом остается действительность. В самой действительности есть и более общее, и более частное, и целое, и его части, так что язык, предоставляя в распоряжение пользующегося им ту или другую семантику, ничего не прибавляет к данной действительности, никак ее не организует и не модифицирует, но лишь направляет внимание на то или другое в ней самой.

При этом еще раз следует подчеркнуть, что семантика языковых единиц, так или иначе участвующая в образовании определенной мысли на основе познания действительности, сама не есть какой-либо природный ингредиент языка, обладающий той или иной спецификой в силу особого «свойства ума», особой *mentalité* или своеобразного *Sprachgeist'a*, но представляет собой не что иное, как закрепленные, зарегистрированные в конкретном языке результаты познания действительности, достигнутые в предшествующей истории данного общества и так или иначе используемые, приспособляемые и развиваемые живущими поколениями.

Поэтому определенное, специфическое для каждого языка «распределение» слов по фактам действительности никак нельзя понимать как набрасывание на действительность некоторой словесной «сетки», самостоятельно сплетенной «языковым духом» и «по собственному образу и подобию» определяющей «картину мира», якобы создаваемую тем или другим языком. Такое понимание действительных фактов семантического различия между языками и различного оформления мысли на базе разных языков (вплоть до разной дифференциации самих мыслей), характерное для идеалистического языкознания, искажает существо дела. На самом же деле мы имеем не создаваемую языком «картину мира», а отражение в сознании самой действительности в результате ее познания в процессе непосредственного созерцания, абстрактного мышления и практической деятельности²³. Но так как мышление базируется на языке, то язык, как уже было сказано, принимает известное участие в образовании мыслей, так или иначе оформляя их, но при этом он привносит в них не что-то специфически свое, а лишь то, что отложилось в нем в результате отражения действительности в сознании. Следовательно, не действительность и (посторонняя ей) словесная «сетка», определяющая языковую «картину мира», а действительность и ее отражение в сознании под большим или меньшим воздействием тех результатов прежнего ее отражения, прежней познавательной работы, которые закреплены в языке.

IV. Как можно было видеть из сказанного выше, примеры, разобранные под III, отличаются от разобранных под I и II гораздо более важной ролью семантики соответствующих слов для возникновения именно такой, а не другой мысли. Однако и в слу-

чаях типа III отправной точкой являлся факт существования данного «предмета» в действительности. Без «руководства» языка трудно представить себе с достаточной ясностью, какие бывают и могут быть разновидности знания; на этот «предмет» — знание — нельзя указать, его нельзя представить иначе, как посредством слов того или другого языка. Но то, что знание существует в действительности и что в этом случае разные языки, по-разному обозначая это явление, лишь направляют внимание на те или другие стороны объективно существующей действительности, является совершенно несомненным.

Теперь же (IV) следует рассмотреть такие случаи, когда приходится признать отсутствие, несуществование в действительности того, что «обозначается» в языке. В действительности не существует «предметов», обозначаемых такими словами, как *русалка, домовой, фавн, марсианец, флогистон, арийская раса, корень квадратный из минус единицы, Geist* и т. п. Но для подобных «предметов» существуют названия в языках; следовательно, эти предметы оказывается возможным «мыслить», а в тех случаях, когда такие мысли носят характер теоретического отвлечения, пользоваться мыслью о них для построения философских систем и других видов теоретического рассуждения.

Уже из всего сказанного выше ясно, что роль языка для возникновения и существования самой мысли тем важнее, чем менее прямой и непосредственной является связь с соответствующим «предметом» объективной действительности, почему, например, в случаях типа III воздействие предшествующего общественного опыта, отложившегося в языке в виде семантики его слов, имеет более важное значение для возникновения именно такой, а не другой мысли, чем в I и II. Естественно, что значение семантики слов еще больше возрастает в случаях, отнесенных к IV.

В связи с рассмотрением примеров этой последней категории следует далее остановиться еще на следующих двух моментах.

1) Необходимо со всей решительностью обратить внимание на то, что хотя в случаях этого типа и нет возможности непосредственного соотнесения с обозначаемой действительностью, это отнюдь не значит, что мысли, выражаемые этими словами, вообще имеют другое происхождение, чем те мысли, которые выражаются словами, рассмотренными под I, II и III. Ведь значение слова может формироваться не только отображением в сознании цельных предметов и явлений действительности, но и на основе психических явлений, представляющих собой известные конструкции из отображений разнообразных элементов действительности, не существующих в данных комбинациях, т. е. в тех комбинациях, в которых они представлены в этих психических конструкциях»²⁴. Следовательно, источником, первопричиной и здесь является действительность (а не какие-либо «идеальные» сущности).

2) Необходимо достаточно четко разграничить: а) те из случаев подобного рода, в которых комбинирование элементов действи;

тельности дает психические конструкции, запечатлевающиеся на основе определенных звучаний в языке, как напоминание о пройденных уже человечеством ошибках и заблуждениях, например *русалка, домовой, флогистон* и т. п., и б) те, в которых комбинирование элементов действительности является способом более глубокого познания ее путем большего научного отвлечения (например, *корень квадратный из минус единицы*).

Хотя на первый взгляд принятое многими авторами объединение таких случаев по признаку отсутствия для всех них готовых прототипов в действительности и является вполне правомерным, ни в коем случае не следует, отмечая общее, упускать из виду это важное различие между ними.

Приведенная классификация разных случаев должна дать основание для более дифференцированного ответа на поставленный выше вопрос. Неправильно приписывать языку определяющую роль в характере и направлении мышления, неправильно умалять, недооценивать роль языка, утверждая, что любую мысль можно с одинаковым успехом выразить на любом языке. Если совершенно неверным будет думать, что различие в языковом оформлении мысли о числах 75 и 80, о «руках» и «ногах» и т. п. будто бы свидетельствует о различном восприятии мира французом и англичанином, русским и немцем, то так же неверно думать, что, например, Кант мог бы изложить свою философскую систему на эскимосском языке ничуть не хуже, чем на немецком. Как хорошо известно, немецкий язык времен Канта, в отличие от эскимосского, уже отработывался и шлифовался в латинских, французских и греческих философских школах. На немецком языке создавалась, таким образом, сложная и развитая философская терминология, сделавшая его удобным средством для отвлеченного рассуждения. Например, широкое распространение субстантивации прилагательных в немецком языке могло быть связано с тем, что она дает возможность просто и точно образовывать такие отвлеченные имена, как *das Übel, das Böse* и т. п.²⁵ Подобные примеры с несомненностью указывают на то, что в силу определенных исторических особенностей своего развития одни языки на некотором данном этапе, безусловно, оказываются более приспособленными для разработки и развития данной теоретической области, чем другие. Но объясняется это, конечно, не идеальными свойствами соответствующих «духов», а вполне определенными историческими причинами, которые могут быть выяснены и раскрыты²⁶.

Итак, в каждом языке вследствие конкретных особенностей его исторического развития складывается своеобразная система внешних различий, представляющая индивидуальную, неповторимую систему языковых значений. В результате отдельные значения, входящие в систему одного языка, часто оказываются не соизмеримыми со значениями другого языка.

Однако поскольку в конечном счете в каждом языке находит отражение одна и та же объективная действительность, постольку имеется возможность с помощью тех или иных сочетаний значений (реально — слов) дать на любом языке приблизительный эквивалент данному значению любого другого языка. Таким образом, «непереводимость» преодолевается, и создается возможность образования приблизительных эквивалентов с помощью комбинирования значений.

Следовательно, при теоретической «непереводимости», практически перевод существует вследствие того, что значения того и другого языка отражают одну и ту же объективную действительность. В целом они друг другу соответствуют. Можно установить следующий закон: чем более простое значение мы берем, тем больше мы можем говорить о непереводимости и отсутствии адекватности. Чем более сложным является значение, тем более близкий возможен перевод, так как в определенном пределе совокупность значений одного и другого языка отражает одну и ту же реальную действительность. Так, например, английский и французский языки в совокупности полностью друг друга покрывают, хотя отдельные их элементы не сходны друг с другом²⁷. Отсюда познавательная ценность изучения иностранного языка не только для ознакомления с конкретными произведениями на данном языке, но и для осознания, раскрытия новых, особых специфических закономерностей в самой действительности через изучение семантической системы другого языка. Можно сказать, что изучение другого языка является дополнительным изучением самой действительности, что таким образом увеличивается знание о самой действительности. Другой язык помогает устанавливать ее закономерности, лучше уяснять ее явления²⁸.

Все сказанное в этой главе можно обобщить, исходя из известного замечания В. И. Ленина к конспекту «Науки логики» Гегеля²⁹: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука = «логическая идея») и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы. Тут *действительно*, объективно *три* члена: 1) природа, 2) познание человека, = *мозг* человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc. Человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.».

Язык и его средства для марксистской лингвофилософии — это третий член, производное, вторичное по отношению к при-

роде, отражаемой человеком. В идеалистической лингвофилософии тройственное отношение: природа — познание — форма отражения, «стоит на голове»: главным, исходным, первичным оказывается третий член. То же, что является основой, первым членом — природа, — либо совсем сбрасывается со счетов, либо выступает в качестве производного, дополнительного по отношению к «идеальному», в виде проекции этого идеального, его «материализации», «инобытия» и т. п., организуемых, создаваемых «идеальным» по своему образу и подобию.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III ЧАСТИ ПЕРВОЙ

¹ W. von Humboldt, Über das Nationalcharakter der Sprachen 1822; Inwiefern lässt sich der ehemalige Kulturzustand der eingeborenen Völker Amerikas aus den Oberresten ihrer Sprachen beurteilen, 1823, и наиболее известная и полная О *die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, 1830—1835, русск. перев. П. Билярского, СПб, 1859 — под названием: «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода». Нельзя не заметить неточности перевода даже в названии: у Гумбольдта речь все время идет отнюдь не об «организме», а о «строении» языков. В частности, известно, что деление языков на корневые, агглютинирующие и флектирующие понималось им не как внешняя или формальная особенность, а как проявление «внутренне организованного языкового сознания». Неточным представляется и перевод слова *geistig* словом «умственный». Думается, что *geistige Entwicklung* — это «духовное» развитие, развитие «Духа», *Geist* классической немецкой философии.

² «Die Sprache... ist das Organ des inneren Seins, das Sein selbst» («Ober die Verschiedenheit...», стр. 20).

³ Известный романист-лексиколог W. von Wartburg, тяготеющий к неогумбольдтианству, формулирует эту мысль в виде парадокса: «Говорят об овладении языком; на самом же деле язык владеет человеком».

⁴ Weisgerber, Johann Leo, *Muttersprache und Geistesbildung* (Göttingen, 1929); *Deutsche Volk und deutsche Sprache* (1935); *Die Entdeckung der Muttersprache im europäischen Denken* (1948); *Der Sinn des Wortes «deutsch»* (1949); *Die Sprache unter den Kräften des menschlichen Daseins* (1949); *Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur* (1950); *Die geschichtliche Kraft der deutschen Sprache* (1950); *Vom Weltbild der deutschen Sprache* (1950); *Das Tor zur Muttersprache* (1951); *Das Gesetz der Sprache* (1951) и др.

⁵ Это идеалистическое понимание роли языка и нации Вейсгербер подкрепляет ссылками на Гримма («нация как совокупность людей, говорящих на одном и том же языке») и Гумбольдта («нация как духовная разновидность человечества, индивидуализированная по отношению к идеальной общности»).

⁶ Мы не останавливаемся здесь на том, какие вредные и реакционные выводы делаются из положений «неогумбольдтианской этнолингвистики» фашиствующими сторонниками реваншистского немецкого национализма.

⁷ См. B. L. Whorf, *Four Articles on Metalinguistics* (Washington, 1950) и *Collected Papers on Metalinguistics* (Washington, 1952).

Значение работ Уорфа для этой области знания оценивается настолько высоко, что проблема в целом именуется в США «теорией Уорфа» (the Whorf Theory).

⁸ Известен следующий парадокс Уорфа: поскольку в языке хопи у глагола отсутствует категория времени (при наличии категории вида) и поскольку это свидетельствует о том, что само восприятие времени вообще, как гносеологической категории, у хопи другое, чем, например, у европейцев, то если бы

хопи захотели создать физику как научную дисциплину, она получилась бы у них совершенно не такая, как у европейцев.

Однако не менее известен и парадокс Сэпира о том, что Кант мог бы написать свои работы на эскимосском языке с таким же успехом, как и на немецком.

⁹ См., например, C. L e v y - S t r a u s и др., Results of the Conference of Anthropologists and Linguists (Indiana Univ. Publ. in Anthropology and Linguistics, Mem. 8, 1953); Language in Culture: Proceedings of a Conference on the Interrelations of Language and other Aspects of Culture (ed. H. Hoijer, comp. studies in Cultures and Civilisations, № 3, Menasha, Wisc.; также The American Anthropological Association, vol. 56, 6, ч. 2, Memoir 79, Дек. 1954); Psycholinguistics: a Survey of Theory and Research Problems, ed. Ch. E. Osgood and Th. A. Sebeok (Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics, Mem. 10, стр. 192—203) и др.

¹⁰ Нельзя не обратить также внимания на отсутствие необходимой четкости в постановке вопроса. С одной стороны, как будто бы действительно защищаются тезис, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир и что вывод такой можно делать, исходя из различий языков. С другой стороны, на одностороннюю причинную зависимость между этими двумя факторами нигде определенно не указывается: то получается, что люди по-разному воспринимают мир потому, что у них разные языки, то, напротив, тот факт, что люди по-разному воспринимают мир, оказывается просто в известной корреляции с различиями в их языке.

¹¹ Ср. особ. F. F e a r i n g, An Examination of the Conception of B. Whorf in the light of the Theories of Perception and Cognition (Am. Anthropol. Assoc., vol. 56, №6, part 2, Mem. 79, Dec. 1954). Там же обстоятельный разбор и критика теории Уорфа с точки зрения психологии сознания (cognition).

¹² Э. Сэпир, Язык, русск. перев., М., 1934, стр. 72.

¹³ Т а м ж е, стр. 74—75. Аналогичных примеров, наглядно демонстрирующих несостоятельность «метода перефразировки» или, как некоторые его называют, «метода перевода», в новой литературе можно найти много. Нельзя не заметить также, что метод перефразировок обычно совершенно не учитывает метафорического характера многих выражений, идиоматику, и перефразирует все буквально, вследствие чего, например, «русском мышлении» можно приписать конкретную, пространственную «картину мира», исходя из буквальных переводов на какой-нибудь случайный язык (где аналогичным значениям случится иметь «абстрактное выражение»), таких, например, словосочетаний, как *ставить самовар*, *ходить вокруг да около*, *взять свое* и т. п.

В этой связи небезынтересно обратить внимание на то, что те, кто утверждает, что мышление управляется, определяется и т. п. языком, никогда не говорят о себе, никогда не приводят прямых доказательств на основе своего личного опыта. Они всегда говорят только о других.

¹⁴ См. его рецензию на работу Дж. Бонфанте (G. B o n f a n t e, Semantics (repr. from Encycl. of Psychol., Princeton, The Amer. Press, 1950), опубликованную в «Language», vol. 28, А₂ 2, апрель — июнь 1952).

¹⁵ В связи с этим можно привести еще следующий любопытный пример, заимствованный у Дж. Гринберга (J. H. G r e e n b e r g, Concerning Inferences from Linguistic to Nonlinguistic Data (The Amer. Anthropol., vol. 56, № 6, p. 2, Mem. 79, Dec. 1954). Как известно, Уорф придавал большое значение тому, что хопи не имеют количественных числительных, а только порядковые и, следовательно, не «мыслят» о числе как о совокупности, а только как о последовательности (см. B. W h o r f, Collected Papers on Metalinguistics, Washington, 1952, стр. 37). Если с этой точки зрения сравнить, например, франц. *Henri quatre*, *Louis treize*, *Juillet quatorze* и англ. *Henry the fourth*, *Louis the thirteenth*, *July the fourteenth* то, казалось бы, можно сделать аналогичные суждения об отличии английского мышления от французского.

¹⁶ Как известно, по этому вопросу больше всего литературы; как показали исследования самых разнообразных языков, спектр «распределяется» разными языками по-разному; ср., например: A n d r é, J., Etudes sur les termes de couleur dans la langue latine (из серии «Etudes et commentaires VII»,

Paris, 1949, посвящ. J. Marouzeau; ч. III — Etudes sémantiques); M a c h e k, V., Trois Noms Slaves de couleurs (Lingua Posnaniensis, III, 1952); H o i j e r, H. The Sapir-Whorf Hypothesis (The Amer. Anthropol., vol. 56, №.6, Mem. 79, Dec. 1954, стр. 96 (о языке навахо).

¹⁷ Существенно сразу же заметить, что поскольку свойственная тому или другому языку «сегментализация спектра» никак не связана с различиями рецепторного аппарата у говорящих на них, речь может идти не о способности или неспособности различать соответствующие цвета, а лишь о большей или меньшей скорости и легкости такого различения. Поэтому в связи с приведенными выше примерами речь может идти только о том, что зуни или навахо сразу же не назовет тех цветов, которые назовет, например, русский. Если же говорящего на этих языках попросить попытаться уточнить оттенки, он, безусловно, сумеет это сделать, используя соответствующие описательные выражения.

Как показали опыты, устойчивая дискриминация цветов облекается и при условии, если до проведения опыта будет искусственно создана ассоциация тех или других оттенков с произвольно выбранными обозначениями, в частности бессмысленными сочетаниями звуков.

¹⁸ Ср. S. N e w m a n, Semantic Problems in Grammatical Systems and Lexemes: a Search for Method (The Amer. Anthropol., vol. 56, 6, часть 2, Mem. 79, Dec. 1954); V. B r ö n d a l, Le français langue abstraite (Copenhague, 1936); L e r c h, E., Spanische Sprache und Wesenart (Spanienkunde, Hamburg, 1932); H. S t e n, Les particularités de la langue portugaise (Copenhague, 1944); W. J. E n t w i s t l e, Russian as an Art of Expression (Oxford Slavonic Studies, 1950); S. O e h m a n, Wortinhalt und Weltbild (Stockholm, 1951) и др. Полезный обзор по романским языкам. H. L. S c h e e l, Geistesgeschichtlich orientierte Wortforschung in der romanischen Philologie, 1945—1954 (Germ. — Rom. Monatsschrift, N. F., Bd. V, Heft 1, Jan. 1955).

¹⁹ Ср. А. И. С м и р н и ц к и й и О. С. А х м а н о в а, О лингвистических основах преподавания иностранных языков, «Иностранные языки в школе», 1954, № 3, стр. 42—47.

²⁰ Ср. В. И. Л е н и н, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 308.

²¹ Вполне правомерной в связи с этими вопросами является также постановка вопроса о том, какие части бесконечно разнообразной реальной действительности более естественно выделяются, получая отдельные названия или обозначения в языках. Так, например, равно ли вероятно появление отдельных слов для обозначения таких частей дерева; как ствол и листья, с одной стороны, и ствол и ветви — с другой? Можно ли считать выделение посредством разных слов кисти руки по противопоставлению остальной части более естественным, чем, например, руки от плеча до локтя и от локтя до кисти? Можно ли априори признать наличие разных слов для обозначения мужчин в отличие от мальчиков более естественным, чем, например, мужчин в возрасте 30—40 лет в отличие от мужчин в возрасте 40—50?

²² Ср. Л. В. Щ е р б а, Русско-французский словарь, ГИС, 1939, стр. 146.

На то, как важно для лексикографии различать, с одной стороны, слова, обозначающие конкретные реальности, а с другой — абстрактные понятия, указывает совершенно правильно Е. S e k a n i n o v a, Zixikografickej problematiku (Slov. Reč, R. XIX, i. 3—4, 1954). Основную трудность представляет подыскание эквивалентов для слов второй категории. Например, слово *пос* может соответствовать русским *мощь*, *власть*, *могущество*, *сила*; русскому *пустить*, напротив, — разные слова, например *potopit'*: пустить судно ко дну — *potopit' lod'*; *vykol'ajit'*: пустить поезд под откос — *vykol'ajit' vlak*; *pasadit'*: пустить в ход все средства — *nasadit' vsetky prostriedky*; пустить пыль в глаза — *zasliepit' niekoho* и пр. Как видно из последних примеров, вопрос переходит здесь уже в область фразеологии, о чем будет подробнее сказано ниже.

²³ «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» (В. И. Л е н и н, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 146—147).

²⁴ См. А. И. Смирницкий, Значение слова (ВЯ. 1955, № 2, стр. 84). Отсюда и определение значения слова: оно есть «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития. Без материальной звуковой оболочки (которая лишь в определенных случаях может заменяться ее отображением, звуковым образом) воздействие действительности на сознание не могло бы иметь своим результатом то, что мы знаем как значение слова» (там же, стр. 89).

²⁵ Ср. в связи с этим известный парадокс, что гегелевскую диалектику нельзя было написать по-английски потому, что в английском языке нет слова столь туманного по своему значению, как немецкое *aufheben*.

Оставляя в стороне парадоксы этого рода, которых можно было бы привести очень много, нельзя не обратить внимания на следующий факт. Как известно, для разъяснения природы того сложнейшего явления, которое наблюдается при общении людей посредством языка, де Соссюр считал необходимым ввести три понятия: *langage*, *parole* и *langue*. Не объясняется ли то обстоятельство, что в дальнейшем укрепились и развивались только два, а именно *Speech* и *Language*, язык и речь, *Die Rede* и *Die Sprache*, тем, что в других языках первоначальные три понятия оказалось трудно передать посредством простых слов-терминов?

²⁶ Ср. E p t w i s t l e «Aspects of Language», London, 1952, стр. 84—85, где показано, что «абстрактный характер» французского языка имеет вполне определенные исторические причины.

Ср. у К. Маркса и Ф. Энгельса в «Святом семействе»: «Если г. Эдгар на минуту сравнит французское равенство с немецким самосознанием, он найдет, что последний принцип выражает по-немецки, т. е. в формах абстрактного мышления, то, что первый выражает по-французски, т. е. на языке политики и мыслящего созерцания» (цитируется по В. И. Ленину: Философские тетради, ОГИЗ, 1947, стр. 15).

²⁷ Из этого факта Л. В. Щерба делал следующие лексикографические выводы: для переводного словаря следует прежде всего иметь в виду не слово и не отдельное его значение, а реальные соотношения его употребления в сравниваемых языках. Поэтому при работе над словом в двуязычном переводном словаре следует перебирать в уме всевозможные контексты данного значения и искать такого перевода, который годился бы во всех случаях (см.: Л. В. Щерба, Предисловие к русско-французскому словарю, ГИС, М., вып. 3; Е. С. Истрин, Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог, Сборник статей памяти Щербы, стр. 86—87).

Ср. интересные материалы, приводимые Л. А. Булаховским («Введение в языкознание», стр. 137—141). Как указывает Л. А. Булаховский, «разветвление значений и контекстуальное разнообразие, присущее определенному слову в одном языке, в очень большом количестве случаев не покрывается тем, что характеризует его в другом». В подтверждение этого положения приводятся многочисленные сравнения: русск. *синий* и *голубой* — франц. *bleu* и *bleu foncé*; *стакан*, *рюмка* — *verre* и нем. *Glas* (еще более обобщенно); русск. *ступня* — нем. *Fuß* (человека), *Stapfe* (у животного); русск. *палец* — нем. *Finger* и *Zehe*, англ. *finger* и *toe*.

«Не всегда исторически сложившийся язык обеспечивает в словах своего состава такую степень четкости различения значений, какая обязательна для другого, даже близкородственного» (там же, стр. 139); русск. *подозрительный* (и «возбуждающий подозрения» и «мнительный»); в чешском первое — *podzřelý*, второе — *podzřivavý*, *podzřivý* и др.

«Задача точно различить значения, принадлежащие словам одного языка сравнительно со словами другого, разрешается в больших двуязычных словарях, среди другого, включением богатой идиоматики и фразеологии — типиче-

ской цитации, в которой слова выступают в свойственных им смысловых различиях» (там же, стр. 140).

Полезные библиогр. сведения у Н. L. Scheel, *Geistesgeschichtlich orientierte Wortforschung in der Romanische Philologie 1945—1954*, Germ. — Rom. Monatsschrift, N, F, Bd. V, Heft 1, Jan. 1955.

²⁸ Ср. S. O e h m a n, *Theories of the Linguistic Field* (Word, vol. 9, Aug. 1953, № 2): если та часть «семантического поля», которая покрывается английским play, немецким spielen, по-шведски требует двух слов — spela и leka, то на основании этого нельзя прийти к выводу о наличии двух значений у play и spielen, поскольку сама мысль о возможности семантического членения данного «поля» вообще может прийти в голову говорящим на английском и немецком языках только после того, как они узнают о разделении, принятом в шведском языке.

²⁹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, ОГИЗ, 1947, стр. 156—157.

Г Л А В А IV

КАКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНОЙ НОСИТЕЛЬНИЦЕЙ ЯЗЫКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. Постановка вопроса

В предыдущем изложении внимание было сосредоточено на выяснении основных направлений в понимании природы языкового значения. Поэтому, чтобы поставить вопрос в наиболее общем виде, намеренно не делалось попыток определения той единицы или единиц языка, которые являются главными или основными носителями языкового значения: термины «слово», «знак» и др. давались так, как они употребляются в излагавшихся работах, без каких бы то ни было попыток их объяснения или сопоставления. Теперь же необходимо хотя бы вкратце остановиться на вопросе о том, в какой же лингвистической единице заключено основное языковое значение, в частности то, которое является предметом лексикографии.

Как известно, современный лингвистический структурализм признает вообще только три вида языковых единиц: фонему, морфему и конструкцию¹.

При, таком понимании, совершенно исключаящем научное рассмотрение вопроса о слове, ответ на поставленный выше вопрос как будто бы самый простой: основным носителем языкового значения является морфема. Однако такой ответ явно противоречит тому, что ежедневно наблюдается в практике применения языка: все преподавание и изучение языков, лексикография общая и терминологическая, разработка орфографических и орфоэпических норм и т. п. всегда строились и строятся на понятии слова, отправляются от слов. Далее, для всех языков имеются многочисленные и разнообразные попытки составления перечней входящих в них слов в виде разного рода словарей. Однако ни для одного из наиболее распространенных современных языков не проведено хотя бы примерной инвентаризации составляющих их морфем; может быть, не последней причиной этого является расплывчатость самого

этого понятия, применение его для обозначения разнообразных и качественно различных языковых единиц, а также в общем больше, чем в отношении слов, неясность и спорность принципов выделения.

В своем стремлении сделать языковедение вполне автономной дисциплиной современный лингвистический структурализм исключил из рассмотрения вопрос о связи языка и мышления и отказался от координации своих исследований с фактами психологии. В качестве одной из наиболее интересных попыток преодоления этих недостатков лингвистического структурализма можно привести трактовку лингвистической, психологической и «психолингвистической» единиц в «психолингвистике»². Целью сравнительного рассмотрения этих трех неразрывно связанных единиц является в «психолингвистике» отыскание ответа на вопрос, поставленный в настоящей главе.

§ 2. Вопрос о языковой единице с точки зрения «психолингвистики» и психологии

Пренебрежение к психологии, свойственное современному лингвистическому структурализму, с одной стороны, и пренебрежение к языку, свойственное бихейвиористической психологии вследствие ее подчеркнуто «функционалистической» позиции — с другой, вели к односторонности и (в большой степени) бесплодности в построениях обеих школ. Поэтому появление новой науки — «психолингвистики», стремящейся не только синтезировать точки зрения языковедения (в узком смысле) и психологии, но и применить к своим исследованиям новые методы, созданные общей теорией связи³, нельзя не приветствовать, так как благодаря этому исследование вопроса о значении языковых единиц получает новое направление⁴.

Хотя, как было уже сказано выше, в некоторых направлениях современного лингвистического структурализма и делались попытки исключить вопрос о значении из области собственно языковедения, они не увенчались успехом. Опыт показал, что вопросы семантики не могут быть исключены из языковедения. А чтобы исследовать явления языка прежде всего с точки зрения их содержания, их значения, необходимо детальное рассмотрение языковых единиц с точки зрения их семантической функции. Иными словами, действительно необходимо выяснить, соотносимы ли обычно выделяемые языковые единицы, в первую очередь фонемы и морфемы, с психологическими единицами и, далее, в каком отношении они находятся к таким естественно выделяемым в речи единицам, как слог, слово и предложение.

В поисках ответа на этот вопрос естественно прежде всего обратиться к психологии. Однако психология не может на него отве-

титель. Дело в том, что материал, с которым обычно имеют дело психологи, т. е. сенсорные и поведенческие факты, не анализировался еще с точки зрения разложения его на отдельные воспроизводимые части или единицы, т. е., как говорят в таких случаях, не подвергался переводу из непрерывного ряда в дискретный. Поскольку же такой перевод является непременным условием для выделения и определения единиц того или другого порядка, вопрос о сущности и природе психологических единиц остается до сих пор открытым.

Неразработанность вопроса о психологической природе языкового восприятия заставила психолингвистов обратиться к исследованиям «организации восприятия», проводившимся и проводящимся преимущественно в области зрительного восприятия, чтобы перевести (экстраполировать) в той мере, в какой это возможно, полученные там данные на явления языкового восприятия. Для этого были применены традиционные психологические категории «объединения», «значения структуры целого» и «константности-транспозиции» к фактам языка. Известно, что когда мы слушаем речь, мы воспринимаем значащие «сигналы» — слова, а не просто поток звуков. То, что это так, легко видеть, сравнив слушание речи на известном и неизвестном языках: в первом случае звуковой поток легко дробится воспринимающим его на части, тогда как во втором он воспринимается в виде непрерывного потока звуков. Конечно, сказанное не следует толковать упрощенно: понимание речи предполагает не только выделение в ее потоке отдельных единиц, но и их объединение. Известно, что, слушая речь на языке, которым владеешь лишь в ограниченной степени, скажем в пределах чтения научного текста по специальности, можно улавливать или выделять отдельные слова, не «поспевая» объединять их в более сложные смысловые целые, почему оказывается невозможным следить за общим содержанием высказываемого.

Наиболее естественным условием для объединения элементов частей речевого потока в одну более крупную единицу, так же как и, например, при восприятии зрительном, является близость их друг к другу (во времени или пространстве), общность (возникают те группировки, в которых объединяются однородные части) и непрерывность (внутренняя сопринадлежность частей).

То, что объединяемые в процессе восприятия отдельные единицы или элементы являются внутренне объединенными, составляющими цельную сложную единицу, позволяет воспринимать (понимать) привычные сочетания слов и при значительном их искажении. Объединение (синтезирование) отдельных элементов очень облегчается, если им вообще свойственно совместное употребление, почему привычные сочетания слов можно понять и не дослышав, тогда как специфические или своеобразные сочетания слов нередко требуют повторения и при отсутствии помех или искажения.

Чтобы понимать речь, надо различать то, что существенно для общения, и не различать (не замечать) того, что для общения безразлично⁵. Например, слово *яблоко* может восприниматься слушаю-

щим речь в разных интонационных позициях, в разных словосочетаниях, в разных синтаксических функциях, но тем не менее всегда связываться с одним и тем же значением.

Но приведение в качестве примера слова, обсуждение вопроса на «словесном уровне» представляет собой грубое упрощение с точки зрения современного структуралистического языкознания, которое, как было уже сказано, ставит в центр внимания более мелкие и менее определенные единицы, такие, как морфема и особенно фонема, разрабатывает все более изощренные методы их выделения и определения. Вместе с тем именно со словом обычно имеют дело психологи, логики и философы. Какие же имеются для этого основания и что же, наконец, является основной единицей «содержания» или «психолингвистической» единицей?

Под единицей восприятия языка и, следовательно, единицей сообщения естественнее всего, исходя из непосредственного опыта общения людей при помощи языка, было бы понимать кратчайший линейный отрезок речи, произнесенный одним индивидом, на который другой индивид может сознательно реагировать. Однако на самом деле это не так. Как известно, речевой поток легко поддается разделению на полностью усвоенные, «автоматизированные» ряды или «куски» — слова и фразы-клише. Эти полностью усвоенные единицы не являются предельными, а поддаются в свою очередь разложению на компоненты, причем на слоги, а не фонемы и т. п., что видно из следующего. Если попросить говорящего сильно замедлить речь, то он, естественно, увеличит интервалы между слогами, тогда как интервалы между составляющими слоги фонемами останутся почти без изменения. О том же говорит и малая детская речь. Однако если слог, по-видимому, является основной единицей при «передаче» языкового сообщения, значит ли это, что воспринимающей речь делит ее на слоги?

Если принять, что указанные два ряда единиц, т. е. те, которые выделяет лингвист, и те, которые выделяет на психологической основе пользующийся языком, действительно существуют, естественно возникает вопрос о том, как они соотносятся между собой. Иными словами, становится необходимым выяснить, обладают ли те единицы, которыми оперирует лингвистическое языкознание, психологической значимостью и психологической реальностью и, с другой стороны, являются ли «естественные» психологические единицы лингвистически объяснимыми, пригодными и продуктивными для языкознания. Вместе с тем «психолингвистические единицы» не должны обязательно совпасть ни с теми единицами, которые устанавливаются изощренными методами современного структуралистического языкознания, ни с теми единицами, которые естественно выделяет в речи говорящий.

Как уже было сказано выше, чтобы исследовать явления языка с точки зрения их содержания и выделить психолингвистические единицы, надо определить те отрезки сообщения, которые оказываются функционально цельными в процессе передачи и восприятия.

При этом следует пользоваться понятием «уровней» анализа, которое нашло широкое применение в современном языкознании, различающем фонетический, фонологический, морфологический и синтаксический «уровни» при формальном исследовании речи.

В применении к анализу речи с точки зрения ее содержания можно выделить ономаσιологический уровень, интегрирующий уровень и уровень речевого навыка. На первом из перечисленных (ономаσιологическом, или назывном) уровне предметом рассмотрения будут закономерности называния, соотнесения отдельных единиц с отдельными «предметами» (т. е. отдельными мысленными содержаниями). На интегрирующем (или грамматическом) уровне предметом рассмотрения будут семантические закономерности сочетания отдельных элементов в более сложные цельные, внутренне объединенные (интегральные) единства. Единицы ономаσιологического (назывного) и интегрирующего (грамматического) уровня будут вполне определенно отличаться от единиц речевого навыка. Как известно, речевые навыки образуются путем сознательного повторения устойчивых речевых рядов, мотивированного необходимостью сообщения мысли, подражания взрослым (у детей) и т. п. Но если сознательное повторение привело к образованию навыка, то соответствующие речевые акты как бы «спускаются» в план автоматизированных актов, «разгружая» сознательную деятельность человека. Такие устойчивые речевые ряды бывают различной длины — от слога до целой фразы.

Хотя, как было сказано выше, структуралистическая лингвистика оперирует единицами, отличными от тех, на которые естественно делит речь пользующийся языком, она не могла пройти мимо того факта, что именно слог, слово и предложение являются для пользующегося языком основными понятиями, и потому не могла уклониться от попытки их определения. Однако, как хорошо известно, эти попытки (а их было сделано много и с разных исходных позиций) пока не увенчались успехом; до сих пор нет общепризнанных лингвистических определений слога, слова и предложения.

Особенно много разногласий в определении слова. Структуралисты либо считают определение слова псевдопроблемой, не видя в языке единицы, которую можно было бы соотносить с тем, что традиционно называют «словом», либо отказываются от общего определения, считая, что слово можно определить только отдельно для каждого данного языка (например, на основе ударения и т. п.).

Не получило ясного определения и предложение. Наиболее конкретными и последовательными из имеющихся определений являются те, которые делаются в терминах интонационных особенностей высказывания и явлений, связанных с «характером соединения» элементов речи (*juncture, jointure, Anschlußart*). Конец предложения обычно отмечается одним или несколькими «конце-

выми» соединениями, сопровождающимися определенным «интонационным рисунком». Однако если прослушать значительные отрезки неподготовленной речи на разных языках, легко будет убедиться, что даже эти критерии дают хорошие результаты только в «подчищенных», литературно обработанных текстах и не всегда применимы к отрезкам речи, фиксируемым в ситуациях повседневного общения.

Из сказанного вытекает, что структуралистическая лингвистика не находит в своей системе достаточно определенного места для тех единиц, которые интуитивно выделяют говорящие на языке.

Теперь следует посмотреть, поддаются ли психологическому обоснованию существующие лингвистические единицы, т. е. те единицы, которыми оперирует как основными современное языкознание.

Вопрос о психологической реальности фонемы, о ее смысло-различительной роли неоднократно ставился в языкознании. Действительно, если варианты фонем (аллофоны) выбираются бессознательно (или, как говорят, автоматически), то выбор фонем осуществляется сознательно. Если в нормальных условиях общающиеся не замечают аллофонических различий (они замечаются только при неправильном их использовании, например в речи с акцентом и т. п.), то фонематические различия нормально не могут не использоваться говорящим и не восприниматься слушающим; например, говорящий вполне сознательно говорит *стол*, а не *стул*, *дом*, а не *том*, и слушающий столь же сознательно использует эти различия при восприятии речи.

Из этих несомненных фактов, однако, никак не следует, что фонемы являются «смыслоразличителями» в том смысле, что непосредственно различают смысл слов, непосредственно участвуют в их семантической структуре. Такое понимание термина *bedeutungsdifferenzierend*, введенного Трубецким, никак нельзя считать оправданным. Фонемы различают не слова, а лишь их звуковые оболочки. Фонемы не имеют собственного значения; они являются единицами односторонними. Ни [y], ни [o], ни [д], ни [т] в приведенных выше примерах, как и вообще, не могут быть выделены и соотнесены с тем или другим элементом значения в составе тех лексических единиц, в звуковом оформлении которых они участвуют. Ни одна из них не имеет никакого отношения к понятиям «предметов обстановки», «зданий или книг», «неодушевленных предметов», «существительных» и других подобных. В этом принципиальное отличие фонем от морфем (также и от слов и от других языковых единиц). Морфемы являются предельными двусторонними единицами языка, т. е. мельчайшими единицами, характеризующимися не только определенным звучанием, но и устойчиво соотнесенным с этим звучанием определенным значением. (Ср., например, фонему [т], выделяющуюся в таких семантически совершенно не связанных

Словах, как *том, табак, там*, и морфему *t*, объединяющую такие семантически близкие слова, как *тогда, там, те*.)

На вопросе о морфемах придется ниже остановиться несколько подробнее (в связи с вопросом о слове). Однако прежде нельзя не обратить внимание на известный параллелизм, существующий между фонемами и морфемами. Подобно вариантам фонем (аллофонам) варианты морфем (алломорфы) выбираются автоматически. Так, например, говорящий на русском языке обычно не замечает, что в именительном падеже множественного числа он говорит не *рук-*, как в единственном, а *рук'*-. Но, конечно, всякий заметит, если вместо *рук-*, *рук'*- будет сказано, например, *ног-*, *ног'* -.

Таковы в общих чертах коррелятивные отношения между единицами, выделяющимися посредством лингвистического (в традиционном структуралистическом понимании) и психологического анализов. Хотя между фонемами и морфемами и имеется известный «изоморфизм», они являются принципиально различными, так как морфемы, в отличие от фонем, являются двусторонними единицами и в этом отношении обнаруживают сходство с основными носителями языкового значения — словами. Поскольку психолингвистика ищет во всех случаях объективных методов исследования и объективных критериев для делаемых выводов, к вопросу о выделимости и определенности слова подходят путем планомерного исследования реальных фактов общения при помощи языка. Между прочим, следует заметить, что при выделении морфем и слов исходят из принципа исчерпывающего деления текста. Нормально после сплошного расчленения текста на морфемы не должно быть «линейных» фонем, которые стояли бы вне выделенных морфем, не входяли бы ни в одну из них. И при членении текста на слова все входящие в его состав фонемы и морфемы должны обязательно принадлежать тому или другому слову, не могут делиться между ними ⁶.

Как уже было сказано, постулируемые психолингвистикой объективные методы исследования требуют постепенного и планомерного анализа речевого потока с точки зрения передаваемых им значений. Если, как было уже сказано, предельными (т. е. мельчайшими) двусторонними единицами языка являются морфемы, то необходимо установить объективный принцип выделения их на основании исследования речи. В речи же даны не морфемы, а лишь конкретные единичные их «реализации», называемые морфами. Для объективного выделения морф данной морфемы в потоке речи важное значение имеет синтагматическая взаимозаменяемость с морфами другой морфемы или других морфем, откуда понятие «классов взаимозаменяемых морф», или КВМ. КВМ — это ряд таких единичных морф, или минимальных речевых единиц, имеющих значение, которые в данном контексте оказываются синтагматически взаимозаменяемыми. Так, например, в предложении «писатель вы-

разил согласие» морфа *писат'*- будет принадлежать к тому же КВМ, что *читат'*-, *получат'*- и другие, поскольку вполне возможными высказываниями будут также «читатель выразил согласие», «получатель выразил согласие» и т. п. ⁷.

Понятие «класса взаимозаменяемых морф» (или КВМ) может использоваться как основа для понятия «тематического ряда». Так, в приведенном выше примере вместо одного из членов КВМ может фигурировать ряд, состоящий из двух или более морф, например *громкоговорит'*- («громкоговоритель точно воспроизвел его речь»). Подобный ряд, состоящий из двух или более КВМ, будет тематическим в том случае, если: 1) в языке существует простой КВМ, который этот ряд может заменять, давая «грамматическое высказывание», т. е. структурно осмысленное сочетание элементов, и 2) ни один из входящих в этот ряд КВМ не принадлежит тому же КВМ, что и тот единичный КВМ, который может заменяться данным рядом (чему *громкоговорит'*- вполне удовлетворяет, так как нельзя сказать ни *громкотель*, ни просто *говоритель*). Можно, следовательно, сказать, что тематический ряд является расширением того единичного КВМ, который он может заменять.

На основе изложенного вводится еще одно понятие — «ядро» (nucleus) ⁸. Ядро — это либо единичный КВМ, не являющийся частью тематического ряда, либо «тематический ряд», составленный из КВМ. Среди единичных КВМ встречаются, с одной стороны, такие, которые способны распространяться в тематические ряды и только в данной конструкции такому распространению не подверглись, а с другой — такие, которые вообще не поддаются распространению. Например, в таком ряду, как «его слушатель хранит его важное сообщение» имеется 10 морф: 1) *его*, 2) *слушат'*-, 3) *-ель*, 4) *хран'*-, 5) *-ит*, 6) *его*, 7) *важн-*, 8) *-ое*, 9) *сообщ-*, 10) *-ение*, но только 8 ядер: 1) *его* (нераспространяемый КВМ), 2) *слушат-ель* (тематическое распространение, содержащее 2 КВМ), 3) *хран'* — единичный КВМ, распространяемый, например, в *при-нос'*-, *от-воз'*- и др., 4) *-ит* (нераспространяемый КВМ), 5) *его* (см. 1), 6) *важн-* — единичный КВМ, распространяемый, например, в *пред-смерт-н-*, 7) *-ое* (нераспространяемый КВМ) и 8) *сообщ-ение* (тематическое распространение, содержащее 2 КВМ).

Граница ядра отличается от границы слова тем, что между ядрами может быть вставлено лишь строго ограниченное число других ядер (включая и ядро с нулевыми членами). Часто ничего нельзя вставить (ноль в таких случаях может рассматриваться как предельный пример определенного и конечного числа). Границей же слова является такая граница, на которой возможно вставлять другие ядра без ограничения. Например, в приведенном выше предложении между *хран'*- и *-ит* нельзя вставить никакого ядра и потому эта граница не является словесной, а, например, между *его* и *слушатель* можно вставить целый ряд прилагательных, между *слушатель* и *хран'*- могут быть вставлены длинные определительные предложения и т. п. ⁹.

Из приведенного анализа делаются важные психолингвистические выводы. Внутрисловные границы ядра и те его границы, которые совпадают с границей слова, являются различными с точки зрения предоставляемого говорящему выбора. На внутрисловной границе каждое ядро в последовательности ядер связано двусторонней зависимостью с предыдущим и последующим ядрами, ограничивающими его выбор. На словесной границе говорящий произвольно выбирает из различных ядер. Это подтверждается и фонетически. Известно, что паузы имеют тенденцию появляться скорее на границе слова, чем внутри него; потенциальная возможность паузы может применяться как самостоятельное определение словесной единицы, что имеет также психологическое обоснование.

Таким образом, хотя выбор имеет место на каждой речевой границе, внутри слова всегда выбирается в качестве следующего члена только представитель вполне определенного формального класса. На словесной же границе говорящий производит прежде всего семантический выбор, т. е. в зависимости от содержания своего сообщения выбирает между разными ядрами ¹⁰.

Изложению результатов, полученных благодаря синтезу лингвистического и психологического подходов, было уделено так много внимания потому, что они дают интересные соображения о важности слова как основной лингвистической единицы, качественно отличной от морфемы. Таким образом, совершенно с других позиций объективно подтверждаются положения советского языкознания о слове, и критика структуралистической концепции в этом вопросе получает серьезную поддержку.

Приведенные материалы интересны также детализацией понятий, связанных с изучением частей слова. Становится не только вполне ясной необходимость, не ограничиваясь понятиями фонема — морфема — конструкция, признать научную правомерность слога и слова, но и дальше углубить исследование значащих частей слова (в частности, введением понятий «семантического ядра», «тематического ряда» и других).

§ 3. Что такое грамматическое значение и каким образом оно включается в общую семантику слова

За основу для определения природы грамматического значения здесь принимается точка зрения А. И. Смирницкого ¹¹. Грамматическое значение, так же как и лексическое, является значением языковым. Для всякого языкового значения первостепенную роль (причем не только для его выражения, но и для его формирования и развития) играет способ его выражения. Поэтому грамматическое значение — это не просто значение отношения. Это значение отношения, выраженное как неосновное, как дополнительное, как лишь сопровождающее основное или лексическое значение. Поэтому грамматическое значение вообще имеет место, «наличествует» только при условии, если оно выражено не различием самих слов,

т. е. не разными словами (и вообще не отдельными словами), но изменением слов или отношением между ними в их соединении или сочетании. Например, в словоформе (т. е. в данной форме данного слова) *работаем* значение первого лица множественного числа трактуется русским языком как грамматическое. Это видно из того, что оно выражено как дополнительное, как сопровождающее основное (лексическое) значение. Напротив, например, в словоформе *работали* грамматически выражено как дополнительное, сопровождающее только значение множественного числа. Значение же лица в этой словоформе не выражено. Если *работали* соединить со словоформой *мы* — *мы работали*, то в этом словосочетании будет содержаться значение первого лица. Но это значение не будет грамматическим, так как выражено оно не как дополнительное или сопровождающее основное лексическое значение, а как отдельное, словесное, лексическое. Значение лица, выражаемое такими словосочетаниями, как *мы + работали*, *вы -\| работали*, *они + работали*, выступает как лексическое, является лексическим потому, что выражается отдельными самостоятельными словоформами.

Значение отношения, следовательно, является грамматическим, если оно выражено посредством изменения слов и их соединения, отвлеченного от их конкретности. Значение отношения будет лексическим, если оно выражено отдельными словами, словами как таковыми, т. е. как частями словарного состава ¹².

Как же, исходя из приведенного понимания природы грамматического значения, следует трактовать такие случаи, как супплетивность, служебные слова и т. п., т. е. такие явления, которые находятся как бы на грани лексического и грамматического?

Вслед за А. И. Смирницким мы полагаем, что супплетивное образование грамматических форм (например, *я — меня*) довольно близко по существу к образованию грамматических форм посредством чередования звуков и аффиксации (т. е., например, *лев — льва*); в обоих случаях между разными словами, помимо различия в аффиксах, имеется различие в корне, но только в одном случае это различие полное (разные корни), а в другом частичное (разные варианты одной корневой морфемы). Лексической особенностью слов вроде *я — меня* является именно наличие у них двух дополняющих друг друга (супплетивных) корней, точно так же как лексической особенностью слов вроде *лев — льва* и т. п. является чередование звуков в корневой морфеме. Грамматическим же моментом является не сама супплетивность и не чередование звуков в корневой морфеме (как таковые), а лишь распределение дополняющих друг друга корней или вариантов корневой морфемы по отдельным словоформам. Следовательно, тот факт, что парадигма русского личного местоимения первого лица единственного числа построена на «сплетении корней», является супплетивной, представляет собой факт лексики данного языка, входит в характеристику, определение данного слова как такового, т. е. как единицы словарного состава этого языка. То же обстоятельство, что корень *ja*

употребляется для образования именительного падежа, а во всех косвенных падежах фигурирует другой корень — *мн*, представляет собой факт грамматический, факт изменения слова для сочетания его с другими словами в предложении. И сам по себе факт чередования звуков в корневой морфеме *лев* — *лвв* является свойством данного слова как такового, его лексической особенностью. То же, что полногласный вариант *лев* употребляется только в именительном падеже единственного числа, тогда как во всех других падежах единственного и множественного числа употребляется нулевой вариант *лвв*, представляет собой факт грамматический.

Явление супплетивности нельзя смешивать с такими случаями как *бык* — *корова*, *селезень* — *утка* и др. Для того чтобы считать *бык* — *корова*, *селезень* — *утка*, *петух* — *курица* и т. п. формами одного слова, а не разными словами, нет никаких оснований. *Бык*, *корова*, *селезень*, *утка*, так же как *мать*, *отец*, *сестра*, *брат*, *тетя*, *дядя* и многие другие, являются именами существительными, а имена существительные принадлежат к тому или другому роду; в систему словоизменения существительных изменение по родам не входит. Здесь не может быть речи о супплетивности именно потому, что существование супплетивных образований возможно лишь в том случае, если они представляют собой отдельные вкрапления в соответствующую систему словоизменения, т. е. если соответствующие категории твердо установлены в языке и регулярно выражаются в нем обычными грамматическими способами.

Правда, может показаться, что существование в русском языке таких пар, как *супруг* — *супруга*, дает известную опору для объединения таких пар, как *бык* — *корова* и т. п., в парадигму одного слова. Однако это не так. Отношения типа *супруг* — *супруга* в русском языке являются словообразовательными, т. е. отношениями между разными словами, а не разными формами одного и того же слова. Что касается множественного числа существительных, то хотя в целом это действительно грамматическая категория (нормально, например, *стол* — *стола* — это явление словоизменения), однако количество отдельных предметов во многих случаях придает их совокупности особое качество, характеризующее эту совокупность, откуда распространённость так называемых *pluralia tantum*. Вряд ли можно сомневаться в том, что супплетивность в образовании форм множественного числа очень способствует тенденции к семантической дифференциации форм числа, свойственной им и при одинаковости корня¹³.

Поскольку грамматическим является значение отношения, выраженное не отдельным словом, а некоторым несамостоятельным и дополнительным к слову элементом, трудно согласиться с тем, чтобы называть служебные слова — предлоги и союзы — «грамматическими». Думается, что «грамматических» слов вообще быть не может. Если данные единицы являются словами, то это единицы лексические, поскольку значение, выражаемое данным конкретным словом, есть значение именно данного слова, т. е. значение

лексическое. При определении грамматических единиц языка, как и лексических, необходимо помнить об основной, конституирующей особенности языковых единиц, их двусторонности и о необходимости одновременного учета при рассмотрении как внутренней их стороны, так и внешней. Для грамматических единиц внутренней стороной является выражаемое ими значение отношения, а внешней — выражение этого отношения не самими словами как таковыми, а какими-либо дополнительными к словам средствами. Определение грамматического момента исключительно или по преимуществу со стороны внутренней, т. е. со стороны значения, является неправомерным.

Итак, грамматическое и лексическое в языке не могут разграничиваться на абстрактно-семантической основе как общее и индивидуальное, или интегрирующее и назывное, или значение отношения и значение «предмета» и т. п. Верно, что содержанием грамматической единицы, в отличие от единицы лексической, является значение отношения. Однако и лексические единицы — слова вовсе не обязательно являются «конкретными» по своему содержанию: в каждом языке есть сколько угодно слов, имеющих отвлеченное, абстрактное значение (таково хотя бы само слово «отношение», как несомненное слово, как бесспорная лексическая единица языка).

Значение предлогов, союзов и т. п. соединительных служебных слов является очень общим и делает их в высшей степени пригодными для выражения отношений между полнозначными словами в предложении. Однако их значение от этого не становится грамматическим, так как грамматическим значение отношения может быть только в том случае, если оно оформлено, выражено грамматическими средствами, в частности морфемами, а не словами. Считать же предлоги и тем более союзы морфемами никак нельзя, так как это привело бы к пренебрежению существенным различием между грамматическим аффиксом и предлогом. А как известно, это различие вполне определенное и очень существенное. Слово отличается от морфемы своей оформленностью, и оформляется оно обычно посредством аффиксов. Аффиксы не могут отделяться от слова, и слово без присущих ему аффиксов теряет свое качество слова, превращается в часть слова — морфему. Предлог же (тем более союз) не входит в состав слова, не участвует в его оформлении, и он легко может отделяться от слова, в частности между предлогом и словом могут помещаться другие слова, что является признаком словесной границы, т. е. границы между разными словами, а не границы внутрисловной, т. е. границы между морфемами¹⁴.

Итак, грамматическое значение, будучи не основным, дополнительным не только в «плане содержания», но и в «плане выражения», не существует реально как таковое отдельно от лексического. Но и лексическое в слове, хотя оно и является основным в нем, всегда соединено с грамматическим и в действительности не выступает отдельно. В единстве лексического и грамматического — главная особенность слова и его принципиальное отличие от морфемы.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV ЧАСТИ ПЕРВОЙ

¹ Изложение и критику структуралистических взглядов по вопросу о природе лингвистической единицы см. в моих статьях: «О методе лингвистического исследования у американских структуралистов», ВЯ, 1952, № 5; «Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания», ВЯ, 1953, № 3; «О разграничении слова и словосочетания», автореферат диссертации, АН СССР, 1954; «О понятии изоморфизма лингвистических категорий», ВЯ, 1955, № 3; «Основные направления лингвистического структурализма», МГУ, 1955; «Еще к вопросу о слове как основной единице языка», «Вестник МГУ», 1955, № 1.

То, что именно слово является основным носителем языкового значения, показали также Уллман (S. Ullman, *The Principles of Semantics* (Glasgow, 1951), Росети (A. Rosetti, *Le mot: esquisse d'une theorie générale* (2-me ed. rev. augm. Sph.-Bucur. Inst. de lingu romana, 1947), Рейхлинг («Het woord», Utrecht, 1935, стр. 90—148): «Способность звуков речи к выполнению семантической функции основана на слове, как единице значения» и др.

Ср. по этому вопросу: А. М. Пешковск и й, Понятие отдельного слова, Сборник статей, М., 1925. К «значащим членам речи» А. М. Пешковский относит часть слова, слово, словосочетание, предложение, сочетание предложений, фразу и др. Среди этих разнообразных значащих частей слово — это «великий рубеж, на котором смысл порывает с ритмом»; «синтаксически слова делятся на корни и аффиксы, а ритмически — на слог и звуки, и между теми и другими нет уже никакого соотношения».

За то, что именно слово является основным носителем значения, говорят также знаменитые «Тезисы» пражского лингвистического кружка (TCLP, 1929, № 1, стр. 11—12). Слово, рассматриваемое с функциональной точки зрения, является результатом «назывательной» лингвистической деятельности. Лингвистика, рассматривавшая язык как механический объективированный факт, приходила к полному отрицанию слова. Однако с функциональной точки зрения автономное существование слова — вещь совершенно очевидная (хотя слово и проявляется в разных языках с разной степенью интенсивности и может выступать как потенциальный факт). Благодаря свойственной ему «назывательной» способности язык разлагает действительность (будь то внутренняя или внешняя, реальная или абстрактная) на такие элементы, которые могут быть лингвистически осознаны.

О том, что морфема является еще менее определенной единицей, чем слово, говорит, в частности, то, что единицы, для обозначения которых некоторые языковедами безразлично употребляется этот термин, настойчиво дифференцируются другими учеными как морфемы и семантемы. Но даже если ограничивать его применение грамматическими элементами, то и тогда многое останется неясным. Например, в *dominus/dominum* морфема будет *s/m*? А в *dominus/dominis—us/is*? Ср. W. J. Entwistle, *Aspects of Language*, London, 1952, стр. 81.

² «Psycholinguistics: a Survey of Theory and Research Problems» (Suppl. to Intern. Journ. of Amer. Ling., vol. 20, № 4, Oct., 1954).

³ Исключительно четкое и доступное объяснение основных понятий этой молодой, но бурно развивающейся отрасли знания дано в работе А. А. Харкевича «Очерки общей теории связи», М., 1955. Психолингвистика является важнейшим дополнением к общей теории связи. Если технические системы передачи сообщения, составляющие главный предмет общей теории связи, не принимают во внимание значения, содержания сообщений ни на передающем, ни на приемном концах, а касаются только отношений между передатчиком и приемником, причем кодирование понимается только как построение сигнала по некоторому определенному принципу, имеющему простое математическое выражение, то задачей психолингвистики является изучение процессов кодирования и декодирования с точки зрения значения, содержания передаваемых сообщений.

⁴ Хотя до сих пор в центре внимания психолингвистики остается вопрос о природе простейшей, или элементарной, единицы сообщения, а природа более сложных его единиц — предложений остается в тени, это вовсе не значит, что

психолингвистика не может или не будет заниматься также и синтаксисом. Ср. по этому вопросу: O. H. M o w r e r, *The Psychologist Looks at Language* (The Amer. Psychologist, vol. 9, № 11, Nov. 1954).

Интересным примером применения понятий общей теории связи к языкознанию представляет работа Хоккетта: H o c k e t t, C. H. F., *An Approach to the Quantification of Semantic Noise* (Philosophy of Science, 19, 4, 257—260, 1952), показывающая, каким образом осуществляется общение посредством языка вопреки невозможности полного единообразия во всех деталях применяемого «кода».

⁵ См. мою статью «О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий (в связи с вопросом о методе лексикологического исследования)», ВЯ, 1955, № 3, стр. 85 и след.

⁶ Правда, следует оговорить особый случай, возникающий при sandhi, когда образуется одна фонема на месте двух — конечной предшествующего слова и начальной последующего. Например, в санскрите, если одно слово оканчивается на [-п], а другое, следующее за ним, начинается с [l], то результатом будет назализованный боковой [л] на стыке этих двух слов. Хотя общее число слов в высказывании от этого не изменится, определить их границы оказывается затруднительным: «распределить» такое назализованное \bar{l} между словами можно будет только выделив [~] как сверхсегментную фонему и отнеся ее к предыдущему слогу, а [l] простое — к последующему.

Все эти рассуждения о слове и его выделении ограничиваются «синтагматическим» планом: спрашивается не о том, является ли данный отрезок речи «вариантом» слова вообще, т. е. в данном я з ы к е, а лишь о том, как его выделить как «слово» в данном конкретном высказывании, в данном произведении речи.

⁷ Как известно, этот уровень анализа представляется некоторым вполне достаточным и исключающим необходимость исследования вопроса о слове; ср., например, Z. S. H a r r i s, *From Morpheme to Utterance* (Lang. 22, 3, 161—183, 1946).

⁸ Это понятие — «ядро» (nucleus) предложено Гринбергом (I. H. G r e e n b e r g), см. Psycholinguistics (цит. выше, стр. 25, прим. 23).

⁹ Гринберг подчеркивает, что предлагаемый им «грамматический» способ определения слова отнюдь не противоречит попыткам его фонологического (и фонетического) определения, а, напротив, подкрепляет его.

¹⁰ Термин «семантическое ядро» иногда употребляется и в более широком смысле. Например, в своей интересной работе Хожельский (J. H o r z e l s k i, *Remarks on the Psychology of Language, Philosophy, vol. XXX, № 112, Jan. 1955*) предлагает для обозначения всей области («поля») человеческого сознания как целого термин «понятие» (notion), для «констелляций» же (constellations) внутри этого поля — «ядро» (nucleus). Понятие ядра важно потому, что оно дает возможность выделения известных узловых точек в «области человеческого сознания», гораздо более широких, чем непосредственный участок, или «фокус», на котором сосредоточивается внимание. Те ядра, которые объединяются более тесной внутренней связью, «символизируются» посредством слов. Слово — это «символ семантического ядра»; семантическое ядро — это значение слова.

Слова представляют собой общественные достояния, и поэтому «семантические ядра», символизируемые словами, сильно стандартизованы вследствие общественного и вербального «контакта» индивида со средой. Содержание же понятия в целом, особенно его ассоциативного «ореола», может сильно различаться у различных индивидов.

Понятие «семантического ядра» противопоставляется Хожельским понятию «гедонического ядра», являющегося единицей таких «невербальных языков», как скульптура, музыка, живопись, балет.

В связи с обсуждением различных новых понятий, предлагаемых для выяснения семантических свойств речевого «сообщения», нельзя не упомянуть о работе, направленной на разработку вопроса о «плеремах» Ельмслева. См. особ. H o l t, J e n s, *Rationel Semantik (Pleremik)* (Aarhus, 1946; Acta Jutlandica, XVIII, 3).

¹¹ «Лексическое и грамматическое в слове», сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955 и др. Ср. А. М., Пешковский, В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? Сборник статей, М., 1925, особ. стр. 16—19.

¹² Поэтому нельзя решать вопрос о грамматическом значении только на основе противопоставлений «категориального» значения! «синтаксическому» и т. п., как, например, у Слотти в «Wortart und Wortsinn» (TCLP, № 1, 1929).

¹³ В этой связи небезынтересно сослаться на разбор соотношения между словами *ребенок—дети*, сделанном В. В. Виноградовым (ВЯ, 1956, № 3, стр. 11 и след.). Сложная система значения «ребенок — дитя — дети» связана с вопросом о том, каким образом те или другие формы слова связываются с разными значениями, не отрываясь от системы форм в целом и не образуя отдельного слова, и, напротив, в каких случаях такой отрыв происходит и образуются разные слова. То, что данный вопрос (о соотношении *ребенок — дети*) для современного русского языка не решен, подтверждается различной трактовкой этого случая в разных толковых словарях русского языка.

¹⁴ В этой связи небезынтересно указать на опыт составителей «Príručňo slovníka», с которым познакомил в выступлении по дискуссии на лексикографической конференции Я. Филипец: попытка отделить грамматическое значение от лексического при подаче предлогов потерпела неудачу; ср. также по этому вопросу: А. Z i s k a l, Príspevky k lexikograficky teorii a praxe (Slovo a slovesnost, IV, 1938).

Г Л А В А V

СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. Вопрос об определении значения в господствующем направлении американского языкознания и «метод семантического дифференциала»

Выше (глава I, § 2 и 6) было показано, что Л. Блумфильд внес весьма существенные разграничения в вопрос о значении, обратив внимание на такие его стороны, которые раньше оставались в тени. Однако сделанные им важные общетеоретические разграничения не явились у него основой для конкретного семантического исследования. Более того, в результате проведенного анализа Блумфильд поставил под сомнение возможность для лингвиста проникнуть в природу значения и даже вообще пользоваться этой категорией в своей работе. Ведь для того чтобы адекватно описать «ситуации говорящего и реакции слушающего», по мнению Блумфильда, необходимы недостижимые для одного человека знания естественных наук, социологии, физиологии и психологии; даже если бы и удалось адекватно описать и классифицировать внешние ситуации и явные реакции на них, внутренние состояния говорящих и слушающих остались бы «переменными величинами», не поддающимися исследованию.

Но что делать, если для анализа «лингвистических форм» оказывается необходимым знание их значений? На это дается следующий ответ. Для лингвиста релевантной является лишь проверка дифференциального значения (см. выше, стр. 12), т. е. выяснение того, значат ли данные две формы одно и то же или разное. А по-

сколько задача лингвиста, по мнению Блумфильда, сводится к изучению лингвистических форм, лингвистика вполне может развиваться, не касаясь более теории значения.

Господствующее направление в современном американском языкознании, ориентированное Блумфильдом, и пошло по этому пути, развивая процедуры и уточняя теоретические предпосылки анализа лингвистической формы отдельно и независимо от анализа значения. С вопросом о значении лингвистическое исследование при таком подходе оказывается связанным только в той мере, в какой надо различить «тождественное и отличное».

Однако и разграничение «тождественного и отличного» вовсе не является легким и простым и не может быть осуществлено без семантической теории и детального исследования на ее основе конкретных лексических фактов языка. Например, *стол* в *новый стол*, *дубовый стол*, *учетный стол* и *диетический стол* «тождественно» или «различно»? Это одна и та же единица языка, одно слово, тождественное себе в разных своих модификациях, или разные слова-омонимы? Аналогичных примеров можно привести тысячи из всех областей языка.

В связи с возникшими, таким образом, трудностями появились попытки доказать, что даже и такая — минимальная — обусловленность формального лингвистического анализа семантическими свойствами исследуемых единиц является излишней. Однако эти попытки теперь оставлены, и, хотя по этому вопросу и нет полного единства мнений, большинство современных американских исследователей склоняется к тому, чтобы пытаться одновременно исследовать обе проблемы, т. е. и форму и значение. При этом одни исследователи как будто склоняются к тому, что следует сначала проводить анализ каждого из этих двух моментов, т. е. формы и значения, в отдельности и лишь затем обращаться к рассмотрению отношений между ними. При этом предполагается, что эти две системы не являются взаимно соответствующими (или изоморфными) и что поэтому установление отношения между ними не является простым подбором регулярно соотносимых пар. Однако другие, напротив, склонны рассматривать две системы — формальную и семантическую — как изоморфные и пытаются определять лингвистические единицы на основе изоморфизма формальной и семантической сторон. Поскольку, однако, такая методика оказывается очень сложной, сторонники второй из указанных точек зрения, т. е. те, кто считает форму и значение изоморфными, предлагают ограничивать задачи лингвиста изучением формы, оставляя изучение значения какой-нибудь другой дисциплине, чтобы, когда это будет другой дисциплиной выполнено, использовать ее результаты в качестве параллелей или коррелятивов к лингвистическому анализу. Исходя из такого понимания задач, языковеды не должны пытаться искать значение языковых единиц в соответствующих внеязыковых ситуациях, в частности поведенческих — в «реакциях» на те или иные языковые единицы, т. е. не должны интересо-

ваться тем, как представители данной языковой общности ведут себя, если к ним обращаются с данными словами. Языковое значение следует искать лишь в широких языковых контекстах, включающих все предыдущие языковые же ситуации. Значение морфемы при таком подходе — это только вероятность ее сочетания с другими морфемами¹.

Хотя, следовательно, между двумя только что охарактеризованными точками зрения и есть некоторые различия, обе они стремятся преодолеть «семантическую непоследовательность» Блумфильда, который не смог провести в жизнь того, что постулировал в плане теоретическом, — в частности «допустил» значение в определении морфемы². Поэтому представители господствующего направления в современном американском языкознании ищут такую методику, которая реально обеспечивала бы изгнание значения в обычном понимании, т. е. в отношении к «реальному» содержанию, из собственно лингвистического исследования.

Весьма яркой иллюстрацией современного состояния по этому вопросу является отповедь, данная Трейджером Кэрролю в рецензии на книгу последнего³. В этой рецензии Трейджер протестует против приписанного ему Кэрролем «Блумфильдового заблуждения», заключающегося в допущении «внеязыкового» значения в исследование языка. Для Трейджера морфемы — это всего лишь «повторяющиеся частичные единицы», т. е. регулярно воспроизводимые элементы, отождествляемые только на основе их повторяемости или воспроизводимости. Их «значение», т. е. то, на основе чего они отождествляются, является чисто языковым («микролингвистическим»), устанавливаемым только на основе формальных, внутриязыковых моментов, таких, как закономерности сочетания морфем, правила их последовательности и т. п. Вопрос о том, каким образом эти единицы могут быть соотнесены с обозначаемыми ими предметами (или «референтами»), уже не относится к собственно лингвистике, т. е. к «микролингвистике», а принадлежит более широкой области знания — «макролингвистике». Макролингвистическое же исследование может начаться только после того, как структурный, фонологический и морфологический анализы будут завершены. Кроме того, макролингвистический анализ — это дело будущего. Его методы еще не выработаны, и выработать их могут только этнографы, работающие в данной этнической области, и только после того, как ими будет закончен параллельный «микролингвистическому анализу» «микроанализ культурных систем», т. е. такой анализ особенностей жизни и культуры, который изучал бы их как таковые, независимо от их связи с тем или другим языком. «Микролингвистическое» описание языка не стремится дать ключ к его пониманию. Это не «шифр», а только определение данной «кодовой системы символов» и правил их соединения, их комбинаций⁴. Выяснение же «референтов», с которыми соотносится данная символическая система, представляет собой уже последующую стадию, и его можно сравнить с отысканием «ключа» к уже заданному «коду».

Приведенные возражения Трейджера интересны в том отношении, что они показывают, как хотели бы трактовать вопрос о значении ведущие представители господствующего в США лингвистического направления. Но сказанное Трейджером отнюдь не может быть принято как дающее верное представление о фактическом положении вещей. На самом деле в книге Трейджера «семантическая непоследовательность» в морфологическом анализе отнюдь не преодолена; более того, принятая в этой книге система не только не избавляет исследователя от обращения к внеязыковому значению, а, напротив, делает это значение основой всего построения ⁵.

От работ ведущих теоретиков дескриптивной лингвистики, характеризующихся не применяемыми и не применимыми на практике теоретическими постулатами, выгодно отличается работа Ч. С. Фрайза «Значение и лингвистический анализ» ⁶. Оставаясь в рамках принципов дескриптивной лингвистики, Фрайз обособывает двоичный принцип — «одинаковое или различное» — следующим образом. «Язык — это система повторяющихся последовательностей (рядов) или моделей одинаковых звучаний, находящихся в коррелятивных отношениях (соотносящихся) с повторяющимися одинаковыми особенностями стимуляторных ситуаций, вызывающих одинаковые реакции» ⁷. Следовательно, для Фрайза корреляция, соотнесенность со «внеязыковым» рядом входит в само определение языка. Повторяющиеся модели или ряды звучаний выделяются как одинаковые именно потому, что они регулярно соотносятся с повторяющимися и одинаковыми стимулами (воздействиями), вызывающими одинаковые реакции, или ответы. Поэтому, для того чтобы выявить дифференциальные признаки повторяющихся одинаковых «лексических форм», необходимо так или иначе овладеть лексическим значением, хотя бы в такой степени, чтобы иметь возможность определить, являются ли данные «формы», обнаруживающие данные различия звукового состава для данного языка, одинаковыми или различными.

Как неоднократно отмечалось уже в нашей литературе и как подчеркивалось уже выше, общеметодологической позицией господствующего направления в современном американском языкознании являются позитивизм и прагматизм. Именно с этой позиции выдвигались возражения против «допущения значения» в языкознании. Поэтому для господствующего направления американского языкознания вопрос стоит так: либо вообще отказаться от значения, строить языкознание на чисто формальной основе, пользоваться «полностью формализованным» методом исследования, либо искать «объективных» методов семантического исследования.

Может показаться, что в поисках методов семантического исследования слов следует обратиться к словарям. Двуязычный метод (перевода) и одноязычный (толкование) составляют в этом отношении основу всей лексикографической работы. При этом в отличие, например, от того, что имеется в энциклопедическом словаре, речь идет не о точном научном определении существа обозначаемых

словами предметов или выражаемых ими понятий, а о фактическом употреблении данного слова в данном человеческом коллективе. Следовательно, речь должна идти об отыскании объективного определения фактического значения слова, т. е. того, как реально оно понимается и употребляется в данное время пользующимся языком.

Такого метода в общем употреблении нет, и разные значения заголовочного слова в словарных статьях до сих пор выделяются скорее на основе здравого смысла, чем на основе точных научных исследований. Делаются лишь разные попытки отыскания такого метода. Одной из наиболее последовательных попыток этого рода является метод «семантического дифференциала», предложенный Осгудом⁸. Психологической основой этого метода является медиационная теория Осгуда. Поэтому «семантический дифференциал» выступает как показатель того «дифференциального психологического состояния», которое наступает либо при получении знака и необходимости его расшифровки, либо когда знак должен быть произведен для передачи определенного содержания. Иными словами, «семантический дифференциал» должен обеспечивать объективное определение типичного восприятия знака, так же как и естественного состояния сознания, предшествующего передаче данного знака и обуславливающего такую передачу.

Технически метод «семантического дифференциала» представляет собой комбинацию ассоциативных и классифицирующих процессов и в наиболее простом виде применяется к одномерной шкале с двумя крайними («полярными») членами («биполярные одномерные ассоциации»). Например, при наличии одномерной биполярной шкалы с крайними членами *хороший — плохой* испытуемому предлагается определить относительно этих полярных членов ассоциации, возникающие у него в связи с такими словами, как *недурной* и *неважный*, указав их расположение на шкале (рис. 2).

Но кроме таких понятий, которые в наиболее существенных своих чертах могут раскрываться на одномерной шкале, дающей только одну оценочную координату, имеются слова, требующие для полного раскрытия их значения не одномерного, а многомерного их определения, применения нескольких непрерывных шкал, или континуумов. Каждая из таких шкал выступает как отдельный фактор в суммарном семантическом анализе данного слова. Например, к приведенной выше одной оценочной координате *хороший — плохой* могут быть прибавлены такие факторы, как сила (*большой — маленький, сильный — слабый, тяжелый — легкий*), активность (*скорый — медленный, активный — пассивный*) и т. п. При необходимости определить на такой многомерной шкале качества, например, *розы* ее можно будет охарактеризовать как «хорошую, бессильную и пассивную», а, например, *героя* — как «хорошего, сильного и активного» (см. рис. 3).

На основании изложенного может сложиться впечатление, что метод «семантического дифференциала» не отличается по существу от обычно применяемых субъективных и приблизительных семантических описаний. Однако

это не так. Описательный характер был придан изложению для более доступного объяснения общей идеи. «Метод семантического дифференциала», как объективный научный метод, требует применения математического аппарата. При ортогональности координат значение каждого слова может быть представлено как точка в n -мерном пространстве, определяемом этими координатами, причем эта точка является точкой пересечения соответствующей координатной сети. Усредненные значения координат для каждой группы испытуемых лиц могут быть вычислены так же, как и в биполярном случае, в результате чего определяется тот реальный смысл, который данное слово имеет для представителей данного коллектива. При этом разброс в семантической характеристике данного слова различными индивидами или группами индивидов может быть охарактеризован среднеквадратичным отклонением от среднего

$$D = \frac{\sqrt{\sum_{i=1}^k d_i^2}}{k},$$

где k — количество испытуемых, а d_i — отклонение от среднего, получившееся в результате исследования данного испытуемого. С другой стороны, та же формула может быть использована для характеристики различия разных слов. В этом случае D определяет расстояние в « n -мерном пространстве между точками, соответствующими различным словам. Сказанное можно пояснить на следующих рисунках:

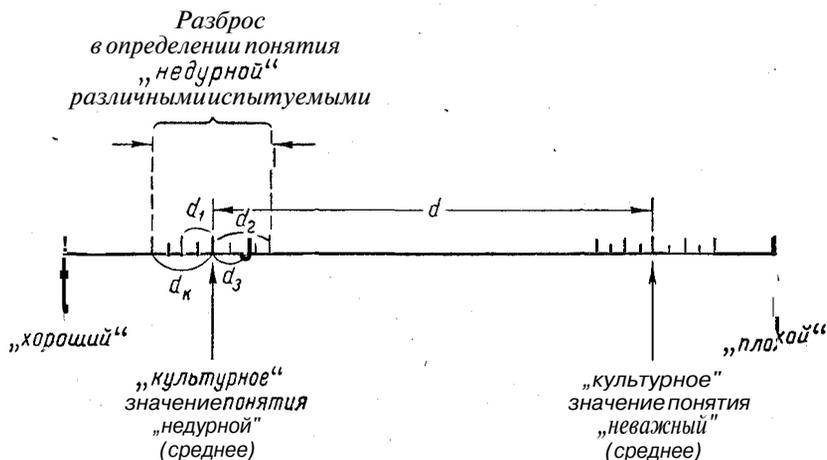

Рис. 2

Как известно, проблема семантического анализа лексики не исчерпывается анализом отдельных слов. Большой интерес как для лингвиста, так и для психолога представляет вопрос о значении словосочетаний. Применение метода «семантического дифференциала» должно дать возможность объективно отличать «идиоматическое» сочетание от «неидиоматического», т. е. фразеологическую единицу от обычного сочетания слов. Например, если сочетания *белый снег* и *снежная белизна* окажутся оба в той части «семантического пространства», которое определяется местом составляющих их слов, а именно *белый, белизна и снег, снежный*, то словосочетание *белый уголь* окажется совсем в другой части «семантического пространства»,

чем угольный и белизна. Особое отношение между значением целого и значением частей в случаях типа *белый уголь* помещает их в особую часть «семантического пространства». Для таких словосочетаний невозможно видоизменение по типу *белый снег — снежная белизна*.

Метод «семантического дифференциала» должен служить эмпирической основой также и для изучения и классификации антонимов. Полные или логические антонимы дадут взаимно соответствующие

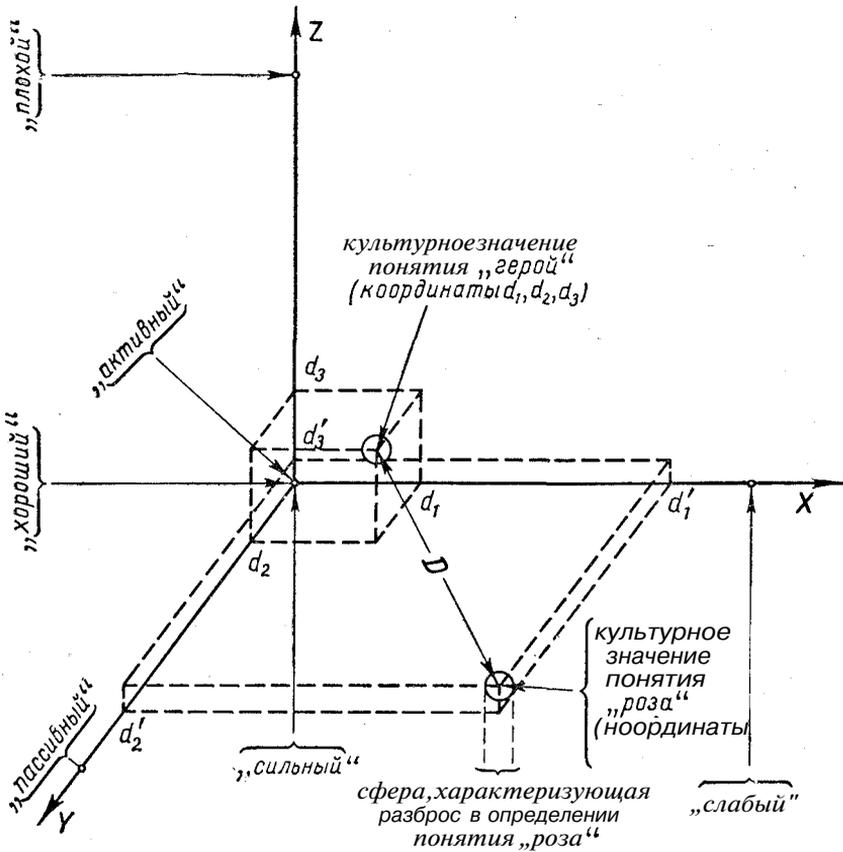

Рис. 3

«профили», т. е. определяют точки в семантическом пространстве, находящиеся на равном расстоянии друг от друга на противоположных концах одной прямой линии.

Исследования, проведенные методом «семантического дифференциала», должны, по мнению сторонников этого метода, дать, наконец, возможность составить такой словарь, в котором указываемые значения слов действительно соответствовали бы их реальному употреблению; Те объяснения и толкования значений, кото-

рые до сих пор даются в словарях, основываются обычно на субъективном суждении составителей. Поэтому пользующиеся обычными словарями никогда не могут быть уверены в том, что то или другое из указываемых там значений или употреблений слова действительно является не только вполне понятным, но и типичным и общепринятым. Новый же словарь, составленный на основе объективных семантических данных, полученных методом «семантического дифференциала», будет раскрывать подлинную функциональную природу включаемых в него слов, показывая, как слова действительно, фактически употребляются и понимаются большинством людей, говорящих на данном языке. Важной особенностью этого словаря будет также «квантование» значений, т. е. их аналитическое разложение на составляющие их семантические элементы. Отличаться от обычных словарей словарь нового типа будет и чисто лексикографически. Слова в этом словаре должны располагаться по методу двойной классификации: сперва в обычном алфавитном порядке, а затем по положению в «семантическом пространстве». Такое расположение должно обеспечить возможность легкого обнаружения различных семантических связей слов и вообще дать пользующемуся им возможность «двигаться по семантическому пространству» в любом направлении.

Описанный метод привлекает перспективой точного, объективного исследования значения, использованием математического аппарата. Но он не снимает вопроса об определении исходных единиц, т. е. тех основных или «полярных» значений, с которыми должны соотноситься, в отношении которых должны определяться значения слов по методу «семантического дифференциала». Как известно, самым трудным как раз и является определение основных, опорных (антонимических или синонимических) лексических категорий языка. Таким образом, получается, что детальность математической обработки последующих стадий как бы повисает в воздухе. В самом деле, откуда берутся такие основные категории, как *хороший — плохой, сильный — слабый, активный — пассивный*? Как хорошо известно, перечень их (их «инвентаризация») никому еще вполне не удался, хотя попытки такой инвентаризации и делались много раз и с разных позиций, начиная с Аристотеля⁹.

§ 2. Определение значения по методу «семантического поля»

Важное место в разработке методов семантического исследования занимает методика, основанная на понятии «семантического поля». «Теория семантического поля» возникла под влиянием идей Гердера и Гумбольдта; обычно она связывается с именем И. Трира¹⁰. Основная ее идея состоит в том, что язык не отражает объективной реальности, а создает сам вполне самодостаточный образ (подобие) реальности. Каждый язык по-своему «строит» действительность. «Семантическое поле» — это компактный, внутренне спаянный отрезок словаря, элементы которого взаимно ограничивают друг

друга и, подобно мозаике, покрывают данную «понятийную сферу». «Семантическое поле» — уникальная монолитная структура, управляемая своими собственными законами. В ней реализуется, раскрывается «картина мира» и «иерархия ценностей», специфическая как для разных языков, так и для одного и того же языка в разные периоды его развития. Задача исследователя заключается, следовательно, в том, чтобы определить специфические для данного языка распределение, связь и взаимообусловленность значений.

Для выполнения этой задачи вся лексика языка должна быть разбита на определенные части или куски — «поля». «Поля» эти выделяются весьма произвольно и могут относиться к самым разнообразным сферам употребления языка, например: «поле», представленное свойственным данному языку членением светового спектра, «поле» — номенклатура военных званий, «поле», обнимающее слова, обозначающие явления интеллектуальные и моральные, «поле радости», обнимающее разнообразные слова, описывающие веселое настроение или приятное времяпрепровождение, «поле одежды и украшений», «поле недостатка и нужды» и др. То, что «семантические поля» в разных языках действительно включают специфическое для данного языка число элементов и имеют особую конфигурацию, показано в многочисленных работах ¹¹.

Если рассматривать исследования «семантических полей» с точки зрения выявления интересных фактов «различия человеческих языков», то их надо будет признать весьма полезными и интересными. Они могут использоваться как основа для выявления характерных особенностей и тенденций развития «семантической структуры» языка и сопоставления ее с другими языками и другими фазами (периодами, этапами) его собственного развития, т. е. с уже пройденными его собственными состояниями ¹².

Однако, несмотря на указанные возможности методики «семантического поля», на талант и энергию ее создателя и большое число попыток ее применения, эта методика за более чем двадцать лет своего существования не дала существенных результатов. Как правильно замечает Бетц ¹³, исследование «словарных полей» находится сейчас в том состоянии, в каком находилось исследование диалектов до составления атласов: описано несколько отдельных (в основном исторически сложных) «полей», но основная масса слов остается неизученной.

Причиной этому является, по мнению Бетца, то, что те или другие слова объединяются исследователем в одном «поле» всегда более или менее произвольно. Так, например, при объединении таких слов, как немецкие *Heiterkeit* (веселье) и *Vergnügenheit* (удовольствие), не дается объективных обоснований, указывающих, действительно ли эти слова объединены в особом «поле», или же такое «поле» существует только в голове у исследователя, примысливается им к материалу. Непреодолимые трудности методика «поля» представляет еще и потому, что разные элементы языка могут по-разному группироваться в зависимости от рода занятий и других особенно-

стей жизни отдельных социальных групп. «Поле погоды» совершенно по-разному «организуется» для крестьянина и жителя города, так же как, например, «поле слов умственной деятельности»¹⁴.

В подтверждение своих выводов о невозможности объективного распределения словаря по «семантическим полям» Бетц ссылается на материалы проведенного им студенческого семинара, посвященного исследованию немецких слов, обозначающих «положительные свойства интеллекта», таких, как *klug, weise, schlau, gerissen* и пр.

Так же как и другие современные критики Трира, Бетц в положительной части своей работы тяготеет к Вайсгерберу. Как известно, хотя Вайсгербер первоначально с энтузиазмом воспринял теорию Трира, он немедленно же начал ее пересмотр. Основными понятиями, введенными Триром для изучения семантической структуры словарного состава языка, были понятия сосуществующих концептуального и лексического «полей». Поскольку «языковое поле» у Вайсгербера выступает в виде «динамической действительности», он не мог ограничиться «двухмерными полями» Трира и поставил вопрос о трехчленном соотношении «звук» → «посредствующий мир мысли» → «реальное бытие»¹⁵. «Семантическое поле» у Вайсгербера не представляет собой чего-то единого и однородного, а дает сложное и многообразное членение по сферам и разновидностям употребления языка. У Вайсгербера, следовательно, совершенно исчезла идея сосуществования, одновременного присутствия всего «языкового» или «семантического поля» в сознании говорящего. Далее, если у Трира в центре внимания семасиология, система внутренних языковых отношений, то у Вайсгербера в центре рекомендуемых конкретных приемов оказывается ономастика, распределение слов по «вещественным группам».

Хотя методика, предлагаемая Вайсгербером, и отличается от методики Трира, практические результаты ее применения пока не дали еще ничего существенного и приведенные выше замечания Бетца в отношении методики «семантических полей» применимы и в отношении методики «посредствующих картин мира».

Понятие «поля» у В. Порцига¹⁶ принципиально отличается от Трирова тем, что, в отличие от последнего, Порциг обратил внимание на семантическое соотношение между глаголами и именами прилагательными и существительными (у Трира глаголы вообще были оставлены вне рассмотрения). Такие факты, как то, что, например, *идти* предполагает *ноги*, *хватать* — *руки*, а *белокурый* — *волосы*, составляют основу для построения «элементарных семантических полей». Ядром «элементарного семантического поля» могут быть только глагол или прилагательное, потому что эти слова могут выполнять «предикативную функцию» и семантически определеннее, чем имена. Следовательно, если Трир видит основную задачу в выделении «разделяющих» полей, то Порциг ставит себе задачу определения того, каким образом отдельные элементы «включаются в поле». Поскольку он исходит из слов, прежде всего из глаголов, в центре

Енимания оказываются такие факты, как тот, что, например, немецкое *reiten* (ехать верхом) предполагает существование в немецком языке таких слов, как *Pferd* (лошадь) и т. п., а *fahren* (ехать на корабле, в поезде и т. п.) — таких слов, как *Schiff*, *Zug* и т. п. Кроме того, например, *reiten* предполагает («включает») и словопроизводственные ряды, такие, как *Reiter*, *Reiterin*, *Bereiter*, *abreiten* и т. п. Таким образом, Порциг направляет исследование на языковые факты, как исходный пункт, и преодолевает абстрактно-концептуальный подход Трира. Метод Порцига, однако, не получил у нас распространения, хотя и заслуживал бы большего внимания, чем метод «разделяющих полей» Трира.

§ 3. Поиски решения вопроса с позиций западноевропейского структурализма

Как известно, современный западноевропейский структурализм, кладущий в основу своих построений идеи де Соссюра о «различиях без положительных моментов» и о «бестелесности» обозначающего¹⁷, существующего лишь как «место в системе», стремится к разработке таких методов и приемов исследования, которые давали бы возможность создания схем, пригодных для описания очень широких классов и разновидностей явлений на основе установления однотипности отношений между ними (так называемого «изоморфизма»). Известно также, что пока структурализм преуспел лишь в применении этих методов к фонологическим «структурам» и отчасти к морфологии (собственно морфофонологии). Что же касается попыток применения этих методов к синтаксическому и особенно лексикологическому исследованию, то дело пока ограничивается изложением предварительных соображений и обсуждением принципов; ни для одного языка не было еще достигнуто структуралистического описания лексической системы¹⁸, вследствие чего сама возможность применения структуралистических методов к этим областям не может считаться доказанной.

В наиболее компактной и ясной форме структуралистический подход к описанию лексической системы языка изложен в новой работе Е. Куриловича¹⁹, развивающего идеи известной работы С. Карцевского «Об асимметрическом дуализме языкового знака»²⁰. Последовательно применяя принцип «тождества — различия» как основу семантического исследования, Карцевский предложил следующее решение вопроса. Каждый лингвистический знак имеет определенное, присущее ему значение, почему он по своей природе должен быть способен к сохранению тождества во всех различных и многообразных своих «функциях» или употреблении. Однако, хотя тождество знака во всех его «функциях» обычно и сохраняется, применяясь каждый раз к новым условиям данного конкретного функционирования, знак оказывается способным покрывать целую совокупность более или менее новых представлений; потеря тождества знака, т. е. возникновение омонимии, имеет место только

в тех случаях, когда «транспозиция семантической стороны знака», или расширение совокупности предметов мысли, обозначаемых этим знаком, переходит границы, допускаемые адекватным или узуальным его содержанием. Таким образом, основным свойством знака, определяющим его нормальное функционирование в системе языка, оказывается его способность одновременно входить в два ряда — «омонимический» и «синонимический»; в той мере, в какой знак все время стремится выполнять другие функции, кроме непосредственно и нормально ему принадлежащей, он становится членом «омонимического» ряда; в той же мере, в какой адекватно обозначаемое им может обозначаться и другими знаками, он оказывается в «синонимическом» ряду. Отсюда вывод, что знак вообще создается, «конституируется» перекрещиванием этих двух рядов. Так, например, употребление слова *рыба*, адекватным или узуальным значением которого является *piscis*, для характеристики человека даст одновременно как транспозицию в «омонимический» ряд, так и увеличение «синонимического» ряда, включающего такие слова, как *флегматик*, *вялый*, *бесчувственный*, *холодный* и т. д. Развивая эти идеи Карцевского, Курилович²¹ устанавливает иерархию семантических функций, вводя понятия «первичной» и «вторичной» семантических функций и отказываясь от понятия «общего значения»; это понятие, по мнению Куриловича, представляет собой абстракцию, причем абстракцию трудно определимую из-за невозможности объединения таких качественно различных элементов, как коммуникативное содержание и аффективные (стилистические) оттенки. Вместо термина «общее значение» он предлагает пользоваться термином «главное значение», понимая под ним то значение слова, которое не определяется контекстом, является независимым от контекста. Главному значению противопоставляются частные значения, прибавляющие к семантическим элементам главного значения еще и элементы контекста (при дальнейшем обогащении контекста возникают дальнейшие частные оттенки частных значений). Если, следовательно, у Карцевского «асимметрический дуализм», проявляющийся в функционировании знака, графически изображается так:

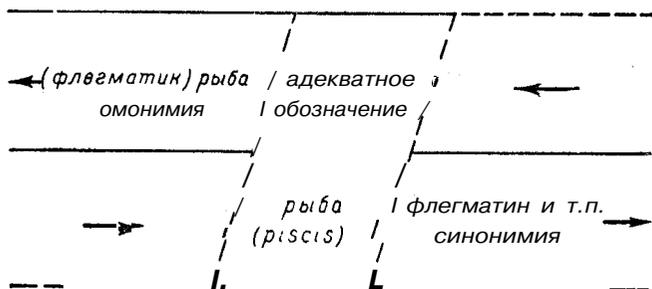

Рис. 4

т. е. без учета иерархии «функций» и их аффективных характеристик, то у Куриловича соответствующие факты будут рассматриваться с учетом таких понятий, как первичное, вторичное, немотивированное и переносное. Поэтому у Куриловича «семантическая структура» этого участка лексики выглядела бы так:

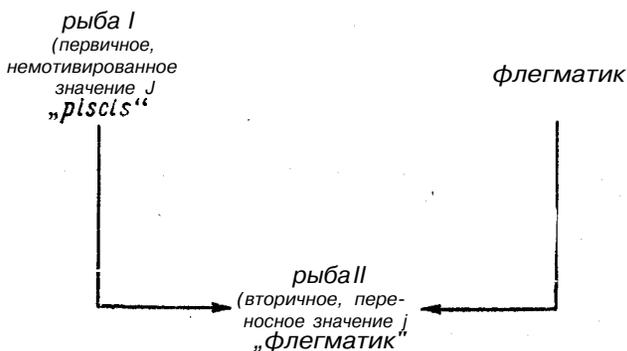

Рис. 5

При этом вместо отношения «омонимии — синонимии» (как у Карцевского) Курилович говорит о «полисемии — синонимии». Переход от *рыба I* (первичного, немотивированного значения — «piscis») к *рыба II* (вторичному, переносному значению того же слова — «флегматик») осуществляется по линии многозначности одной и той же единицы, одного и того же слова.

Но появление у слова *рыба* вторичного, переносного значения *флегматик* устанавливает определенное семантическое отношение — отношение синонимии между словом *рыба* и словом *флегматик* (и другими синонимами этого последнего). При этом если по линии полисемии (т. е. *рыба I* → *рыба II*) форма остается неизменной и изменяется функция, то в отношении *рыба II* → *флегматик* разными оказываются формы при тождестве функций. Вместе с тем функция слова *рыба* в значении «piscis» является первичной, а его функция в значении «флегматик» вторичной — иерархия функций. В синонимическом же ряду, т. е. при тождестве функций и различии форм первичной будет форма *флегматик*, а форма *рыба* — вторичной.

Поскольку определение контекста иногда бывает затруднительным, вводится критерий «максимального различия». Этот критерий основывается на том, что значение или форма имеют первичную функцию в условиях максимального различия, а вторичную там, где разница между ними частично исчезает. При этом следует учитывать, что если разница между *рыба I* (т. е. «piscis») и *флегматик* касается коммуникативного содержания, то различие между *рыба II* (т. е. «флегматик») и синонимичным ему словом *флегматик* уже только в экспрессивных оттенках²².

Исходя из изложенного, семантическую систему языка представляется удобным изобразить в виде сети, в которой по абсциссе идет «форма», а по ординате — «функция»²³. Остов системы образуют «узлы», представляющие собой пункты пересечения первичных семантических функций с первичными формами. Вторичные же функции, так же как и «вторичные формы», выступают соответственно в виде вертикальных и горизонтальных «нитей»: они характеризуются отсутствием пересечения линий абсциссы и ординаты.

Как уже было сказано выше, работа Куриловича дает чрезвычайно ясное и четкое понятие об общих принципах структуралистического исследования в области лексики. Она наглядно показывает необходимость последовательного учета таких факторов, как контекст и аффективная сторона словарных единиц; она ставит вопрос о природе «общего» значения, тонко анализируя соотношения как будто синонимических терминов («общее», «главное», «основное») и выявляет существенные различия между ними. Однако дальше общего обсуждения принципов дело не идет и здесь, почему по-прежнему остается невообразимым описание целого, всего словарного состава какого-нибудь языка на основе предлагаемых методов.

Поэтому остается и теперь самое простое возражение против «изоморфических» структуралистических способов описания словарного состава языка: если, действительно, семантическую систему языка можно описать так же точно и строго, как фонологическую, то почему же этого никто до сих пор не сделал? Почему целых 20 лет так и не приступили к этой работе? Но кроме этого простого возражения, имеются существенные сомнения и по существу. Так, например, Фурке²⁴ очень убедительно показывает, что фонология, как наука об «обозначающем», обладает особыми, свойственными только ей закономерностями, определяемыми особенностями исследуемого ею предмета. Поэтому разработанные фонологией методы не могут быть механически перенесены в область семантики или науки об «обозначаемом». Как и фонология, семантика должна быть объективной и исходить из закономерностей, определяемых характером исследуемого объекта. При этом следует иметь в виду то, что исследование «структуры обозначающего» представляет трудности несравненно большие, чем исследование структуры «обозначающего». Строение «обозначающего», т. е. звуковой оболочки слов и морфем, может изучаться как ряд последовательных, линейных, разновременных единиц. Обозначаемое же, т. е. содержание, значение слов и морфем, нормально является неразложимым на последовательные линейные единицы, «глобальным», одновременным. Кроме того, само сообщение, сама передача обозначающего гораздо сложнее, чем передача звуков; мы знаем новое слово с точки зрения «обозначающего» (т. е. его звуковую оболочку. — *О. А.*), как только мы осознали, из каких фонем оно состоит; значение же слова раскрывается для нас постепенно, через целый ряд контекстов его употреб-

ления и может долгое время оставаться (а иногда и вообще остаться) для нас не раскрытым до конца.

Кроме всего изложенного, имеется еще следующее важное соображение. Как фонология не могла бы возникнуть, если бы ей на помощь не пришла анатомия и физика, так же и лексикология не может оформиться как наука без помощи психологии и «социологии».

То, что Фурке говорит о помощи «социологии», как существенной для построения научной лексикологии, не обязательно должно быть принято буквально. Но в целом оно является правильным потому, что указывает на необходимость разработки науки о словарном составе языка в неразрывной связи с внелингвистическими факторами, т. е. в первую очередь с объективно существующей реальной действительностью, которая, отражаясь человеческим сознанием и будучи связана с определенным звучанием, и составляет значение слова.

Принципиальную невозможность перенесения на лексику структуралистических методов, в той или иной мере оправдавших себя в фонетике и морфологии, Ж. Кантино²⁵ обосновывает, исходя из изолированности словарных противопоставлений. Если грамматика изучает все то, что основывается на симметрических рядах или рядах «пропорциональных противопоставлений» (т. е. таких, при которых отношение, существующее между данными двумя членами, повторяется в остальных отношениях той же системы), то словарь построен на изолированных противопоставлениях (т. е. таких, которые не повторяются в данной системе). Если лексические противопоставления тем или другим путем становятся пропорциональными, они, по мнению Кантино, перестают быть лексическими, т. е. выходят из области лексики и переходят в область грамматики, и наоборот, если грамматическое противопоставление перестает быть пропорциональным, оно становится изолированным, теряет свой грамматический характер. Хотя различие лексического и грамматического вообще и в слове в частности не может быть объяснено только как различие изолированных и повторяющихся противопоставлений, о чем уже было сказано выше, аргументация Кантино, безусловно, представляет интерес.

Весьма существенным недостатком «изоморфического» метода является еще следующий. Ведь сторонники лингвистического структурализма как будто основываются на единстве, нераздельности «формы» и «функции», «звучания» и «значения», отрицают существование «заранее данных понятий», находящих себе точные смысловые соответствия как в разных языках, так и в одном и том же языке. Исходя именно из единства звучания и значения, нельзя не обратить внимания на взаимозависимость членов синонимического ряда²⁶, так же как и на то воздействие, которое оказывает на развитие значения слова многообразное его функционирование (полисемический или омонимический ряд). Например, трудно не согласиться с тем, что исчезновение из языка слова *страшится* не могло бы не

повлиять на соотношение и объем значений таких его синонимов, как *бояться, остерегаться, опасаться*; нельзя не согласиться и с тем, что употребление французского прилагательного *décéré* в таких сочетаниях, как *un vieillard décéré*, действительно привело к изменению значения этого слова, прежде ограниченного специфическим значением («с обвалившейся штукатуркой») ²⁷. Однако существование этих двух рядов отношений и определенная зависимость между ними ни в коем случае не дают основания для их разрыва и противопоставления. Нельзя выделять «значение» как абстрагированное от тех реальных «звуковых оболочек», в которые оно заключено, и вести семасиологическое исследование в «плане содержания» отдельно от «плана выражения». Неправоммерно устанавливать и две разные иерархии: исходящую из «формы» как звуковой оболочки слова и исходящую из «функции», т. е. из «бестелесного», абстрактного «значения», описательно и условно обозначаемого произвольно выбранными средствами.

Изложенное в первых трех параграфах пятой главы заставляет прийти к выводу, что три наиболее известных метода лексикологического исследования, весьма интересные как материал для обсуждения общетеоретических вопросов, пока не дали ощутимых результатов, в частности для лексикографии ²⁸. Поскольку тем не менее конкретные семасиологические изыскания ведутся непрерывно, в частности в связи с составлением словарей, необходимо попытаться выяснить, как, на какой основе решают вопрос об определении лексического значения слова лексикографы.

§ 4. Вопрос об определении значения в работах по лексикографии

Самой большой по объему из современных исследований в области лексикографии является книга Х. Касареса «Введение в современную лексикографию» ²⁹. В этой работе вопрос о природе и анализе лексических значений занимает, естественно, значительное место, однако ставится в чисто практическом плане (следует напомнить, что Касарес вообще считает лексикографию чисто техническим приложением к лексикологии).

В основу разграничения семантики как научной дисциплины и лексикографии как технического приложения лексикологии Касарес кладет два определения академического словаря испанского языка, согласно которому семасиология, или семантика, определяется как «изучение значений слов», а лексикография — как «искусство собирания всех слов данного языка и выяснения и установления значения и употребления каждого из них». В связи с этим Касарес ставит вопрос: в чем же разница между семантикой (семасиологией) и лексикографией, т. е. какая разница между тем, чтобы «изучать значение слов» и «выяснять и устанавливая их значение», и приходит к выводу, что разницу надо искать в том, что лексикография — искусство, а семантика — наука. Семантика, в

отличие от лексикографии, решает теоретические проблемы соотношения «обозначающего» и «обозначаемого», разные колебания в этом соотношении — разные виды изменения значений слов и т. д. Семасиология опирается также на сравнительную лексикологию и науку о принципах называния, или ономасиологию, которая, отправляясь от «предметов» в широком смысле, ставит себе задачей сравнительное изучение путей установления данной ассоциации «вещи» и «слова» и восстановление как процессов интеллектуального характера, так и относящихся к фантазии, определивших эту ассоциацию. С другой стороны, психология — коллективная или социальная — ставит свои достижения на службу языковедам, открывая им широкие горизонты. Однако лексикографу, по мнению Касареса, до всего этого очень мало дела. Как полагает Касарес, лексикографу даже опасно знакомство с разного рода семантическими «законами» вроде иррадиации, дифференциации, элиминации и пр. Лексикографу нужна прикладная семантика, рассматриваемая как средство, а не как цель, семантика на службе у лексикографии.

Основным понятием для лексикографа, поэтому является «значение» не как *significaci3n*, а как *ассерси3н*, как «принятый смысл» (*sentido*). Чтобы установить эти *ассерси3н*, лексикограф должен обращаться не к этимологии и не к «общему» значению, представляющему собой абстракцию, а к реальным контекстам употребления слова. Так, например, чтобы получить «принятые значения» слова *orden*, надо их «извлечь» из таких сочетаний, как *orders corintio*, *orden dorico*, *orden ionico*, т. е. коринфский, дорический, ионический орден, *orden del dio* (порядок дня), *orden cerrado* (сомкнутый строй), *orden de combato*, *de batalla* (боевой порядок) и т. п. Каждое из выделенных таким образом «смыслов» (*sentidos*), как более специальных, так и общих, и есть то, что в лексикографии составляет «принятое значение» (*una ассерси3н*).

Хотя, таким образом, способ отыскания «принятых значений» и определяется как будто с достаточной ясностью, отделение их друг от друга представляет большие трудности³⁰. Как узнать, когда данное «окказиональное употребление» слова приобретает достаточную определенность для того, чтобы дать отдельное лексикографическое значение? Касарес пытается эмпирически наметить основные случаи: 1) наличие двух значений уже в языке-основе; 2) «сужение» значения; 3) превращение окказионального значения в узусальное; 4) возникновение нового значения на основе образного употребления и 5) обогащение значения слова через определяющее его слово в словосочетании.

Другим трудным вопросом Касарес считает установление порядка расположения значений в словарной статье. Этот порядок может быть генетическим, логическим и историческим. Однако для обычного словаря ни один из них не годится, и разные значения должны располагаться чисто эмпирически.

В книге Дорошевского «О задачах польской лексикографии»³¹ вопрос о способах определения, объяснения и размещения значе-

ний занимает большое место. Исходя из утверждаемых им общетеоретических позиций ³², Дорошевский считает необходимым отказаться от того способа семантической трактовки слов, который был предложен в макете «Словаря польского языка» ³³. В этом макете значения раскрывались эмпирически; задача словаря понималась в основном как регистрирование наибольшего числа сочетаний; лексикограф не должен был брать на себя обобщений и определений. Теперь же основной задачей Дорошевский считает определение общего значения. Общее значение не однородно, оно подразделяется на: 1) наиболее распространенное, главное и 2) второстепенное, подчиненное. Эти значения, после того как они в общем виде будут достаточно расчленены, следует как можно полнее иллюстрировать примерами ³⁴. Для объяснения значений Дорошевский считает более целесообразным пользоваться определениями, чем синонимами. Что касается размещения значений, то этот вопрос так или иначе связан с раскрытием временной последовательности: при объяснении каждого значения необходимо определить, с каким другим значением оно наиболее близко связано, когда наступило их разделение; иными словами, всякое толкование значения есть история, т. е. оно непременно предполагает разъяснение того, каким образом сложилось, как возникло данное состояние. Размещать значения в статье можно как начиная с самых старых и кончая самыми новыми, так и наоборот: историческую перспективу можно дать и ретроспективно. Дорошевский обращает внимание на теснейшую связь семантического и синтаксического критериев. Этот вопрос будет рассмотрен более подробно в третьей части настоящей работы.

В «Лексикографическом сборнике» ³⁵ вопрос об определении значения слова рассматривается как в общем плане в статьях проф. К. Горалека и акад. Ф. Травничка ³⁶, так и в собственно лексикографическом аспекте (в плане построения словарной статьи и с точки зрения эквивалента в двуязычном словаре) в статьях Янского и Маликовой ³⁷.

Проф. Горалек считает введенное им новое понятие «poimenovanije» очень существенным для анализа и классификации лексических единиц. Это понятие заостряет внимание на собственно лексических средствах языка в их отношении к действительности. «Единицы наименования» («poimenovanija») — это так называемые полнозначные («автосемантические» или «категорематические») слова. Они противопоставляются словам неполнозначным (или служебным, или «синсемантическим», или «синкатегорематическим»), таким, как предлоги, союзы, местоимения и т. п. Введение критерия «поименования», по мнению проф. Горалека, поможет решить также спорные или сложные случаи (например, является ли связочный глагол «единицей наименования» или грамматическим средством ³⁸).

Хотя изучение средств наименования, которыми располагает данный язык как система, и представляет значительные трудности,

проф. Горалек считает систематическое их изучение Необходимым, так как только таким путем можно определить место в лексической системе, например, таких явлений, как закономерности образования прилагательных от существительных, наречий от прилагательных и т. п., а также обнаружить стилистические варианты наименования, образующие коррелятивные пары синонимов, и т. п. ³⁹

Акад. Травничек заостряет внимание на вопросе об определении значения слова в толковом словаре и на идеологической правильности объяснения значений. Так, например, в настольном академическом словаре слово *цвет*, по мнению акад. Травничка, неправильно объясняется как «зрительное восприятие, вызванное световым отражением от поверхности видимого тела; свойство тел, вызывающее данное восприятие». Поскольку восприятие предмета складывается из целого ряда ощущений (а не только зрительных) и поскольку, по мнению акад. Травничка, необходимо более четко различать свойства предмета или явления и его восприятие (духовный процесс), акад. Травничек предлагает следующее определение слова *цвет*: «выражение познания свойства предмета, постигаемого зрением», или короче: «свойство вещи, постигаемое зрением».

Другой иллюстрацией требуемого Травничком подхода к определению слова является междометие *drum*. *Drum* объясняется в словаре, как «междометие, изображающее такой звук». Это объяснение является, по мнению акад. Травничка, неправильным потому, что предполагает объективное существование во внешнем мире звука *drum*, который непосредственно отражается в междометии *drum*, подобно тому как звук отражается в звукозаписывающей аппаратуре или предмет на фотографической пластинке. На самом же деле знание звукоподражательных слов возникает так же, как знание всех остальных слов, т. е. в процессе мышления ⁴⁰.

Важными для лексикографии являются указания акад. Травничка о необходимости определения общего значения слова, о выделении, обнаружении того основного семантического ядра, которое делает возможным его употребление для обозначения различных предметов действительности ⁴¹. Цитаты должны приводиться для уточнения, более глубокого разъяснения выделенного значения или значений, а не просто, как это иногда делается, потому, что в картотеке оказались примеры на это слово.

Акад. Травничек подчеркивает, что изменения в словаре, изменения значений слов являются отражением изменений, происходящих в общественной жизни и связанных с ними изменений в чело-веческом мышлении. Поэтому недопустимо при рассмотрении изменений значений слов исходить из формалистических категорий, таких, как сужение, расширение и т. п., в качестве основных ⁴². Особенно важно обеспечить идеологически правильное объяснение таких слов, как *padhodnota* (прибавочная стоимость), *narod* (нация) и др.

На советскую лексикографию в области принципов определения, размещения и разъяснения значений слова большое влияние оказали работы акад. Л. В. Щербы.

Для Л. В. Щербы характерна глубокая продуманность семантических соотношений, определяющихся идеей основного значения, установление линии развития каждого отдельного значения и образного употребления слова; это последнее он отличал от переносного употребления и ввел, кроме того, для дальнейшей детализации семантического анализа термин «распространительно»⁴³.

Л. В. Щерба уделял большое внимание вопросу об определениях в словаре, соотношению определений и экзemplификации. Определение в толковом словаре не должно быть широким и точным, не должно быть «дефиницией»⁴⁴. В нем должна отмечаться скорее общая идея значения; точное значение слова может быть выявлено только через показ всей системы его оттенков и применения в речи с использованием тщательно подобранных примеров⁴⁵.

Наряду с обсуждением теоретических вопросов лексикографии Л. В. Щерба, так же как В. В. Виноградов и другие ведущие советские языковеды, дал конкретные примеры семантической разработки слов⁴⁶.

Преждевременная смерть помешала Л. В. Щербе осуществить план создания теоретической монографии по вопросам лексикографии. В современной советской лингвистической литературе также отсутствуют обобщающие работы. До некоторой степени отсутствие таких работ компенсируется журнальными статьями, рецензиями на словари, инструкциями, макетами, предисловиями к словарям, отчетами о лексикографических конференциях и др. Поскольку здесь нет возможности детально рассмотреть все эти материалы, приходится ограничиться краткой библиографической справкой⁴⁷ и попыткой суммировать их основные идеи.

1. Все авторы принимают полисемию слов. В современной советской лексикографии нет работ, которые ставили бы под сомнение возможность для слова иметь несколько значений.

2. Подача в словаре многозначного слова требует установления системы его значений и относящихся к ним оттенков и употреблений. При этом особое внимание должно уделяться иерархии значений, для чего существенно различать такие виды значений, как прямое — переносное, общепотребительное — специальное, общее — второстепенное. Над этими разновидностями стоит «наиболее общее значение», на основе которого в одной словарной статье могут быть представлены слова, очень сложные по своей семантической структуре⁴⁸. Следовательно, для советской лексикографии можно считать решенным вопрос о том, что словарь не может довольствоваться или даже ставить в центр внимания собрание различных употреблений слова, из которых пользующийся им сам должен извлекать значение или значения. Словарь непременно должен давать обобщенные результаты научного семантического анализа слова, а примеры употребления и вообще фразеология должны лишь сопутство-

вать выделенным значениям, поясняя, развивая и иллюстрируя даваемые объяснения.

3. В советской лексикографии снято противопоставление актуального и этимологического значений в том смысле, что в историческом словаре порядок размещения значений может быть только этимологическим, а в синхроническом словаре — только актуальным.

4. Семантический анализ слова должен видоизменяться в зависимости от объема и назначения словаря. Например, если толковый словарь «среднего типа» должен содержать полную и подробную характеристику значений и оттенков значений, которые имеет слово в современном литературном языке, то краткий однотомный словарь должен разъяснять лишь наиболее существенные и наиболее общие значения, без выделения семантических «оттенков» и деталей.

5. Необходимо отличать определение, толкование и пояснение слова в филологическом словаре от его определения в словаре энциклопедическом, где определяется не слово, а обозначаемый им предмет, так же как и от определения слова в терминологическом словаре.

Заканчивая обзор методов определения значения слова, необходимо остановиться на следующем важном моменте. Как можно было видеть из сказанного выше, в зарубежной лингвистике значительное распространение получили точки зрения, согласно которым анализ значений слова должен непременно вестись «объективными» методами в позитивистском смысле этого слова. Советская лексикология может почерпнуть много ценного из ознакомления с такими проектами методов определения значения, как «метод семантического дифференциала» или метод установления иерархии форм и функций, который предлагает проф. Курилович и который может, по его мнению, быть столь же исчерпывающим и точным, как применяющиеся в настоящее время методы фонологического исследования. Однако эти методы не могут быть положены в основу работы. Как показал еще акад. Щерба, семантический анализ слова требует углубленного научного исследования; каждая словарная статья — это небольшая научная монография. Из сказанного, конечно, не следует, что десятки тысяч таких научных монографий должен вновь писать каждый составитель любого, в том числе и краткого, словаря. Так же как и в других областях научного исследования, основная работа должна выполняться наиболее квалифицированными учеными и фиксироваться в основных академических изданиях, а во всякого рода производных по отношению к ним словарях лишь видоизменяться, приспособляясь к данным конкретным задачам. Но, конечно, каждому лексикографу должны быть ясны основные принципы лексикологического исследования и основные лексико-семантические категории. А основным принципом анализа лексического значения слова является характер соотношения с действительностью, по отношению к которому собственно лингвистические моменты, такие, как например лексико-фразеологические

и лексико-синтаксические особенности воспроизведения тех или иных значений, являются как бы дополнительными, вспомогательными. Вместе с тем, может быть, следует еще раз напомнить о том, что «характер соотношения с действительностью» нельзя понимать упрощенно или вульгаризаторски. Как было подробно разъяснено выше на примерах, при постоянном ведущем и определяющем месте действительности роль языковых отношений и связей никогда не может сбрасываться со счетов, а в случаях «отвлеченного» значения она может быть очень и очень велика. Тем не менее в центре внимания все же остается характер соотношения с действительностью, что очень убедительно показано в известной работе акад. В. В. Виноградова⁴⁹, где обстоятельно и на оригинальном материале разъяснены основные типы лексических значений слова.

§ 5. Краткие выводы

В заключение первой части представляется целесообразным подвести краткий итог изложенным в ней соображениям.

1. Значения слов являются лингвистическими, языковыми значениями. Но языковое значение — это не «конструктивное значение» «микрولينгвистики» и не «знаковая функция» «функционалов», принципиально отвлеченных от каких бы то ни было «онтологических или феноменологических предпосылок». Языковое значение слова (а как единица языка слово никакого другого значения, кроме языкового, не имеет) есть «... известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструируемое из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития. Без материальной звуковой оболочки (которая лишь в определенных случаях может заменяться ее отображением, звуковым образом) воздействие действительности на сознание не могло бы иметь своим результатом то, что мы знаем как значение слова»⁵⁰.

2. Слова, так же как и вообще язык, существуют только в речи, поскольку вне речи вообще нет языка. Язык вообще (а следовательно, и слова) извлекается из речи, как «металл из руды». Поэтому отношение языка и речи не может быть приравнено к отношению «кода» и «сообщения». В языке есть только те слова, которые есть в речи, а тех, которых в речи нет, нет и в языке. Это можно наглядно показать на следующем примере. Как известно, в английском словаре наряду со словами общегерманского происхождения много слов романских. При этом оказывается, что если подсчитать соотношение тех и других по историческому словарю, то романских слов получается 70%, а германских всего 30%. Если же подсчитать

соотношение тех и других в реальных речевых произведениях, то процентное соотношение будет совсем другое, явно в пользу германских слов. Какой из этого вывод? Для тех, кто считает речь лишь реализацией, материализацией до нее существующего, заранее данного языка как «кодовой системы», верным будет первое из указанных соотношений. Если же подойти к вопросу исходя из материалистического понимания диалектики языка и речи, то правильным соотношением романских и германских слов для современного английского языка будет только второе: именно последнее соотношение реально характеризует словарный состав современного английского языка.

Серьезно поставленная лексикографическая работа требует непрестанной работы с картотекой, постоянно продолжающегося исследования разнообразных речевых произведений с целью извлечения, добычи из них все новых и новых языковых (лексикологических) фактов. Однако нередко, особенно при составлении разного рода «производных» словарей, лексикограф пользуется языковым материалом, уже извлеченным, уже данным. В этом случае он обращается к речевым произведениям за проверкой имеющихся в его распоряжении фактов. Так же как и при первом обращении к картотеке, в центре внимания должно быть выделение реальных слов общенародного языка, отграничение их от разного рода «потенциальных» слов, отграничение реально существующих в языке значений слов от случайных и специфических их употреблений и т. п. Ведь язык, существуя только в речи и через речь, ни в коем случае не растворяется в отдельных и специфических ее фактах. По отношению к отдельным произведениям речи язык выступает как общее по отношению к отдельному. Но общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Только через изучение диалектики общего и отдельного можно понять природу, сущность явления, пути превращения случайного в необходимое⁵¹.

3. Подходя к описанию слова, лексикограф прежде всего ищет его основное номинативное значение, то значение, которое «непосредственно направлено на предмет».

Номинативное значение может быть и не одно. Для номинативного значения характерна «нулевая» фразеологическая, конструктивная и синтаксическая обусловленность. По этой линии номинативное значение — это «*terme non-marqué*».

В случае фразеологически обусловленных значений на предмет непосредственно направляется уже не данное слово как таковое, а данное соединение слов как целое.

4. Безусловным и непреложным фактом является различие семантического строения разных языков. Поэтому при анализе значения слова важнейшую роль играет исследование строения данного значения в данном языке, его соотношения с другими значениями. Но если идеалистическое языкознание во главу угла ставит систему внутриязыковых отношений, то материалистическое языкознание, напротив, исходит прежде всего из того, что значение слова есть

отображение явлений или отношений действительности в сознании. Изучение особенностей его языкового формирования и существования есть лишь средство более глубокого проникновения в его свойства, но не определяющее или решающее.

5. Лексическое значение и грамматическое значение различаются вполне определенно. Однако в слове эти оба вида значения бывают настолько внутренне спаяны, что при лексикографическом описании слова необходимо учитывать и то и другое. Поскольку именно слово является основной языковой единицей и поскольку оно конституируется единством лексического и грамматического, механистический разрыв этих двух видов значения является недопустимым.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V ЧАСТИ ПЕРВОЙ

¹ Ср. M. J. O s s, *Description of Language Design* (The Journal of the Acoustical Society of America, 22,6, 1950), где вопрос о разграничении «внутреннего» и «внешнего» значения решается так: «внешнее» значение — это предмет социологии; лингвистическое значение морфем и их комбинаций — это ряд условных вероятностей их появления в контексте со всеми другими морфемами данного языка, совершенно безотносительно к «внешнему, практическому или социологическому их значению». Такое понимание «значения» обязательно требует применения математических методов исследования. Например, если сравнить две такие английские фразы, как *he did a poor job* и *he did the job poorly*, то легко убедиться, что появление отрезка *-ly* во втором предложении полностью определяется самим этим предложением, т. е. данным непосредственным контекстом. Такие отрезки, или морфемы, в современной лингвистической терминологии нередко обозначаются термином «пустая морфа», поскольку они лишены какого-либо внелингвистического или ситуативного значения и их появление полностью определяется особенностями языкового построения.

² Ср. мою брошюру «Основные направления лингвистического структурализма», М., 1955, стр. 10.

Наиболее ярко эти теоретические положения изложены Блумфильдом в его рецензии на книгу М. Сводеша (M. S w a d e s h, *La Nueva Filología*), опубликованной в журнале *Language*, 1943, № 2, стр. 169—170. Блумфильд горько упрекает Сводеша за то, что тот не сумел освободиться от привычки к «философским экскурсам» и рассуждает на такие темы, как, например, наличие в действительности прошедшего и будущего времени и отсутствие «настоящего».

³ J. B. C a r r o l, *The Study of Language: a Survey of Linguistics and Related Disciplines in America* (Cambridge, 1953); рецензия Трейджера опубликована в *Studies in Linguistics*, vol. 12, 1954, № 1—2.

⁴ T r a g e r, Q. L. a n d S m i t h, H. L., *An Outline of English Structure* (*Studies in Linguistics, Occasional Papers, Oklahoma*, 1951).

⁵ Ср. J. C a n t i n e a u, *Les Oppositions significatives* (*Cahiers F. de Saussure*, 10, 1952, стр. 20: «...таким образом, американские языковеды по существу отказываются от того принципа, который они провозглашали с такой энергией: они отказываются от формы и основываются исключительно на значении»; и E. R e i f l e r, *Linguistic Analysis, Meaning and Comparative Semantics* (*Lingua*, т. 3, 4, Aug. 1953, стр. 371—380). Как убедительно показывает собранный Рейфлером материал, никому из американских дескриптивных лингвистов не удалось практически разрешить проблему значения в желательном для них и теоретически вновь и вновь постулируемом направлении. Как только они обращаются к конкретному исследованию, они вновь и вновь оказываются вынужденными признать, что без привлечения значения невозможен даже фонологический анализ, не говоря уже о морфологическом и синтаксическом.

Одним из наиболее наглядных примеров результата, прямо противоположного тому, что постулируется в плане теоретическом, является цитирующаяся уже работа Трейджера и Смита. Трейджер и Смит отказываются от фонологического подобия как основы для выделения и классификации морфем. Что же является такой основой? «При современном состоянии морфематического анализа оказывается удобным пользоваться значением частей высказывания... при отождествлении морфем». Но что же это такое? Ведь вновь и вновь повторялось, что значение — это дело «макрولينгвистики», что его принципиально нельзя определить, не изучив одновременно всех наук, и т. д. Характерно, что все эти общие положения снова повторяются в третьей части книги под названием «Металингвистика» (правда, опять без попытки конкретного применения к материалу). Поэтому следует признать суждение Кэрролла правильным и возражения Трейджера необоснованными; если что и достигнуто в этой области по сравнению с тем, что было у Блумфильда, то только доказательство неприменимости выдвинутых постулатов на практике.

Конечно, можно утешаться тем, что «обращение к значению» — лишь «временная мера», «сокращение пути» («short cut»), хотя и неприемлемое теоретически, но удобное практически и т. п. Однако эта «временная мера» грозит превратиться в постоянную. Трудно не согласиться с Рейфлером (цит. произв., стр. 377), что вряд ли вообще возможно анализировать и описывать язык, не попытавшись сперва овладеть им в «аспекте значения».

⁶ Ch. C. F r i e s, 'Meaning and Linguistic Analysis', *Language*, vol. 30, № 1, ч. 1, январь — март, 1954, стр. 57 и след.

⁷ Ф р а й з, цит. произв., стр. 65.

⁸ Ch. E. O s g o o d, *Psycholinguistics*, стр. 177—183. Общетеоретическое и экспериментальное обоснование этого метода см. в «*Psychological Review*», 49, 197—237 (1952); критический разбор современных теорий обучения и обоснование «медиационной теории» Осгуда см. в его «*Method and Theory in Experimental Psychology*» (New York, 1953); см. также его «*The Nature and Measurement of Meaning*» (*Psychol. Bull.* XLIX, 1952, № 3, 197—237).

⁹ Наиболее значительной попыткой этого рода до сих пор остается «*Grading, a Study in Semantics?*» Э. Сепира (*Philosophy of Science*, vol. 11, 2, апрель, 1944, стр. 93—116). О том, что для такого анализа необходимо наличие какого-либо признака в значении слов см. А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 66.

¹⁰ J. T r i e r, *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes* (1931); *Sprachliche Felder* (*Zeitschr. für die Bedeutungslehre*, 8, 1932); *Das Sprachliche Feld* (*Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung*); *Deutsche Bedeutungsforschung* (*Germanische Philologie, Festschr. für Otto Behagel*, Heidelberg, 1934) и др.

¹¹ В качестве примера можно привести несколько названий сравнительно новых работ: A d o l f, H e l e n, *Ohg wuntarón and the Verbs of Fear and Wonder*, *JEGmcPhil.*, vol. XLVI, Oct. 1947, 4; B e s c h, G., *Das semantische System der deutschen Modalverba*, *TCLC*, 4, 1949; B e r n a r d, R., *Etude étymologique et comparative de quelques mots bulgaires concernant le vêtement et la parure* (Paris, 1949); B e r t s c h i n g e r, M., *To want. An Essay in Semantics* (*Swiss Studies in English*, 13, Bern, 1941); F o u r n i e r, H., *Les verbes «dire» en grec ancien* (Paris, 1946); G o u g e n h e i m, G., *L'espace a deux dimensions et l'espace a trois dimensions en français moderne* (*Journ. de Psychol.*, 1, 1949); J u z i, G e r t r u d, *Die Ausdrücke des Schönen in der altenglischen Dichtung* (Zürich, 1939); O s k a a r, E., *Die sprachliche Erfassung des menschl. Körpers am Beispiel des Estnischen* (*Zeitschr. für vergl. Sprachforsch.* Bd. 73, Heft 1/2, 1955); R e u n i n g, K., *Joy and Freude: a Comparative Study of the Linguistic Field of Pleasurable Emotions in English and German* (Swarthmoore, 1941); R o t h w e l l, W., *Winds and Cardinal Points in French* (*Archivum linguisticum*, vol. 7, f. 1, 1955); R u d s k o g e r, A., *Fair, Foul, Nice and Proper* (*Gothenburg Studies in English* 1, Stockholm, 1952); T h u r e s s o n, B., *Middle English Occupational Terms* (*Lund Studies in English*, 1950) и др.

¹² Одним из наиболее интересных сопоставительных исследований остается до сих пор известная работа Ш. Балли «*Linguistique génératrice et linguistique*

française» (изд. 2, Берн, 1944), русск. перев., М., 1955 (Ш. Б а л л и, Общая лингвистика и вопросы французского языка). Фактически на ней основывается новая работа Ульмана (S. U l l m a n, Descriptive Semantics and Linguistic Typology (Word, vol. 9, № 3, Dec. 1953).

¹³ B e t z, W., Zur Überprüfung des Feldbegriffes (Zeitschr. für vergl. Sprachforschung, Göttingen, Bd. 71, Heft $\frac{3}{4}$, 1954).

¹⁴ Следует заметить, что хотя очень многие семасиологи вдохновлялись идеями Трира (может быть, в определенный исторический период почти никто не оказывался вполне свободным от его влияния), фактически выявляется почти столько же разновидностей этой методики, сколько применяющих ее авторов. Так, например, в упомянутом выше обстоятельном исследовании Рюдскугера (см. примеч. 11) в основе классификации лежит «концептуальное» или «понятийное поле», очень напоминающее категории «Тезауруса» Роже, хотя и не такие широкие и, конечно, не определяемые так точно, как это делается в отношении «значений» в словарях. У Рюдскугера одно и то же полисемантическое слово может поэтому распределяться по нескольким «понятийным полям». Так, например, fair на основании таких сочетаний как fair woman, fair weather и fair play попадает в разные «поля».

О трудностях применения методики «словарного поля» убедительно говорит Шейдвейлер (в ZfdA, LXXVIII и LXXIX), показывающий, что большей частью между «отдельными членами поля» нет естественных границ, а, напротив, наблюдается тенденция к «семантической аттракции», семантическому умножению (или скопленю).

В плане исторической семасиологии «теорию поля» критикует Ф. Дорнзайф (F. D o r n s e i f f, Das Problem des Bedeutungswandels, Zeitschr. für deutsche Philologie, Stuttgart, LXIII, 1938). Дорнзайф показывает, что Трир, хотя и с новой аргументацией, приходит к «биологическому» пониманию «жизни слов» в духе А. Дармстетера, т.е. «жизни» и «смерти» слов, рассматриваемых «в себе», независимо и отдельно от пользующихся ими людей. (Позиции самого Дорнзайфа близки к Леви-Брюлю и Есперсену.)

Насколько можно судить по сравнительно новым работам, сам Трир не был убежден в необходимости сколько-нибудь существенного пересмотра своей методики. Ср. в подтверждение такие его работы, как «Lehm, Etymologien zum Fachwerk» (Münster, 1951), «Holz, Etymologien aus dem Niederwald» (Münster, 1952) и др.

¹⁵ Ср. «Vom Weltbild der Sprache», стр. 60—96.

¹⁶ W. P o r z i g, Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen (Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 58, 70—97, 1934).

Различие двух подходов — замыкающегося в рамках языковой системы и строящегося на «языковых содержаниях» — находит отражение и в характере построения сопоставительных типологических исследований. Так, например, в цитированной уже выше работе С. Ульмана («Descriptive Semantics and Linguistic Typology») в качестве критериев для сопоставительного анализа выдвигаются следующие: 1) соотношение или сравнительная дозировка мотивированных и немотивированных слов, таких, как dé — Fingerhut, gant — Handschuh, divorce — Scheidung и т. п.; 2) соотношение специальных и общих терминов, например немецкое arbeiten, bearbeiten при общем французском travailler; 3) особые средства для передачи эмотивных обертонов, например итальянское donna, donnina, donnetta, donnetina; 4) организация и распределение синонимических ресурсов, например три ряда синонимов в английском языке типа rise, mount ascend; time, age, epoch и т. п. при двух (mots populaires и mots savants) во французском; 5) относительная распространенность полисемии; 6) относительная распространенность омонимии. Пятый из приведенных критериев важен с точки зрения семантической автономности слова: чем полисемантнее слово, тем больше оно зависит от контекста. Например, французское слово семантически менее автономно, чем немецкое; немецкие слова по большей части «описательные», французские же — «знаковые». Как можно видеть, эти основные два понятия заимствованы Ульманом из известной работы Матезиуса (V. M a t h e s i u s, Pspispevek k strukturalnímu rozboru zasoby slovní. Cestina a obecny jazykospyt, стр. 175—194).

Вайсгербер тоже считает, что тот же метод, который раскрывает картину мира одного языка, может явиться основой для плодотворного сравнения «языкового содержания» разных языков. Такими «языковыми содержаниями» «в себе», на основе которых можно сопоставительно развернуть картины мира в разных языках, могут явиться как простые и единичные, вроде, например, таких пар, как: нем. Schlag — франц. coup, нем. gehen — франц. aller, нем. sein — франц. être и т. п., так и более сложные, вроде, например, «вещественной группы родственных отношений»; исследование в этом случае требует сначала составления таблицы общечеловеческих родственных отношений в качестве «Kerngitter» для родственных отношений в данном языке, то есть «мысленного членения ближайшего родства в языках мира» (как показывает исследование, таких «gedankliche Zwischenwelt'oB» в природе всего четыре).

Своеобразный подход к вопросу о методах исследования словарного состава языка обнаруживает Мензерат (P. Menzera'th, Die Architektur des deutschen Wortschatzes, Bonn, 1954; Phonetische Studien). Мензерат предлагает классифицировать слова по числу слогов, а затем по числу гласных и согласных. Оказывается, что если отвлечься от сложных и производных слов, все немецкие слова являются либо односложными, либо двусложными (исключений всего два-три, причем единственным употребительным из них является Ameise). Сравнение с французским языком показывает большое различие по числу слов, состоящих из одной гласной (если в немецком таких слов 7, то во французском 63).

¹⁷ Ср. его «Курс общей лингвистики», русск. перев., гл. IV, § 3 и 4.

¹⁸ Вопрос о методах исследования в западноевропейском структурализме рассматривался мною в работах: «Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания», ВЯ, 1953, № 3; «О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий (в связи с вопросом о методе лексикологического исследования)», ВЯ, 1955, № 3; «Основные направления лингвистического структурализма», изд. МГУ, 1956.

¹⁹ «Заметки о значении слова», ВЯ, 1955, № 3; ср. также его «La notion de l'isomorphisme» (TCLC, vol. V, 1949) и «Linguistique et theorie du signe» (Journ. de psychol., année 1949, nos. 2, 3, 4; № 2, стр. 170—180), посвященную сравнению фонологических и синтаксических структур.

²⁰ S. Karcevskij, Du dualisme asymetrique du signe linguistique (TCLP, 1, 1929).

²¹ ВЯ, 1955, № 3, стр. 75 и 78—81.

²² Для обозначения частичного совпадения значений двух слов под влиянием контекста предлагается пользоваться термином «синкретизм». (Ср. индекс терминологии в книге Ельмслева «Omkring sprogteoriens grundlaeggelse» (Aarhus, 1943; англ. перев. «Prolegomena to a Theory of Language»), Baltimore, 1953; Suppl. to Intern. Journ. of Am. Ling., 1953, V, 19, № 1).

²³ Е. Курилович, Заметки о значении слова, стр. 80—81.

²⁴ J. Fouguet, Analyse linguistique et analyse phonologique, TCLC, V, 1949.

²⁵ J. Cantineau, Les oppositions significatives (Cahiers F. de Saussure, 10, 1952, стр. 27—28).

²⁶ Ср. V. Blanař, Vyvin významovej stavby sloviess znamenat' — vyznamenat' — zaznamenat' v slovenčine a čestine (Slavia, R. XXV, Ses. 1, Praha, 1956).

²⁷ Ср. Ф. де Соссюр «Курс общей лингвистики», русск. перев. М., 1933, стр. 115—116, и Курилович, цит. произв., стр. 75.

²⁸ Хотя такие работы, как попытка систематического изображения всех «семантических полей» или «вещественных групп», предпринятая Вартбургом и Халлигом в качестве основы для будущей лексикографической работы, и претендует как будто на практическое развитие соответствующих теоретических положений, фактически они обречены на неуспех, так как, естественно, не могут представить «вещественные группы» иначе, как средствами данного конкретного языка (французского) со свойственными ему специфическими и совсем не «универсальными» распределениями. Вместе с тем остаются и все другие возражения, о которых была уже речь во втором параграфе. Можно ли

вообще разграничивать и разделять «поля» хоть с какой-либо степенью объективности, а в случае обращения к «вещественным группам» как членить их, не навязывая им того специфического и неповторимого членения, которое неизбежно будет подсказывать тот или другой язык? (Ср. по этому вопросу: Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, ИАН, ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 96).

²⁹ J. C a s a r e s, Introduccion a la lexikografia moderna (Madrid, 1950).

³⁰ Конечно, это решение касается только «обычного словаря». В историческом словаре, рассчитанном на несколько поколений, значения следует располагать только на основе исторического принципа. Подачу значений согласно историческому принципу Касарес иллюстрирует примером со словом *ordo* от его значения в латинском языке и далее его семантическое развитие в испанском, французском, итальянском и английском языках (§ 30—35).

Касарес определяет полисемию как совпадение разных обозначаемых (*significados*) в одном и том же словарном знаке. В этой связи нельзя не обратить внимания, что старый спор между Паулем и Штейнталем о том, может ли слово иметь несколько значений, до сих пор не является законченным. Так, например, К. Горалек в статье под названием «К теории наименования» («К theorii pojmenovani», *Lexikograficky sbornik, Materialy z celostatnej konferencie* čs. lexikografov, Bratislava, 1953) считает невозможным говорить, что слово может иметь разные значения, менять значения и т. п., так как это значило бы понимать под словом только его звуковую сторону, понимать слово только как звуковое образование, без учета его семантического содержания.

Хотя Касарес и отмахивается от всякой теории, для решения вопроса о «лексикографическом значении» в «обычном словаре» как о «принятом значении» (*assercion*) существенны не только общезыковедческие и психологические работы, но и философские. В качестве примеров можно привести работы Флу (A. F l e w, *Philosophy and Language, The philosophical quarterly*, vol. 5, № 18, Jan. 1955) и Коген (L. J. C o h e n, *On the Use of the Use of, Philosophy*, vol. XXX, № 112, Jan. 1955).

Флу различает общее употребление слова и его «принятое употребление». Первое нейтрально, безразлично к языку, второе же — это специфическая особенность именно данного языка. Так, например, «общее употребление» слова *table* будет во многом совпадать с «общим употреблением» слова *tavola*. Напротив, «принятое употребление» — это особенности употребления данного английского слова теми, кто действительно пользуется им, и ни в какое сравнение, например, с *tavola* оно идти не будет. «Общее употребление» слова основывается на принятом стандартном «правильном» его употреблении данной группой людей, являющихся представителями «образцового языка» (о методе установления такого употребления см. выше § 1). Флу решительно возражает против презрительных выпадов современных пророков «семантики» и «семиотики», сравнивая их доводы с поведением сказочного персонажа Хэмти-Дэмти из «Алисы в стране чудес», который тоже воевал с «нелепыми ограничениями свободы речи», употребляя слова в совершенно произвольных, им самим выбираемых значениях («Когда я употребляю слово, — сказал Хэмти-Дэмти презрительно (в ответ на недоуменные вопросы Алисы), — оно значит то, что я предпочитаю ему значить — ни более ни менее»).

Если устанавливается новое «принятое употребление», то оно порождает и новое «общее употребление» и язык обогащается. Новые «общие употребления», следовательно, обнаруживаются путем исследования и сравнения различных «принятых употреблений». Неправильное употребление слова — это отступление от правильного, стандартного «принятого употребления». Известное количество таких отступлений не уничтожает возможности общения благодаря контексту и т. п. (отсюда, однако, не следует, что понимание вообще возможно только в контексте, определенной ситуации и т. п.).

В отличие от Флу, считающего различие правильного и неправильного употребления легко достижимым, Коген говорит о невозможности отчетливого разграничения правильного и неправильного употребления. Между употреблением слов и предметов нет аналогии. Так, например, всякий понимает, что пользоваться теннисной ракеткой в качестве подноса значит употреблять ее

неправильно. Со словами же дело гораздо сложнее, хотя бы потому, что нельзя все разнообразие окказиональных содержаний, включающих побуждение, поощрение, брань, суждение, обещание и т. п., свести к «сигнификациям».

Близкой к позиции Флу является позиция Робинса (R. H. Robins, A Problem in the Statement of Meaning, *Lingua*, т. 3, № 2, 1952). Ища третьего пути, который, с одной стороны, освобождал бы от того сложного и запутанного положения, которое создается, когда лингвистика подпадает под власть метафизической (философской или психологической) доктрины (от чего всячески пытался освободить ее Блумфильд), а с другой — от явной несовместимости бихейвиористической трактовки значения и здравого смысла, Робинс предлагает в качестве основного понятие «контекст ситуации» (context of situation), который понимается как отвлечение от всего имеющегося опыта функционирования речи в обществе и отдельных слов в речи. Как всякая научная абстракция, «контекст ситуации», конечно, приемлем только в той мере, в какой он действительно сможет помочь пониманию, изложению и объяснению фактов.

О методе отвлечения значений слов путем анализа речи говорит один из наиболее продуктивных современных семасиологов — Ульман (S. Ullmann, *Language and Meaning*, *Word*, vol. 2, Aug. 1946, № 2).

Ульман решительно выступает против «атомизма», складывания из кирпичиков (brick theory). Речевой поток состоит из предикативных синтагм, известных под названием предложений. Посредством семантического анализа предложения исследователь приходит к слову. Анализируя слово фонетически, он приходит к фонеме. Отсюда следующее деление лингвистических дисциплин и изучаемых ими предметов: фонология — фонема, лексикология — слово, синтаксис — синтагма.

Важное значение для проникновения в природу «номинации» как основы для «отвлечения» собственно языкового значения имеют работы психологов. Так, например, опыты в области психопатологии дали Гольдштейну (K. Goldstein, *On Naming and Pseudonaming; from experiences in Psychopathology*, *Word*, vol. 2, Apr. 1946, № 1) материал для следующих выводов. Называние, или номинация, не может рассматриваться как простая связь между «предметом» и словом; необходимо наличие концептуального, или абстрактного, отношения к предмету.

Очень ясно различие между «речевыми автоматизмами» и подлинно «значащим» использованием языка выступает при изучении иностранного языка. Пока не достигнуто еще настоящее владение иностранным языком, иностранные слова используются как условные эквиваленты слов родного языка, причем эта эквивалентность устанавливается весьма поверхностно и случайно. Поэтому на этой стадии правильность употребления иностранных слов оказывается обеспеченной только в простейших и повторяющихся ситуациях, в которых речь может быть полностью автоматизирована (таких, как *будьте здоровы*, *добрый день* и т. п.). Подлинное «значащее» общение на иностранном языке становится возможным только после того, как вполне усвоено основное значение слов.

³¹ W. Doroszewski, *Z zagadnień leksykografii polskiej* (Warszawa, 1954).

³² Часть I, глава I, параграф 4.

³³ В «Zeszytych dyskusyjnym słownika współczesnego języka Polskiego».

³⁴ Так, например, если в макете под фала прежде всего давались такие фразы, как *fale morskie*, *rzeczna fala*, *wielka*, *mala*, *silna fala*, *zielone fale*, *modra fala*, *fale metne* и т. п., то теперь к тому же заголовочному слову следует дать: 1) значения najczestszego — «*ruchliwej powierzchni wody wату wodnego*» и 2) значения pobocznego — «*stugi deszczu, ulewę*», и уже после их общего определения снабдить их иллюстративными примерами.

³⁵ Lexikografický sborník, *Materialy z celostátnej konferencie čs. lexikografov, konanej v dnoch 5—7 júna 1952 v Bratislave*. Vydateľstvo Akadémie vied, Bratislava, 1953.

³⁶ К. Ногалека, *K teorii pojmenovani*.

³⁷ В своей статье «*Vystavba hesla*» Янский ссылается на работу А. Ziskala «*Prispevky k lexikografickej teorii a praxe*» (*Slovo a slovesnost*, 4, 1938, 149).

³⁸ Проф. Горалек полагает, что разработанная им теория наименований должна явиться основой вообще для описания языковой структуры, причем деление на фонетику, морфологию, словообразование и синтаксис должно быть заменено делением на фонетику, учение о слове и учение о предложении. Ср. в связи с этим выше примеч. 30: разница со схемой, предложенной Ульманом, видимо, в том, что Ульман вместо предложения говорит о «предикативной синтагме». Так же, как и Ульман, проф. Горалек придает важное значение различию «языкового» и «описательного» наименований, предложенному В. Матезиусом.

³⁹ Выступая в дискуссии по докладу Горалека, М. Докулил не без основания обратил внимание на необходимость более четкого различения ономастического и семасиологического аспектов слова. Поэтому, по мнению М. Докулила, недостаточно говорить о наименовании и единицах наименования; необходимо выделить лексические средства наименования как средства прямого обозначения действительности в языковом проявлении в отличие от наименования в смысле «акта наименования».

⁴⁰ О природе значения междометий ср. также А. И. Смирницкий, Значение слова, ВЯ, 1955, № 2, стр. 89.

⁴¹ Приводится пример со словом *semenište* (рассадник, питомник), которое может применяться для обозначения соответствующего заведения как в садоводстве и огородничестве, так и в лесничестве, не меняя «обозначаемого», того «предмета мысли», который составляет его значение.

⁴² Так, например, неправильно, как это сделано у Эртля (V. E r t l, Gebauegova mlúvnice ceska, изд. 9, 1926, ч. 1, стр. 128 и след.), объяснять слово *rap* только как «расширение» (т. е. от значения «шляхтич» к «*občesny titul muže vubes*») или *pařod* только или просто как «сужение» от первоначального более широкого значения «*so se narodilo, tvorstvo*».

⁴³ См. его «Опыт общей теории лексикографии», ИАН, ОЛЯ, 1940, вып. 3.

⁴⁴ В этой связи интересно введенное Л. В. Щербой «нечто вроде», полезное для того, чтобы отличать от отвлеченной научной дефиниции определение с точки зрения реального понимания данного термина в общем литературном языке. Например, что такое Ньютон для русского литературного языка? «Один из гениальнейших умов человечества, заложивший основы современного знания в области точных наук». Что такое прямая линия? «Эта такая линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево» и др.

Ср. интересные замечания Л. А. Булаховского по вопросу об определениях в толковом словаре: «... Сомнительна, однако, — говорит Л. А. Булаховский, — полезность объяснения слов, понимание смысла которых никого не затрудняет; при истолковании их обычным приемом — указанием родового понятия и к нему видового — получаются несколько странно и всегда очень отвлеченно звучащие фразы: сидеть... «Быть в положении, при котором туловище опирается на что-нибудь нижней своей частью»; лежать... «1. Находиться всем телом на чем-нибудь в горизонтальном положении» и др. (см. его «Введение в языкознание», Учпедгиз, 1953, стр. 147).

Полезные сведения о словарных определениях, их идеологической направленности, краткости, точности даны в книге Е. М. Галкиной-Федорук «Современный русский язык. Лексика», МГУ, 1954, стр. 191—193.

⁴⁵ Следует заметить, что влияние лексикографических работ Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Е. С. Истриной и других, так же как вообще советской академической лексикографии, распространяется и за пределы СССР. В частности, в Чехословакии и Польше печатается много статей, трактующих лексикографические вопросы с позиций советской лексикографии. Так, например, О. Маликова (O. Malikova, Problem ekvivalentu v dvojazyčnom slovníku, Lexikografický Sborník, Bratislava, 1953) полностью присоединяется к взглядам акад. Щербы на соотношение между толковым и переводным словарем, по вопросу о месте синонимии в переводном словаре и т. п. В. Budovičova в статье «Spracovanie významovej štruktúry slov vo vykladovom slovníku» (slov. Reč, Ročn. XX, с 1, 1955) исходит из классификации основных типов лексических значений слов, предложенной В. В. Виноградовым (см. ниже, стр. 101—102).

По вопросу о порядке размещения значений Будовичова присоединяется к точке зрения С. И. Ожегова («О трех типах толковых словарей русского языка», ВЯ, 1952, № 2), что выдвижение на первое место более актуальных значений не может проводиться механически. В случаях, когда новые значения возникли в процессе метафорического, переносного применения основного значения, нарушение исторического порядка значений ведет к искажению семантической перспективы.

Не имея возможности более подробно рассмотреть здесь многочисленные работы этого рода чехословацких и польских лексикографов, приведем еще несколько названий: J. D a m b o r s k ý, Poznamky k práci s veľkým ruskoo-českým slovníkem (Sov. Jazykoveda, Ročn. IV, 1954); Z. L e m p ř i s k a, Uwagi o liczbie hasel w słowniku współczesnego języka polskiego (Por. Jez., Rok 1955, zes. 2); рецензия О. Маликовой на большой русско-чешский словарь (Прага, 1952; в Slov. Rec, Ročn. XX, с. 1, 1955); J. M a l l y, O słownikowym hasle burza (Por. Jez., Ročn. 1954, zes. 10); Токарский J. Podstawy naukowe nowego słownika języka polskiego (Por. Jez. 1952, zes. 4, стр. 2); Ukazky spracovania slovníka (Slov. Rec, Ročn. XIX, с. 3—4, 1954) и др.

⁴⁶ См. слова *играть* и *игла* в выпуске Академического словаря русского языка (1935), написанные Л. В. Щербой (ср. также: Е. С. Истрина, Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог, Сборник статей памяти Л. В. Щербы, Л., 1951); анализ значений предлога *на* у В. В. Виноградова («Русский язык», М., 1947); анализ значений служебных слов русского языка, выполненный В. В. Виноградовым для «Толкового словаря русского языка» под ред. проф. Ушакова и др.

⁴⁷ Б р я н ц е в а Т. Г. и Ц е й т л и н Р. М., Инструкция для составления словаря современного русского языка (в трех томах) (ВЯ, 1954, № 3); Б у р н а ш е в а С. А., Сопровождение по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии (ВЯ, 1953, № 5); В и н о г р а д о в В. В., Русско-украинский словарь («Советская книга», 1950, № 2); Г а з и з о в Р. С., Из практики работы над составлением русско-татарского словаря (ВЯ, 1954, № 2); Г е л ь г а р д т Р. П., С. И. Ожегов. Словарь русского языка, изд. 2 (ВЯ, 1953, № 3); Г р и г о р ь е в а А. Д., Словарь языка Пушкина (ВЯ, 1952, № 3); Е в г е н ь е в а А. П., К вопросу о типе однотоминого толкового словаря русского языка советской эпохи (ВЯ, 1953, № 3); И л ь и н с к а я И. С., Сопровождение по вопросам лексикографии при институте языкознания АН СССР (ВЯ, 1952, № 4); Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в трех томах)» (АН СССР, Институт языкознания, 1953); И с т р и н а Е. С., Заметки по двуязычным словарям (ИАН, ОЛЯ, т. III, вып. 2—3, 1944); К р ю ч к о в С. Е., Рецензия на словарь С. И. Ожегова («Русский язык в школе», 1952, № 2); Л у к а ш Н. А., Украинско-русский словарь, т. 1 (ВЯ, 1954, № 6); Макет словаря русского языка в четырех томах (Гос. изд. иностр. и нац. словарей, М., 1955); М у х а м е д о в а З. Б., Из наблюдений над составлением русско-туркменского словаря (ВЯ, 1954, № 2); О с о в е ц к и й И. А., Русско-белорусский словарь (ВЯ, 1955, № 4); Ф е л ь д - м а н Н. И., О специфике небольших двуязычных словарей (ВЯ, 1952, № 2) и др.

⁴⁸ Преимущества современных лексикографических методов подачи значений слова как средства раскрытия его семантического строения можно наглядно представить, сравнив разработку слова *играть* Л. В. Щербой для академического словаря (приведено также у Е. С. Истриной «Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог», Сборник статей памяти Л. В. Щербы, Л., 1951) с разработкой того же слова в «Словаре церковнославянского и русского языка», 1847 (приведено у Е. М. Галкиной-Федорук «Современный русский язык. Лексика», МГУ, стр. 178).

⁴⁹ Имеется в виду статья «Основные типы лексических значений слова» (ВЯ, 1953, № 5). В лексическом исследовании следует исходить прежде всего из основного, прямого номинативного значения слова, которое непосредственно направлено на предметы, явления, действия и качества действительности, включая и внутреннюю жизнь человека, и отражают их общественное понимание. Поскольку, однако, формирование и создание нового понятия или нового

понимания предмета осуществляется на базе уже имеющегося языкового материала, помимо основного номинативного значения, слово может иметь также и номинативно-производные значения (или производно-номинативные значения). Номинативно-производные значения часто бывают уже специализированные основного. Думается, что если основным номинативным, например, для слова *белый* является значение цвета снега или мела, то значение «светлый» в противопоставлении темному будет производно-номинативным. Очень часто производно-номинативные значения возникают при формировании нового терминологического понятия на базе уже имеющегося словесного материала. Ср. такие случаи, как *антенна* (радио и зоол.); *бык* (животное и у моста), *броненосец* (морск. и зоол.). *губа* (кожная складка у рта и концы клешей и пр.), *калька* (бумага и лингв.) и др. (см. ниже, стр. 121). Воспроизведение номинативных значений слова соответствует связям и отношениям самих процессов, явлений, предметов действительного мира, они не ограничены никакими «условностями» языкового характера, они лингвистически «свободны».

«Свободным» номинативным значениям противопоставляются значения, фразеологически связанные. На действительность в этом случае направляются уже не значения слов как таковые, а те сочетания, в которых данные слова воспроизводятся в данных своих фразеологически связанных или обусловленных значениях. Эти значения слов замкнуты в определенных фразеологических контекстах и, таким образом, противопоставляются «свободным» употреблением «номинативных значений». Следует, однако, оговорить, что понятие «свободного» воспроизведения можно использовать, только поставив его в кавычки, так как все слова языка и все их значения используются для обмена мыслями в речи всегда только в соответствии с исторически установившимися особенностями их употребления. Поэтому и свободные номинативные значения, если к ним подойти с точки зрения закономерностей их речевого функционирования, не «свободны» от предписанных им языком правил их сочетания с другими словами. Но в этих случаях правила не «обозначенные» (*marques*), «нулевые». Они как бы дают тот фон, на котором выявляются «обозначенные» лексико-фразеологические особенности «связанных» значений. Некоторые слова в языке вообще не имеют прямых номинативных значений, не могут вообще направляться на действительность иначе, как в составе немногочисленных фразеологических сочетаний. Например, прилагательное *становой* существует только в сочетании *становой хребет* (его омоним, в *становой пристав* отличается от него устоявшейся его субстантивацией), *сезам* (не ботанический термин), который существует только в сочетании *сезам, отворишь* и т. п. В таких крайних случаях мы имеем, собственно говоря, уже не настоящие, а «потенциальные» слова (ср. ниже, стр. 171).

От фразеологически связанных значений, которые воспроизводятся путем сочетания именно с данными, а не другими словами (автором настоящей работы для обозначения этого явления, в отличие от тех случаев, когда разные значения воспроизводятся в определенной конструкции, был применен термин «нев्यраженная полисемия». — «О словосочетании в английском языке», ИАН, ОЛЯ, 1950, № 6, стр. 479), принципиально отличаются такие значения, воспроизведение которых обусловлено синтаксически (например: *она у нас молодца, не жалея она на этом свете, вот так петух, какой осел* и т. п.). Это важное разграничение совершенно упущено в системе Карцевского — Куриловича, о которой было сказано выше (стр. 82—83). Вряд ли особенности синтаксического употребления, подобные только что приведенным, дают основания для того, чтобы объявить их вообще «омонимией» (при разграничении понятий омонимии и полисемии), как это сделано у А. М. Пешковского в отношении французского *parle* (см. его «Понятие отдельного слова», сборник статей, М., 1925): «фр. *parle* употребляется отдельно только с интонацией побуждения, и тогда это особое слово по сравнению с повествовательным».

Как бы промежуточное место между фразеологически связанными и синтаксически обусловленными занимают значения «конструктивно организованные». Если функционально-синтаксические ограниченные значения свойственны главным образом именам существительным, прилагательным (особенно их кратким формам) и наречиям (переходящим в этих условиях в категорию состояния),

то конструктивно организованные Значения воспроизводятся в основном для глаголов при их «абсолютном» употреблении, противопоставляемому различиям и особенностям управления. Поскольку и в русском языке управление также связано с выбором предлогов, т. е. является в значительной степени предложным, и поскольку управление есть свойство слова как лексемы, а не той или другой его формы, того или другого особого его синтаксического употребления, конструктивно организованные значения относятся и к грамматике, и к лексике и занимают поэтому то промежуточное положение, о котором было сказано выше.

Между прочим, следует оговориться, что при анализе и классификации значений слов следует тщательно учитывать не только те общие значения, которые свойственны разным словам вследствие их принадлежности к разным частям речи, но и более общие семантические классификации, такие, как полнозначные — служебные, местоименные — неместоименные, термины — слова «общего языка» и др. См. по этому вопросу интересную статью Котарбинского (Т. K o t a r b i n s k i, Z zagadnień klasyfikacji nazw (Rozprawę Komisji językowej, т. 1, Лодзь, 1954).

⁵⁰ См. А. И. Смирницкой, Значение слова (ВЯ, 1955, № 2). См. также стр. 32.

⁵¹ основополагающие указания по вопросу об отдельном и общем, сущности и явлении, случайном и необходимом см. у В. И. Ленина «Философские тетради», ОГИЗ, 1947, стр. 327—330.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА И ОМОНИМИЯ КАК ПРЕДЕЛ ТАКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Г Л А В А I

О ПРИРОДЕ ОМОНИМИИ

§ 1. Постановка вопроса

Современным советским языкознанием преодолено свойственное некоторым языковедам смещение слова и его лексического варианта, или «лексической формы». Теперь можно считать доказанным, что тождество слова может не разрушаться и при наличии у него значительно расходящихся «лексико-семантических» и «лексико-фразеологических» вариантов. Это дает принципиальную основу для разграничения полисемии и омонимии: полисемия — тождество слова при наличии у него двух или более отчетливо различных значений, омонимия — внешнее совпадение по звуковой оболочке двух или более различных слов¹. Важное значение имеет также разработка вопросов о структурно обусловленной и грамматической омонимии, впервые получивших научную трактовку в советском языкознании². Таким образом, советское языкознание дает общетеоретическую основу для исследования конкретных фактов отдельных языков и обеспечивает необходимые предпосылки для решения соответствующих лексикографических вопросов³, что и определяет повышение научно-лингвистического уровня наших толковых и переводных словарей. В частности, если сравнить, например, толковый словарь русского языка С. И. Ожегова со словарем под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, то нельзя будет не заметить результатов проведенной с тех пор исследовательской работы. Несомненный интерес представляет трактовка в словаре С. И. Ожегова таких «фонетических и орфографических комплексов», как *осадить, настроить, раздаться, рассестся, марш, молошница, нести, сработаться, самострел* и ряда других⁴. Однако многие случаи и здесь остаются не вполне ясными. В самом деле, откуда видно, что, например, *добреть* (сов. *подобреть*) — «становиться добрее» и *добреть* (сов. *раздобреть*) — «толстеть, становиться упитаннее» не утратили свойственных им ранее грамматических связей и что тождество слова здесь осталось ненарушенным, если сходное по своему историческому развитию *худой* с точки зрения живой структуры современного языка считать распавшимся на

омонимы (т. е. *худой* 1 — тощий, с лишенными жира мышцами, и *худой* 2 — плохой)? Ведь если доказательством омонимии в «комплексе» *худой* является дифференциация форм сравнительной степени (*худее* и *хуже*), то и у *добреть* тоже налицо формальная дифференциация в совершенном виде. Как следует трактовать такие случаи, как *сложить* — «положить вместе» и *сложить* — «сняв, положить куда-нибудь»; *снести* — «соединить в одном месте» и *снести* — «срезать, срубить, сломать, разрушить»; то же здесь отношение, что в *сбить* 1 и 2, или другое? Почему *бюро* — «учреждение» и *бюро* — «предмет мебели» представляются омонимами, тогда как *стол* — «отделение в учреждении» и *стол* — «предмет мебели» выступают как разные значения одного и того же слова? Имеются ли достаточные основания для того, чтобы находить омонимы в обозначении разного рода чувств одним «фонетическим и орфографическим комплексом» *вкус*? Совместимы или не совместимы в одном слове разновидности свободы, обозначаемые «комплексом» *воля*? Объединяет ли обозначение *гольши* разные реальные предметы, мыслимые как «голые»? Не свойственно ли русскому языку обозначение судьбы как «доли», «удела» и т. п.? *Долг* — «обязанность» и *долг* — «взятое займы» действительно несовместимы как разные значения одного слова? Обозначения разного рода пространств и помещений можно или нельзя совместить в одном слове *камера*? Разного рода *колена* и *коленца* не мыслятся ли и до сих пор как семантически производные от *колено* — «сустав, соединяющий бедро и голень»? «Оторвалась» или нет *колода* (карт) от «бревна» — толстого и неподвижного (ср. *сидит как колода*)? *Крем* не значит ли по-русски вообще особой консистенции «мазь» (откуда *сапожный крем*, *крем для лица*) и уже как отдельное, специальное значение «род кушанья»? *Кузов* (экипажа) не сохраняет ли до сих пор связи с (лыковым) *кузовом*? *Лад* — «согласие» в прямом значении и *лад* в музыке и музыкальных инструментах действительно несовместимы? Нельзя ли объединить в слове *линейка* такие физически несходные, но явно объединенные общим признаком предметы, как *линейка* (у пионеров) и «устаревший экипаж»? *Маковка* и *макушка* у мака, у человека и у церкви больше имеют общего или различного? Разные значения одного и того же слова или разные слова представляют собой *обстановка* как «мебель», «речная обстановка» и переносное «обстоятельства»? Также *противник*, которое обозначает все то, что по-английски, например, потребует по меньшей мере три разных слова — *adversary*, *opponent* и *enemy*? Или *счет*, который соответствует английским *bill*, *account*, *score*, *time*? Правда, англичанину никогда не придет в голову объединить в одном слове то, что ему известно как *seal* и *press*, но будет ли это основанием для того, чтобы разделить в словаре *печать* на два омонима? *Помёт* 1 и 2 как-то неприятно считать разными значениями одного слова, но, может быть, это все-таки так? Нельзя ли считать *такт* — «чувство меры, создающее умение вести себя» производным по отношению к *такт* как музыкальному термину?

Одно слово или разные слова представляют собой *чугун* как «название материала» и *чугун* как «сделанный из этого материала сосуд»? и т. д.

Особые трудности представляют случаи, когда вопрос о разграничении полисемии и омонимии оказывается связанным с резко выраженными лексико-фразеологическими и лексико-синтаксическими различиями. Совершенно ясно, что такие значения, какие имеют, например, *вынос* в *на вынос*, *кавалер* в *кавалер ордена* и *кавалер орденов*, *кол* в *ни кола ни двора*, *жаба* в *грудная жаба*, *загон* в *быть в загоне*, *курилка* в *жив курилка*, *лик* в старом значении, сохранившемся только в *причислить к лику святых*, *молния* в *телеграмма* и *застежка молния*, *мышка* в *подмышки*, *отвал* в *до отвалу*, *очки* в *втирать очки*, *пика* в *в пику*, *пик* в *часы пик*, *погибель* в *в три погибели*, *препровождение* в *препровождение времени*, *рында* в *рынду бить*, *спуск* в *не давать спуску*, *стих* в *стих нашел*, *стих найдет*, *театр* в устаревшем *театр военных действий* и *анатомический театр*, *экономия* в *политическая экономия* и многие другие, нельзя просто давать в словаре под разными заголовочными словами на тех же основаниях, как и собственно омонимы, т. е. такие пары, как, например: *бор* — «хвойный лес» и *бор* — «сверло»; или *блок* — «приспособление для подъема тяжестей» и *блок* — «объединение, группа»; или *брак* — «изъян в товаре» и *брак* — «супружеские отношения» и т. п. Нельзя пройти мимо и таких синтактико-фразеологических особенностей, как *заколело* (в боку и пр.); *проваливай!*; (его и пр.) *передернуло*, *развезло* и т. п.; *пронесло*; (на что ты мне) *сдался* и проч. Особенности семантических связей таких особых синтактико-фразеологических форм слов: *колоть*, *проваливать* и т. п. (если это действительно их синтактико-фразеологические формы), или, напротив, отсутствие таких связей (если подобного рода случаи уже не являются формами по отношению к соответствующим глаголам, представляемым в словаре инфинитивами, а особыми словами, находящимися к указанным глаголам в отношении частичной лексико-грамматической омонимии), должны будут в дальнейшем подвергнуться теоретическому обсуждению, результаты которого должны будут найти отражение в их лексикографическом оформлении.

Всякий кто хоть сколько-нибудь занимался лексикографией, знает по собственному опыту, что в подобных случаях лексикографу всегда одновременно грозят две одинаково большие опасности: искусственного объединения под одним звуковым комплексом нескольких разных слов и не менее искусственного разделения одного слова на омонимы вследствие недостаточно глубокого изучения его лексико-фразеологических и лексико-семантических особенностей. Если попытаться охарактеризовать с этой точки зрения положение, существующее сейчас в нашей лексикографии, то можно сказать, что если раньше основным грехом было объединение под одним фонетическим и орфографическим комплексом нескольких слов, то теперь как будто главной опасностью становится вторая

из перечисленных — искусственное разделение на омонимы при отсутствии достаточных для этого объективных данных. Поскольку чрезмерное развитие этой второй тенденции может вызвать реакцию (некоторые как будто уже склоняются теперь к тому, что проблема омонимии не имеет непосредственного отношения к практике лексикографической работы, что «одним словом» для лексикографа является все, что в словарной форме одинаково звучит и одинаково пишется), необходимо усилить внимание лексикографов к вопросам омонимии.

§ 2. Содержание исследования

Настоящая часть работы имеет целью подвергнуть систематическому рассмотрению словарный состав современного русского языка, для того чтобы выяснить, какие из имеющихся в нем случаев расхождения значения в пределах одного и того же фонетического и орфографического комплекса являются омонимами, т. е. выступают как внутренне не связанные, сложившиеся как бы «случайно», в результате какого-то особого стечения обстоятельств. Вследствие большой сложности и малой разработанности вопроса область исследования будет ограничена так называемыми словарными формами; иными словами, будут оставлены вне рассмотрения такие случаи частичной лексико-грамматической омонимии, как *пила* (прош. вр. ж. р. от глаг *пить*) и *пила* (инструмент; *постой* (воен.) и *постой* (пов. накл.); *лай* (сущ.) и *лай* (повелит. накл. от глаг. *лаять*); *супруга* (им. пад. ед. ч. ж. р.) и *супруга* (род. пад. ед. ч. м. р.) и т. п.⁵

Поскольку, как видно из сказанного выше, речь все время идет о фонетических и орфографических комплексах, работа ограничивается только так называемой омографической омонимией. Вопросы неомографической омонимии в современном русском языке, т. е. исследование таких пар, как *отворить* и *отварить*, *выжать* и *выжить*, *обессилеть* и *обессилить*, *компания* и *кампания*, *отвезти* и *отвести*, *сидеть* и *седеть* должны явиться предметом особого исследования. Совершенно особой методики потребовало бы также изучение омонимии в пределах одной и той же парадигмы склонения или спряжения типа *батареи* — *батарее*, *техником* — *техникам*, *стучаться* — *стучатся* и т. п., причем и задачи исследования, и само выявление материала были бы совершенно другими.

Необходимо далее оговориться, что хотя к рассматриваемой области и относятся те случаи частичной и полной лексико-грамматической омонимии, в которых созвучными оказываются словарные формы слов, относящихся к разным частям речи, такие, как *ажур* (нареч., бухг.) и *ажур* (сущ.); *бай* (кулак, богач) и *бай* (межд.); *благо* (сущ.) и *благо* (союз); *весь* (целый, полный) и *весь* (село); *вон!* (прочь) и *вон* (там); *есть* (глаг.) и *есть* (ответ, означающий, что команда понята); *зло* (сущ.) и *зло* (нареч.); *знать* (иметь сведе-

ния) и *знать* (сущ.); *корма* (у судна) и *корма* (фураж); *мол* (береговое сооружение) и *мол* (вводн. слово); *мочь* (глагол.) и *мочь* (сущ.); *напасть* (сущ.) и *напасть* (глагол.); *нежить* (глагол.) и *нежить* (сущ. собир.); *пасть* (от падать) и *пасть* (сущ.); *печь* (глагол.) и *печь* (сущ.); *под* (сущ.) и *под* (предлог); *подряд* (сущ.) и *подряд* (нареч.); *право* (сущ.) и *право* (вводн. слово); *простой* (прил.) и *простой* (сущ.); *течь* (глагол.) и *течь* (сущ.); *уж* (нареч. и частица) и *уж* (сущ.); *чай* (сущ.) и *чай* (вводн. слово) и т. п., — они специально рассмотрению подвергаться не будут. Предметом настоящего исследования являются те случаи, в которых остается неясным, имеет ли место сохранение или утрата тождества слова, расщепление одного «фонетического и орфографического комплекса» на два слова или, напротив, объединение разных фонетических и орфографических комплексов как фонетических и орфографических вариантов одного слова. В таких же случаях, как *простой* (прил.) и *простой* (сущ.), *пасть* (глагол.) и *пасть* (сущ.) и т. п., никакого сомнения и, следовательно, никакой научной проблемы в избранном плане не возникает. Фонетическое и орфографическое совпадение здесь — явно «случайный» результат особого стечения обстоятельств.

В заключение этого параграфа нельзя не обратить внимания на то, что так называемые «словарные формы» являются, вообще говоря, наиболее важными формами слова, наиболее полно представляющими его как таковое. Вряд ли можно сомневаться в том, что такие формы, как именительный падеж единственного числа существительного или инфинитив глагола, хотя они, казалось бы, и входят в соответствующие парадигмы на равных правах со всеми другими формами, на самом деле всегда выступают как наиболее обобщенные, наиболее «лексически свободные», наиболее отвлеченные от того или другого грамматического созначения, т. е. того или другого дополнительного значения отношения, иными словами, как наиболее «чистые» представители лексического, «вещественного» значения данного слова.

§ 3. «Смысл» слова и его «внешняя оболочка»

Слова, как наиболее полноценные языковые «единицы смысла», в результате общественного применения языка как важнейшего средства общения с объективной необходимостью оказываются связанными с определенными «единицами внешней оболочки»: материальная языковая оболочка постольку и является языковой оболочкой, поскольку она наполнена смысловым содержанием, без которого она уже не представляет собой явления языка. Поэтому наиболее естественным было бы такое положение, при котором каждой «единице языкового смысла» соответствовала бы отдельная и строго закрепленная за ней «единица внешней оболочки». Однако это положение, которое, отвлеченно рассуждая, и могло бы казаться желательным и «удобным», на самом деле не существует. «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею

самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены»⁶. Поэтому нормально «единицы внешней оболочки» оказываются как бы «растяжимыми», легко вмещающими соединение с новыми разновидностями и оттенками «языкового смысла»; таким образом, язык оказывается в состоянии «разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей»⁷. Отсюда обычное сосуществование в границах одного слова весьма разнообразных лексико-семантических вариантов, не разрушающих его тождества.

От только что описанного положения, представляющего общее правило, общий закон функционирования и развития языковых единиц принципиально, по существу отличаются те случаи, когда некоторая «единица внешней оболочки» оказывается как бы «удвоенной» (а в некоторых случаях и утроенной и учетверенной) тем, что она связывается с «единицами смысла», внутренне настолько различными, что связь их, каждого в отдельности, с одной и той же единицей внешней оболочки выступает уже как возникшая в результате какого-то особого стечения обстоятельств. Такие случаи выступают уже как внутренне не связанные с общими закономерностями существования и развития языка, почему они и производят впечатление более или менее случайных вкраплений в его общую систему⁸. Поскольку нормой, общим правилом функционирования языковых единиц является закрепленность единиц внешней оболочки за определенными единицами смысла (при допустимом варьировании той и другой, но без утраты внутренней связи между вариантами), факт объединения одной и той же единицей внешней оболочки настолько различных единиц смысла, что они никак не могут быть восприняты как лексико-семантические варианты одного слова, всегда требует детального и конкретного исследования. Иными словами (и это вытекает из положений, развитых в первой части настоящей работы), констатировать «расщепление» данного фонетического и орфографического комплекса, необъединимость данных семантических различий в одном слове можно только исходя из особенностей семантической структуры именно данного языка, а не на основе отвлеченного рассуждения о значении вообще.

Из сказанного следует, что омонимия является нарушением «закона знака»⁹. Распространенность омонимии свидетельствует о том, что язык представляет собой особую и специфическую систему, со своими собственными закономерностями, не подводимыми под общие закономерности других семиологических систем. Это не «конвенциональная», не «изобретенная» система знаков, подобная коду, а система, исторически возникшая, живущая и развивающаяся по своим собственным правилам и законам.

Тем не менее, как уже было сказано, и в языке основным принципом является естественная ассоциация данного звучания с дан-

ным значением. Но отсюда не следует вывод, что омонимия представляет собой вообще «патологию», требующую «терапии»¹⁰. Кроме того, к явлениям омонимии надо подходить дифференцированно. Известно, что в одних языках омонимия возникает преимущественно в результате чисто фонетических процессов, как, например, во французском языке, где в результате фонетических изменений образовались однофонемные омонимы типа *eau* — *au*, *est* — *et* и т. п. В других — наиболее продуктивным источником омонимии оказываются закономерные морфологические процессы, создающие целую систему омонимических морфологических рядов с вполне закономерными структурными особенностями. Именно последний тип омонимии является типичным для русского, как и для других славянских языков.

Выше уже было сказано, что при семантическом анализе слова вообще, а при разграничении полисемии и омонимии в особенности, очень важную роль играет семантическая система данного языка¹¹. Однако семантическая система языка не может мыслиться как нечто самодовлеющее, т. е. вне соотношения ее элементов и ее самой в целом с действительностью. Следует помнить, что никакие языковые значения не могли бы возникнуть (так же как не могли бы возникнуть и сами мысли), если бы не существовало основного определяющего момента, являющегося источником отражения в сознании, если бы не было действительности. Язык, предоставляя в распоряжение пользующегося им те или иные возможности дифференциации мысли, ничего не прибавляет к данной действительности, никак ее не организует и не модифицирует, но лишь направляет внимание на то или другое в ней самой.

При этом еще раз следует подчеркнуть, что семантика языковых единиц, так или иначе участвующая в образовании определенной мысли на основе познания действительности, сама не есть какой-либо природный ингредиент языка, обладающий той или иной спецификой в силу особого «свойства ума» или «языкового духа», но представляет собой не что иное, как закрепленные, зарегистрированные в конкретном языке результаты познания действительности, достигнутые в предшествующей истории данного общества и так или иначе используемые, приспособляемые и развиваемые живущими поколениями. Поэтому определенное, специфическое для каждого языка «распределение» слов по фактам действительности нельзя идеалистически представлять себе как набрасывание на действительность некоторой словесной «сетки», самостоятельно сплетенной «языковым духом» по собственному образу и подобию и определяющей «языковую картину мира», якобы создаваемую тем или иным языком, о чем подробно было сказано в первой части работы. Человек имеет дело не с создаваемой языком «картиной мира», а с отражением в сознании самой действительности; он идет от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него — к практике¹². Но так как мышление базируется на языке, то язык принимает известное участие в образовании мыслей, так или иначе оформляя их.

Однако при этом он привносит в них не что-то специфически свое, а лишь то, что отложилось в нем в результате отражения действительности в сознании.

§ 4. Пути возникновения омонимов и их основные типы

Выше уже было сказано о необходимости различать омонимию, возникшую в результате собственно фонетических процессов (например, франц. *eau* и *ai*), и омонимию, возникшую в результате процессов структурных, морфологических. Оба эти процесса, основанные на совпадении звучания, в свою очередь отличаются от возникновения омонимии в результате распада полисемии, т. е. процессов семантических. Преимуществом русской лингвистической традиции в вопросе о возникновении омонимов является четкое разграничение структурных лексико-семантических моментов, тщательная дифференциация различных видов омонимии. Это не только дает возможность более глубокого проникновения в существо предшествующего исторического процесса, но и обеспечивает исторический подход к явлениям современного языка, помогая различать явления закономерные, составляющие часть системы языка, его внутреннего строения¹³, и явления случайные, разрозненные, затрагивающие лишь очень узкие «участки» языковой системы, оказывающие на систему в целом лишь крайне ограниченное влияние.

Разные пути возникновения омонимов обуславливают различие их типов в данный период развития языка, в данном его состоянии. Совершенно различными оказываются также процессы, приводящие к совпадению внешних оболочек целых слов и отдельных форм слова. Поэтому следует тщательно разграничивать собственно омонимы, т. е. такие слова, у которых совпадает вся система форм, и омоформы, возникающие при совпадении звукового состава отдельных форм слов¹⁴.

От совпадения отдельных форм разных слов следует, далее, отличать случаи, когда слово в целом является омонимом лишь одной формы или части форм своего корреспондента. Это последнее разграничение, как будет показано ниже, имеет особенно важное значение при рассмотрении омонимии наречий и прилагательных (также слов категории состояния), прилагательного и причастия и др.

§ 5. О способах разграничения полисемии и омонимии

Из изложенных выше соображений явствует, что вопрос о том, существует ли омонимия в языке, а также о ее принципиальном отличии от явлений полисемии в современном советском языкознании решен положительно¹⁵ и в общем виде не вызывает сомнений. Но конкретные способы разграничения этих двух категорий — полисемии и омонимии — еще далеко не достаточно разработаны, откуда непоследовательность лексикографической трактовки, а

иногда и разноречивой в словарях¹⁶. Думается, что только через обращение к достаточно обширному языковому материалу можно будет наметить пути разрешения этого вопроса. Однако прежде чем перейти к рассмотрению материала, необходимо дать общую характеристику состояния науки в этой области.

При разнообразии деталей и оттенков можно выделить два основных подхода к решению этого вопроса.

- Первый подход — это отыскивание объективных критериев разграничения омонимии и полисемии или таких правил, которые, будучи раз установленными, давали бы во всех случаях однозначное решение. Такие правила обычно ищут в морфологических и синтаксических моментах, сопутствующих данному слову. Так, например, если к «комплексу» *класс* имеется в языке два разных производных — *классный* и *классовый*, то это рассматривается как объективный показатель омонимии соответствующих существительных. По мнению некоторых, без этого омонимию от полисемии вообще отграничить нельзя: в крайних случаях «морфологического подхода» считается, что разграничивать омонимию и полисемию, выделять омонимы можно только при наличии несовпадающих словообразовательных рядов.

При ригористическом применении «синтаксического подхода» столь же просто и механически выделяются как омонимы, например, *судить* 1 и *судить* 2 по той простой причине, что в одном случае *судить* управляет винительным падежом лица (*судить* кого), а в другом — предложным (*судить* о ком, о чем).

Второй подход требует прежде всего изучения характера соотношения слова с обозначаемой действительностью. Если каждое из значений в отдельности, само по себе и независимо от другого, направляется на «предметы» (т. е. собственно предметы, явления, качества и др., обнаруживаемые в действительности), отражая их общественное понимание, то эти разные значения составляют смысловую сторону разных слов-омонимов. Если же одно из значений выступает как семантически производное по отношению к другому, как результат его «растяжения», распространения, тождество слова не нарушается и мы имеем не разные слова, а разные значения одного и того же слова. Чтобы в каждом конкретном случае решить, являются ли данные значения связанными, очень важно исследовать синтаксические, морфологические и фразеологические особенности соответствующих слов; такие их свойства и особенности являются важным средством объективации того или иного восприятия явления; они как бы фиксируют и закрепляют те особенности соотношения с действительностью, которые являются основными для разграничения омонимии и полисемии. Однако наличие или отсутствие морфологических или других особенностей, при всей их важности, не могут служить главным или основным критерием. Например, нельзя думать, что если к *класс* имеется два прилагательных — *классовый* и *классный*, то это само по себе является достаточным доказательством «расщепления» его на омонимы. Ведь тогда при:

шлось бы механически заключить о наличии омонимии и, например, в звуковом комплексе *ананас* или *абрикос* потому только, что можно сказать *абрикосный* и *абрикосовый*; *ананасный* и *ананасовый*. Как уже было сказано, морфологические явления имеют важное значение, так как фиксируют, закрепляют соответствующие семантические процессы, но использованы они могут быть исследователем не сами по себе, не как таковые, а лишь на основе знания обозначаемых предметов действительности, их реального соотношения друг с другом. Если в предметах, обозначаемых комплексом *класс*, действительно имеется такое содержание, которое несовместимо в одном слове, то разные прилагательные — *классный* и *классовый* — способствуют осознанию этой несовместимости, закрепляют разрыв первоначально единого слова на два разных слова-омонима. Если в предметах, обозначаемых комплексами *ананас* и *абрикос*, нельзя обнаружить такого содержания, которое было бы не совместимо в одном слове, если, наоборот, исследование соотношения данных элементов языка с действительностью показывает, что обозначаемые ими содержания вполне закономерно между собой связаны, то прилагательные *абрикосовый* и *абрикосный*, *ананасный* и *ананасовый* выступают либо как разные слова сами по себе (подобно тому, как разными прилагательными будут, например, *водяной* и *водянистый* в случае, если различие внешней оболочки будет у них, как таковых, сопровождаться различием содержания, обозначением разновидностей качества), либо как варианты одного и того же прилагательного (подобно, например, такой паре, как *катастрофичный* и *катастрофический*), если различие внешней оболочки не будет у них сопровождаться различием значения или содержания. Поэтому неправильно, как делают некоторые, считать, что разграничивать полисемию и омонимию можно только при словообразовательной дифференциации или даже, что наличие такой дифференциации является основным критерием при разграничении полисемии и омонимии.

Неправильным является также ригористическое применение синтаксического критерия. При таком подходе механически выделились бы как омонимы не только случаи вроде *судить* (кого) и *судить* (о ком, о чем), независимо от того, связаны внутренне их содержания или нет, но и, например, такие случаи, как франц. *parle* в *je parle* и *Parle!* (с интонацией побуждения).

Итак: дивергенция словообразовательных рядов, особенности управления и т. п., безусловно, могут и должны использоваться при разграничении полисемии и омонимии. Но они выступают не как самостоятельные критерии, не как основные или решающие признаки, а лишь как дополнительные, как вспомогательные моменты, подтверждающие и фиксирующие факты, обнаруженные посредством собственно семантического анализа.

Необходимо, далее, иметь в виду, что в очень большом количестве случаев морфологические и синтаксические показатели вообще отсутствуют; однако этим не снимается необходимость решения во-

проса о том, имеет ли в данном случае место «омонимический разрыв». Поэтому, например, для того чтобы решить, являются ли *башмак* (обувь) и *башмак* (тормозное устройство) или *чело* (лоб) и *чело* (у русской печи) разными значениями одного слова или разными словами-омонимами, необходимо знать обозначаемые данными комплексами действительные предметы. Далее, необходимо изучение семантической системы языка — в этом случае выяснение того, насколько данному языку вообще свойственно терминологическое использование слов «общего языка» в отличие от заимствований или калек, насколько в данном языке вообще распространены переносные наименования по сходству, каковы в нем вообще семантические взаимоотношения тех или других разрядов слов и т. п.

Для пояснения сказанного можно привести следующие примеры. Для русского языка, так же как и для некоторых других европейских языков, типично обозначение одним словом действия и его результата. В этих языках распространено также употребление одних и тех же слов для обозначения сосуда и его содержания, помещения и лиц, в нем проживающих или работающих, плодов и соответствующих плодоносящих деревьев и т. п. Установление подобных фактов в отношении семантических систем этих языков дает вполне достаточные основания для того, чтобы данные различия значения объединять в семантической структуре одного слова. Однако установление подобных фактов для данных языков не может само по себе служить основанием для такой же интерпретации аналогичных явлений во всех вообще языках. Например, в русском, английском и французском языках распространено образное обозначение людей словами, нормально обозначающими животных по избранному признаку, который в результате становится традиционно приписываемым данным животным, как наиболее ярко их характеризующий; в частности, на всех этих языках можно сказать *он осел*, *he is an ass*, *il est un âne* и всем будет понятно, что это значит. Для китайца аналогичное выражение (т. е. буквальный перевод любого из этих выражений на китайский язык) было бы совершенно непонятно, и его пришлось бы расшифровать, сказав нечто, что соответствовало бы русскому *он глуп и упрям*.

Думается, что место обоих факторов, т. е. соотношения отдельных явлений внутри системы языка и отношения их к действительности, правильно оценил А. И. Смирницкий.¹⁷ «... Необходимо подчеркнуть, — пишет А. И. Смирницкий, — что соотношения, существующие в языке, ни в коем случае не должны фетишизироваться. Надо всегда помнить, что различные языковые единицы, определенным образом соотносясь друг с другом в системе языка, вместе с тем находятся, на каждом этапе развития языка, в известных (и очень сложных) отношениях к различным фактам действительности». Иллюстрируя это положение на примере значений слова *белый*, А. И. Смирницкий показывает, что хотя значение «светлый» у слова *белый* и определяется его соединением со словами *вино*, *хлеб* и пр. и противопоставлением в соответствующих случаях

словам *красный, черный* и др., т. е. известными связями и соотношениями в языке, и хотя такие связи и соотношения и очень важны с лингвистической точки зрения и безусловно должны учитываться, все же отличие значения слова *белый* в сочетаниях *белое вино, белый хлеб* и пр. от его основного значения (т. е. *белый как снег* и пр.) обусловлено реальным отличием цвета вина, хлеба и пр. от цвета снега и т. п. и знанием самих соответствующих предметов действительности ¹⁸.

Выше уже было сказано о необходимости различать омонимию, возникшую в результате собственно фонетических процессов (например, франц. *eau* и *au*, *est* и *et* и т. п.), и омонимию, создающуюся путем структурных, морфологических процессов (например, *полка* — действие по глаголу *полоть* и *полка* книжная; *перебить* — «обить заново» и *перебить* — «убить всех»; *самострел* — «вид оружия» и *самострел* — «стреляющий в себя» и т. п.). Оба эти процесса, основанные на совпадении звучания, в свою очередь отличаются от возникновения омонимии в результате распада полисемии, т. е. процессов семантических. В связи с этим следует обратить внимание также на то, какое значение имеет для разграничения полисемии и омонимии знание истории рассматриваемых слов. Конечно, в каждом данном состоянии языка могут сложиться и нередко складываются новые соотношения, в результате чего старые соотношения могут как бы оказаться «перекрытыми». Однако то, что такие новые отношения могут сложиться, вовсе не значит, что они обязательно должны сложиться. Как правило, знание истории слов, т. е. старых отношений, не только не препятствует правильному осмыслению того, что имеется налицо в данном состоянии языка, а, напротив, помогает ему, делает его более точным и обоснованным. Так, например, то обстоятельство, что *кран 1* и *кран 2*, *рейд 1* и *рейд 2*, *массировать 1* и *массировать 2* являются омонимами, выясняется прежде всего из соотношения самих обозначаемых предметов, у которых слишком явно нет общих признаков, могущих выступить в качестве «избранных» ¹⁹ языком для их обозначения одним словом. Но факты омонимии, установленные на основе семантических данных, получают как фактическое подкрепление, так и более глубокое научное объяснение вследствие того, что известно о происхождении *кран 1* из гол. *kraan*, а *кран 2* из нем. *krahn*, что *рейд 1* происходит от гол. *reide*, а *рейд 2* из англ. *raid* и что источники *массировать 1* и *2* уже во французском языке были разными словами-омонимами ²⁰.

Как уже было сказано, выделенные выше два основных подхода реально существуют в большом многообразии разновидностей; отдельные исследователи либо предлагают те или другие оригинальные приемы, либо по-разному классифицируют по степени надежности и важности такие общепринятые критерии, как морфологические и синтаксические. Так, например, семантическая диверген-

ция может находить выражение в установлении разных синонимических рядов²¹. Весьма распространенной является также идея о важности наличия или отсутствия переходного или связующего «семантического звена»²², хотя продуктивным этот метод и не оказался.

Если теперь, исходя из изложенных общих соображений, обратиться к материалу современного русского языка, то окажется, что наиболее удобным способом его рассмотрения будет прежде всего выделение двух больших категорий, которые можно назвать «выраженной» и «невыраженной» омонимией (первая из перечисленных категорий будет далее подразделяться на морфологически выраженную и функционально выраженную омонимию). Невыраженная омонимия — это все те случаи совпадения звуковых оболочек разных слов, в которых наличие именно совпадения разных слов, а не одного многозначного слова обнаруживается только путем семантического рассмотрения, подкрепляемого в некоторых случаях знанием разной этимологии. Омонимичность в этих случаях не находит себе определенного выражения ни в морфологическом строении, ни в устойчивых правилах словосочетания и синтаксического функционирования. Примеры невыраженной омонимии могут быть приведены для различных частей речи. Напротив, выраженная омонимия связана с такими особенностями морфологического строения, синтаксического употребления и функционирования, которые непременно требуют раздельного рассмотрения не только разных частей речи, но и в пределах одной части речи выделения более мелких лексических категорий.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I ЧАСТИ ВТОРОЙ

¹ См. В. В. Виноградов, Современный русский язык (1938, стр. ПО и след.); Е. Г. Ж. Е, О формах слова (ИАН, ОЛЯ, т. III, вып. 1, 1944, стр. 34 и 42—44); Е. Г. Ж. Е, Русский язык (1947, стр. 14); Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика (МГУ, 1954, стр. 57 и след.); Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II (Учпедгиз, 1953, стр. 46 и след.); Р. А. Будагов, Очерки по языкознанию (стр. 28 и след.); А. П. Евгеньев, К вопросу о типе однотомного толкового словаря русского языка советской эпохи (ВЯ, 1953, № 3, стр. 64 и след.); А. А. Реформатский, Введение в языкознание (М., 1955, стр. 56 и след.); А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (проблема отдельности слова) (сб. «Вопросы теории и истории языка», АН СССР, 1952, стр. 184—187); Е. Г. Ж. Е, Проблема тождества слова (Труды Института языкознания АН СССР, т. IV, 1954, стр. 37—41).

² См. В. В. Виноградов, О грамматической омонимии в современном русском языке («Русский язык в школе», 1940, № 1); А. И. Смирницкий, Некоторые замечания об английской омонимике («Иностранные языки в школе», 1948, № 5); Е. Г. Ж. Е, Лексическое и грамматическое в слове (сб. «Вопросы грамматики», Институт языкознания АН СССР, 1955); Е. М. Галкина-Федорук (цит. произв., стр. 58 и 60); Л. А. Булаховский, Из жизни омонимов (сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Шербы, 1928); Р. А. Будагов (цит. произв., стр. 31: Морфологические омонимы) и др.

³ К сожалению, специфичной для лексикографической работы до сих пор остается несоразмерность тех сроков, которые обычно отводятся на составление данного словаря, с невероятным многообразием возникающих на - каждом шагу сложных научных проблем и, следовательно, с тем объемом научной работы, которая потребовалась бы для того, чтобы все эти проблемы могли получить научно обоснованное разрешение.

⁴ В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова эти «звуковые и орфографические комплексы» не разделены на омонимы, т. е. их разные значения объединены в одной словарной статье.

⁵ Здесь, как и всюду, применяются разные способы разъяснения приводимых примеров, исходя только из соображений краткости. В основном это толкование, отсылка к специальной сфере употребления слова и указание его грамматической характеристики.

⁶ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 15.

Т а м ж е.

⁸ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (проблема «тождества» слова (Труды института языкознания АН СССР, т. IV, 1954).

В другом месте («Иностранные языки в школе», 1955, № 2, стр. 20) А. И. Смирницкий следующим образом характеризует отношение звучания и значения в языке: «... Ведь внешнее тождество или подобие, как правило, является в языке выражением внутреннего тождества или подобия: без этой закономерности язык не мог бы функционировать как средство общения, так как тогда можно было бы постоянно полагать, что то же самое звучание при всяком новом его воспроизведении имеет новое, иное и непредвиденное значение. Омонимия является отступлением от этого правила, в каждом отдельном случае конкретно-исторически обусловленным частным нарушением общей закономерности. Омонимичность не может быть общим принципом соотношения между единицами языка. Одно и то же звучание, выражающее два разных значения, только тогда может быть признано одинаковой звуковой оболочкой двух разных языковых единиц (морфем, слов, словоформ), когда установление осмысленной (с точки зрения существующих языковых связей и конкретных исторических условий жизни данного общества) связи между двумя значениями, выражаемыми в этой звуковой оболочке, оказывается решительно невозможным, несмотря на то, что сама одинаковость оболочки и толкает к отысканию такой связи».

⁹ О нарушении языком «закона знака» об отсутствии «простой параллельности» между звучанием и содержанием говорит также Вайсгербер (L. Weisgerber, Das Gesetz der Sprache, стр. 49): хотя языковые содержания и закреплены за своими знаками, они ими не определяются. Отсюда трудность различения омонимии и разных значений одного и того же слова.

¹⁰ J. G i l l e g o n, Pathologie et thérapeutique verbales (Neuveville, 1915).

¹¹ «Всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, — пишет В. В. Виноградов, — оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений... «При отношении к слову только как названию нельзя установить принципиальной разницы между разными значениями одного и того же слова и разными словами-омонимами... Исходя из предметов действительности, из природы вещей, пришлось бы признать значения слова *хребет*: 1) спина, позвоночник и 2) цепь гор, тянущихся в каком-нибудь направлении — разными словами-омонимами. Между тем в русском языке это — разные значения слова *хребет*. Им соответствуют разные слова в других языках, например во французском» («Основные типы лексических значений слова», ВЯ, 1953, № 6, стр. 5—6).

¹² См. В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 146—147.

¹³ См. Л. А. Булаховский, Из жизни омонимов (сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, 1928); Е. М. Галкина-Федорук, цит. произв. стр. 59—60; Р. А. Будагов, цит. произв., стр. 32—33; А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 57 и след.

Закономерность образования омонимов подчеркивает В. В. Виноградов: «В сфере производных глаголов, отглагольных имен существительных и производных имен прилагательных активные процессы образования омонимов в русском языке на базе основного словарного фонда подчинены строго определенной закономерности» («Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка», Известия Акад. наук СССР, отд. л-ры и языка, X, 3, 1951).

¹⁴ Эта формулировка заимствована из лекций акад. В. В. Виноградова (МГУ, 1955).

Ср. деление на лексические и морфологические омонимы у Р. А. Будагова («Очерки по языкознанию», стр. 31—32; о выделяемых Р. А. Будаговым синтаксических омонимах будет сказано ниже, стр. 138), а также деление омонимов у Л. А. Булаховского на: 1) слова разного происхождения, совпадающие во всех формах по звуковому облику, 2) слова, совпадающие по звучанию лишь в части форм и расходящиеся в других формах, и 3) омонимы, возникшие в результате распада полисемии («Из жизни омонимов», стр. 58). Аналогичные разграничения сделаны А. И. Смирницким на английском материале в статье «Некоторые замечания по английской омонимике» («Иностранные языки в школе», 1948, № 5). Как показал в этой работе А. И. Смирницкий, неразграничение разных видов омонимии, особенно смешение полной и частичной омонимии, типично для многих авторов.

¹⁵ Необходимо подчеркнуть, что данное решение этого вопроса является достижением именно советского языкознания. Вообще же многие лингвисты до сих пор склонны решать его отрицательно. Не входя в подробности, можно указать следующие два основных направления: 1) «функционалисты» (см. выше, стр. 10), если и не отрицают эксплицитно существования омонимов, то делают невозможным изучение этого вопроса в рамках принимаемой ими семантической теории; 2) те языковеды, которые настаивают на включении языка «в общую семиологию», как лишь одну из разновидностей «знаковых систем», логически ведут: а) к неразграничению полисемии и омонимии, рассматривая и ту и другую как «нарушение закона знака», и б) к тому, чтобы рассматривать эти явления «ахронически», без учета конкретных исторических условий их возникновения, развития и существования в конкретных языках, как вообще «болезнь» языка, требующую активного врачевания.

¹⁶ См. по этому вопросу: В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) (Сб. «Вопросы теории и истории языка», АН СССР, М., 1952, стр. 146); А. П. Егеньева, К вопросу о типе однокорня толкового словаря русского языка советской эпохи (ВЯ, 1953, № 3, стр. 66); Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика (стр. 193—194); И. А. Осовецкая, Русско-белорусский словарь (ВЯ, 1955, № 4, стр. 123); Н. А. Лукаш, Украинско-русский словарь, т. 1 (ВЯ, 1954, № 6, стр. 127, сноски) и др.

Важную, но до сих пор почти неизученную проблему представляет вопрос об омонимии словообразовательных аффиксов. См. К. А. Левова, Словообразование, М., 1954, стр. 20.

¹⁷ Сб. «Вопросы грамматического строя», Институт языкознания АН СССР, стр. 25. Эта концепция принципиально отличается от того, что мы находим, например, в работе R. Godel «Homonymie et identité» (Cahiers F. de Saussure, 7, 1948), где в качестве основного и решающего для разграничения полисемии и омонимии выдвигается лексико-морфологический критерий. Годель считает, с одной стороны, что на вопрос «омонимия или тождество?» нельзя точно ответить в каждом отдельном случае, поскольку точное перечисление номем или «простых единиц» языка принципиально невозможно. Однако у говорящих на родном языке есть сознание тождества или, напротив, омонимии; так, например, французские *recevoir une lettre*, *un ami*, *un soup* заставляют говорящего воспринимать глагол как тождественный во всех этих сочетаниях; то же, например, в таком ряду, как *erais — papier, forêt, liquide*. Но почему же говорящий воспринимает здесь разные употребления *recevoir* и *erais* как значения одного и того же слова, а не разные слова-омонимы? Годель считает невоз-

можным, как предлагает Балли, исходить из того, что в случае омонимии «обозначаемые» являются «разнородными»: этот критерий является слишком туманным. Поэтому разделить «омонимические знаки» и «семантическое варьирование тождественного знака», по мнению Годёля, можно только в системе ассоциативных отношений, хранящихся в мозгу говорящего. Два знака являются омонимами, если, имея одно и то же обозначающее, они принадлежат к разным словообразовательным рядам. Так, например, во французском языке два омонимичных прилагательных: *poli* 1 (*polir, depolir, polissage*) и *poli* 2 (*impoli, poliment, politesse*).

¹⁸ Сб. «Вопросы грамматического строя», Институт языкознания АН СССР, •гр. 25—26.

¹⁹ Избранных, конечно, не «языковым духом», а вследствие особенностей конкретно-исторического характера, обусловивших именно такое, а не иное развитие данной категории слов в данном языке. Ср. в связи с этим вопросом: Б. А. Серебряников, К проблеме типов лексической и грамматической абстракции (о роли принципов избирательности в процессе создания отдельных слов, грамматических форм и выбора способов грамматического выражения) (сб. «Вопросы грамматического строя», АН СССР, стр. 54—56) и Р. А. Будогов, Слово и его значение, Ленинград, 1947, стр. 46 и след.

²⁰ Поэтому следует признать совершенно правильными общие принципы выделения омонимов, рекомендованные «Инструкцией для составления словаря современного русского литературного языка» (под ред. С. Г. Бархударова и А. П. Евгеньевой, АН СССР, 1953). Инструкция дает ряд чрезвычайно ценных указаний об особенностях терминологического значения, о соотношении морфологических и лексико-фразеологических особенностей и др. Не вызывает сомнения и общая классификация — отчетливое разграничение полной и частичной омонимии, что является большим преимуществом именно русской лингвистической традиции (о чем см. выше, стр. 111), разграничение производных и производных омонимов и, главное, внимание к моментам историко-этимологическим. Поэтому трудно согласиться с критикой этого раздела инструкции в рецензии на нее Т. Г. Брянцевой и Р. М. Цейтлин (ВЯ, 1954, № 3, стр. 114—116).

²¹ Ср. Е. М. Галкина-Федорук, цит. произв., стр. 57.

²² Ср., например, В. Тгнка, *Bemerkungen zur Homonymie* (TCLP, № 4, стр. 152): «Если разные значения связаны «переходными значениями», то в языковом сознании данный «комплекс» выступает как одно слово, если же такого переходного значения нет и нет «общего представления», то это разные слова».

Выше отмечалось уже значение работ чехословацких языковедов для лексикологии. Это относится и кданной проблеме. Очень обстоятельно и на уровне современного состояния науки вопрос об омонимах трактуется в статье Л. Дуровича (L. Durovič, *Homonyma v slovníku* (Lexikografický Sborník, Bratislava, 1953). По мнению Дуровича, сложность вопроса, наличие спорных и сомнительных случаев вызваны незавершенностью исторического процесса образования омонимов. Для его решения необходимо прежде всего уточнить само определение омонимов, разграничив более четко лексические и грамматические моменты. Поэтому Дурович предлагает следующее определение омонима: «Омонимы — это два или более слов, состоящие из тождественных фонетических рядов и различающиеся семантически и грамматически или и семантически и грамматически».

Л. Дурович дает весьма полный перечень различных случаев, деля их на две группы: 1) случаи, когда семантическое различие связывается с различием в грамматическом оформлении, и 2) случаи, когда семантические различия имеют место при тождестве грамматических свойств. Под первой из указанных рубрик Л. Дурович приводит следующие случаи: а) *бей* (сущ.) и *бей* (повелит. накл. глагола), *стекло* (сущ.) и *стекло* (прош. вр. глагола) и т. п.; б) *изменить* (что) и *изменить* (кому) и т. п.; в) *сковать* {*ковать*} и *сковать* {*сковывать*}; *вымьть* {*мыть*} и *вымьть* {*вымывать*}; г) выпадение из парадигмы 1) типа созвучия множественного числа и *pluralia tantum*; 2) типа *ему везет* и *он* (и т. п.) *везет*; *нам хватает* и *он* (она, оно) *хватает*; *будет* (довольно) и *будет* (3-е лицо ед. числа и т. п.); д) то, что мы называем «функциональной омонимией» (см. ниже,

стр. 160); е) разнообразные случаи вроде *определенный* * — *более, наиболее определенный*, с одной стороны, и, например, *определенный член*, где степени сравнения невозможны; далее, например, *запить* (начать пить) и *запить* (запивать); *задуть* (потушить) и *задуть* (домну) и пр.

Под второй рубрикой классифицируются такие случаи, как: а) противопоставление специализированных значений общим, например *баба* (снежная) в отличие от технического и кулинарного терминов; б) обозначение совершенно разных явлений действительности, например: *укра, бабочка, перо*; в) связь с разными производными, например: *исполнять* (исполнительный) и *исполнять* (исполнительский); *реакция* (реакционный) и *реакция* (реактивный); критерий разных производных дополнительно привлекается и для случаев типа б), например: *pero, perie, pernates, oregeru* в отличие от *pero, peresnik, perohryz*; г) несовпадение «морфологических швов», например: *nadrobit'* (*k robit'* и *drobit'*); *oberacka* (от *oberat'* с суфф.-ска и от мужск. *oberac* с суфф.-ка); д) созвучие слов разного происхождения.

В отдельную проблему правильно выделяются неизменяемые части речи.

Очень конкретно (и в общем в том же плане) вопрос ставится в статье Е. Sekaninovej «Z lexikografickej problematiky» (Slov. Reč, Ročn. XIX, číslo 3—4, 1954). Ср. также М. M a r s i n o v á, *Z teórie a praxe lexikografie. Poznámky z Ukázkovému sešitu slovníku současného spisovného jazyka českého* (там же).

Г Л А В А II

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ)

§ 1. Вводные замечания

Приводимый ниже материал имеет целью: 1) показать, что в большом числе случаев данные звуковые оболочки служат для формирования, существования и развития сложных и гибких лингвистических значений; в этих случаях получают слова, обладающие значительной семантической «емкостью»; 2) наметить основные типы омонимии в современном русском языке или попытаться установить для некоторых типичных случаев предел лексико-семантического варьирования слова: иными словами, определить для таких случаев, при каких условиях в современном русском языке разные значения оказываются не совместимыми в рамках одного слова, вследствие чего его тождество разрушается.

Наиболее удобным для выявления специфики отдельных случаев, как и для последующего обобщения обнаруженных закономерностей, было найдено разделение материала по частям речи. Такое деление дает возможность выявить свойственные частям речи специфические особенности. Вместе с тем оно не препятствует тому, чтобы внутри каждого из этих основных подразделений расположить материал по одной общей схеме, выделяя следующие два основных вопроса: 1) вопрос о полисемии, т. е. те случаи, когда наличие у данного комплекса двух или более в той или иной степени разошедшихся значений не приводит к его разрыву, расщеплению на два или более слов-омонимов, и 2) вопрос об омонимии, т. е.

те случаи, когда разные значения, связываемые с одним и тем же фонетическим и орфографическим комплексом, свидетельствуют не о семантической «емкости» слова, материальной оболочкой которого этот «комплекс» является, а о наличии в языке двух или более равнозвучающих слов-омонимов. Внутри каждого из этих двух основных разделов выделяются отдельные разновидности полисемии и омонимии.

§ 2. Полисемия существительных

Среди существительных очень распространены случаи, когда один и тот же фонетический и орфографический комплекс, употребляется для обозначения различных предметов, причем нередко принадлежащих к разным сферам человеческой деятельности, без разрушения тождества слова. Поэтому, хотя в таких, например, случаях, как *актив* (активная часть коллектива и бухгалтерский термин), *антенна* (радио-технический термин и у животного), *аппарат* (прибор и совокупность учреждений), *базис* (основание и экономический строй общества), *банк* (поставленные на кон деньги, игра и кредитное учреждение), *батарея* (соединение приборов и в артиллерии), *башмак* (ботинок и тормозное приспособление), *броненосец* (корабль и животное) и т. п., реально обозначаются разные вещи, русский язык «избирает» такие их стороны или свойства, которые позволяют обозначать их одним и тем же словом.

Поскольку выше постулировалась необходимость привлечения большого материала, приведем список слов, которые, как нам кажется, относятся к этой же категории: *бюро* (конторка и учреждение); *вал* (насыпь, волна и в технике); *вкус* (одно из пяти чувств — вкусовое ощущение и чувство изящного; несмотря на то, что в прилагательных, возможно, происходит акцентная дифференциация, ср. «пищевой и вкусовой» и «вкусовой» (?), например, «вкусовые прихоти и тиранические склонности иных редакторов» — «Литературная газета» от 12 февраля 1955 г.); *выжимание* (белья и спортивный термин); *гвоздика* (цветок и специя); *гладь* (гладкая поверхность и вышивка); *глупыш* (глупый человек и птица); *голова* (часть тела и руководитель); *гранат* (растение и минерал); *зуба* (кожная складка у края рта, концы клешей, гриб трутовик на стволах); *гусеница* (личинка бабочки и цепь на колесах у трактора и т. п.); *десятина* (мера земли и налог); *диагональ* (линия и ткань); *долг* (обязанность и взятое займы); *единорог* (животное и орудие); *жезл* (символ власти и для регулировки движения)¹; *жила* (кровеносный сосуд и в земной коре)²; *хсировик* (опухоль и минерал); *журавль* (птица и у колодца); *затор* (завал и в пивоварении); *зонтик* (укрытие и соцветие); *изоляция* (помещение и вещество); *инкубация* (болезнь и цыплят); *кабан* (свинья и необработанная глыба; ср. чушка и т. п.); *калька* бумага и лингвистический термин); *кобыла* (самка лошади и скамья); *кожан* (одежда и летучая мышь); *колено* (сустав, сочленение, изгиб в ломаной линии, пассаж в песне, танце); *коллектор* (канал, часть динамомашинны, учреждение); *колонка* (водопроводная, бензиновая, в ванне и полиграфический термин); *колонна* (людей и архитектурный термин); *конституция* (анатомический и политический термины); *конь* (лошадь, шахматная фигура и в спортивном оборудовании); *корпус* (туловище, здание, военное соединение и шрифт); *край* (предельная часть, область, округ и сорт говядины); *крем* (мазь и кушание); *кризис* (резкий перелом и капиталистическое перепроизводство товаров); *культура* (духовная и сельскохозяйственная); *лад* (согласие и строй музыкального инструмента); *личина* (маска и у замка); *лишай* (болезнь и растение); *лоцман* (проводник судов

и рыба); *магазин* (помещение для торговли, склад и часть аппарата или прибора); *мазок* (краской и слой для микроскопического исследования); *мантя* (предмет одежды и у моллюсков); *миндаль* (орех и гланда); *молодняк* (животное, лес и о молодых людях); *мутовка* (лопаточка и ботанический термин); *муфта* (для рук и в технике); *надстройка* (надстроенная часть и политический термин); *нос* (часть лица и у корабля); *обстановка* (мебель, обстоятельство и речная); *обстоятельство* (сопутствующее явление и грамматический термин); *операция* (разные действия и хирургическая; то же относится к слову *оператор*); *определение* (объяснение, также судебное и грамматический термин); *пазуха* (пространство между грудью и одеждой и анатомический термин); *палата* (помещение и законодательное учреждение); *панорама* (вид местности, картина и оптическое приспособление); *пачка* (пакет и костюм балерины); *пенка* (на молоке и минеральный материал); *платформа* (помост и программа действий); *пленка* (кожица и в фотографии); *плеть* (кнут и стебель ползучего растения); *плечо* (часть туловища и часть рычага); *пломба* (печать и зубоврачебная); *подзор* (карниз, оборка и часть кормы); *подполье* (помещение под полом и конспирация); *полип* (животное и опухоль); *порода* (разновидность, происхождение и минерал); *почка* (побег растения и анатомический термин); *пояс* (на талии и географический термин); *приложение* (прилагаемое и грамматический термин); *реализм* (учет условий действительности и направление в литературе, искусстве); *резец* (инструмент и зуб); *рогач* (жук, олень и ухват); *рубец* (след от раны и часть желудка); *сало* (жир и тонкий лед); *сальник* (участок брюшины и в технике); *связка* (анатомический и грамматический термины); *секрет* (тайна и наблюдательный пост); ⁴ *серьга* (в ухе, технический и морской термины); *снаряд* (инструмент и артиллерийский); *сосуд* (вместилище и анатомический термин); *союз* (единение и грамматический термин); *станок* (машина и лафет); *стол* (предмет мебели и учреждение); *стремя* (у седла и анатомический термин); *строй* (система, ряд людей и общественное устройство); *сухостой* (лес и скот); *сыворотка* (от молока и лечебное средство); *титул* (звание и типографский термин); *ткань* (тканая материя и анатомический термин); *тяга* (техническое устройство и перелет птиц); *товарищество* (отношения и организация); *удар* (толчок и кровоизлияние в мозг); *улитка* (моллюск и часть уха); *уровень* (плоскость и ватерпас); *фаза* (исторический, астрономический и физический термины); *фракция* (часть жидкой смеси и группировка внутри партии); *фрегат* (король и птица); *хобот* (у слона и часть лафета); *хорда* (математический и анатомический термины); *хрящ* (анатомический и минералогический термины); *чело* (лоб и часть печи); *черенок* (рукоятка и сучок плодового дерева); *чечевица* (растение и линза); *чубук* (стержень трубки и черенок винограда); *чугун* (металл и посуда); *чушка* (поросенок и слиток металла); *шайба* (подкладка для гайки и твердый мяч); *эксплуатация* (использование и политический термин); *этап* (стадия и военный термин) и т. п.

Думается, что во всех этих случаях, несмотря на реальное различие предметов, обозначаемых каждым из приведенных комплексов, тождество слова не нарушается. «Избранным признаком», который дает возможность называть разные предметы одним словом, очень часто является внешний вид предмета, например: *губа*, *гусеница*, *диагональ*, *зонтик*, *колено*, *мантя*, *сало*, *чечевица* и т. п. Далее, в физически разных предметах может выделяться некоторое общее свойство или общая характеристика, например: *коллектор* («собирающий»), *молодняк* («молодые»), *обстановка* («окружающее, сопутствующее»), *порода* («различающееся, выделяющееся данными свойствами»), *приложение* («прилагающееся») и т. п., или общность процесса, например: *инкубация* («скрытый процесс»), *кризис* («резкое изменение, перелом»), *мазок* («резкое наложение или удаление жидкого слоя»), *операция* («действие в самом общем смысле и потому применимое к разнообразным реальным процессам»), *эксплуатация* («использование») и т. д.

В связи с приведенными случаями следует обратить внимание на то, что дифференциация значений по сферам употребления в двуязычном словаре вполне отчетливо разъясняется применением соответствующих помет, например: *броненосец* — 1) мор. ironclad; 2) зоол. armadillo; антенна — 1) зоол. antenna; 2) радио. antenna, aerial и т. п. ⁵

Разграничение полисемии и омонимии требует внимания не только к различию или совпадению сфер применения того или другого слова, но и учета особенностей стилистического и временного характера. Думается, что известную роль для того, чтобы можно было говорить о возникновении омонимии, разрыве данного фонетического и орфографического комплекса, играет стилистическая и временная, как и территориальная, однородность связанных с ним значений. Иными словами, можно думать, что резкое различие в экспрессивно-эмоциональной окрашенности таких, например, пар, как *аран* (негр) и *аран* (нахал, жулик); *блат* (воровской жаргон) и *блат* (незаконный способ получения чего-либо); *волынка* (музыкальный инструмент) и *волынка* (медлительность в работе) и т. п., способствует восприятию их как разных значений одного и того же слова, а не как разных слов-омонимов. Хотя собственно семантическая связь в подобных случаях может и отсутствовать, резкое различие в экспрессивно-эмоциональных (стилистических) свойствах членов таких пар может порождать представление о переносе, шутливом (или «игривом») употреблении слова для обозначения чего-то другого, «не того», что этим словом естественно или обычно обозначается (ср. в этой связи: часть пятая, глава I, страница 239, где обсуждается вопрос о разного рода «сдвигах» и «транспозициях», как важном факторе для возникновения явлений стилистического характера).

Если согласиться с только что высказанными соображениями, то надо будет признать, что такие пары, как *аран* (негр) и *аран* (жулик) и т. п., сближаются с такими более простыми и несомненными случаями полисемии, граничащими в свою очередь уже просто со случаями переносного употребления одного и того же слова для обозначения реально разных предметов, как *баба* (женщина и презрительно о мужчине); *балахон* (халат и нескладная одежда); *баранка* (пшеничный хлебец и руль автомобиля); *вертушка* (вращающийся аппарат и легкомысленная женщина) и т. п., причем, как и в этих случаях, «положительно окрашенное», т. е. не нейтральное слово, выступает как семантически производное по отношению к нейтральному.

Аналогичные случаи, конечно, *mutatis mutandis* имеются и в других частях речи, например: *ахнуть* (издать восклицание и ударить, произвести резкое действие); *валить* (сбрасывать и идти, двигаться); *катать* (в разных значениях и совершать стремительное, резкое действие); *коптеть* (покрываться копотью и корпеть); *мазать* (покрывать слоем и делать промахи); *наплести* (кружев и т. п. и на кого); *натворить* (растворить, размешать в каком-то количестве и наделать нежелательного, плохого); *обчистить* (чистить и обобрать) и т. п. Далее: *безрукий* (не имеющий рук и неумелый); *выходной* (служащий для выхода и исполняющий свой выходной день); *липовый* (о дереве и фальшивый); *мировой* (от *мир* и очень хороший) и т. п. Но в наиболее чистом виде данное явление может быть показано только на существительных (в «чистом»

в смысле: «собственно или чисто лексическом, или лексико-стилистическом»). У глаголов непременно возникают осложнения с формами вида; как можно видеть из приведенных примеров, разные значения оказываются здесь неравноценными с точки зрения способности выражения видовых различий; в отличие от стилистически нейтрального, значение, обладающее выраженной (или положительной) экспрессивно-эмоциональной окраской, оказывается ограниченным только одним видом. У прилагательного либо выявляется несамостоятельность, производность значения по отношению к соответствующим существительным (например, различные по экспрессивно-эмоциональной окраске значения прилагательного *липовый* заложены уже в соответствующих значениях существительного *липа*), либо особенности функционально-синтаксические: например, *выходной* во втором значении употребляется только предикативно.

Когда речь идет о выделении омонимов в словарном составе современного литературного языка, вряд ли можно рассматривать как два разных слова-омонима такие пары, как *горбуша* (рыба и сельскохозяйственное орудие), *лыжница* (женщина и лыжня), *подорожник* (травя и закуска), *стежка* (строчка и тропинка), *строка* (ряд букв и лыжи в лапте), *ладить* (быть в ладу и налаживать), *намерзнуть* (на поверхности и сильно озябнуть), *трусить* (бежать рысцой и трясти), *угадать* (узнать и угодить), *бесталанный* (лишенный таланта и обездоленный) и т. п. Подобные различия, которые более или менее условно можно обозначать как «территориальные», связаны с тем, что одно из значений данного комплекса связано с известными «областными» ограничениями, не может рассматриваться как принадлежащее общенародному литературному языку в полном смысле этого слова.

«Территориально суженное» или «областное» значение, несмотря на отсутствие у него внутренней, т. е. семантической, связи с общелитературным значением, в лексикографии, по-видимому, следует лишь указать как специфическое и областное в той же словарной статье, в которой разъясняется основное или общелитературное значение.

«Временную» неоднородность значений можно проиллюстрировать следующими примерами: *брань* (ругань и война, битва); *живот* (часть тела и жизнь), *покой* (мир и помещение), *станция* (селение и стая), *толк* (смысл и разновидность религиозного направления), *зреть* (становиться зрелым и видеть), *наказать* (подвергнуть наказанию и сделать наставление, наказ), *положить* (класть и решить, постановить), *стяжать* (приобретать своей деятельностью и корыстолюбиво наживать), *мирской* (к *мир*—«свет» и к *мир*—«община»), *распашной* (относящийся к гребле двухлопастным веслом и носимый без застежек и т. п.).

Можно привести еще примеры того, как разные употребления одного и того же комплекса характеризуются главным образом с экспрессивно-эмоцио-

нальной стороны: *воронка* (конус для переливания жидкости и яма от взрыва бомбы); *гвоздь* (металлический и главное, самое значительное); *гибель* (уничтожение и множество); *глухарь* (птица и глухой человек); *город* (населенный пункт и в играх); *горячка* (возбуждение, спешка и лихорадка); *дубина* (палка и о человеке; второе значение, как и во всех таких случаях, синтаксически ограничено); *жила* (кровеносный сосуд, в земной коре и прижимистый человек); *заяц* (животное и безбилетный пассажир); *канитель* (металлическая нить и ненужное, нудное дело; то же относится к слову *канительщик*); *комик* (актер на комических ролях и шутник, забавник); *липа* (дерево и фальшивка); *мазок* (краской и промах); *одиночка* (человек и камера); *оригинал* (подлинник и странный человек; второе значение синтаксически обусловлено); *плюс* (значок и выгодная сторона, преимущество); *пяточок* (у свиньи, пять копеек и площадка); *соня* (животное и сонливый человек; второе синтаксически обусловлено); *роман* (литературное произведение и любовные отношения); *сморчок* (гриб и о человеке); *толкач* (добавочный паровоз и лицо); *туз* (карта и важный человек); *тумба* (столбик, подставка и о человеке); *тюлень* (животное и о человеке)⁶; *фантазия* (воображение и причуда); *фига* (плодовое дерево и кукиш); *фрукт* (плод и нахальный неприятный человек); *хмель* (растение и опьянение); *шатун* (техническое приспособление и тот, кто шатается); *шишка* (у хвойных растений и важный человек); *шпилька* (для волос, шляп и язвительное замечание) и другие.

Все случаи, приведенные в § 2, несмотря на существенные различия, объединяются тем, что в них нет таких явно повторяющихся морфологических особенностей, которые мотивировали бы данные различия в употреблении. Если в большинстве случаев и понятно, почему один и тот же звуковой комплекс оказывается возможным употреблять для обозначения реально различных предметов, то понятность эта достигается, в первую очередь, не структурной мотивированностью, а индивидуальными «вещественными» особенностями каждого данного «корнеслова».

§ 3. Разграничение в случаях «выраженной» полисемии и омонимии

Понятие «выраженной» полисемии было первоначально⁷ употреблено автором настоящей работы для обозначения лексико-синтаксических особенностей воспроизведения того или другого значения слова. Теперь, исходя из изложенных выше общих соображений, представляется целесообразным употреблять этот термин также и для обозначения лексико-морфологических свойств слов. Поэтому в данный раздел работы войдут такие случаи употребления одного и того же фонетического и орфографического комплекса для обозначения реально различных предметов, в которых, в отличие от случаев, приведенных в предыдущем параграфе, обозначение реально разных предметов одним и тем же звуковым комплексом носит закономерный характер, оказывается так или иначе структурно обусловленным. Следует при этом обратить внимание на то, что структурная мотивированность тех или других семантических соотношений очень способствует внесению ясности и четкости в исследование собственно семантических отношений.

§ 4. Разграничение полисемии и омонимии в «именах действия» (nomina actionis)

В русском, как и в других европейских языках, весьма распространены случаи, когда одним и тем же фонетическим и орфографическим комплексом обозначается как «действие по глаголу», так и различного рода результаты этого действия и состояния, возникшие в связи с осуществлением этого действия или еще как-нибудь с ним связанные. Таковы, например: *бой* (посуды, вооруженное столкновение и битое стекло); *веяние* (обработка зерна и идеи, настроения); *взвод* (по глаголу *взвести*, приспособление в ударном механизме и подразделение роты); *ворот* (техническое приспособление, по глаголу *воротить* и в одежде); *дача* (по глаголу *дать*, например *дача консультации*, загородный летний дом и участок леса); *завод* (по глаголу *заводить*, приспособление для приведения в действие, предприятие для разведения животных и промышленное предприятие); *наметка* (по глаголу *метать*, предварительный вид нитка) и т. п.

Такое разнообразие значений у одного и того же комплекса связано с тем, что в русском языке часто совпадают звуковые оболочки существительных — «имен действия», образованных как от действительных, так и от страдательных форм глагола, почему, например, *бой* может быть не только действием по глаголу *бить*, но и действием — и далее результатом — по глаголу *биться* («побитое»), *дача* соотносится не только с *давать*, но и с *быть данным*. Далее, нередко совпадают звуковые оболочки существительных, образованных от разных глаголов; например, *наметка* является именем действия по *наметать* и по *наметить*, *выдержка* — по *выдерживать* и *выдержать*, *следствие* — по *следовать* и *следить* и т. д. Эти примеры иллюстрируют первый из обсуждавшихся уже путей развития омонимии за счет совпадения звуковых оболочек различных по содержанию морфем (как корневых, так и аффиксальных).

Кроме того, в этой группе слов широко представлена омонимия, возникающая за счет семантического расхождения, т. е. такого семантического развития первоначально одной и той же (по преимуществу, если не исключительно) корневой морфемы, которое приводит к единицам, столь различным по смыслу, что их оказывается уже невозможным понимать как различные лексико-семантические варианты одного слова. Хотя, вообще говоря, для отглагольного существительного вполне нормальным оказывается обозначение не только действия или процесса, но и разного рода результатов и состояний, связанных с этим действием⁸, семантическое развитие может настолько далеко зайти, приобретая нередко при этом уже особый сугубо индивидуальный характер, что результатом может явиться несовместимость полученных разных значений в одном слове, т. е. возникновение омонимии.

В качестве примеров этого последнего явления представляется возможным привести следующие случаи: *веяние* (обработка зерна) и *веяние* (обычно множ. и с фразеологической связанностью, идеи, настроения); *взвод* (по глаголу *взвести*

и ударный механизм) и *взвод* (подразделение роты); *ворот* (по глаголу *воротить* и техническое приспособление) и *ворот* (у одежды); *завод* (по глаголу *заводить* и приспособление для приведения в действие) и *завод* (предприятие; семантическое расщепление фиксируется дивергенцией производных — *заводной* и *заводской*); *заяние* (захват) и *заяние* (учебные, служебные и пр., чаще множ.); *запал* (для воспламенения) и *запал* (у лошади); *запор* (для запираания) и *запор* (желудка); *зачет* (по глаголу *зачитывать* с фразеологической связанностью, например *в зачет платы*) и *зачет* (экзамен); *образование* (по глаголу *образовать* и то, что образовалось) и *образование* (просвещение); *обрез* (у книги) и *обрез* (винтовка); *оклад* (на иконе) и *оклад* (жалованье); *отпуск* (металла) и *отпуск* (каникулы); *переклейка* (по глаголу *переклеивать*) и *переклейка* (фанера); *побег* (бегство) и *побег* (росток); *порыв* (по глаголу *порваться*) и *порыв* (внезапное устремление); *поход* (передвижение войск) и *поход* (излишек); *прием* (по глаголу *принимать*) и *прием* (способ); *приклад* (у ружья) и *приклад* (портновский); *приход* (по глаголу *приходить*), *приход* (доход) и *приход* (прихожане); *прокат* (прокатка и металл, изделия) и *прокат* (аренда); *развод* (смена караулов) и *развод* (прекращение брака); *разряд* (категория) и *разряд* (по глаголу *разрядить*); *расчет* (по глаголу *рассчитывать*) и *расчет* (воен.); *рубка* (леса и т. п.) и *рубка* (мор.); *свод* (в строительстве) и *свод* (собрание — *свод законов* и т. п.); *слог* (стиль) и *слог* (фонет.); *сложение* (по глаголу *сложить*) и *сложение* (телосложение); *состояние* (положение, самочувствие) и *состояние* (капитал, имущество); *стан* (фигура и в технике) и *стан* (лагерь); *стойка* (положение, поза) и *стойка* (подборка и прилавок); *строение* (здание, постройка) и *строение* (взаимное расположение частей); *сушка* (по глаголу *сушить*) и *сушка* (баранка); *унос* (по глаголу *унести*) и *унос* (лошади в арт. запряжке); *устав* (свод правил) и *устав* (почерк).

Сюда же можно отнести такие случаи со специальным значением второго слова, как *залог* (по глаголу *закладывать* и залог дружбы) и *залог* (грамматический термин); *наклонение* (по глаголу *наклонять*) и *наклонение* (грамматический термин); *предлог* (внешний повод) и *предлог* (грамматический термин); *предложение* (по глаголу *предложить* и то, что предлагается) и *предложение* (грамматический термин); *склонение* (по глаголу *склонять* и угол) и *склонение* (грамматический термин) и др.

От таких случаев, где омонимия отглагольных существительных возникает в результате семантического расхождения на основе вполне регулярной для этого класса слов многозначности, отличаются такие, в которых омонимия вызвана различием строения. Это различие строения слов, совпавших по звуковой оболочке, нередко бывает вызвано омонимией тех глаголов, от которых эти существительные образованы⁹, в частности омонимией приставок при тождестве основы, о чем подробнее будет сказано в связи с обсуждением структурно обусловленной омонимии глаголов. Таковы, например, *обмер* (обман) и *обмер* (обмеривание); *перевод* (текст, переведенный с одного языка на другой) и *перевод* (трата); *переработка* (заново) и *переработка* (сверх нормы); *сплав* (вещество из нескольких металлов) и *сплав* (по реке); *уход* (от *уйти*) и *уход* (от *ухаживать*) и т. п. Следует заметить, что омонимы этого рода, где подающимися морфологизации являются оба члена пары, достаточно ясно отличаются от таких случаев, где слово, вполне определенно морфологизирующееся как «имя действия», оказывается совпавшим со словом, утратившим морфологическую четкость частей, например: *мочка* (по глаголу *мочить*) и *мочка* (нижняя мясистая часть уха); *опушка* (по глаголу *опушить*, также меховая обшивка) и *опушка* (край леса); *полка* (по глаголу *полоть*) и *полка* (книжная);

точка (по глаголу *точить*) и *точка* (знак препинания и место в пространстве) и т. п.

Думается, что к явлениям омонимии, вызванным различием строения можно отнести и следующие случаи: *вывеска* (объявление) и *вывеска* (определение веса); *заключение* (вывод) и *заключение* (лишение свободы); *каток* (на льду) и *каток* (для укатывания, где, по-видимому, имеет место омонимия глагольных основ); *нажива* (легкий доход) и *нажива* (наживка); *наряд* (одежда) и *наряд* (распоряжение о выполнении работы); *объездчик* (полей) и *объездчик* (лошадей); *отправление* (по почте, также отправляемый или отправленный предмет) и *отправление* (выполнение, осуществление); *переборка* (картофеля и т. п.) и *переборка* (перегородка); *передержка* при (фотографировании) и *передержка* (экзамена); *переоценка* (заново) и *переоценка* (слишком высокая оценка); *пикировка* (препирательство) и *пикировка* (сельскохозяйственный термин); *планирование* (авиационный термин) и *планирование* (в экономике); *пополнение* (по глаголу *пополнять*) и *пополнение* (по глаголу *полнеть*); *порка* (наказание) и *порка* (швов и т. п.); *припек* (увеличение в весе хлеба после выпечки) и *припек* (пригреваемое солнцем место); *провес* (недостаток в весе) и *провес* (прогнувшееся место; собственно *провис*); *разведение* (моста) и *разведение* (животных и т. п.); *развеска* (на весах) и *развеска* (картин и т. п.); *расписка* (стен) и *расписка* (документ); *разрядник* (Физ.) и *разрядник* (спорт.); *раствор* (проем) и *раствор* (жидкая смесь); *скальвание* (льда и т. п.) и *скальвание* (булавками и т. п.); *снос* (здания и т. п.) и *снос* (изнашивание); *сплащик* (леса) и *сплащик* (металлург); *сработанность* (согласованность в работе) и *сработанность* (изношенность); *ссылка* (вид наказания) и *ссылка* (выдержка из текста); *съезд* (собрание представителей) и *съезд* (место, по которому *съезжают*); *творило* (затвор, дверца, отверстие) и *творило* (сосуд, место, где что-нибудь растворяют); *толчая* (толкотня) и *толчая* (приспособление для толчения); *тушение* (огня) и *тушение* (приготовление пищи); *угар* (удушливый газ в результате его воздействия на организм) и *угар* (отход при обработке волокна и т. п.); *устой* (береговая опора моста) и *устой* (сгустившийся слой на поверхности жидкости); *чеканка* (изготовление выдавливанием) и *чеканка* (уход за растением) и др.

Хотя и приведенные только что случаи не являются вполне однородными и не одинаково отчетливо делятся на противопоставляемые значащие части, из этой большой категории случаев все же представляется возможным выделить такие, где омонимия вызвана различием построения при тождестве составляющих морфем. Так, например, в таких случаях, как *болтун* (болтливый человек) и *болтун* (яйцо); также *болтушка*; *насос* (помпа) и *насос* (болезнь животных; по «внутренней структуре» то, чем насаживают, и насосное); *отлив* (о море, т. е. когда отливает, отходит сама вода) и *отлив* (на фоне цвета, когда что-то отливает, переливается чем-то); *присвоение* (себе) и *присвоение* (кому-то звания и т. п.); *разъезд* (то, что происходит, когда разъезжаются в разные стороны, когда разъезжаются, чтобы не столкнуться, также на жел. дор.) и *разъезд* (отряд, который не разъезжается, а разъезжает, ездит, осматривая, проверяя; ср. также *гулянье*); *прогон* (боковая улица, по которой кого-то можно прогнать) и *прогон* (балка, которую прогоняют для связи, укрепления и т. п.); *самокрутка* (папироса, которую крутят) и *самокрутка* (самовольное бракосочетание, когда «окручивают» самого себя); *самострел* (оружие, которое «само стреляет») и *самострел* (умышленное ранение, когда «сам стреляет в себя»); *сечка* (нож, который сечет) и *сечка* (солома, «насеченное») и др., — в этих случаях несомнимость значений целого при тождестве составляющих морфем можно объяснить только «омонимией внутренней формы построения»¹⁰.

§ 5. Разграничение полисемии и омонимии в «именах действателя» (*nomina agentis*)

В русском, как и других европейских языках, распространено обозначение одним фонетическим и орфографическим комплексом человека («действателя»), орудия и средства выполнения какого-

либо действия или лица, орудия или средства, характеризующихся по выполняемому действию. Таковы, например, *восстановитель* (строитель по восстановлению и средство для восстановления); *держатель* (лицо, распоряжающееся ценными бумагами, и приспособление для держания); *искатель* (занятый поисками и приспособление у оптических приборов); *корректировщик* (человек и прибор, корректирующий стрельбу); *переводчик* (литературы и на автоматической станции); *разведчик* (военнослужащий и самолет); *счетчик* (лицо и прибор, производящие подсчет); *угольщик* (шахтер, лицо, изготавливающее древесный уголь и судно для перевозки угля) и т. п.

Число примеров этого рода можно было бы очень увеличить: *бумажник* (рабочий бумажной промышленности и кошелек); *бумагодержатель* (лицо и прибор для держания); *водолаз* (рабочий и собака); *вредитель* (насекомое и саботажник); *гидрограф* (специалист и прибор); *гастроном* (человек и магазин); *дровосек* (лесоруб и жук, грызущий кору растений); *ледорез* (человек, заготавливающий лед, корабль и бык моста); *маркер* (ведущий счет во время игры на бильярде и сельскохозяйственное орудие для проведения борозд, по которым проводится посадка); *миноискатель* (аппарат и сапер); *мультипликатор* (камера и специалист по мультипликации); *ночник* (летчик и лампочка); *песенник* (сборник песен и исполнитель, автор и композитор); *приемник* (аппарат и особое помещение); *проводник* (кондуктор, проводящий, вещество, пропускающее ток, и посредник); *резак* (нож и рабочий); *резчик* (инструмент и рабочий); *ручник* (специалист по ручной выделке и молоток); *стартер* (лицо, дающее знак к началу спортивного состязания, и устройство в двигателях для механического пуска); *стенняк* (житель степных районов и порода лошадей); *типограф* (рабочий и машина); *торпедоносец* (самолет, сбрасывающий торпеды, и летчик торпедоносной авиации); *транспортник* (работник транспорта, работник транспортной авиации и самолет транспортной авиации) и др.

Нельзя не обратить внимания и на такие пары: *коровник* (хлев и рабочий при коровах); *каретник* (каретный сарай и мастер по изготовлению экипажей); *медвежатник* (помещение для медвежат и охотник); *муравейник* (наземная часть жилища муравьев и медведь, питающийся ягодами и муравьями); *птичник* (помещение для домашней птицы и рабочий, ухаживающий за ней); *рябинник* (заросль рябины и птица); *телятник* (хлев и работник при телятах); *торфяник* (торфяное болото, специалист по торфу и рабочий на торфоразработках); *ягодник* (место, где растут ягоды, трава или кустарник, дающие ягоды, и продавец или сборщик ягод) и проч.

Разнообразие возможных семантических отношений в пределах суффиксального образования данного типа очень велико. Например: *сердечник* (больной и врач); *молочник* (продавец молока и сосуд для молока); *дождевик* (пальто и гриб); *ночник* (лампа и летчик); *пыльник* (плащ и бот.); *ситник* (хлеб и растение); *утренник* (спектакль и мороз); *ремесленник* (рабочий и ученик ремесленного училища); *ударник* (передовой работник, член ударной воинской части и часть затвора) и др.

В этих случаях, в отличие от того, что было отмечено в отношении «имен действия», следует констатировать тождество корня. Далее, использование суффиксов *-ик*, *-чик*, *-щик*, *-тель* и т. п. для образования слов, совмещающих обозначения действителя, орудия и средства, как будто не противоречит общесемантическим нормам в том смысле, что знание различных предметов действительности, обозначаемых такими словами, как *искатель*, *счетчик* и т. п.,

не раскрывает в них ничего такого, что делало бы объединенное их обозначение реально невозможным.

Однако рассмотрение этих слов с точки зрения семантической системы, т. е. системы лексических значений, которую представляет данный «участок» современного русского языка, дает как будто основания для того, чтобы поставить вопрос о расщеплении этих комплексов на два слова. Возможно, что для русского языка важной является выраженная в образованиях подобного рода категория «лица — не лица», почему то обстоятельство, что, например, *держатель 1*, *искатель 1*, *корректировщик 1*, *переводчик 1*, *разведчик 1* и т. п. соотносительны с *держательница*, *искательница*, *корректировщица*, *переводчица* и т. п., возможно, и «расщепляет», «разрывает» подобные комплексы на два разных слова-омонима, т. е. *держатель 1* (при женск. *держательница*) и *держатель 2* (при отсутствии параллельного образования в женском роде).

В подтверждение сказанного о той роли, которую в русском языке в образовании рассмотренного типа, по-видимому, играет разграничение категории «лица — не лица», представляется целесообразным обратить внимание также на следующее. Как известно, в русском языке весьма распространены такие семантически «емкие» слова женского рода, как *буржуйка* (женщина и печь), *венгерка* (женщина, куртка, танец), *ветреница* (женщина и цветок), *голландка* (женщина, печь и самка коровы и курицы), *испанка* (женщина и болезнь), *касатка* (в обращении к женщине и птица), *кубанка* (шапка и пшеница; при желании может быть образовано и название женщины, живущей на Кубани или происходящей отсюда), *лезгинка* (женщина, танец и музыка), *молодка* (женщина и курица), *молочница* (женщина, продающая молоко, и болезнь), *папиросница* (женщина и коробка), *полька* (женщина и танец), *толстовка* (женщина и блуза), *финка* (женщина и нож), *черкеска* (женщина и одежда), *шотландка* (женщина и ткань) и др. Думается, что известную аналогию с тем, что было сказано о существительных мужского рода типа *держатель*, *искатель* и т. п., можно обнаружить в существительных женского рода типа *венгерка*, *голландка*, *испанка*, *кубанка*, *лезгинка*, *полька*, *толстовка*, *финка*, *черкеска*, *шотландка* и т. п. Эти комплексы тоже «раздваиваются» тем, что, с одной стороны, они вполне отчетливо соотносятся с *венгерец* (венгр), *голландец*, *испанец*, *поляк*, *толстовец* и т. п., а с другой — выступают как продуктивные фамильярные образования от терминологических словосочетаний типа: *венгерская куртка*, *венгерский танец*, *голландская печь*, *испанская болезнь*, *кубанская шапка*, *шотландская ткань* и т. п., стоящих в одном ряду с такими словами, как *ветрянка*, *летучка*, *овсянка* и пр., никакого отношения к значению лица не имеющими.

Думается, что «раздвоение» комплексов типа *венгерка*, *полька*, *папиросница* в известном смысле аналогично с тем, что было отмечено выше для слов мужского рода. Объединяясь структурно и по значению с *испанец*, *толстовец* и т. п., *испанка*, *толстовка* и т. п.

в значении «женщина» и отделяясь от *испанки*, *толстовки* и т. п. в значении «болезнь», «одежда» и т. п., эти комплексы дают закономерные ряды омонимов так же, как расслаиваются на омонимы такие комплексы, как *восстановитель* (*восстановительница*) и *восстановитель* (для волос), *держатель* (*держательница* акций) и *держатель* (прибор), *вредитель* (*вредительница*) и *вредитель* (сельскохозяйственных растений), *песенник* (*песенница*) и *песенник* (сборник песен), *переводчик* (*переводчица*) и *переводчик* (на автоматической станции), *проводник* (*проводница*) и *проводник* (вещество, пропускающее ток), *разведчик* (*разведчица*) и *разведчик* (самолет разведывательной службы), *резчик* (*резчица*) и *резчик* (инструмент), *ручник* (*ручница*) и *ручник* (молоток), *счетчик* (*счетчица*) и *счетчик* (прибор), *транспортник* (*транспортница*) и *транспортник* (самолет), *угольщик* (*угольщица*) и *угольщик* (судно) и т. д.

В отличие от приведенных случаев вряд ли нашлись бы достаточные основания для того, чтобы видеть омонимию в таких случаях, как *гидрограф*, *дровосек*, *ледорез*, *маркер*, *мухоловка*, *приемник* (соответствующий деятель будет *приемщик*, женское *приемщица*), *резак*, *стартер*, *типограф* и другие подобные¹¹. Употребление слова *торпедоносец* для обозначения летчика торпедоносной авиации, может быть, является вторичным, производным употреблением слова, первоначально служившего только для обозначения самолета, который и является «носцем», т. е. «носителем» торпед в собственном смысле.

Может показаться, что способ трактовки, принятый при рассмотрении «имен действателя», находится в известном противоречии со сказанным выше (стр. 112) о соотношении «знания действительности» и «особенностей языковой системы». Думается, что противоречия здесь нет. Ведь речь шла о том, что сам по себе, например, факт существования двух разных прилагательных *класный* и *классовый* не может служить основанием для заключения об «омонимическом разрыве» комплекса *класс*. (Для доказательства этого положения была проведена аналогия с *ананасный* — *ананасовый*, *абрикосный* — *абрикосовый*.) Определенный морфологический факт, следовательно, имеет значение только в том случае, если в самой обозначаемой действительности обнаруживаются такие различия, языковым выражением которых является данная морфологическая дифференциация.

Но «обращение к действительности» не следует понимать, как обращение лишь к данному отдельному факту или данной изолированной группе фактов. В действительности существуют такие явления, как действитель, орудие, средство, и между ними достаточно общего для того, чтобы, например, английский язык (ср. примечание 11) обозначал их одним словом, «обращая внимание» на общее, т. е. участие в действии, и не «обращая внимания» на различное, т. е. на то, что в одном случае это — человек, лицо, а в другом — предмет. Русский же язык, может быть, выделяет в данном случае именно различное, «обращает внимание» на то,

что в одном случае это лицо, а в другом — предмет. Конечно, при существующей неразработанности вопроса об омонимии трудно предложить окончательное его решение. Однако обратить внимание на специфику семантической структуры этих комплексов ввиду особенностей их соотношения с соответствующими обозначениями лиц женского пола представляется существенным. Особенно рельефным это явление становится при сопоставлении с другими языками.

Для более глубокого проникновения в семантическое строение рассмотренных существительных в русском языке большое значение имеет также их подробный морфологический анализ. Многие из перечисленных выше комплексов соединяют в себе не только различия значения, но и различия построения: *бумажник, ремесленник, песенник, ручник, ночник* и др., так же как *каретник, рябник, ягодник* и пр. «расщепляются» и в структурном отношении тем, что в одних значениях оказываются образованными от основ прилагательных посредством суффикса *-ик*, а в других — от основ существительных посредством суффикса *-ник* (например, *бумажник* — рабочий бумажной промышленности и *бумажник* для хранения бумаг). Следует также иметь в виду, что «имя действующателя» в собственном смысле всегда образуется от глагольной, а не от адъективной или субстантивной основы. Структурные различия играют важную роль и при изучении комплексов типа *матроска* и пр. с точки зрения разграничения лица и предмета.

§ 6. Омонимия уменьшительных существительных и существительных с десемантизированным уменьшительным суффиксом

В русском языке весьма распространено совпадение в одном звуковом комплексе различных названий с десемантизированными уменьшительными (уничижительно-ласкательными) суффиксами *-ка, -ек, -ик* (десемантизированными в том смысле, что они входят в структуру данного названия без противопоставления соответствующему бессуффиксному слову) и однокоренных с ними уменьшительных существительных. Таковы *бородка* (ключа и к *борода*), *бычок* (рыба и к *бык*), *губка* (ноздrevатый остов животного, соответствующее изделие из резины и к *губа*), *кабачок* (растение и к *кабак*), *кашка* (клевер и к *каша*), *кобылка* (подставка под струны и к *кобыла*), *котелок* (шляпа и к *котел*), *местечко* (поселок и к *место*), *мостик* (капитанский и к *мост*), *мушка* (на лице и к *муха*), *норка* (зверь и к *нора*), *ножка* (у мебели и к *нога*) и т. п.

Еще примеры: *барашек* (на море — мн., тех. и к *баран*); *ботик* (судно и обувь); *вставочка* (ручка и маленькая вставка, однако возможно, что первое значение следует рассматривать как областное); *голубок* (растение и маленький голубь); *жгутик* (орган передвижения у низших организмов и к *жгут*); *жилка* (склонность и к *жила*); *книжка* (анат. и к *книга*); *конек* (у крыши, для катания на льду и к *конь*); *котик* (морское животное и к *кот*); *кубик* (куби-

ческий сантиметр и к *куб*); *куколка* (насекомого и к *кукла*); *кулачок* (в технике и к *кулак*); *лисичка* (гриб и к *лисица*); *листок* (бланк для записи и к *лист*); *ложечка* (в *под ложечкой* и к *ложка*); *лопатка* (часть спины и к *лопата*); *лучок* (часть смычка и к *лук*); *носок* (к *нос*, передний конец и короткий чулок); *плитка* (электрическая и к *плита*); *пестик* (часть цветка и к *пест*); *птичка* (пометка и к *птица*); *палочка* (бактерия и к *палка*); *родничок* (у новорожденных и к *родник*); *розанчик* (круглая булочка и *розан*); *рыльце* (бот. и к *рыло*); *ручка* (для писания, также дверная и к *рука*); *свинка* (опухоль и к *свинья*); *скобка* (знак препинания, стрижка и к *скоба*); *собачка* (спусковой крючок и к *собака*); *спинка* (у стула и к *спина*); *стонка* (маленький стаканчик и к *стоп*); *тумбочка* (шкафчик у кровати и к *тумба*); *узdecka* (анат. и к *узда*); *ушко* (дырка, проем и к *ухо*; возможно, с акцентной дифференциацией); *червяк* (винт и к *червь*); *челнок* (ткацкий и к *челн*); *чижик* (палочка в игре и к *чиже*); *шкурка* (наждачная и к *шкура*); *шляпка* (у гвоздя и т. п. и к *шляпа*); *ястребок* (самолет и к *ястреб*) и др.

§ 7. Частичная омонимия, возникающая вследствие «лексикализации» форм множественного числа

В русском, как и в других европейских языках, распространен особый вид частичной омонимии, заключающейся в том, что все формы одного существительного оказываются омонимными с формами множественного числа другого. Например: *амуры* (мн. к *амур* и любовные похождения); *баки* (мн. к *бак* и борода); *барашки* (мн. к *барашек* и волны); *боты* (мн. к *бот* и галоши, также *ботинки* — несколько маленьких ботов и галоши); *бубны* (мн. к *бубен* и картонная масть); *бурки* (ми. к *бурка* и валенки); *верхи* (мн. к *верх* и *руководящие верхи* и т.п.); *горелки* (множ. к *горелка* и игра); *задатки* (множ. к *задаток* и способности); *зады* (множ. к *зад* и известное, элементарное); *кадры* (множ. к *кадр* и состав работников); *курсы* (множ. к *курс* и учебное заведение); *леса* (множ. к *лес* и строительные); *массы* (множ. к *масса* и народ); *низы* (множ. к *низ* и непривилегированные классы); *ноты* (множ. к *нота* и текст музыкального произведения); *очки* (множ. к *очко* и для глаз); *роды* (множ. к *род* и рождение); *склянки* (множ. к *склянка* и часы на корабле); *толки* (множ. к *толк* и слухи, пересуды); *ушки* (множ. к *ушко* и макаронные изделия); *хоры* (множ. к *хор* и галерея); *чары* (множ. к *чара* и волшебство); *часы* (множ. к *час* и инструмент для измерения времени); *шашки* (множ. к *шашка* и игра) и др.¹²

К «выраженной» же омонимии следует отнести такие случаи, как *Вулкан* (миф.) и *вулкан* (огнедышащая гора); *Геркулес* (миф.) и *геркулес* (крупа); *Наяда* (нимфа) и *наяда* (моллюск); *Пан* (миф.) и *пан* (барин); *Гриф* (крылатое чудовище) и *гриф* (крупная хищная птица); *Зефир* (западный ветер) и *зефир* (пастила) и т. п. Этот вид омонимии можно рассматривать как «выраженный» в том смысле, что здесь конкретно лексическое расщепление сопровождается различием лексико-семантических категорий внутри класса существительных, т. е. принадлежностью первого члена пары к собственным, а второго — к нарицательным именам. Омнимы эти неомографичны, так как дифференцируются употреблением соответственно прописной и строчной начальной буквы¹³.

§ 8. «Невыраженная» омонимия существительных

Следует напомнить, что под «невыраженной» омонимией понимаются все те случаи совпадения звуковых оболочек разных слов, в которых наличие именно совпадения разных СЛОВ, а не многозначность одного слова обнаруживается только на основе семантического рассмотрения, подкрепляемого в некоторых случаях знанием разной этимологии. Омонимичность в этом случае не находит себе фиксированного выражения ни в морфологическом строении ни в устойчивых правилах синтаксического функционирования. Например: *бар* (ресторан) и *бар* (единица атмосферного давления); *блок* (приспособление для подъема тяжестей) и *блок* (объединение, группа); *бор* (хвойный лес) и *бор* (стальное сверло); *винт* (стержень со спиральной нарезкой и приспособление для приведения в движение судна) и *винт* (карточная игра); *грот* (ущелье) и *грот* (мачта); *клуб* (дымчатая масса) и *клуб* (общественная организация, также здание такой организации); *коса* (сплетенные волосы), *коса* (сельскохозяйственное орудие) и *коса* (полуостров в виде узкой полосы земли); *кулон* (украшение) и *кулон* (единица измерения электрического тока); *круп* (острое воспаление гортани) и *круп* (часть туловища у лошади); *лук* (огородное растение) и *лук* (старинное оружие); *мат* (поражение в шахматной игре), *мат* (плетеный половик) и *мат* (гладкая поверхность без блеска); *пай* (доля) и *пай* (пирог: *яблочный пай*); *пат* (в шахматной игре) и *пат* (сорт пастилы); *пикет* (дозор) и *пикет* (карточная игра); *пол* (нижний настил в помещении) и *пол* (каждый из двух разрядов живых существ); *помпа* (насос) и *помпа* (пышность); *рысь* (бег лошади) и *рысь* (животное); *такса* (установленная расценка) и *такса* (собака) и др.

Как уже неоднократно указывалось выше, одной из основных задач современной лексикологии является переход от отдельных примеров к сплошному анализу материала, выявлению массового и типичного. Поэтому целесообразно привести примерный список существительных современного русского языка, у которых внешние оболочки представляются «сдублированными» или даже «утроенными», т. е. связанными с внутренне настолько различными единицами смысла, что связь эта в каждом случае с одной и той же единицей внешней оболочки выступает как не подводящаяся ни под какие общие категории, возникшая вследствие особых обстоятельств, никак не объяснимых в рамках структурно-семантических явлений данного языка. Думается, что именно такое положение находим в *аспид* (змея и злой человек) и *аспид* (минерал); *банка* (сосуд), *банка* (отмель) и *банка* (скамья для гребцов); *барс* (животное) и *барс* (авиационный термин); *брак* (изъян в товаре) и *брак* (супружеские отношения); *бунт* (стихийное восстание) и *бунт* (связка, кипа); *бур* (инструмент) и *бур* (народность); *бухта* (залит) и *бухта* (каната); *вираж* (поворот с креном самолета) и *вираж* (раствор для промывки фотографического отпечатка); *вольт* (в манежной езде, также в фехтовании) и *вольт* (единица измерения напряжения электрического тока); *газ* (физическое тело; выделение) и *газ* (шелковая ткань); *гамма* (муз.) и *гамма* (название греческой буквы); *горн* (кузнечный очаг) и *горн* (духовой инструмент); *двор* (участок земли, также крестьянский дом с хозяйственными постройками) и *двор* (в монархических странах); *дисциплина* (обязательное подчинение) и *дисциплина* (самостоятельная научная отрасль); *домино* (маскарадный костюм) и *домино* (игра); *дробь* (для стрельбы), *дробь* (математический термин) и *дробь* (барабанная); *залог* (закладывание и обеспе-

ние) и *залог* (грамматический термин); *золотник* (мера веса) и *золотник* (в паровой машине); *кадет* (воспитанник дореволюционного учебного заведения) и *кадет* (член буржуазной партии); *кадр* (военный термин) и *кадр* (кино); *казачок* (слуга) и *казачок* (танец); *карьер* (конский бег) и *карвер* (место открытой разработки); *кисть* (пучок щетины, ниток и проч., также в ботанике) и *кисть* (часть руки); *класс* (при прилагательном *классовый* — политэкономический термин) и *класс* (разряд, группа учеников и т. п.; при прилагательном *классный*); *ключ* (дверной, технический и переносно) и *ключ* (источник); *кок* (торчащий вихор) и *кок* (повар на судне); *кокетка* (женщина) и *кокетка* (отрезная часть сорочки и т. п.); *комиссия* (группа лиц со специальными полномочиями) и *комиссия* (поручение, выполняемое за определенное вознаграждение); *корнет* (офицерский чин) и *корнет* (духовой инструмент); *косяк* (брус у рамы) и *косяк* (гурт, стая); *кошка* (домашнее животное), *кошка* (род железных шипов и небольшой якорь) и *кошка* (ременная плеть); *крона* (часть дерева) и *крона* (монета); *куб* (геометрический термин) и *куб* (котел); *кулак* (кисть руки и ударная группировка войск) и *кулак* (политэкономический термин, при прилагательном *кулацкий*); *курс* (направление движения) и *курс* (годовая ступень образования, изложение научной дисциплины и др.); *лава* (расплавленная масса), *лава* (казачья атака) и *лава* (забой в шахте); *лавка* (скамейка) и *лавка* (магазин); *лама* (животное) и *лама* (монах-священник); *ластик* (материя) и *ластик* (резинка для стирания); *лев* (животное) и *лев* (монета); *лейка* (для поливки) и *лейка* (фотоаппарат); *ливер* (трубка) и *ливер* (кушанье); *линь* (рыба) и *линь* (веревка); *лира* (музыкальный инструмент) и *лира* (монета); *лот* (прибор для измерения) и *лот* (мера веса); *лубок* (при переломе и изделие из луба) и *лубок* (лубочная литература); *люкс* (единица освещенности) и *люкс* (лучший по оборудованию и т. п.); *люлька* (колыбель и часть лафета) и *люлька* (трубка); *марка* (знак оплаты; торговый знак, денежная единица в Германии и т. п.) и *марка* (область и община); *марш* (способ ходьбы) и *марш* (часть лестницы); *материя* (философский и медицинский термины, только единств.) и *материя* (мануфактура); *месяц* (луна) и *месяц* (30 дней); *метрика* (учение о стихотворных размерах) и *метрика* (выписка из книги ЗАГС); *мех* (шерсть) и *мех* (сосуд; различаются во множеств. числе — *меха* и *мехи*); *мина* (снаряд) и *мина* (мимическое движение); *метр* (100 сантиметров) и *метр* (*mètre*); *мир* (отсутствие войны и т. п.) и *мир* (вселенная и сельская община); *моль* (насекомое), *моль* (муз.) и *моль* (хим.); *мог* (покойническая) и *мог* (земельная мера); *мотив* (будительная причина и довод) и *мотив* (мелодия, напев и часть сюжета); *мумия* (высохший труп) и *мумия* (род красной краски); *наречие* (диалект) и *наречие* (часть речи); *нефрит* (болезнь) и *нефрит* (минерал); *нотация* (наставление) и *нотация* (система обозначений); *нота* (графическое изображение музыкального звука) и *нота* (дипломатическая); *орден* (знак отличия) и *орден* (объединение, община); *охота* (на кого-что или за кем; также обзаведение и т. п.) и *охота* (стреление; также в значении сказуемого); *охотник* (занимающийся охотой) и *охотник* (добровольно берущийся за поручение, склонный и т. п.); *папа* (отец) и *папа* (римский); *пар* (газообразное вещество) и *пар* (поле); *парк* (сад) и *парк* (склад; также место стоянки или ремонта и подвижной состав); *партия* (группа лиц), *партия* (политическая организация) и *партия* (музыкальный термин); *пас* (в карточной игре) и *пас* (спортивный термин); *пассаж* (галерея) и *пассаж* (часть музыкального произведения); *патрон* (пуля), *патрон* (покровитель, защитник) и *патрон* (выкройка); *перо* (у птицы, рыбы, лука) и *перо* (для писания); *петрушка* (растение) и *петрушка* (кукла); *пике* (хлопчатобумажная ткань) и *пике* (авиационный термин); *пикировка* (сельскохозяйственный термин) и *пикировка* (препарительство); *пионер* (один из первых проникший в неисследованную область; также перен.) и *пионер* (член детской коммунистической организации); *полость* (анат.) и *полость* (у саней); *пост* (воздержание от скоромной пищи) и *пост* (ответственная должность; также лица, ведущие наблюдение); *проказа* (болезнь) и *проказа* (шалость); *радикал* (сторонник левых буржуазных партий) и *радикал* (корень); *рак* (пресноводное животное, также в родительном падеже в астрономических терминологических словосочетаниях) и *рак* (опухоль); *реакция* (резкая перемена; также химическое взаимодействие) и *реакция* (политический термин); *реал* (испанская мо-

нета) и *реал* (полиграфический термин); *рейд* (водное пространство) и *рейд* (набег); *ремонт* (починка) и *ремонт* (пополнение убыли лошадей и пр.)¹²; *риф* (подводные скалы) и *риф* (отверстие на парусе); *рожа* (лицо) и *рожа* (болезнь); *романист* (автор романов) и *романист* (специалист по романской филологии); в этом случае тождественны суффиксы, омонимичны же корневые морфемы); *ротонда* (одежда) и *ротонда* (здание); *сап* (сопенье) и *сап* (болезнь); *свет* (лучистая энергия, также перен. как ласкательное обращение) и *свет* (земля, мир; также — буржуазно-дворянское общество перен.); *секрет* (тайна и дозор) и *секрет* (физиологический термин); *скат* (наклонная поверхность) и *скат* (рыба); *среда* (окружение, условия, вещество и обстановка) и *среда* (день недели); *стиль* (характерный вид, совокупность приемов и т. п.) и *стиль* (способ летосчисления); *стопа* (часть ноги), *стопа* (в стихосложении), *стопа* (куча предметов) и *стопа* (сосуд для вина) (*соуд* и *судно* (корабль); *султан* (титул монарха) и *султан* (украшение на головном уборе); *такт* (о поведении) и *такт* (в музыке); *талия* (узкая часть туловища) и *талия* (в карточной игре); *тамбур* (часть здания) и *тамбур* (вышивание и вязание); *тема* (сюжет) и *тема* (лингвистический термин); *термит* (горючая смесь) и *термит* (муравей); *тик* (нервное подергивание), *тик* (дерево) и *тик* (материя); *ток* (движение электрического заряда), *ток* (место, где токут птицы) и *ток* (площадка для молоты); *туба* (тюбик) и *туба* (духовой инструмент); *тур* (круг танца, часть состязания; также перен.) и *тур* (дикий бык); *узорь* (рыба) и *узорь* (прыщик); *узел* (на веревке и т. п.; тж. вещи, связанные в кусок ткани) и *узел* (мера скорости движения судов); *фактура* (своеобразие художественной техники) и *фактура* (счет с описанием отправленного товара); *фаланга* (сомкнутый строй), *фаланга* (косточка пальцев) и *фаланга* (ядовитое животное); *фараон* (титул древнеегипетского царя) и *фараон* (карточная игра); *ферма* (отдельное специализированное хозяйство, также частное хозяйство на отдельном участке в капиталистических странах) и *ферма* (сооружение из скрепленных стержней); *фибра* (жилка, волокно) и *фибра* (бумажная масса для чемаданов и коробок); *филе* (вышивка) и *филе* (мясо высшего сорта; также кусок мяса или рыбы, очищенный от костей); *фистула* (фальцет) и *фистула* (мед.); *флюс* (опухоль) и *флюс* (тех.); *фокус* (точка пересечения лучей и пр.) и *фокус* (обман зрения); *фунт* (единица веса) и *фунт* (денежная единица в Англии); *хлыст* (прут) и *хлыст* (последователь хлыстовства); *храп* (храпение), *храп* (нижняя часть переносья у животных) и *храп* (тех.); *хром* (химический элемент) и *хром* (сорт мягкой тонкой кожи); *череда* (очередь) и *череда* (болотная трава); *чернь* (о принадлежащих к непривилегированным классам) и *чернь* (черное серебро); *чететка* (птица) и *чететка* (танец); *шайка* (железное ведро) и *шайка* (группа преступников и т. п.); *шах* (титул) и *шах* (в шахматах); *шашка* (деревянный кружочек для игры), *шашка* (холодное оружие) и *шашка* (для взрывных работ); *шериф* (в Англии) и *шериф* (у арабов); *шип* (колючка), *шип* (рыба) и *шип* (по гл. *шипеть*); *шлем* (головной убор) и *шлем* (в карт. играх); *штат* (мин.) и *штат* (вет.); *шпиц* (шпиль) и *шпиц* (собака); *штат* (постоянный состав, также положение о числе сотрудников) и *штат* (административно-территориальная единица); *штоф* (мера вина) и *штоф* (теплая ткань); *экипаж* (повозка) и *экипаж* (команда корабля и т. п.); *эксцентрик* (деталь машины) и *эксцентрик* (цирковой актер); *юнкер* (воспитанник военного училища в царской России) и *юнкер* (помещик в Германии); *язык* (орган в полости рта) и *язык* (средство общения); *ясли* (кормушка) и *ясли* (воспитательное учреждение); *яр* (овраг) и *яр* (болезнь птиц); *ячмень* (хлебный злак) и *ячмень* (воспаление у корня глазных ресниц) и др.

Из приведенного материала и сделанных попутно замечаний видно, что вопрос о выделении или невыделении данных фонетических и орфографических комплексов как отдельных слов-омонимов есть вопрос об определении для ряда типичных случаев тех границ, в пределах которых тождество слова остается ненарушенным, несмотря на широкое разнообразие реальных различий в обоз-

начаемых предметах («предмет» здесь, как и во всех других местах, употребляется не в буквальном, а в семасиологическом смысле). Разделение разных случаев, встречающихся среди существительных современного русского языка, на три категории имело целью выделить три основных случая: 1) показать сохранение ТОЖДЕСТВА слова, несмотря на значительные различия в обозначаемых предметах, особенно при дифференциации по сферам употребления (также при дифференциации территориальной и временной), т. е. явления ПОЛИСЕМИИ; 2) показать разные сложные отношения, возникающие в случаях частичного тождества, т. е. те случаи, когда в данном ряду созвучных элементов тождественной оказывается корневая или аффиксальная морфема при омонимии другой из составляющих морфем или когда обе составляющие морфемы являются тождественными и омонимичным оказывается уже построение, т. е. явление морфологически выраженной омонимии; 3) показать, что в очень большом числе случаев при несомненной омонимии корневой морфемы отсутствует какой бы то ни было структурный момент, сближающий данные образования, т. е. явления невыраженной омонимии (лексико-грамматическая общность сопоставляемых слов, т. е. их принадлежность к одной и той же части речи в данном аспекте значения не имеет),

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II ЧАСТИ ВТОРОЙ

¹ Этот случай отчасти сближается с приведенными на стр. 123.

² *Жила* в указанных здесь значениях противопоставляется фамильярному «скупой, прижимистый человек».

³ Здесь тоже имеет место словообразовательное расхождение: ко второму особое прилагательное — *надстроечный*.

⁴ По отношению к *секрет* (мед. «секреция») см. стр. 124.

⁵ Ср. Е. Р. Курялович, Заметки о значении слова (ВЯ, 1955, № 3, стр. 74, § 2).

⁶ Такие слова, как *соня*, *тюлень*, могут быть включены в этот список более или менее условно, так как сомнительно, можно ли здесь говорить о другом значении слова. Возможно, что это только образное его употребление, хотя и узуальное, подобное тому, что мы имеем в таких случаях, как *осел*, *лев*, *сокол*, и пр.

⁷ Известия Академии наук СССР, отделение л-ры и языка, т. IX, вып. 6, стр. 479—480.

⁸ На что указывал еще М. М. Покровский в своей широко известной работе «Семасиологические исследования в области древних языков» (М., 1895). Подробно, в применении к английскому языку этот вопрос разрабатывался Е. С. Дукальской в диссертации «Имена действия» (МГУ, 1954).

Отвлеченное обозначение качества посредством *adjektiv abstracta* может совмещаться с обозначением предмета, лишь косвенно с этим признаком связанного или даже не связанного иначе, как по происхождению, т. е. по характеру прежде него осмысления. Например, *кислота* (по *кислый*) и *кислота* (химическое соединение); *крепость* (по *крепкий*) и *крепость* (укрепленное место). Поэтому омонимами следует считать такие пары, как, например, *конечность* (философский термин) и *конечность* (орган движения); *состоятельность* (обоснованность) и *состоятельность* (обеспеченность) и др.

Сложность возможных соотношений можно проиллюстрировать также на таких парах, как *рябина* (щербина) и *рябина* (дерево), *рыжик* (кличка рыжего животного) и *рыжик* (гриб) и т. о.

⁹ Об омонимии соответствующих глаголов см. ниже, глава 3, § 5—7.

¹⁰ Ср. «синтаксические омонимы» у Р. А. Будагова («Очерки по языкознанию», АН СССР, М., 1953, стр. 31): «...В современной русской технической терминологии, — пишет Р. А. Будагов, — есть два различных понятия, одинаково именуемых *газоходом*. *Газоход* — это часть парового котла, по которой проходят дымовые газы. Образовано так: *ход для газа*, «газовый» ход. Но, с другой стороны, *газоход* — это газогенераторное речное судно, приводимое в движение газовым двигателем (образовано по аналогии с *пароходом*, *теплоходом*). *Газоход* означает здесь «ходящий при помощи газа». Следовательно, два слова, одинаково называемые газозходом, являются совершенно различными по смыслу, т. е. омонимами».

¹¹ Именно этому последнему типу соответствуют такие слова, обозначающие деятеля, орудие, приспособление и т. п. в английском языке, как *starter*, *digger*, *picker*, *binder* и т. п.; в этих случаях в английском языке нет основания видеть омонимию (напоминаем, что речь идет о выраженной, структурно обусловленной омонимии, почему случаи вроде только что приведенных не следует смешивать со случаями «невыраженной» омонимии, т. е. такого расщепления соответствующих комплексов, которое вызвано идиоматическим расхождением и, следовательно, семантической несовместимостью на основе собственно лексического, «вещественного» значения в первую очередь корневых морфем, например: *junper* (прыгун и фуфайка), *sleeper* (спящий и шпала), *lighter* (зажигалка и лихтер) и др.

В этой связи интересно напомнить о том, что во французском языке данный «участок» лексической системы отличается от соответствующего «участка» английского языка; во французском языке орудие, приспособление и т. п. часто оформляется суффиксом деятеля женского рода, по типу русского *сушилка*, *косилка*, *велька* и т. п., т. е. не суффиксом *-eur* (соответствующим английскому *-er*), а суффиксом *-euse*, например: *faneuse*, *faucheuse*, *vanneuse* и т. п.

¹² Детальному исследованию семантических свойств форм множественного числа разных групп существительных посвящена диссертация Д. И. Арбатского «Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке» (Автореферат. Институт языкознания, АН СССР, М., 1954). Там же обзор литературы.

¹³ В свое время в «Литературной газете» было напечатано следующее стихотворение:

КОГДА ЮПИТЕР ВПРАВЕ СЕРДИТЬСЯ...

(Невероятное происшествие)

В вышедшем третьем издании «Словаре русского языка», составленном С. Ожеговым, дано такое объяснение слова «Юпитер»: «Мощный электрический осветительный прибор».

Юпитер огорчен и зол:
Словарь на днях он приобрел,
Открыв его на букве «Ю»,
Не смог досаду скрыть свою.
И к составителю он вмиг
Явился, грозен и велик:
— Имею к знаниям влечение,
Скажи мне, кто такой Титан?
— Титан? Прибор для кипячения...—
Ему ответ был тотчас дан.
— А кто Аврора? — Ресторан...
Юпитер скрыл свою тоску
И тайную тревогу
(Что полагается быку —
Не подобает богу...)

— Быть может, ты мне справку дашь
Что значит Аполлон?
— Довольно твердый карандаш...—
В ответ услышал он...
Юпитер покраснел, как медь:
— Ну кто ж тогда Зефир? Ответ
Скорей мне на вопрос...
— «Зефир» был сортом папирос,
Теперь же это пастила,
Ешь с полным удовольствием...
Тут с олимпийского чела
Сбежало все спокойствие:
Слезу украдкой вытер
И вмиг исчез Юпитер...

(Борис Тимофеев)

Особого рассмотрения требуют такие соотношения, как *диван* и *Диван*, *дума* и *Дума*, *интернационал* и *Интернационал*, *октябрь* и *Октябрь*, *правда* и *Правда* и т. п. Однако для того чтобы приступить к такому рассмотрению, следует сначала заняться разработкой теории собственного имени, что остается у нас до сих пор заброшенным участком.

ГЛАВА III

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ГЛАГОЛЫ)

§ 1. Вводные замечания

При исследовании глагола обнаруживаются в общем те же основные категории, что и у существительных. Как и среди существительных, здесь можно найти случаи, когда один и тот же фонетический и орфографический комплекс употребляется для обозначения реально различных процессов или явлений, причем и здесь оказывается возможным обнаружить семантическую связь, оправдывающую обозначение этих разных процессов или явлений одним и тем же комплексом. Как и у существительных, употребление одного и того же комплекса для обозначения реально различных предметов может быть связано с экспрессивно-стилистическими различиями, с различием по сферам употребления языка и пр.

Вместе с тем, как будет видно из приводимого ниже материала, в глаголе, в отличие от существительного, очень распространена частичная омонимия. Кроме того (и это сильно затрудняет исследование), нередко бывает трудно разграничить разные глаголы, в частности с омонимичными формами несовершенного вида, и варианты формы совершенного вида одного и того же глагола. Например, для таких случаев, как *отвертывать* — *отвертеть*, *отвернуть* (соответственно *привертывать* — *привернуть*, *привернуть*); *отламывать* — *отломить*, *отломать* (соответственно *проламывать*, *надламывать* — *проломить*, *проломать*, *надломить*, *надломать*); *приволакивать* — *приволачить*, *приволачить*; *разбрасывать* — *разбросать*, *разбросить*; *растаскивать* — *растаскать*, *растащить* и т. п., трудно решить, имеем ли мы омонимию несовершенного вида разных глаголов или же один глагол с вариантными формами совершенного вида. Семантические различия в таких случаях могут быть очень малы — настолько, что ими можно было бы пренебречь, если бы имело место полное совпадение звуковых оболочек соответствующих комплексов. Однако различие звуковых оболочек требует, чтобы к подобным семантическим различиям присмотреться гораздо внимательнее, так как без этого невозможно разграничение таких принципиально различных категорий, как разные слова и фонетические варианты одного слова (подробнее этот вопрос будет рассмотрен в части четвертой настоящей работы)¹.

§ 2. Полисемия глаголов

Хотя явление полисемии не так распространено и не так разнообразно у глаголов, как у существительных, но и здесь встречается большое количество случаев, когда один и тот же фонетический и орфографический комплекс употребляется для обозначения реально различных процессов, причем нередко принадлежащих к разным сферам человеческой деятельности, без разрушения тождества слова.

Поэтому, хотя, например, в таких случаях, как *бредить* (говорить в бреду и чем-либо), *бронировать* (покрывать броней для защиты от выстрелов и предоставлять броню на что- или кого-либо), *вещать* (предсказывать, торжественно говорить и передавать по радио) реально обозначаются разные процессы, русский язык «избирает» такие их стороны или свойства, которые позволяют обозначать их одним и тем же словом.

Думается, что в приводимых ниже разнообразных случаях, несмотря на наличие отчетливо различающихся значений, тождество слова не разрушается, т. е. что мы имеем здесь дело с полисемией, а не омонимией. Однако вопрос требует дальнейшего, более детального исследования². *Веять* (о ветре и обрабатывать зерно), *выводить*, *вывести* (ведя направить и расплюдить); *выжимать* (белье и как гимнастическое упражнение); *звать* (заставлять двигаться и добывать посредством перегонки); *лить* (заставлять течь и изготовлять из расплавленного вещества); *наговаривать*, *наговорить* (на кого-нибудь и пластинку); *намечать*, *наметить* (изобразить штрихами и предположительно остановиться на выборе); *облетать* (побывать летая и машину); *обрубить* (отрубить с краю и подогнув край, подшить); *обшивать*, *обшить* (кругом и всех); *оперировать* (совершать операции, пользоваться при выводах и мед.); *отвлечь* (отклонить, направив на другое, и абстрагировать); *оседать*, *осесть* (опуститься, поселиться на постоянном месте и опуститься на дно); *отвлекаться*, *отвлечься* (отклониться и представить себе ч.-л. в абстрагированном виде); *отгонять* (отстранять и добывать перегонкой); *откачивать*, *откачать* (насосом и приводить в чувство); *отливать*, *отлить* (вылить часть и изготовить литьем; *отливать* чем, только несом. по отношению к *отливать*, *отлить*, по-видимому, представляет собой частичную омонимию); *переливать*, *перелить* (жидкость и переделывать литьем); *пестреть* (становиться пестрым, быть пестрым, виднеться и т. п., часто попадаться на глаза, мелькать и т. п.); *пломбировать*, *запломбировать* (накладывать пломбу и зуб); *подрубить* (топором и подшить); *покатать* (мяч и в коляске); *посвящать*, *посвятить* (осведомить, предназначить и возвести в сан и т. д.); *предподавать* (сообщать обучая и сообщать наставляя); *преть* (гнить, становиться сырым от тепла, медленно поспевать на огне, потеть, покрываться испариной); *присваивать*, *присвоить* (овладеть и степень и т. п.); *проболеть* (пробыть больным и чувствовать боль в течение некоторого времени; ср. *болеть*); *проектировать* (составлять проект, предполагать, чертить проекцию); *раскладывать*, *разложить* (по разным местам и на составные части); *располагать*, *расположить* (разместить и вызвать благоприятное отношение); *растериваться*, *растеряться* (постепенно потеряться и утратить самообладание); *сквозить* (о сквозняке и пропускать свет); *сокрушать*, *сокрушить* (уничтожить и привести в отчаяние); *сновать* (торопливо двигаться и готовить основу для ткани); *срывать*, *сорвать* (снять рывком, дернуть и нарушить, сделать невозможным осуществление); *сорваться* (упасть оторвавшись, отделиться рывком и неожиданно не получиться); *теребить* (дергать, не оставлять в покое и т. д. и собирать лен); *тискать* (давить, прижимать и отпечатывать); *транспортировать* (перевозить и бухг.); *эксплуатировать* (предприятие и т. п. и политический термин); *цокать* (ударом металла о камень и лингвистический термин) и др.

Когда выше (стр. 121) была сделана попытка наметить некоторые закономерности полисемии существительных, в качестве наиболее общих моментов выступили определенные свойства и признаки обозначаемых предметов, «избираемые» языком в качестве основы для наименования. Грубо говоря, то же относится и к действиям, обозначаемым глаголами: при обозначении действия также могут «избираться» те или другие его стороны или свойства. Например, на разведение растений или животных можно посмотреть с точки зрения их роста и процветания или же за основной признак принять сторону селекции, отбора наиболее жизнеспособных экземпляров; во втором случае будет естественно обозначить этот процесс глаголом с общим значением «ведя направить». Изготовление из расплавленного вещества можно рассматривать, как и делают некоторые языки, либо со стороны придания ему требуемой, готовой формы, либо со стороны воздействия на вещество, его помещения в форму, в которой оно примет требуемый вид. Наговаривание пластинки можно мыслить, как это делают, например, англичане, со стороны записи, фиксации (recording) голоса, но можно подойти к этому процессу и как к воздействию на пластинку, которую наговаривают, с вытекающей отсюда полисемией глагола *наговаривать*, *наговаривать* — на кого-либо и что. (По-английски же, например, эти два процесса никак семантически не объединяются и обозначаются совершенно разными глаголами, а именно *slander* и *record*.)

В соответствующей части раздела, посвященного существительным, было сказано, что вопрос о стилистической неоднородности разных значений, связываемых с данным фонетическим и орфографическим комплексом, возникает при разграничении полисемии и омонимии во всех частях речи. Однако между глаголом и существительным в этом отношении имеется существенное различие, связанное с распространенностью для русского глагола явления частичной омонимии в видовых формах; если у существительного мы имеем дело почти исключительно (кроме отдельных форм числа) с полной лексической омонимией, то здесь мы сталкиваемся со сложной системой различных переплетений, связанных с совпадениями и противопоставлениями форм совершенного и несовершенного вида. Поэтому для глагола выделение случаев стилистической дифференциации оказывается не столь четким, как для существительных. Как можно видеть из материала приведенного ниже примерного списка, резкое экспрессивно-стилистическое различие нередко оказывается связанным со структурными различиями и различиями лексико-синтаксического характера. Но особенно сложными оказываются видовые отношения; например, если *ахнуть* — «издать восклицание» соотносительно с несовершенным *ахать*, то *ахнуть* — «ударить, произвести резкое действие» реально знает только одну видовую форму. Думается, однако, что с учетом сделанных оговорок приводимый ниже список будет небесполезен: постулированная выше (стр. 123) необходимость стилистической однородности омонимов или, во всяком случае, отсутствия между ними резко выраженных различий экспрессивно-стилистического характера должна распространяться (с соответствующими изменениями) на все части речи.

Исходя из сказанного, приводимые ниже фонетические и орфографические комплексы представляется затруднительным считать совпавшими звуковыми оболочками разных слов, т. е. омонимами: по-видимому, здесь вопрос должен

идти все же об особой разновидности семантического разветвления одного полисемантического слова. *Валить* (сбрасывать — также деревья и переносно на кого — и идти, двигаться); *вздуть* (огня и т. п. и избить, отколотить); *влетать, влететь* (вбежать и т. п. и кому); *выгорать, выгореть* (сгореть целиком и получить); *всыпаться, всыпать* (насыпать и выругать, побить); *жарить* (приготовлять пищу и быстро, энергично действовать); *жаться* (тесниться и скупиться); *загонять, загнать* (лошадь и продать); *задаваться* (целью, удаваться и зазнаваться, важничать); *заделываться, заделаться* (*к заделывать* и становиться, делаться); *запираться, запереться* (на замок и не сознаваться); *запороть* (засечь и испортить неумелой работой); *зарядить* (вложить заряд, снарядить и повторять одно и то же); *засыпаться, засыпаться* (чем и попасться); *клепать* (сколачивать и клеветать), *коптель* (покрываться копотью и корпеть); *ладить* (быть в ладу и настойчиво повторять); *ломаться* (распадаться на куски и кривляться); *мазать* (покрывать слоем, также переносно — пачкать, плохо рисовать и делать промахи); *мешаться* (переставать различаться, путаться и служить помехой, вмешиваться); *молоть, намолоть* (превращать в порошок и говорить вздор); *мотаться* (двигаться из стороны в сторону и безрезультатно хлопотать); *нагорать, нагореть* (дать нагар и достаться — о выгоре и т. п.); *надувать, надуть* (наполнить воздухом и обмануть); *наврять* (соврать и наделать ошибок); *наклепать* (наготовить клепкой и наклеветать); *наплевсти* (кружев и т. п. и на кого); *насолить* (чего и кому); *натворить* (растворить, размешать в каком-то количестве и наделать нежелательного, плохого); *обирать* (ягоды и т. п. и обкрадывать); *обчищать* (чистить и обобрать); *обставлять* (меблировать, организовывать и т. п. и обманывать); *окрутить* (обмотать и поженить); *отвертеться* (отделиться — о винте и т. п. и уклониться); *отколоть* (отделить и сделать, сказать что-либо неуместное); *палить* (жечь, обдавать зноем и т. п. и часто стрелять); *подбивать, подбить* (снизу и подстрекать); *подмазать* (снизу или немного и дать взятку); *прислушаться* (согласиться, решить и т. п. и узнать по внешности); *пристукнуть* (стукнуть слегка или в такт и убить); *продельвать, проделать* (сделать отверстие и выполнить); *продергивать, продернуть* (нитку и т. п. и подвергать критике); *проедать, проесть* (о ржавчине, моли и трагить на питание); *промазать* (мазать всюду и промахнуться); *просаживать, просадить* (проколоть, пробить и израсходовать); *расходиться* (разойтись и разбуживаться); *свистнуть* (издать свист и сильно ударить, также украсть); *сорваться* (упасть оторвавшись и не удаться); *спускаться, спустить* (вниз и кому-нибудь); *спереть* (сдавить, сжать и украсть); *увязываться, увязаться* (уложиться и пойти за кем-нибудь); *учесть* (выпечь до готовности и отправить против воли); *уписывать, уписать* (умещать в каком-либо пространстве и съедать); *уходить* (уйти и изнурить) и многие другие.

Как и при рассмотрении существительных (см. стр. 123), встает вопрос о «территориальной» дифференциации и далее о разграничении синхронической омонимии и омонимии исторической. В качестве примеров «территориальной» дифференциации можно привести: *заступать, заступит* (вступить, занять место и заменить); *ладить* (быть в ладу и приводить в готовность, налаживать); *намерзнуть* (на поверхности и сильно озябнуть); *спечься* (спекаться и испечься); *творить* (создавать и приготовлять, размешивая с жидким); *трусить* (бежать рысью и трясти); *угадать* (узнать и угодить) и т. п.

В приводимых ниже примерах с «временной дифференциацией», так же как это было сделано при обсуждении существительных, речь должна идти о выделении тех созвучных единиц, значения которых не могут, строго говоря, рассматриваться как совмещающиеся в данный период развития языка, т. е. одновременно, синхронически. Однако, как неоднократно указывалось уже в нашей лингвистической литературе, синхроническое описание языка в

смысле статического его описания научно невозможно. Момент времени не может не учитываться при рассмотрении любого лингвистического явления: каждое явление, рассматриваемое синхронически, т. е. в первую очередь с точки зрения его функционирования в языке в данный период развития этого последнего в его соотношении с другими единицами в системе данного языка, а не с точки зрения его возникновения и происхождения, все равно немислимо вне его отношения ко времени.

Как известно, в целом ряде случаев временная характеристика рассматриваемого явления может оказаться не вполне ясной и определенной: с одной стороны, оно как будто бы выступает как элемент, единица в системе современного языка, а с другой — оно уже достаточно определенно начинает восприниматься как относящееся к предыдущему периоду развития языка и, следовательно, по отношению к данному периоду, к современной системе, уже как уходящее или устаревающее. В таких случаях обычно возникает особая стилистическая категория, обозначаемая термином «архаизм»; в этом аспекте, т. е. с точки зрения особенностей ф у н к ц и о н и р о в а - н и я в данный период развития языка, архаизмы будут обсуждаться в пятой части работы. Но характер функционирования той или другой языковой единицы, т. е. практические возможности применения и использования в речи, не то же, что установление категориальной принадлежности того или другого явления; так, например, можно знать, что такое архаизм, и уметь использовать его в соответствующем стиле речи и вместе с тем затрудняться в решении вопроса об его отношении к другим единицам языка, в частности различать для созвучных комплексов принадлежность к синхронической или исторической омонимии. Такого рода случаями в области глагола будут, например, *заказать* (получить изготовление и запретить, может быть, областное, ср. у Кольцова: «Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему все заказаны»); *исповедовать* (о духовнике и веру); *исполнить* (осуществить, воспроизвести для слушания и наполнить; то же и с *исполниться*); *наказать* (подвергнуть наказанию и сделать наставление, наказ; так же, как в случае с *заказать*, устар. и обл. сходятся); *отложить* (положить в сторону, отсрочить и т. п. и отпрячь; антоним *заложить*); *пленить* (очаровать, увлечь и взять в плен); *полагать* (считать, думать и класть); *положить* (класть и т. п. и решить, постановить); *припасть* (приникнуть, склониться и возникнуть, появиться, например: «припала страсть к чтению»); *прободать* (проколоть рогами и проколоть отверстие); *расположиться* (разместиться и принять намерение); *стяжать* (приобретать, достигать своей деятельностью и корыстолюбиво наживать) ит.п.

§ 3. Разграничение в случаях «выраженной» омонимии

Как уже было сказано выше, структурно обусловленная омонимия в области глагола является гораздо более сложной, чем у "существительного, где приставки не играют структурной роли

и где образования от одних и тех же основ гораздо малочисленнее и проще. Положение еще более осложняется наличием у глагола таких сложных и своеобразных категорий, как вид и залог, требующих одновременного рассмотрения как словообразовательных связей, так и парадигматических отношений для каждой из рассматриваемых единиц. Поэтому в рамках настоящей работы не представляется возможным добиться не только исчерпывающего, но даже и достаточно подробного исследования вопроса о выраженной омонимии глагола в современном русском языке. Можно лишь попытаться наметить основные случаи. Думается, что при бесчисленном разнообразии отдельных случаев существования следующих четырех основных категорий можно считать не вызывающим сомнения, а именно: 1) частичная омонимия видовых форм, 2) приставочная омонимия (т. е. омонимия, возникающая вследствие омонимии приставок при тождестве корневой морфемы), 3) омонимия корневой морфемы при тождестве префиксальной и 4) омонимия обеих морфем. Правда, перечисленные категории дают сложные переплетения и перекрещивания (которые будут по возможности отмечаться). В тех случаях, когда налицо частичная видовая и приставочная омонимия, данная пара будет относиться в ту или другую рубрику в зависимости от того, какая из черт окажется более определенно выраженной.

§ 4. Частичная омонимия видовых форм

К частичной омонимии видовых форм относится совпадение форм одного из видов (совершенного или несовершенного) разных глаголов, т. е. такие случаи, как *выдрать* (к *выдирать* и *драть*), *выпороть* (*выпарывать* и *пороть*), *высыпаться* (*вбсыпаться* и *выспаться*), *домешивать* (*домешать* и *домесить*), *досыпать* (*досыпать* и *доспать*), *закидывать* (*закидать* и *закинуть*), *заметать* (*замести* и *заметьвать*), *замолчать* (*замолкать* и *замалчивать*), *запахивать* (*запахать* и *запахнуть*), *зарываться* (*зарыться* и *зарваться*), *засаливать* (*засолить* и *засалить*), *затопить* (*затапливать* и *затоплять*), *зачитывать* (*зачитать* и *зачесть*), *мешать* (*помешать* и *смешать*), *напаивать* (*напоить* и *напаять*), *обкапывать* (*обкопать* и *обкапать*), *обметать* (*обметывать* и *обмести*), *отрывать* (*оторвать* и *отрыть*), *перерывать* (*перервать* и *перерывать*), *пороть* (*выпороть* и *распороть*), *поспеть* (*спеть* и *поспевать* — «*успевать*»), *поставить* (*поставлять* и *ставить*), *прибегать* (*прибежать* и *прибежать*); *пробить* (*пробивать* и *бить*), *промокать* (*промокнуть* и *промокнуть*), *прорывать* (*прорвать* и *прорывать*) и т. П.

С учетом сделанных ограничений и оговорок к этой же категории представляется возможным отнести следующие случаи: *бухнуть* (только сов. и к *бухать*); *выжать* (*выжимать* и *выжинать*); *вырвать* (*вырывать* и *рвать*); *высечь* (*высекать* и *сечь*); *докупать* (*купать* и *докупить*); *дрогнуть* (*продрознуть* и *однократный* к *дрожать*); *забить* (совершенного вида и к *забивать*; см. также раздел «Приставочная омонимия»); *забрасывать* (*забросать* и *забросить*);

забрызгать (сов. и *забрызгивать*); *завязать* (*завязывать* и *вязнуть*); *задевать* (*деть* и *задеть*); *закатывать* (*закатать* и *закатить*); *закрутить* (совершенного вида и к *закручивать*; см. также раздел «Приставочная омонимия»); *залетать* (только в несовершенном виде и к *залететь*); *замешивать* (-ся) (*замешать*-ся и *замесить*-ся); *заносить* (совершенного вида и к *занашивать* и *занести*); *заноситься* (только совершенного вида и к *занестись*); *заправлять* (только несовершенного вида и к *заправить*); *заработать* (*зарабатывать* и *начать работать*; см. также раздел «Приставочная омонимия»); *засучить* (*засучивать* и *сучить*); *засыпать* (*засыпать*, *заснуть* и *засыпать*); *затаскивать* (*затаскать* и *затащить*); *заточить* (*затачивать* и *заточать*); *захватывать* (*захватить* и *захватать*); *заходить* (*ходить* и *зайти*; также с приставочной омонимией); *измельчать* (только совершенного вида и к *измельчить*); *изрывать* (*изрывать* и *изрыть*); *искупать* (*искупить* и *купать*); *морщить* (*наморщить* и *сморщить*); *набить* (*набивать* и только совершенного вида); *набрасывать* (*набросать* и *набросить*; также приставочная омонимия); *навертывать* (*навернуть* и *навернуть*); *наवेशивать* (*наवेशать* и *навесить*; также приставочная омонимия); *навязывать* (кружев, снопов и *навязнуть*; также приставочная омонимия); *нагнуть* (только совершенного вида и *нагонять*); *нажать* (*нажимать* и *нажмать*); *нажиться* (только совершенного вида — «вдоволь» и к *наживаться*); *накатать* (*накатывать* и только совершенного вида); *наметать* (*метать*, *наметывать* и *наместить*; также приставочная омонимия); *начистить* (*начищать* и только совершенного вида — в каком-либо количестве; тж. приставочная омонимия); *нести* (*понести* и *снести*); *обваливать* (*обвалить* и *обвалать*; также с приставочной омонимией); *обежать* (*обежать* и *бежать*); *обжечь* (*обжигать* и *обжигать*); *облечь* (*облегать* и *облекаять*); *облетать* (только несовершенного вида и *облететь*); *обложить* (*облагать* и *обкладывать*); *обвешивать* (*обвесить* и *обвешать*; также приставочная омонимия); *обносить* (совершенного вида и к *обнести*; также с приставочной омонимией); *объезжать* (только несовершенного вида и *объехать*); *отвоевать* (*отвоевывать* и только совершенного вида); *отворачивать* (*отворотить* и *отвернуть*); *отдавать* (только несовершенного вида — «чем» и к *отдать*); *отжать* (*отжимать* и *отжимать*); *отлетать* (*отлететь* и только несовершенного вида); *отзывать* (только несовершенного вида и *отозвать*); *отмахивать* (*отмахать* и *отмахнуть*); *отливать* (только несовершенного вида и *отлить*); *отодрать* (*отдирать* и *драть*); *отпавивать* (*отпаивать* и *отпаять*); *отпнать* (только совершенного вида и к *отпнавать*); *отправлять* (только несовершенного вида и *отправить*); *отрабатывать* (*отрабатывать* и только совершенного вида); *отучиться* (*отучиваться* и только совершенного вида); *отсыпаться* (*отсыпаться* и *отсыпаться*); *отчитать* (*отчитывать* и кончить читать); *перекрестить* (*перекрещивать* и *крестить*); *перечест* (*перечитывать* и *перечитывать*); *поверить* (*верить* и *поверять*); *поговорить* (только несовершенного вида и к *говорить*; также омонимия собственно видовой приставки с приставкой, совмещающей видовое и лексическое значение); *погрести* (*погребать* и трести некоторое время; тот же вид омонимии, что и в предыдущем случае); *подметать* (*подметывать* и *подмести*); *подрывать* (*подрыть* и *подорвать*); *подскакивать* (*подскокить* и *подскакать*); *пожечь* (*пожигать* и *пожигать*); *покупать* (*купить* и *купать*); *помазать* (тк. сов. и *мазать*); *порываться* (тк. несов. и *порваться*); *поспеть* (*спеть* и *поспевать* — «успеть»); *потрясти* (*потрясать* и тк. сов.); *почитать* (*читать*, *читать* и *почестать*); *приговаривать* (тк. несов. и *приговорить*); *прилечь* (тк. сов. и к *прилечь*); *проезжать* (*проехать* и *проехать*); *продергивать* (*продернуть* и *продергать*); *прометать* (*метать* и *местить*); *проработать* (тк. сов. и *прорабатывать*; тж. с приставочной омонимией); *просаливать* (*просалить* и *просолить*); *простирать* (*простереть* и *простиравать*); *просветить* (*просвещать* и *просвечивать*); *просвечивать* (*просветить* и тк. несов.); *разметать* (тк. сов. и несов. к *разместить*); *разить* (тк. несов. и *сразить*); *размешивать* (*размесить* и *размешать*); *разносить*-ся (*разнашивать*-ся и *разнести*-сь); *разрывать* (*разорвать* и *разрывать*); *раскидывать* (*раскидать* и *раскинуть*); *распахивать* (*распахать* и *распахнуть*); *рассесться* (тк. сов. и *рассаживаться*); *расточить* (тк. сов. и *расточать*); *сечь* (тк. несов. и *высечь*); *сжать* (*сжимать* и *жать*); *скатывать*-ся (*скатать*-ся и *скатить*-ся; также приставочная омонимия); *следить* (тк. несов. и насле-

дить); *скопить* (*скапливать* и *оскоплять*); *склонять* (*склонить* и *просклонять*); *слепить* (тк. несов. — «мешать видеть», к *лепить* и к *слеплять*); *слетать* (тк. несов. — куда и к *слететь*); *сменять* (сов. к *менять* и несов. к *сменить*); *сметать* (*смести* и *сметывать*); *смешаться* (тк. сов. и к *мешаться*); *снести* (*сносить* и *нести*, также приставочная омонимия); *спавать* (*спаять* и *спотить*); *спеть* (несов. и сов. к *петь*); *срывать* (*сорвать* и *срывать*); *сравнивать* (*сравнить* и *сравнять*); *ссадить* (тк. сов. и к *ссаживать*); *стегать* (*выстегать* и *отстегать*); *стирать* (*стереть* и *выстирать*); *сходить* (сов. и несов. к *сойти*); *творить* (*сотоворить* и тк. несов.); *увязать* (*увязывать* и *увязнуть*); *укачиваться* (*укачать* и *укачиваться*); *укладываться* (*уложиться* и *улечься*); *уравнивать* (*уравнять* и *уровнять*); *хватать* (*схватить* и *хватить*); *хватить* (*схватить* и *хватать*); *чинить* (тк. несов., *очинить*, *починить*) и много других.

В следующих случаях сочетание частичной видовой и приставочной омонимии носит совершенно регулярный характер: *перебеливать* (*перебелить* заново и только совершенного вида — одного за другим); *перебинтовывать* (*перебинтовать* вновь и только совершенного вида — всех); *перебиваться* (*перебивать* и только совершенного вида — о посуде); *переваливать* (*перевалить* и только совершенного вида — все, многое); *переглаживать* (*переглаживать* снова и только совершенного вида — одно за другим, все); *переделать* (сов. к *передельвать* и только совершенного вида — много, все); *передумать* (*передумывать* и обдумать много); *пережарить* (совершенный вид к *пережаривать* — снова или слишком и только совершенного вида — все, много); *переиграть* (*переигрывать* снова и только совершенного вида — все, много); *переколотить* (сов. к *переколачивать* — снова и только совершенного вида — перебить многих, все); *перекрасить* (*перекрашивать* — снова и *перекрасить* всех, много); *перемерить* (совершенный вид к *перемеривать* и только совершенного вида — все, много); *перемолотить* (*перемолачивать* и все, много); *перемолоть* (*перемалывать* и только совершенного вида — все, много); *перемыть* (совершенный вид к *перемывать* и только нессов.); то же соотношение в следующих парах: *перепечь* (*перепекать* и только совершенного вида); *перепилить* (*перепиливать* и только совершенного вида); *перерезать* (*перерезать* и только совершенного вида); *перерешать* (*перерешить* и только несовершенного вида); *пересмотреть* (*пересматривать* и только совершенного вида); *переспросить* (*переспрашивать* и только совершенного вида); *перестирать* (*перестирывать* и только совершенного вида); *пересчитать* (*пересчитывать* и только совершенного вида); *перетолковать* (*перетолковывать* и только совершенного вида); *перехватить* (*перехватывать* и только совершенного вида); *перечитать* (*перечитывать* и только совершенного вида — одно за другим, все); *перештотать* (*перештотывать* и только совершенного вида); *повязать* (*повязывать* и только совершенного вида — некоторое время); *пробыться* (*пробиваться* и только совершенного вида — «промучиться»); *проездить* (*проездить* и только несовершенного вида — некоторое время); *проглядеть* (*проглядывать* и только совершенного вида — не заметить ошибки); *прогореть* (*прогорать* и только совершенного вида — в течение определенного времени); *прогулять* (*прогуливать* и только несовершенного вида — гулять некоторое время); *проездить* (*проезжать* и только совершенного вида — провести какое-то время в езде); *пролетать* (несовершенный вид к *пролететь* и только несовершенного вида — провести время летая); *проносить* (несовершенный вид к *пронести*) — мимо, через и только несовершенного вида — в течение какого-то времени); *проноситься* (несовершенный вид к *пронестись* и только несовершенного вида — пробыть в носке какое-то время; так же как совершенный к *пронашиваться* — изнашиваться до дыр); *пропахать* (совершенный вид к *пропахивать* — борозду и т. п. и только несовершенного вида — некоторое время); *просматривать* (*просмотреть* и только несовершенного вида — осматривать, обозревать с целью наблюдения); *просмотреть* (*просматривать* и только совершенного вида — не заметить); *просчитать* (*просчитывать* и только несовершенного вида — в течение какого-то времени); *проторговаться* (*проторговываться* — потерпеть убытки и только совершенного вида — в течение некоторого времени); *проходить* (*пройти*, также переносно — изучить и только несовершенного

вида — в течение какого-то времени); *расходиться* (*разойтись* и только несовершенного вида — проходил долго, привыкнуть к ходьбе, начать много ходить и т. п.); *слепить* (*лепить* и *слеплять*); *сносить* (*снести* — в одно место; терпеть, выдерживать; только несовершенного вида — износить и только несовершенного вида — снести и принести обратно) и многие другие.

Частичная омонимия в формах на *-ся* часто осложняется грамматической многозначностью этого суффикса. Например: *заклочаться* (находиться — среднее и заключаться в тюрьму — страд.); *замешиваться* (*замешать* — в толпу и т. п., среднее и страдательное к *замешивать*); *запираться* (в комнате и т. п., тж. переносно — не сознаваться и страдательное к *запирать*); *исповедоваться* (сознаваться и страдательное к *исповедовать*); *колоться* (быть колким и страдательное к *колоть*); *набрасываться* (*наброситься* и страдательное к *набрасывать*); *намечаться* (*вырисовываться* и страдательное к *намечать*); *наряжаться* (в платье и т. п. и на работу); *обваливаться* (падать и в муке и т. п.); *обвязываться* (обвязывать вокруг себя и страдательное к *обвязывать*); *обноситься* (износиться и страдательное к *обносить*); *отпаиваться* (отложительное и страдательное к *отпаивать*); *отрываться* (*оторваться* и страдательное к *отрывать*); *перебираться* (*перебраться* и страдательное к *перебирать*); *переваливаться* (*перевалиться*, о походке, и страдательное к *переваливать*); *перевешиваться* (*перевеситься* и страдательное к *перевешивать*); *перевиваться* (*перевиться* и страдательное к *перевивать*); *перевязываться* (*перевязать* и страдательное к *перевязывать*); *переливаться* (через край и огнями и т. п. и страдательное к *переливать*); *перелисываться* (писать друг другу письма и страдательное к *перелисывать*); *переправляться* (*переправиться* — через реку и т. п. и страдательное к *переправлять*); *пикироваться* (ссориться и страдательное к *пикировать*); *плестись* (тащиться и страдательное к *плести*); *подсаживаться* (садиться и страдательное к *подсаживать*); *раздаваться* (отложительное и страдательное к *раздавать*); *разложиться* (на составные части, сгнить и т. п. и возвратное); *разноситься* (распространяться и т. п. и страдательное к *разносить*); *расписываться* (ставить подпись и страд. к *расписывать*); *рассаживаться* (*рассестись* и страдательное к *рассаживать*); *сбываться* (осуществиться и страдательное к *сбывать*); *сдаваться* (уступать и страдательное к *сдавать*); *складываться* (*сложиться* и страдательное к *складываться*); *сноситься* (с кем, *снашиваться* и страдательное к *сносить*); *срывать* (с места и т. п. и страдательное к *срывать*); *сбываться* (*сбыться* и страдательное к *сбывать*); *ссылаться* (на книгу и т. п. и страдательное к *ссылать*); *стираться* (*стереться* — ступшеываться и страдательное к *стирать*); *строиться* (*спроить* — длясебя и страдательное к *строить*); *считаться* (с кем-либо и кем, чем); *травиться* (отравляться и страдательное к *травить*); *укладываться* (паковаться, также спать и т. п. и страдательное к *укладывать*) и др.³

§ 5. Приставочная омонимия

Выше при перечислении случаев, объединенных под заглавием «Частичная омонимия видовых форм», указывалось на то, что этот вид омонимии часто совмещается с приставочной омонимией. Однако природа этого последнего явления там не разъяснялась, вследствие чего о нем можно было судить только эмпирически, путем семантического сравнения соответствующих глаголов и их форм. Теперь же эта особенность рассматриваемого материала будет в центре внимания.

Как известно, приставками, наиболее регулярно встречающимися в сложных глагольных образованиях, в русском языке являются приставки *до-*, *за-*, *из-* (*изо-*, *ис-*), *на-*, *о-* (*об-*, *обо-*), *пере-*, *по-*, *при-*, *про-*, *раз-* (*разо-*, *рас-*) и *у-*. Имеющиеся у них различные значения

будут здесь сведены к сравнительно немногим, с большим или меньшим основанием рассматриваемым как омонимические.

До-: 1) «полностью», например *дописать* — «кончить писать», *дописать книгу*; и 2) «до определенного предела» — *дописать до конца страницы*; также, например, *догрузить* (остальное) и *догрузить* (доверху); *доиграть* (пьесу) и *доиграть* (до вечера); *докупать* (кончить купать) и *докупать* до простуды и т. п. Если согласиться, что значения «полностью» и «до определенного предела» не совместимы в рамках одной и той же морфемы, то приведенные случаи являются примером именно приставочной омонимии — омонимии целого вследствие омонимии одной из частей, причем первой, при тождестве вторых (корневых) морфем: *грузить*, *играть* и *писать* в соответствующих парах тождественны, представляя собой соединение одной и той же корневой морфемы с одной и той же флексией.

За-: 1) «начало действия», например *задымить* (начать дымить) и 2) «доведение до определенной или крайней степени», например, *задымить* (прокоптить). Также, например, *зажить* (начать жить) и *зажить* (денег и т. п.); *заиграть* (начать играть) и *заиграть* (карты); *закапать* (начать капать) и *закапать* (облить); *заклевать* (начать клевать) и *заклевать* (совсем); *закрутиться* (начать крутиться) и *закрутиться* (совсем) ⁴.

Из-: 1) «движение откуда-нибудь» — *исходить* (происходить, иметь источником, обновляться) и 2) «исчерпанность, полнота действия» — *исходить* (побывать во многих местах). Однако и здесь вопрос осложняется различием видовых соотношений.

На-: 1) «направленность действия» — *наварить* (приварить) и 2) «количественная определенность действия» — *наварить* (сварить в каком-то количестве); то же в таких парах, как: *навозить*, *навезти* (на что-нибудь и какое-нибудь количество); *навертывать*, *навертеть* (на что-нибудь и какое-нибудь количество — дыр и т. п.); *наводить*, *навести* (на что-нибудь и в каком-нибудь количестве); *наговорить* (наговаривать на кого-нибудь и пластинку и много); *нагонять*, *нагнать* (на кого, тж. перен. — тоску, скуку и в каком-нибудь количестве); *надавливать*, *надавить* (придавить и выдавить, раздавить в каком-нибудь количестве); *надувать*, *надуть* (наполнить воздухом и нанести течением воздуха какое-нибудь количество); *наезжать*, *наехать* (на что и в каком-то количестве); *накапать* (на что-либо и много капель); *накалывать*, *наколоть* (прикрепить сверху булавкой и т. п. и в каком-нибудь количестве). Этот тип соотношения очень продуктивен, например: *наколачивать*, *наколотить*; *налезать*, *налезть*; *налетать*, *налететь*; *накладывать*, *наложит*; *наматывать*, *намотать*; *наносить*, *нанести*; *наползать*, *наползти*; *нарезать*, *нарезать*; *насажать*, *насадить*; *наседать*, *насесть*; *насылать*, *наслать*; *наставлять*, *наставить* (нацелить, удлинить и в каком-нибудь количестве); *насыпать*, *насыпать*; *натаскивать*, *натаскать* и *натащить*; *натираť*, *натереть*; *нагорать*, *нагореть* (дать нагар и израсходоваться — о горючем, электротоке) и т. п. ⁵

О- (об-, обо-): 1) «распространение действия, охват», например *облетать, облететь* (кругом), и 2) «действие, направленное на то, чтобы обойти, миновать», например *облетать, облететь* (осыпаться); то же отношение в *обмеривать, обмерить* (кругом и обмануть); *обнести, обнести* (окружить, обойдя угостить и обходя пропустить кого-нибудь); *оползать, оползти* (вокруг и оседать); *осадить, осажда́ть* (в крепости, просьбами и заставить осесть, опуститься на дно); ср. также частичную омонимию *осадить* {*осажда́ть* и *осажива́ть*}.

Сложные и трудно поддающиеся определению семантические отношения находим в таких примерах с префиксом от-, как *отмахать* (пройти определенное расстояние) и *отмахать* (руки); *отплясать* (кончить плясать) и *отплясать* (себе ноги); *отсидеть* (положенный срок) и *отсидеть* (ноги); *отстоять* (положенный срок, ноги, находиться на расстоянии и защитит); *отходить* (положенный срок, повредить хождением, т. е. ноги, и вылечить тщательным уходом) и т. п.

Пере-: 1) «повторение действия, выполнение его заново», например *перебелить потолок*, и 2) «распространение действия на множество» — *перебелить все потолки*. Этот ясный и продуктивный случай приставочной омонимии был показан выше (стр. 146) в связи с обсуждением частичной омонимии видовых форм. Но, помимо этих двух значений, *пере-* может значить еще: 3) «слишком большая степень действия», например *переест* (съесть слишком много), и 4) «деление пополам», например *переест* (о кислоте). Эти значения дают сложные переплетения, очень затрудняющие исследование.

По-: 1) «действие, продолжающееся в течение некоторого времени» и 2) «полнота действия, как грамматическое значение (совершенный вид)» — *погладить* (в течение некоторого времени и сов. к *гладить*); *погореть* (некоторое время и сгореть); *поскакать* (некоторое время и отправиться вскачь) и др.

Более сложное взаимоотношение находим в таких парах, как *подавить* (пресечь, раздавить многих и подвергнуть давлению в течение некоторого времени); *постоять* (некоторое время на ногах и за кого-нибудь) и др. ⁶

При-: 1) «добавление» и 2) «доведение до конечной цели» — *припечатать* (напечатать дополнительно) и *припечатать* (скрепить печатью); *прирезать* (добавить земли и т. п.) и *прирезать* (прикончить).

Про-: 1) «осуществление действия (во всем объеме) в определенный промежуток времени» и 2) «обозначение ущерба, утраты». Так, *прогулять* (провести гуляя какое-то время и пропустить); *просидеть* (какое-то время и пропустить); *протравить* (какое-нибудь время заниматься обработкой и вытравить); *протравить* (провести какое-нибудь время, занимаясь травлей, и упустить зверя; последние четыре значения дают сложные перекрещивающиеся отношения). *Про-* в значении «сквозь», «через» противопоставляется приведенным выше в таких парах, как *проезжать* (через город и т. п. и лошадь); *проигрывать* (пластинку и в карты); *прочитать* (прочесть и в течение какого-нибудь времени).

С- дает явно омонимические, четко противопоставляемые Друг другу значения. Это: 1) «движение с разных сторон к одной точке», 2) «движение сверху вниз» и 3) «удаление чего-нибудь с какого-нибудь места». Эти значения находим в таких случаях, как, например, *сбивать, сбить* (ударом сдвинуть с места, сшибить и ударом или ударами соединить, превратить в сплошную массу); *сбиваться, сбиться* (сдвинуться с нужного места и сгуститься, сплотиться); *сводить, свести* (вместе, с чего-нибудь и куда-нибудь; то же в *свозить, свезти*); *скидывать, скинуть* (с чего-нибудь и бросая сложить в одно место); *складывать, сложить* (вместе и снимать); *сносить, снести* (в одно место и здание); *составлять, составить* (собрать, соединить и переставить сверху вниз); *срабатываться, сработаться* (научиться вместе работать и изнашиваться); *стянуть* (сжимая, туго перевязать и снять, стащить) и т. п.

С приставкой у- в рассмотренном материале мало случаев, свидетельствующих о ее омонимическом расщеплении. Может быть, *усаживать, усадить* (заставить усесться и, сажая растения, занять пространство). *Упереть* (опереть и украсть) также как будто несовместимо по приставке; однако его следует отнести к случаям со «стилистической дифференциацией» (стр. 141) и поэтому считать омонимически расщепленным затруднительно.

§ 6. Омонимия корневой морфемы при тождестве префиксальной

Наряду со случаями, описанными в предыдущем параграфе, когда омонимия целого при тождестве основной части оказывается вызванной омонимией приставок, имеются случаи тождества, напротив, префиксальных морфем при омонимии корневых. Например, если взять фонетический и орфографический комплекс *натравить* и из различных его значений выбрать: 1) «трава уничтожить в каком-то количестве» и 2) «трава сделать какое-нибудь количество изображений», — то вряд ли можно будет усомниться в том, что эти два разные значения выступают как случайно совпавшие в данном комплексе, несмотря на явное тождество приставки в обоих случаях. Думается, что к этой же категории явлений можно отнести и следующие далее пары. Однако прежде нужно оговориться, что понятие «омонимии корневой морфемы» не имеет здесь строгого морфологического содержания: вывод об омонимичности корневых морфем делается здесь как бы «от противного»; раз констатируется омонимия целого и тождество приставки и окончания, следовательно, омонимичными должны быть признаны средние члены (в приведенном выше примере *-трав-*, а в нижеследующих — *-кур-*, *-зубр-*, *-болт-* (*-балт-*), *-нес-* и т. п.).

Итак, следующие случаи, по-видимому, оказываются омонимами вследствие семантического расщепления корневых морфем: *выкуривать, выкурить* (папироску, спирт и выгонять дымом); *зазубривать, зазубрить* (сделать зазубрины и заучивать); *набалтывать, наболтать* (намешивать и наговаривать); *накальвать, наколоть*

(в каком-то количестве дров и булавок); *накуривать, накурить* (наполнять дымом и изготавливать какое-нибудь количество смолы и т. п.); *нанести* (снегу и яиц в каком-нибудь количестве); *наряжать, нарядить* (одевать и назначить в наряд); *натравить* (побудить к преследованию и травя сделать изображение, ср. *протравить* в предыдущем разделе); *откалывать, отколоть* (отделить от целого раскалыванием и освободить приколотое); *переколоть* (руки и дрова); *поддевать, поддеть* (задеть, приподнять и надеть под что-нибудь); *поспевать, поспеть* (созревать и успевать); *потравить* (собаками и канаты); *разбалтывать, разболтать* (размешивать и разглашать); *разряжаться, разрядить-ся* (нарядить-ся и освободить-ся от заряда); *скашивать, скосить* (глаза, ребро, край и траву) и др.

§ 7. Омонимия обеих морфем — и корневой и префиксальной

Как видно из предыдущих разделов, достаточно омонимии одной из составляющих морфем, чтобы слова в целом выступали как омонимы. Естественно, однако, что наиболее очевидной омонимия будет в случаях семантической несовместимости всех морфем, составляющих данное слово. Думается, что именно такое положение имеет место в следующих случаях: *заболтаться* (начать болтаться и увлечься болтовней); *заедать, заесть* (пряником и т. п. и в техническом и морском языке); *заключать, заключить* (сделать вывод и лишить свободы); *заковывать, заковать* (в цепи и о лошади); *переплавлять, переправить* (через реку и исправлять); *переколоть* (расколоть много чего и приколоть иначе; хотя во всех подобных случаях неупотребителен несовершенный вид для первого значения, привести такие случаи интересно для иллюстрации данного типа омонимии); *переплавлять, переплавить* (снова, заново расплавить и отправлять лесоматериалы по воде); *перетопить* (вытопить, натопить в каком-то количестве и утопить многих; ср. этот же глагол в разделе частичной омонимии видовых форм); *потопить* (нагреть немного и утопить); *потушить* (погасить и поварить некоторое время); *проболтаться* (проговориться и провести некоторое время без дела); *провесить* (недовесить и проверить прямизну); *скалывать, сколоть* (коля снять, удалить и соединить вместе, прикалывая); *сплавить* (соединить посредством плавления и отправить вплавь по течению реки).

§ 8. Неодинаковая ясность морфологического членения

Последними в этом разделе можно выделить такие случаи, в которых совпадающие по звуковой оболочке, но не поддающиеся семантическому объединению образования различаются по степени ясности и определенности их морфологического членения. Включение в настоящий параграф предполагает, что в каждой сопоставляемой паре есть один член более и один менее отчетливо член-

нящийся в морфологическом смысле. Таковы: *выглядеть* (высмотреть и иметь вид, у первого несов. — *выглядывать*); *докладывать, доложить* (сделать сообщение и положить, добавляя); *заводить* (начать водить, разводять лошадей и т. п. и часы; в последних двух значениях есть совершенный вид); *запалить* (зажечь, поджечь и опоить, загнать лошадь); *заставлять, заставить* (занять, загородить всю площадь и принудить); *затворить* (к *творить* и *закрывать*); *наврать* (солгать, допустить ошибку и на кого); *назвать* (именем и гостей); *находить*, найти (на кого, на что и идя заметить, обнаружить); *напороть* (в каком-либо количестве и руку); *нарвать* (срывая набрать в каком-нибудь количестве и опухнуть, нагноиться); *наставить* (поставить в каком-либо количестве, нацелить и научить чему-нибудь хорошему, откуда *наставление, наставник*); *настаивать, настоять* (приготавливать настойку и добиться исполнения); *настраивать, настроить* (домов и т. п. и инструмент); *наступать, наступить* (ногой и о сроке; *наступать* (военный термин) будет к ним в отношении частичной омонимии видовых форм, так как у него нет совершенного вида); *находиться* (пребывать и много походить); *начинить* (в каком-нибудь количестве и заполнить внутренность); *перебивать, перебить* (мебель и т. п. и прервать чью-нибудь речь); *переносить, перенести* (с места на место и терпеть); *побудить* (попытаться разбудить и склонить к чему-нибудь; менее отчетливо членящимся здесь является *побудить* — склонить к чему-нибудь; в отличие от первого у него наиболее ясной по семантическому содержанию оказывается приставка, составляющая потенциальный центр новой производной основы. Эта основа имеет отдельную (особую) форму несовершенного вида: *побудить* (некоторое время — только в совершенном виде, тогда как у *побудить*, «склонить к чему-нибудь» формой несовершенного вида будет *побуждать*); *подавить* (некоторое время и заглушить, превзойти); *поносить* (некоторое время и оскорблять); *походить* (провести некоторое время ходя и быть похожим); *почитать* (некоторое время и уважать); *притворяться, притвориться* (о двери и прикидываться); *разбаливаться, разболеться* (начать сильно болеть и надолго заболеть); *развивать, развить* (раскручивать и дать окрепнуть); *разводить, развести* (доставить в разные места, разъединить и дать расплодиться, довести до духовной зрелости и т. п.); *раздаться* (разделиться, разойтись и о звуке); *расправляться, расправиться* (выпрямиться, сделаться ровным и сурово наказать); *растворять, растворить* (раскрыть и заставить разойтись в жидкости); *сходить, сойти* (с чего-нибудь и быть принятым в качестве кого (чего)-нибудь); *считать* (читая сличить и называть числа; также полагать) ⁷ и др.

§ 9. «Невыраженная» омонимия глаголов

Как уже неоднократно указывалось, под «невыраженной» омонимией понимается омонимия, обнаруживаемая только чисто семантически без фиксации (или «выражения») данного отношения

в морфологическом строении или правилах синтаксического функционирования слова. Поэтому в глаголах подлинная «невыраженная» омонимия практически отсутствует; в них трудно найти такие случаи, когда не было бы различий в выражении дополнительных оттенков видового характера. Например, *визировать* (ставить визу) допускает совершенный вид *завизировать*, тогда как *визировать* (при наводке) употребляется только в несовершенном виде; *винтить* (вертеть завинчивая) имеет много лексико-грамматических вариантов в совершенном виде, таких, как *завинтить*, *отвинтить*, *привинтить* и т. п., тогда как *винтить* (играть в винт) фактически существует только в несовершенном виде; *душить* (убивать, с силой сжимая горло) соотносится с *удушить*, *задушить*, *придушить* и пр., тогда как *душить* (опрыскивать духами) соотносится только с *надушить*; *кантовать* (окаймлять кантом) имеет в качестве совершенного вида *окантовать*, тогда как *кантовать* (переворачивать) употребляется только в несовершенном виде. Число подобных примеров можно было бы увеличить, но и этих достаточно для того, чтобы показать, что если у существительных омонимия может носить вполне «лексический» или «невыраженный» характер, выступать как несвязанная со структурными различиями, то у глаголов налицо «выражение» омонимии либо за счет особенностей видового характера, либо вследствие разных отношений к именным основам.

Тем не менее представляется небесполезным приведение ряда случаев семантической несовместимости в пределах данных фонетических и орфографических комплексов, в которых отсутствует та структурная обусловленность, которая отмечалась для случаев, рассмотренных в разделе, посвященном «выраженной» омонимии глаголов. Некоторые из них совпадают со случаями, приведенными в параграфах 6 и 7, являясь как бы лексической основой для делавшихся там выводов, почему приведение их здесь носит характер известного повторения. Однако, поскольку невключение этого раздела в целом лишило бы вторую часть работы симметричности построения, приведение нескольких примеров этого рода омонимии следует признать целесообразным.

Итак, с учетом всех сделанных оговорок к «невыраженной» глагольной омонимии можно отнести, например: *зубрить* (делать зубрины и заучивать бессмысленно); *козырять* (ходить с козырной карты и делать под козырек); *калоть* (раздроблять и касаться чем-либо острым); *косить* (придавать косое положение и срезать косой); *курить* (табак и спирт); *массировать* (делать массаж и сосредоточить в одно место — военный термин); *пасовать* (передавать мяч и заявлять пас); *пикировать* (сельскохозяйственный и авиационный термины); *планировать* (постепенно снижаться и составлять план развития); *ремонттировать* (чинить и пополнять лошаадьми); *рушить* (ломаю валить и обрабатывать зерно); *случаться* (происходить и совокупляться — о животных); *справляться* (выполнить и осведомиться); *топить* (поддерживать огонь, нагревая расплавлять

и заставляя тонуть); *точить* (делая острым и источать); *травить* (убивать и т. п. и ослаблять, отпуская понемногу); конечно, поскольку многие из приводимых здесь пар различаются по сферам употребления, они имеют общее и с первой частью, во всяком случае с лексикографической точки зрения; *тыкать* (ударять острым и называть на «ты»); *тухнуть* (гаснуть и протухать, портиться); *тушить* (потушить и варить на медленном огне в закрытой посуде); *чеканить* (изготавливать, выдавливая на поверхности, и обрезать боковые побеги растений) и др.

Как уже указывалось, разграничение полисемии и «невывраженной» омонимии очень облегчается при различном происхождении совпавших комплексов и, напротив, затрудняется при общности происхождения. Кроме того, на данном этапе развития языка тот или другой процесс может оказаться незавершенным, не доведенным до конца. К случаям последнего рода, относятся, по-видимому, такие: *болтать* (делать движения руками и ногами и быстро говорить); *вешать* (определять на весах и помещать в всячем положении, т. ж. подвергать смертной казни через повешение); *вязать* (веревками, т. е. «связывать», плести и скреплять); *добреть* (полнеть и становиться добрее; правда, здесь о развитии омонимии следует говорить, учитывая тенденцию к выходу из употребления добреть в смысле «полнеть»); *заворачивать, завернуть* (кого, что и куда); *занимать* (брать займы и заполнять пространство, поручать делать и т. п.); *заниматься, заняться* (делать что-нибудь и разгораться); *запрудить* (заполнять и перегораживать плотинами); *издавать, издавать* (произвести, испустить и опубликовать); *метать* (бросать, кидать и прошивать крупными стежками); *метить* (ставить на чем-нибудь отличительный знак и стараться попасть в кого-нибудь); *мешать* (препятствовать и перемешивать, путать); *морить* (голодом и морилкой); *мяться* (становиться негладким и колебаться); *носиться* (нестись и о качестве материала); *поверять* (проверять и доверять); *постричься* (постричь волосы и принять постриг); *править* (руководить, управлять и исправлять ошибки); *приправлять* (еду и полиграфический термин); *рвать* (выдергивать и о рвоте); *рваться* (приходить в негодность и стремиться куда-нибудь); *сидеться, сесть* (принять сидячее положение и укоротиться, сузиться); *сажать* (людей и т. п. и растения; также рассаживать); *склоняться* (склониться и грамматический термин); *становиться* (вставать и делаться); *трогать-ся, тронуть-ся* (прикасаться; т. ж. перен. — вызывать сочувствие, приводить в движение и отправляться в путь) и др.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III ЧАСТИ ВТОРОЙ

¹ О том, какие большие трудности возникают при лексикографическом оформлении омонимичных глаголов современного русского языка, можно судить, в частности, по новому словарю русских глаголов (D a u m, E. und S c h e n k, W., Die russischen Verben (Grundformen—Aspekte —Rektion — Betonung — Deutsche Bedeutung, Leipzig, 1954), снабженному введением о спряжении и

образовании видов Р. Ружички и включающем 14 000 глаголов современного русского языка. Так, например, *обваливать* — *обвалить*, *обвалять*; *будить* — *разбудить*, *пробудить*, *глохнуть* — *оглохнуть*, *заглохнуть* и другие даны как один глагол: в этих глаголах разные значения (соответственно *imwerfen* и *gölen*; *aufwecken* и *erwecken*; *verwildern* и *taubwerden*) оказываются выраженными разными формами совершенного вида. А, например, *белишь*, оказывается, таит в себе целых три разных глагола: *белишь*, *выбелишь* — *weissen*, *bleichen*; *белишь*, *набелишь* — *weiss schminken*; и *белишь*, *побелишь* — *weiss anstreichen*. Также двумя разными глаголами оказываются *беспокоиться*, *обеспокоиться* и *беспокоиться*, *побеспокоиться* и т. п.

² Это исследование должно будет включать одновременное рассмотрение как словообразовательных связей, так и парадигматических отношений. В этой связи, помимо основных книг, можно указать следующие работы: Б. Н. Г о л о в и н, О приставочных формах выражения внутривидовых значений в современном русском глаголе, Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, т. LXIV, вып. 3, 1952; С. И. О ж е г о в, Вопросы лексикологии и лексикографии, Труды Института языка и лит-ры Латв. АН, 1951, стр. 115—116; Е. А. З е м с к а я, Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке, автореферат диссертации, Институт языкознания АН СССР, М., 1952; А. В. З н а м е н с к а я, Словообразовательное значение суффикса *-ся* в современном русском языке, автореферат диссертации, Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, Л., 1954 и др.

³ Напомним, что отнесение таких случаев к частичной омонимии, т. е. к категории отчасти созвучных разных слов, всецело обусловлено несовпадением «звуковых оболочек» в совершенном виде. Не будь этого, т. е. если бы те разные значения, которые выражаются противопоставлением этих двух разных форм, совмещались бы в одной звуковой оболочке, их легко было бы воспринять как всего лишь оттенки значения одного и того же слова.

⁴ Как видно уже из приведенных примеров, разделение приставочной омонимии и частичной омонимии видовых форм не дает четко противопоставленных групп; например, *зажить* можно было бы дать и так: *заживать* и тк. сов.; *заиграть*: *заигрывать* и тк. сов.: *закапать*: *закапывать* и тк. сов., т. е. так же, как дано, например, *закручивать* (см. выше, стр. 145). Основанием для включения этих глаголов в раздел «приставочной омонимии» является малая употребительность и, следовательно, некоторая искусственность форм несовершенного вида.

⁵ В таких парах, как *накрахмалить* (рубашку) и *накрахмалить* (много чего-либо), мы имеем омонимию грамматического префикса с лексическим.

⁶ Приставка *под-* в разных значениях достаточно определенно не выделяется. Однако ср.: *подсаживать* на лошадь и *подсаживать* еще — цветов, деревьев и т. п.

Единственный случай омографии без звукового тождества.

Г Л А В А IV

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ)

§ 1. Вводные замечания

Вообще говоря, в прилагательных как будто могут быть выделены те же основные категории, что и в существительных и глаголах, а именно: 1) полисемия, 2) «выраженная» омонимия, 3) «нев्यраженная» омонимия. Однако при вполне понятной общности закономерностей в широком плане для всех явлений рассматриваемого поряд-

ка независимо от лексико-грамматической принадлежности слов, т. е. от того, о какой части речи идет дело, между разными частями речи имеются и очень существенные различия. Наибольшее расхождение, естественно, наблюдается в области «выраженной» омонимии вследствие различия структурно-семантических связей, с большей или меньшей регулярностью устанавливающихся не только для разных частей речи, но и для различных лексических категорий внутри той или другой части речи (например, имя действия, имя деятеля, уменьшительные и т. п.).

В отличие от существительных и глаголов «выраженная» омонимия прилагательных имеет не только «морфематический», но и «функциональный»¹ характер, так как связана с так называемой субстантивацией прилагательного. Хотя на первый взгляд и может показаться, что, например, существительное *рабочий* и прилагательное *рабочий* представляют собой одну и ту же грамматическую форму, на самом деле это совершенно не так. Дело в том, что значение мужского рода в существительном *рабочий* входит в значение всего слова, тогда как в прилагательном *рабочий* оно принадлежит только части его форм (т. е. его нет в таких формах, как *рабочая*, *рабочее* и т. п.). Кроме того, те или другие формы прилагательного всегда выступают как зависящие от его синтаксической связи с тем или иным существительным, тогда как у существительного они непосредственно служат для осмысления известной ситуации и не согласуются поэтому с формой какого-либо другого слова. Поскольку семантические различия между отаждективными существительными типа «рабочий» и соответствующими прилагательными связаны с функциями соответствующих слов в предложении, омонимия этого типа и определяется как «функциональная».

Функционально-синтаксический характер «выраженной» омонимии прилагательных сближает этот класс слов с такими словами, как наречие, краткое прилагательное, «предикативное слово»² и др., которые будут рассмотрены в пятой главе. Поэтому представляется целесообразным объединить рассмотрение «функционально выраженной» омонимии прилагательных с этими словами, отнеся ее в пятую главу, а здесь ограничиться приведением примеров «морфематически выраженной» омонимии. Дело в том, что само существование «невыраженной» омонимии в прилагательных может быть подвергнуто сомнению, так как омонимия в этой части речи (если не считать «функционально выраженной») обычно выступает как несамостоятельная, производная по отношению к соответствующим субстантивным³ и глагольным образованиям. Поэтому немногочисленные случаи «невыраженной» омонимии (в основном это, по-видимому, созвучия «свободного» и «потенциального» прилагательных типа *благой*, *ветряный*, *лобный* и т. п. — см. ниже стр. 158) в отдельную группу выделены не будут, а будут объединены вместе с «морфематически выраженными» под общим названием «Омонимия прилагательных» в параграфе 3.

§ 2. Полисемия прилагательных

Так же как это было сделано для существительных и глаголов, из примеров полисемии прилагательных, приведенных ниже, выделяются две (здесь очень маленькие) подгруппы, объединяющие те случаи, когда разные значения одного и того же слова либо связаны с резкими стилистическими различиями, либо не синхроничны, либо связаны с различиями диалектного характера.

Полисемию прилагательных, т. е. сохранение тождества слова при соотношении его с реально разными «предметами», можно видеть в следующих случаях: *беглый* (спасающийся бегством, также быстрый, незадерживающийся и лингв. *беглый гласный*); *взрывной* (в «взрывная волна» и лингвистический термин); *видовой* (в «видовой фильм» и грамматический термин); *гранатовый* (относящийся к минералу и к растению); *дробный* (расчлененный и состоящий из дроби или содержащий дробь); *камерный* (от *камера* и музыкальный термин); *кислый* (обладающий данным вкусом, также переносно и относящийся к кислоте); *клетчатый* (с рисунком в клетку и состоящий из клеток); *культурный* (связанный с достижениями человечества и с сельскохозяйственными культурами); *листовой* (относящийся к листьям и имеющий форму или размер листа); *моторный* (к *мотор* и физиологический термин); *наливной* (созревший, сочный и приспособленный для перевозки жидких грузов без тары); *несовершенный* (недоделанный, несвободный от недостатков и грам.); *низовой* (расположенный книзу, в нижнем течении реки и т. п. и непосредственно обслуживающий массы на местах); *носовой* (к части лица и к части корабля); *осадочный* (от *осадки* и образованный на дне древнейших водоемов); *пробный* (взятый на пробу и служащий для испробования); *разносторонний* (геометрический термин и многообразный, охватывающий разные стороны); *рациональный* (разумно обоснованный и математический термин); *реалистический* (жизненный, практический и литературный термин); *сальный* (от *сало*, грязный и непристойный); *совершенный* (полный, превосходящий и грамматический термин); *согласный* (выражающий согласие и т. п. и лингвистический термин); *станковый* (живописный и технический термины); *ударный* (относящийся к получению или нанесению удара и лингвистический термин); ср. также *ударный* в следующем разделе; *фракционный* (химический и политический термины); *циркульный* (от *циркуль* и спец.); *чайный* (от *чай* и желтого цвета — *чайная роза*)⁴ и др.

Резкие экспрессивно-стилистические различия находили в следующих примерах: *безрукий* (не имеющий рук и неумелый); *выходной* (служащий для выхода и т. п. и использующий свой выходной день; второе значение синтаксически ограничено, встречается только в предикативном употреблении); *дубовый* (к *дуб*, жесткий и упрямый, тупой); *здоровый* (пользующийся здоровьем и большой); *канительный* (от *канитель* и нудный, медлительный); *липовый* (о дереве и фальшивый); *мировой* (от *мир* и очень хо-

роший); ненормальный (уклоняющийся от нормы и полоумный); *неотесанный* (не обработанный и некультурный); *присяжный* (принявший присягу и всегдашний, постоянный); *противный* (противоположный и очень неприятный) и др.

Примеров не вполне «синхроничных» или связанных с различиями диалектного характера среди прилагательных немного. Например: *бранный* (ругательный и воинский); *мирской* (к *мир* — «свет» и недуховный); *недвижимый* (состоящий из земельного участка, строения и неподвижный); *распашной* (относящийся к гребле двухлопастным веслом — спорт. и носимый без застежек); слова этой группы крайне немногочисленны. Однако выделить их следует, так как все же параллелизм с существительными и глаголами здесь не нарушается.

§ 3. Омонимия прилагательных

Как уже было сказано выше, омонимия прилагательных выступает в большинстве случаев как несамостоятельная, производная по отношению к соответствующим субстантивным и глагольным образованиям, как «отраженная». Следует, однако, заметить, что прилагательные более гибки по количеству и разнообразию включаемых в них значений, чем соответствующие существительные или глаголы, почему, например, представляется правильным считать в фонетическом и орфографическом комплексе *кремовый* совпадение двух разных омонимичных прилагательных при сохранении существительным *крем* своего тождества, несмотря на значительное расхождение значений. О гибкости и разнообразии значений прилагательных по сравнению с соответствующими существительными и глаголами можно судить, сравнив с ними такие прилагательные, как *оперативный*, *оригинальный*, *покойный*, *представительный*, *ударный*, *халатный* и т. п. Примеры: *благой* (хороший и в *благим матом*)⁵; *ветряный* (действующий силой ветра, тж. перен. и в *ветряная оспа*); *газовый* (от *газ* — физическое тело и от *газ* — ткань); *горючий* (способный гореть и в *горючие слезы*); *диалектический* (философ. и диалектный); *духовой* (шкаф и оркестр); *железистый* (анат. — от *железа* — и хим., геол. — от *железо*); *зазубренный* (покрытый зазубринами и выученный без внимания); *записной* (рьяный и в *записная книжка*); *касторовый* (сделанный из кастора и в *касторовое масло*)⁶; *ключевой* (например, в *ключевая позиция* и в *ключевая вода*); *колкий* (легко колющийся и причиняющий уколы; тж. перен.); *колотый* (разбитый на куски и причиненный колющим оружием); *кормовой* (трава и ветер); *кремовый* (бледно-желтый и от *крем*); *критический* (от *критика* и переломный); *лихой* (приносящий беду, злой и молодецкий); *левый* (противоположный правому и полит.); *лобный* (от *лоб* и в *лобное место*)⁷; *метрический* (система мер и в *метрическая запись*); *мировой* (от *мир* и примирительный); *многоцветный* (пестрый и ботанический термин; тождество префикса при омонимии корневой морфемы; надо заметить, что *цвет* как

морфема в отличие от слова *цвет* не имеет присущего последнему специфического стилового характера и потому легко сопоставляется с *цвет* (окраска) или противопоставляется ему); *наживной* (в *дело наживное* и употребляющийся в качестве наживки); *наступающий* (о времени, событиях и военный термин); *ноский* (прочный, долго не изнашивающийся и несущий много яиц); *оперативный* (быстро, непосредственно осуществляющий, медицинский термин и в *оперативная сводка* и т. п.; по сравнению с соответствующим существительным прилагательные разошлись гораздо больше); *оригинальный* (не заимствованный и своеобразный); *паровой* (двигатель и поле); *племенной* (соответствующие существительные — разные слова — *плёмя* и *племя*); *погодный* (*по годам* и от *погода*); *подводный* (под поверхностью воды и от *подвода*); *покойный* (удобный и умерший); *половой* (от *пол* — настил и биол.; в связи с ЭТИМ — проблема перекрестных соотношений; в данном случае с *половой* — сущ., по линии «функционально выраженной» омонимии); *порядочный* (честный, приличный и значительных размеров); *правый* (противопост. *левый*, справедливый и полит.); *представительный* (выборный и важный); *причастный* (имеющий отношение и грамматический термин); *прокатный* (наемный и в *прокатный стан*); *пролетный* (о птице и от *пролет*); *раковый* (медицинский термин и к *рак* — животное); *ремонтный* (технический и военный термины); *родовой* (от *род* и от *роды*; ср. *род* в разделе «Существительные»); *росный* (от *роса* и в *росный ладан*); *ручной* (от *рука* и прирученный); *рядовой* (обычный и сельскохозяйственный термин); *скатный* (от *скат* и в *скатный жемчуг*); *славный* (пользующийся славой и симпатичный); *тематический* (от *тема* и лингвистический термин); *тонический* (от *тонус* и в стихосложении); *тонный* и *-тонный* (от *тон* и от *тонна*); *ударный* (относящийся к удару и передовой); *удельный* (относящийся к измерению тел и от *удел*); *упорный* (настойчивый и от *упереть*, *упор*); *филейный* (в *филейный край* и в *филейная игла*); *халатный* (от *халат* и небрежный); *холостой* (нежнатый и не дающий полезной работы); *хромовой* (относящийся к химическому веществу и о коже); *худой* (тощий, плохой и дырявый); *часовой* (от *час* и от *часы*); *червонный* (к карточной масти и в *червонное золото*); *швейцарский* (от *Швейцария* и *швейцар*) и др.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV ЧАСТИ ВТОРОЙ

¹ Термины заимствованы у А. И. Смирницкого.

² Как будет видно из материалов пятой главы, здесь речь идет именно о предикативных словах, омонимичных, с одной стороны, с краткой формой прилагательного среднего рода, а с другой — с наречиями на -о, т. е. таких соотношениях, как «Море тихо и спокойно», «Он говорил тихо и спокойно» и «Тихо, спокойно» или «Приветствие его было холодно», «Он холодно нас приветствовал» и «Холодно» (по-французски, например, потребовались бы «материально» совершенно разные единицы для того, чтобы выразить соответствующие значения, а именно: *froid*, *froidement* и *il fait froid*). Поэтому в рамках настоящей работы могут быть оставлены без внимания более общие вопросы,

Связанные с природой категории состояния в русском языке (о чем см. Н. С. Поспелов, В защиту категории состояния, ВЯ, 1955, № 2; А. Б. Шапиро, Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи, ВЯ, 1955, № 2; А. Б. Исаченко, О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках, ВЯ, 1955, № 6; Н. С. Поспелов, Соотношение между грамматическими категориями и частями речи (на материале современного русского языка), сб. «Вопросы грамматического строя», АН СССР, М., 1955, особ. стр. 84—89).

³ Ср. Н. С. Поспелов, цит. произв., стр. 91: «Своеобразное положение имен прилагательных в системе частей речи заключается в том, что они, объединяя значения качества, качественного отношения и качественного состояния, совмещают в кратких своих формах грамматические категории имени и глагола и в этом смысле связывают друг с другом обе эти группы частей речи».

⁴ В связи с подобными случаями непременно возникают вопросы, которые подробно будут рассматриваться в третьей части в связи вообще с вопросом о «потенциальном слове». Существует ли реально значение «нежного оттенка желтого цвета» у слова *чайный* или же только потенциально, т. е. только в той мере, в какой оно может быть выделено из словосочетания специфического и «непродуктивного» — *чайная роза*? Включение его в список имеет целью только показать, что если такое значение существует, то оно находится к основному значению прилагательного *чайный* в отношении полисемии.

⁵ Ср. предыдущее примечание. Включение таких значений в данный список показывает, в отличие от предыдущего, что семантическое отношение данного потенциального слова к основному рассматривается как омонимическое.

⁶ См. примечания 4 и 5.

⁷ Как и во всех случаях фразеологически связанного значения — см. примечания 4 и 5.

ГЛАВА V

ОСНОВНЫЕ СЛУЧАИ «ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ» ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Вводные замечания

Из того, что в одной главе объединяются такие различные лексико-грамматические категории, как прилагательное и отадективное существительное, наречие и краткое прилагательное, наречие и предикативное слово и т. п., не следует делать вывода о переоценке функционально синтаксической стороны и пренебрежении к морфологии. Выше ¹ специально подчеркивалась важность именно морфологического несходства прилагательных и соответствующих им существительных, образованных посредством субстантивации. Кроме того, и выделение «категории состояния» как отдельной части речи обосновывается теперь наличием у нее и морфологических признаков². Термин «функциональный» употребляется здесь в большой мере условно, т. е. только по противопоставлению «морфематической» омонимии, типичной для существительных и глаголов. Следовательно, введение этого термина имеет целью лишь сосредоточить внимание на том, что состав словообразовательных морфем в объединяемых здесь случаях, в отличие от того, что мы имели в существительных и глаголах, остается одним и тем же. Созвучные разные слова различаются здесь не по составу их словообразовательных —

корневых или аффиксальных морфем, а особенностями их в плане словоизменения, которое включает и так называемые неизменяемые слова. Следует заметить, что отсутствие у таких слов «выраженного», словоизменения не лишает их грамматической формы, так как без нее вообще немислимо слово ³.

§ 2. Частичная омонимия прилагательного и существительного, «склоняющегося как прилагательное»

Омонимия этого рода характеризуется тем, что вся система форм одного слова оказывается созвучной с частью системы форм другого, т. е. если прилагательное имеет три рода, то формы существительного, склоняющегося как прилагательное, имеют только формы либо мужского, либо женского, либо среднего рода, так как существительное, в отличие от прилагательного в русском языке, не может принадлежать более чем к одному роду. Поэтому, например, такие существительные, как *больной* — *больная*, являются независимо образованными разными словами.

По характеру настоящей работы здесь нет ни возможности ни надобности рассматривать вопрос о субстантивации прилагательного в целом. Как показали многочисленные исследования, ⁴ имеются тонкие градации между простым употреблением прилагательного в функции существительного и существительным, склоняющимся как прилагательное, связанным с соответствующим прилагательным отношением частичной лексико-грамматической омонимии. Но для настоящей работы важно лишь установить, что такая омонимия действительно существует, что имеется большое количество фонетических и орфографических комплексов, выступающих в качестве звуковых и графических оболочек **р а з н ы х с л о в - о м о н и м о в**, таких, как *больной*, *ближний*, *верховой*, *водяной*, *военный*, *горючее*, *детская*, *душевая*, *заключенный*, *знакомый*, *Звеньевой*, *кондитерская*, *кормовой*, *мировой*, *мороженое*, *парикмахерская*, *передняя*, *половой*, *постовой*, *потерпевший*, *потогонное*, *рабочий*, *раненый*, *рулевой*, *рядовой*, *служащий*, *трудящийся*, *ученый*, *часовой* и т. п. ⁵

§ 3. Другие случаи функциональной омонимии в современном русском языке

Наиболее сложную и интересную картину представляют наречия. Своеобразие их заключается в том, что лексической омонимии здесь почти нет совсем (исключая буквально единичные случаи вроде *некогда* и т. п.). Вопрос, следовательно, почти полностью сводится к той особой разновидности частичной омонимии (наречие — краткая форма прилагательного), когда данное слово в целом является созвучным с одной формой своего корреспондента, и омонимическому соотношению наречий и предикативных слов ⁶.

§ 4. Омонимия наречия на -о и краткой формы прилагательного среднего рода

Выше (стр. 108) было разъяснено, почему основным предметом исследования в настоящей работе являются так называемые «словарные формы». Однако выделить «словарные формы» в случае «функциональной омонимии» может быть затруднительно. Например, омонимия краткой формы прилагательного в среднем роде и наречия на -о в толковом словаре русского языка обычно не отмечается, вследствие чего дается неверное представление о границах слова. Такая подача обычно механически переносится и в переводные словари — русско-английский, русско-французский, русско-немецкий и т. п., где выделение соответствующих «созвучий» как отдельных заголовочных слов совершенно необходимо. Без этого либо вообще не будет дан перевод, либо будет дано ложное представление о слове, его природе и границах ⁷.

Соотношение русского, английского и французского языков в этой области можно показать на следующих примерах:

Русское слово	Английский перевод	Французский перевод
<i>Бесполезно</i> (прил.) » (нареч.)	useless uselessly	inutile inutilement, vaine- ment
<i>Бесплодно</i> (прил.) » (нареч.)	barren, sterile, fruitless in vain, vainly, un- availingly	sterile, infecond infructueusement, sans succès
<i>Бессовестно</i> (прил.) » (нареч.)	unscrupulous, disho- nest, shameless unscrupulously, with- out scruple	malhonnête, impudent malhonnêtement, d'une manière malh- onnête
<i>Беспорно</i> (прил.) » (нареч.)	indisputable, unque- stionable indisputably, unque- stionably	indiscutable, incontes- table sans conteste, indi- scutablement
<i>Благотворно</i> (прил.) » (нареч.)	beneficial, salutary beneficially, with a salutary effect	bienfaisant, salutaire salutairement, d'une façon salutaire
<i>Витиевато</i> (прил.) » (нареч.)	florid, flowery, ornate in a florid flowery style	fleuri, alambique dans un style fleuri, dans un style alam- bique

Думается, что аналогичное расщепление можно констатировать и для таких комплексов, как: вкрадчиво, вкусно, внезапно, внимательно, внятно, воинственно, враждебно, выпукло, высокопарно, вычурно, вяло, гадливо, гладко, гласно, гневно, гнусаво, горделиво, гордо, горестно, горячо, грамотно, грациозно, громко, грозно, громогласно, грузно, грубо, гуманно, густо, далеко, детально, дешево, добровольно, достойно, дорого, жестко, живо, жирно, завистливо, изумительно, искусственно, интуитивно, истинно, кисло, коротко, красиво, крепко, крупно, легкомысленно, максимально, машинально, медленно, медлительно, мелко, мило, многократно, молниеносно, мягко, наглядно, научно, невыносимо, негладко, недурно, неожиданно, независимо, незаметно, неизменно, неистово, нелегально, немедленно, немилосердно, немилостиво, неминуемо, необдуманно, необыкновенно, неожиданно, неплотно, неплохо, неподвижно, непомерно, неправильно, непрерывно, непринужденно, нередко, несвязно, несправенно, нестройно, нетвердо, нетерпеливо, неуважительно, нецелесообразно, низко, нормально, обоюдно, основательно, относительно, официально, ошибочно, пагубно, параллельно, плотно, поверхностно, подлинно, подробно, покорно, полно (с двумя омонимичными наречиями?), положительно, посредственно (ср. хорошо, отлично), постоянно, превратно, предпочтительно, преждевременно, прекрасно, прерывисто, прилично, притворно, продуктивно, произвольно, прочно, прямо, пунктуально, равнодушно, равномерно, редко, свободно, своевременно, свято, серьезно, сильно, слепо, смело, смертельно, сообразно, специально, спешно, срочно, твердо, терпеливо, терпимо, тонко, трагично, трогательно, убыточно, узко, условно, успешно, характерно, хитро, честно, широко, ядовито и др.

§ 5. Омонимия наречия и предикативного слова

Наречия и предикативные слова, как и наречия и краткие прилагательные, не выделяются в виде омонимов в толковых словарях, причем и здесь трактовка, принятая толковыми словарями, переносится в двуязычные. Как и в случае «наречие — краткое прилагательное» выделение этих «созвучий» как отдельных заголовочных слов в двуязычных словарях представляется необходимым, если согласиться, что словарь должен давать правильное понятие о слове и его границах.

Так же как это было сделано для наречия-прилагательного, соотношение, например, русского, английского и французского языков можно показать на следующих параллелях:

Русское слово	Английский перевод	Французский перевод
<i>больно</i> (наречие) » (предик. слово)	badly, hard it is painful	fortement, cruellement cela fait mal
<i>важно</i> (наречие) » (предик. слово)	with an air of importance it is important	avec un air d'importance il importe de...
<i>весело</i> (наречие) » (предик. слово)	merrily, gaily it is enjoyable; мне весело — I am enjoying myself	gaiement, joyusement je m'amuse beaucoup и т. д.

Думается, что аналогичное «расщепление» можно видеть в таких фонетических и орфографических комплексах, как: весело, возможно, возмутительно, вредно, выгодно, высоко, глубоко, глупо, горько, грустно, грязно, достаточно, дурно, естественно, жалко, жарко, забавно, законно, закономерно, заметно, замечательно, излишне, интересно, легко, лучше, мало, мудрено, напрасно, неважно, неверно, невероятно, невозможно, невыгодно, недостаточно, неизбежно, нелепо, неловко, непонятно, неприятно, неудобно, неудовлетворительно, нехорошо, обидно, обязательно, опасно, открыто, отлично, Очевидно, плохо, подозрительно, поздно, понятно, правильно, приятно, просто, противно, разумно, рано, светло, скучно, славно, слождо, слышно, смешно, странно, страшно, тепло, тесно, тихо, тоскливо, точно, трудно, туго, туманно, тяжело, удивительно, удобно, ужасно, уместно, умно, уморительно, утомительно, холодно, хорошо, худо, чисто, чудно, чудно, явно, ясно и др.

Омонимия усложняется в *верно* (наречие «предикативно-безличное» и вводное слово); здесь, как и выше, не учитывается краткое прилагательное; *здорово* (наречие и межд.); *понятно* (то же, что *верно*); *предположительно* (то же, что *верно* и *понятно*).

§ 6. Вопрос о соотношении «полнозначной» и «служебной» функций слова

От описанных выше явлений «функциональной омонимии» принципиально отличаются следующие случаи: *как* (наречие, союз); *когда* (наречие, союз); *кругом* (наречие, предлог); *ладно* (наречие, частица); *лишь* (наречие, союз); *накануне* (наречие, предлог); *напротив* (наречие, предлог); *ниже* (наречие, предлог); *подобно* (наречие, предлог); *позади* (наречие, предлог); *пока* (наречие, союз); *после* (наречие, предлог); *потому* (наречие, союз); *причем* (наречие, союз); *путем* (наречие, предлог); *раз* (наречие, союз); *свыше* (наречие, предлог); *сзади* (наречие, предлог); *тем* (наречие, союз); *удобно* (предикативно безличное слово и частица); *что* (наречие, союз) и др. Дело в том, что соотношение прилагательных и существительных, прилагательных, наречий и предикативных слов есть соотношение «разных частей речи», устойчивых образований с вполне определенными лексико-грамматическими свойствами, обозначающих разные стороны действительности — предметы, качества, процессы и т. д. Такие же явления, как например употребление наречия *накануне*, или *напротив*, или *кругом* и т. п. в служебной функции предлога, дают совсем другое соотношение, качественно отличное от первого: «полнозначное» и «служебное» употребление слова как бы накладывается на существующую систему частей речи, пересекает ее. Это употребление проходит как бы через различные части речи. Оно подвижно и не приводит к разрушению тождества слова: само по себе «знаменательное» и «служебное» употребление слова не разрывает его на два, а лишь приводит к особой разновидности «выраженной» полисемии. Такие же явления, как субстантивация прилагательного, окачествление причастия и т. п., непременно влекут за собой омонимию, так как связаны с переходом в другую часть речи.

Из сказанного не следует, что предлоги, союзы и т. п. вообще не образуют в русском языке особого лексико-грамматического класса

слов — частей речи⁸. Речь идет только о выяснении природы случаев различного функционирования одного и того же слова. Необходимо различать, с одной стороны, омонимию, возникающую в связи с принадлежностью созвучных слов к разным частям речи, а с другой — различное функционирование одного и того же слова, его различные «лексико-синтаксические формы».

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V ЧАСТИ ВТОРОЙ

¹ Стр. 156.

² О чем смотри в цитированных выше работах Н. С. Поспелова.

³ Ср. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове, Труды Института языкознания АН СССР, т. IV, 1954, стр. 21: «... Однако они (имеются в виду такие слова, как *очень* и *даже*. — О. А.) не являются бесформенными: они не имеют отдельных грамматических форм, но они имеют определенное грамматическое оформление, и не только синтаксическое, но и морфологическое, совершенно определенную парадигму, представляющую собой парадигматическую схему, характеризуемую отсутствием внутренней грамматической дифференциации, т. е. грамматической неизменяемостью слова, — в противоположность изменяемости других слов».

⁴ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 4-е изд., М., 1934, стр. 120—128; Л. Б. Перельмуттер, Переход прилагательных в существительные («Русский язык в школе», 1948, № 1). Большой материал и подробная библиография, включающая специальные диссертации, у М. М. Барзиловича «Субстантивация прилагательных в русском языке», автореферат диссертации, Киев, 1952.

Следует заметить, что омонимию слова во всех его формах одной форме своего корреспондента мы имеем также в случае «причастие — прилагательное» типа *потерянный, разведенный, раздирающий, раздутый, располагающий, расширенный, сдержанный, сжатый, склоняемый* и т. п., на что указал В. В. Виноградов в цитированном уже курсе лекций. В. В. Виноградов указал также на то, что в таких случаях может иметь место и словообразовательная омоморфемность, например: *истощить* — от *истощенный* и *истощение*. *Утомленный* также может быть не преобразованным причастием, а производным от *утомление* и т. п.

⁵ Наличие здесь частичной лексико-грамматической омонимии, т. е. безсловное «расщепление» фонетических и орфографических комплексов данного типа дополнительно подтверждается фактами образования существительных на *-овой*, помимо прилагательных. См. В. О. Unbegaun, Création d'une catégorie grammaticale: l'adjectif substantivé russe en-ovej (Recueil linguistique de Bratislava, 1, 1948).

⁶ Ср. примечание 2 к главе IV этой части.

⁷ Мы исходим из того, что качественное наречие и прилагательное являются разными словами — разными частями речи, хотя это и подвергалось уже неоднократно сомнению.

⁸ Вопрос о полисемии и омонимии предлогов и союзов в современном русском языке был подвергнут специальному исследованию А. И. Смирницким. Результаты этого исследования воплощены в оформлении соответствующих слов в «Русско-английском словаре», изданном при его участии и под его общим руководством. Ср. также Š. Pešić, O homonymite neohybných slov (Slov. Reč. R. XX, č. 6, 1955); Г. Г. Скiba, Переход самостательных слов в служебные в современном русском языке, автореферат диссертации, Львов, 1954.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
СЛОВА В СЛОВСОЧЕТАНИИ
И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА КАК ПРЕДЕЛ
ТАКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Г Л А В А I

О СУЩНОСТИ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО
ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВА

§ 1. Постановка вопроса

Как можно было видеть из общих соображений, изложенных в первой части настоящей работы, и из материала, приведенного во второй, семантический анализ слов представляется правильным начинать с изучения их лексико-семантических вариантов с целью в первую очередь разграничения различных номинативных значений одного слова и разных слов-омонимов.

Основное номинативное значение слова характеризуется нулевой фразеологической и конструктивной обусловленностью. Это значение может воспроизводиться путем свободного соединения с любыми словами по правилам грамматики. Его легко выделять, и использование слова в таком значении, как «кирпича», как «куска строительного материала», нормально ограничивается только логикой вещей¹. Так, например, основное номинативное значение слова *белый* свободно воспроизводится в речи в сочетании с названиями всех тех предметов действительности, которые естественно могут быть обозначены как «белые» вследствие их цвета.

Помимо основных номинативных значений, у слова могут быть еще значения производно-номинативные. Производно-номинативные значения могут быть более «узкими», могут выступать как ограниченные определенным кругом слов, в сочетании с которыми они воспроизводятся. Так, например, слово *белый*, кроме «цвета снега или мела», может значить «светлый или бесцветный как противопоставляемый темному или окрашенному». Фактически это значение воспроизводится лишь с сравнительно небольшим количеством слов: *вино, хлеб, мясо, раса*; также *кровяные шарики, шахматы* (шашки), (баллотировочные) *шары*. Однако это обстоятельство, т. е. фактически ограниченное число предметов, которые могут быть обозначены как *белые* в значении «светлый или бесцветный по противопоставлению темному или окрашенному», не препятствует выделению этого значения как производно-номинативного. Критерием для разграничения производно-номинативных значений и

значений фразеологически обусловленных является не просто фактическая частота или обычность их воспроизведения, а то, насколько отчетливым и ясным является то или другое значение, в какой мере оно может быть абстрагировано и определено как таковое, насколько свободно оно может быть воспроизведено при необходимости расширения круга предметов, которые можно охарактеризовать по выделяемому этим значением признаку.

Поскольку данный раздел работы посвящен специально лексико-фразеологическому варьированию слова, притом не вообще, а с точки зрения определения его допустимого предела, сопровождающегося преобразованием словосочетания в качественно отличное явление — фразеологическую единицу, вопросы конструктивно обусловленного варьирования здесь затрагиваться не будут. Иными словами, внимание будет сосредоточено на тех изменениях значения, которые вызываются в слове соединением его с определенными словами же, т. е. связями лексико-фразеологического характера, а не особенностями построения, не структурными особенностями словосочетания. Например, глагол *держать* имеет разные «конструктивно обусловленные» значения в словосочетаниях типа *держать* (кого-что) и *держать* (за что). Но и в пределах одной и той же конструкции, например *держать* (кого-что), он имеет разные значения в зависимости от того, с каким семантическим типом существительного он соединяется; напр., *держать собак* (*кур, гусей, корову* и т. п.) будет значить совсем другое, чем *держать карандаш* (*перо, кисть* и т. п.). Следовательно, говоря о лексико-фразеологическом варьировании слова, мы имеем в виду то, что выше было обозначено как «невыраженная» полисемия, т. е. воспроизведение разных значений слова соединением его с разными лексическими или семантическими категориями слов же. «Невыраженная» полисемия противопоставляется «выраженной». Напомним, что «выраженную» полисемию имеем тогда, когда воспроизведение того или другого значения обуславливается выбором построения: различием управления, особенностями собственно синтаксического сочетания и т. п.

В нижеследующих параграфах пути исследования лексико-фразеологического варьирования слов будут намечены на основе типов словосочетания, отобранных и расклассифицированных по принципу их фактической значимости в языке, т. е. их продуктивности и распространенности. Конструктивные моменты будут затронуты лишь постольку, поскольку это может оказаться необходимым для различения и классификации обнаруженных типов словосочетания.

§ 2. Что такое «фразеологические единицы» и чем они выделяются по сравнению со структурно соответствующими им свободными сочетаниями

Хотя по вопросу о фразеологических единицах имеется теперь обширная литература ², некоторые моменты остаются недостаточно выясненными.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что при отличии фразеологических единиц от свободных словосочетаний обычно применяется критерий идиоматичности. Такой подход обоснован в известной мере тем, что структурные моменты не могут использоваться в качестве критериев для разграничения свободных словосочетаний и фразеологических единиц с той же ясностью и последовательностью, как при разграничении словосочетания и сложного слова. В отличие от слова (которое даже в тех случаях, когда оно является сложным словом, всегда цельно оформлено) фразеологическая единица является *раздельно оформленным соединением*, т. е. соединением не морфем, а слов, и поэтому по своей структуре не отличается от обычного «свободного» словосочетания.

Однако при ближайшем рассмотрении критерий идиоматичности оказывается слишком общим и неопределенным. Как известно, термины «идиоматичный», «идиоматичность» нередко употребляются без необходимой научной точности вообще для обозначения «неравенства значения целого сумме значения частей», почему идиоматичными могут быть и сложные слова, и фразеологические единицы, и аналитические формы. Однако «неравенство значения целого сумме значения частей» в подобных случаях носит совершенно различный характер.

Далее, существенным недостатком критерия идиоматичности, сильно затрудняющим его применение для выделения фразеологических единиц, является неопределенность того, что следует понимать под «значением частей», или самостоятельным значением элементов фразеологической единицы, т. е. составляющих ее слов. Конечно, основное номинативное значение слова выделяется вполне ясно и отчетливо. Но из этого никак нельзя сделать того механического вывода, что все остальные значения, кроме основного номинативного, будут уже фразеологически связанными; тем более нельзя думать, что все они будут давать фразеологические единицы. Иными словами, было бы совершенно неправильно думать, что если в данном сочетании основное номинативное значение не подходит, то это уже будет фразеологическая единица. Ведь при такой трактовке вопроса «свободными» словосочетаниями со словом *белый* оказались бы только такие сочетания, как *белая краска*, *белая бумага*, *белое платье* и т. п., т. е. только такие сочетания, в которых слово *белый* можно расшифровать как «цвета снега или мела». Такие же словосочетания, как *белое вино* или *белая раса*, оказались бы фразеологическими единицами, потому что смысл, который имеет в них слово *белый*, не может быть разъяснен как «цвета снега или мела». Но, как уже было сказано выше, кроме основного номинативного, у слова могут быть еще производно-номинативные значения. И, далее, степень фразеологической обусловленности значения может быть очень различной. Поэтому разграничение «свободных» сочетаний слов и фразеологических единиц в конечном счете основывается не на идиоматичности сочетания, а на том, идет ли речь об

обозначении некоего сложного «предмета» путем раздельной и непосредственной направленности на разные его стороны и признаки отдельных элементов данного сложного грамматического целого (словосочетания), или же данное грамматически раздельно оформленное словосочетание функционально эквивалентно слову в том смысле, что на «предмет» непосредственно направляется данное сложное образование в Ц Е Л О М. Хотя в строении фразеологических единиц и обнаруживается их составной характер, иными словами, хотя они и являются обычно мотивированными — основным критерием для отграничения их от словосочетаний в собственном или общем смысле этого термина является именно характер их соотнесения с действительностью. Можно сказать, что во фразеологической единице «цельность номинации» довлеет над структурной раздельностью: выделение признаков, характеризующих обозначаемый предмет, оказывается подчиненным его целостному обозначению³. Следовательно, например, *Белый дом* (дворец президента США) является фразеологической единицей в первую очередь не потому, что дом этот на самом деле не белый и не дом (он — дом, и к тому же белого цвета). Это фразеологическая единица потому, что на называемый предмет данное словосочетание непосредственно направляется как целое. Свободное сочетание *белый дом* обозначает нечто, что отличается от всех не белых (других цветов) домов и от всех белых предметов, не являющихся домами. *Белый дом* как «дворец президента США» — сложное (и мотивированное) обозначение особого здания, находящегося в Вашингтоне. Поэтому, для того чтобы решить, являются ли фразеологическими единицами такие, например, сочетания, как *белая горячка*, *белая кость*, *белые ночи*, *белые стихи*, *белый уголь*, надо прежде всего обратить внимание на характер номи-на-ции. Можно ли представить себе белую горячку как горячку, отличную от остальных горячек этим своим признаком, или же это просто комплексное наименование определенной болезни? Является ли *белая кость* просто костью, отличной от всех не белых костей и всех белых предметов, не являющихся костями? Понимаются ли под белыми ночами и стихами ночи и стихи, просто отличающиеся данным признаком от всех других ночей и стихов (и, следовательно, от всего остального, обладающего данными признаками, но не являющегося ночами и стихами)? *Белый уголь* является ли разновидностью угля и одновременно чем-то отличным от других белых предметов, не являющихся углем? По-видимому, во всех этих случаях ответ на поставленные вопросы будет отрицательным, вследствие чего все эти сочетания придется признать фразеологическими единицами, так как во всех них налицо «цельность номинации»: все эти раздельно оформленные словосочетания функционально эквивалентны словам. Они «направлены на предмет» как целые, комплексно. Эта «цельность номинации» подчиняет себе фактическую раздельность частей, довлеет над ней. Но от этого данные «комплексы» не перестают быть сложными или «комплексными».

Они являются мотивированными, имеют определенную внутреннюю форму. В общем понятно, почему ими обозначаются соответственно определенная болезнь, (иронически) барская порода, северные ночи с немеркнувшей зарей, стихи без рифм и (образно) движущая сила воды. В отличие от подобных случаев, например, словосочетание *белый гриб* (хотя обозначаемый этим сочетанием сорт гриба и коричневый с наружной стороны) членится не только по внутренней структуре, но и по характеру номинации, противопоставляясь достаточно отчетливо другим сортам и разновидностям грибов (в первую очередь «черным», которые в основном своем «коммерческом» виде, т. е. в том виде, в каком они заготавливаются и продаются, имеют черный цвет; белые же грибы в сушеном виде резко отличаются от черных белым цветом своей губчатой поверхности).

§ 3. Как образуются фразеологические единицы и что происходит при этом со словами, входящими в их состав

Из сказанного следует, что основным путем образования фразеологических единиц является «преобразование» обычных свободных словосочетаний в сложные «эквиваленты слов».

При этом не следует, однако, упускать из виду (как это часто делают) того, что можно назвать «диалектикой фразеобразования». Возникновение сложных (фразеологических) эквивалентов слова путем семантического «преобразования» словосочетаний — это не односторонний процесс. В его осуществлении участвуют одновременно и «центробежные» и «центростремительные» силы. Параллельно с образованием фразеологических единиц у входящих в их состав слов возникают новые значения, сперва «потенциальные», как бы «поглощенные» суммарным значением сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, выделиться, приобрести способность отдельного воспроизведения. Так, например, распространение в речевом употреблении фразеологической единицы «делать из мухи слона» создает потенциальную возможность употребления слов *слон* и *муха* уже не только для обозначения соответствующих животных, но и для выражения отвлеченных понятий — «важного», «существенного» в противопоставлении «мелкому», «незначительному». «Если всех мух уничтожим, то из чего же слонов делать будем?» — может быть приведено как пример своеобразного и индивидуального, специфического в экспрессивно-эмоциональном плане использования «центробежной» стороны этого процесса. Такая индивидуальная и стилистически окрашенная актуализация «потенциального слова» — элемента фразеологической единицы — известна под названием «деформации идиом». Однако собственно «деформацией идиом» этот процесс не ограничивается. Из истории словарного состава разных языков можно привести немало количество случаев возникновения у слов новых номинативных значений путем актуализации тех потенциальных семантических возможностей, которые они приобрели в составе фразеологической единицы,

§ 4. Типы словосочетаний как основа для изучения лексико-фразеологических вариантов слова

Из всего сказанного выше следует, что фразеологическая единица представляет собой как бы «предел» лексико-фразеологического варьирования слова. Вступая в словосочетания в сложные фразеологические отношения с другими словами, слово семантически видоизменяется, «варьируется», воспроизводится в разных своих лексико-фразеологических вариантах. Если же данное сочетание оказывается семантически не разложимым, если оно направляется на предмет как целое, если отдельные его элементы утрачивают способность раздельного соотнесения с разными сторонами или признаками предмета, то эти элементы перестают быть словами в подлинном смысле. Они сохраняют внешнюю форму слов, но утрачивают присущее ей «наполнение», внутреннее содержание. Вхождение слова в состав фразеологической единицы может поэтому быть обозначено как «предел» его лексико-фразеологического варьирования; элемент фразеологической единицы — это уже не вариант слова, а новая особая категория — «потенциальное» слово. «Потенциальное» слово — это определенный элемент внешней оболочки, участвующий в образовании всего комплекса в целом; но он как бы семантически «растворен» во фразеологической единице; определить долю его участия в общем значении фразеологической единицы невозможно.

Следует заметить, что собственно фразеологические единицы, т. е. сложные идиоматические эквиваленты слов, сравнительно немногочисленны и выделяются довольно определенно. Поэтому основную проблему представляют те словосочетания, которые занимают как бы промежуточное положение между свободными словосочетаниями и собственно фразеологическими единицами, т. е. те бесчисленные и разнообразные «лексические контексты», под влиянием которых воспроизводятся разные «лексико-фразеологические варианты» слов. Чтобы подойти к планомерному изучению вопроса о лексико-фразеологическом варьировании слов, необходимо, следовательно, взять за основу не специфические и изолированные, а наиболее типичные, распространенные и продуктивные словосочетания. Вместе с тем необходимо попытаться выяснить, какие типы словосочетаний наиболее существенны с точки зрения фразеологии как науки (в частности, какие типы словосочетаний представляют наибольшие трудности и наиболее серьезную проблему с точки зрения их подачи в словаре). При этом, поскольку вопрос о продуктивности и распространенности того или иного образования имеет вообще большое значение для языкознания, этот момент не только нельзя оставить в стороне, но, напротив, следует использовать в качестве основного при выборе порядка рассмотрения разных структурных типов словосочетаний.

В нижеследующем рассмотрении различных структурно-семантических типов фразеологических единиц будет принят следующий порядок: все различные случаи будут сначала разбиты на две большие группы — именные и глагольные, и уже внутри каждой из групп отдельные типы будут расположены в порядке их продуктивности. При этом определятельные словосочетания будут отнесены к именным, а обстоятельственные — к глагольным⁴.

Вполне точное и объективное определение распространенности того или другого типа словосочетания требует применения статистических методов. Однако и при отсутствии достаточного числа таких исследований можно все же судить о продуктивности и распространенности разных типов словосочетания на основании опыта лексикографической работы, в частности по данным словарной картотеки, и по имеющимся фразеологическим исследованиям языка писателей⁵. Исходя из полученных таким образом данных и произведено размещение разных структурных типов словосочетания внутри двух основных групп.

ГЛАВА II

ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

§ 1. Общая характеристика атрибутивных словосочетаний типа прилагательное + существительное

Наиболее распространенными из именных словосочетаний являются словосочетания типа *серная кислота*, *каботажное плавание* и т. п. При огромном их разнообразии среди словосочетаний этого типа достаточно определенно выделяются две основные группы или разновидности, которые можно обозначить как 1) «ограничивающие», т. е. такие, где определение ограничивает, сужает значение определяемого (сюда относится большинство составных терминов; под «термином» здесь понимаем не только специальное словосочетание, относящееся к той или другой области знания и предполагающее возможность его определения средствами обиходного языка, но и вообще всякое составное название), и 2) «описательные», т. е. такие, в которых определение не ограничивает определяемое, а сообщает о нем нечто дополнительное. Так, например, словосочетание *серная кислота* называет или обозначает такой же по существу предмет, что и отдельно взятое слово *кислота*, но возможности применения этого слова для обозначения соответствующего предмета соединением его с прилагательным *серный* сужаются, ограничиваются лишь определенной разновидностью того, что вообще обозначается как *кислота*. В отличие от *серная кислота*, например, *заплаканные глаза* или *зияющая бездна* — не разновидность глаз или бездны, не сужение или ограничение того значения, которое имеют в отдельности слова *глаза* или *бездна*, а, напротив, внесение некоторого дополнительного элемента, в результате чего в целом получается описательное обозначение предмета, сообщение о нем дополнительных

сведений, добавочная его характеристика. Разновидностью описательных словосочетаний являются образные обозначения с переносным, метафорическим употреблением слов, входящих в данное словосочетание. Например, *канцелярская крыса* — не крыса, а человек, как и *тертый калач*; *ахиллесова пята* — не пятка, а уязвимое место. Словосочетания этого последнего рода крайне немногочисленны. Они характеризуются тем, что при их употреблении говорящий вполне отчетливо сознает их переносный, метафорический характер, свойственный им элемент словесной игры, шутки. Он вполне понимает метафоричность, условность обозначения человека словами *калач*, или *крыса*, он прекрасно понимает, что громкий голос не может иметь прямого отношения ни к Иерихону, ни к трубе, но тем не менее называет его *иерихонской трубой*.

Подобные словосочетания употребляются только в определенных ситуациях общения, допускающих известную фамильярность, непринужденность. Следует заметить, однако, что степень метафоричности и стилистического своеобразия подобных словосочетаний может быть различной. Такие метафорические описательные сочетания, как *водные артерии*; *воздушные замки*; *кривое зеркало*; *пустой звук*; *опасная игра*; *старая, голая истина*; *краеугольный, подводный, пробный камень*; *последняя капля*; *заколдованный круг*; *звонкая монета*; *задняя мысль*; *заблудшая овца*; *долгая, старая песня*; *запретный плод*; *наклонная плоскость*; *здравый смысл* и другие, не являются однородными по своим стилиевым особенностям.

В связи с характеристикой атрибутивных словосочетаний типа прилагательное + существительное следует обратить внимание также на то, что для прилагательных вообще не характерна конструктивная и синтаксическая обусловленность значений (т. е. «выраженная» полисемия). У них разные степени обусловленности значения идут в основном по линии фразеологической или «невывраженной». Поэтому для этой категории слов (и, следовательно, соответствующих типов словосочетаний) речь вообще идет главным образом об анализе тех отношений, в которых данные слова находятся как таковые.

§ 2. «Ограничивающие» атрибутивные сочетания типа прилагательное + существительное

К тому, что было выше сказано об «ограничивающих» атрибутивных сочетаниях по противопоставлению «описательным», надо добавить следующее.

1) Хотя в большинстве случаев «ограничивающие» словосочетания не характеризуются семантическим расщеплением определяемого слова, т. е., например, *серная*, *уксусная*, *муравьиная* и т. п. *кислота* во всех подобных соединениях остается семантически неизменной, в них могут воспроизводиться и разные значения определяемого слова. Так, например, в таком ряду, как *труба* — *водосточная*, *дымовая*, *канализационная*; *фаллопиева*, *евстахиева*, соче-

тание с двумя последними определениями воспроизводит особое по сравнению с остальными значение «канала в организме для сообщения между органами».

2) Случаи, когда «ограничивающие» словосочетания разных прилагательных с одним существительным представляют собой весьма длинные ряды, не являются единственным типом «ограничивающего» словосочетания. «Ограничиваться» данное «двойное» (или «сдвоенное») наименование может и по отношению к отсутствию ограничения; например, *плакучая ива* все равно принадлежала бы к данной категории, даже если бы никакие другие «особые» ивы по сравнению с плакучей ивой вообще не выделялись. Поэтому к ограничительным следует отнести и такие случаи, как: *всеобщая амнистия, цирковая арена (литературная арена с переносным употреблением слова арена относится к описательным словосочетаниям), генеральная ассамблея, забытые вещи, инфекционное заболевание, неприкосновенный запас, пограничная застава, исковое заявление, половая зрелость, мертвая зыбь, навязчивая идея (передовые, политические и т. п. идеи представляют собой описательные словосочетания), судебные издержки, смертная казнь, пожарная каланча, почетный караул, адресная книга, правительственная награда, телесное наказание, злокачественная опухоль, атмосферные осадки* (Этот пример интересен и как плеонастический: то же частное значение слово *осадки* имеет и без определения), *надворные постройки, завещательное распоряжение, автоматическая ручка, запальная свеча* и др.

Ниже приводятся примеры словосочетаний, которые представляется возможным объединить как «ограничивающие». Однако следует сразу же обратить внимание;

1) на то, что «ограничение» может быть как бы двухступенным, т. е. например, хотя и можно дать как один ряд *авиация — бомбардировочная, гражданская, сельскохозяйственная, транспортная*, в действительности *сельскохозяйственная* и *транспортная авиация* — разновидности *гражданской*;

2) на то, что такие слова, как например *агентство, аппарат, изделия, прибор, принадлежности, средства* и другие, «ограничиваются» совсем не так, как например *автомобиль, антенна* или *кислота*; в случаях очень общего значения «ограничивающее» слово может оказаться семантически более «нагруженным», чем «ограничиваемое».

Думается, что приводимые ниже разнообразные сочетания являются «ограничивающими»: *авиация* — бомбардировочная, гражданская, сельскохозяйственная, транспортная; *автомобиль* — аварийный, грузовой, закрытый, легкой, санитарный; *агентство* — почтовое, телеграфное, торговое; *антенна* — дипольная, рамочная, щелевая; *аппарат* — фотографический, летательный, светосигнальный; *артель* — промысловая, рыболовецкая, сельскохозяйственная; *артиллерия* — горная, дальнобойная, зенитная, легкая, полевая, противотанковая, самоходная; *астма* — бронхиальная, сердечная; *атака* — воздушная, кавалерийская, штыковая; *война* — империалистическая, захватническая, несправедливая, справедливая, Отечественная; *деятельность* — научная, общественная, педагогическая; *доска* — аспидная (грифельная), мраморная,

мемориальная, надгробная; *забастовка* — всеобщая, итальянская, политическая, экономическая; *завивка* — горячая, холодная, шестимесечная; *завод* — авиационный, канатный, конский, лесопильный, литейный, машиностроительный, металлургический, мыловаренный, нефтеперегонный, пивоваренный, пороховой, самолетостроительный, сахарный, стекольный, фарфоровый, чугуноплавильный; *задача* — алгебраическая, арифметическая, шахматная (но *основная, очередная задача* будут описательные); *задание* — плановое, производственное; *заем* — государственный, беспроигрышный, беспроцентный, внешний, внутренний, выигрышный, золотой; *заключение* — одиночное, предварительное, пожизненное; *зал* — актовый, гимнастический, зрительный, танцевальный, читальный; *затмение* — кольцеобразное, полное, частичное, лунное, солнечное; *знак* — восклицательный, вопросительный, водяной, опознавательный, фабричный; *зуб* — глазной, вставной, молочный, коренной; *изделия* — глиняные, железные, жестяные, кустарные, фабричные; *игры* — азартные, комнатные, олимпийские, подвижные; *инстанция* — первая, промежуточная, высшая, последняя; *инструменты* — музыкальные, хирургические, точные; *интеллигенция* — трудовая, сельская, буржуазная (но сочетание *передовая интеллигенция* будет описательным); *кабель* — бронированный; телеграфный, телефонный; воздушный, подводный, подземный; *капитал* — акционерный, банковый, промышленный, товарный, торговый, финансовый; мертвый, оборотный; основной, переменный, постоянный; *капуста* — кочанная, цветная, брюссельская, квашеная, кислая, свежая; *кислота* — азотная, аскорбиновая, карболовая, серная и пр.; *классы* — антагонистические, имущие, эксплуататорские, эксплуатируемые; *книжка* — записная, орденская, сберегательная, членская; *комиссия* — аттестационная, избирательная, экспертная; отборочная, приемная; *лента* — изоляционная, кинематографическая, пулеметная; *магазин* — антикварный, аптекарский, игрушечный; *минимум* — агрономический, кандидатский, технический; *напитки* — безалкогольные, прохладительные, спиртные; *печь* — антрацитовая, голландская, доменная, калильная, русская; *принадок* — истерический, нервный, сердечный; *список* — инвентарный, послужной, трудовой; *стаж* — кандидатский, испытательный, трудовой; *указатель* — алфавитный, предметный, железнодорожный; *церковь* — англиканская, католическая, православная и многие другие.

§ 3. «Описательные» словосочетания типа прилагательное + существительное

Как уже было сказано выше, «описательные» словосочетания типа прилагательное + существительное отличаются от «ограничивающих» тем, что они как бы дополняют значение существительного, вносят в него некоторый дополнительный элемент. Думается, что при неизбежной их неоднородности нижеследующие словосочетания можно объединить, как примеры именно этой разновидности атрибутивных словосочетаний.

*Непререкаемый авторитет; голое администрирование; бурные аплодисменты; веский аргумент; международная арена; накаленная атмосфера; зияющая бездна; игристое вино; заклятый враг; заплаканные глаза; надутые губы; антирабочее законодательство; легкая закуска; путевые заметки; легкий заработок; напрасная затрата; денежные затруднения; затаенная злоба; важное значение; народный избранник; краткое изложение; творческая инициатива; научное исследование; забавная история; империалистический лагерь; искаженное лицо; издерганные нервы (в отличие от *глазной нерв* и т. п., которые являются «ограничивающими»); исчерпывающее объяснение;*

застольная песня (в отличие от *песни* (множ.) — *массовые, народные, плясовые, хоровые*, где «ограничивающие» словосочетания); *абсолютное повиновение; изменчивая погода; актуальная проблема; авангардная роль; загорелые руки; исключительный случай; звонкий смех; наваристый суп; заезжая труппа* и т. п.

«Описательные» словосочетания могут тоже давать ряды, например: *испытующий, ищущий взгляд; каверзный, кардинальный, наболевший, наводящий вопрос; зычный, надтреснутый голос; основная, очередная задача; гениальная, господствующая, счастливая идея; громкая, мировая, широкая известность; будничные, широкие, узкопрактические интересы; надлежащие, необходимые, решительные меры; классовый, правильный, казенный подход; зависимое, затруднительное положение; избитая, закругленная фраза* и др.

В заключение раздела, посвященного рассмотрению словосочетаний типа прилагательное + существительное, необходимо обратить внимание еще на следующие моменты.

Рассматриваемый структурный тип словосочетаний (как, впрочем, и все другие) должен фразеологически исследоваться с точки зрения обоих составляющих его компонентов. Иными словами, важно не только выявить те фразеологические закономерности, которые дает рассмотрение его с точки зрения его способности функционировать в качестве названия или так называемого «двоянного наименования» (и вообще того, каким образом прилагательные-определения в таких сочетаниях модифицируют значения существительных), но также и с точки зрения прилагательных, т. е. с точки зрения того, каким образом сочетание с теми или другими существительными изменяет (т. е. «раскрывает», «воспроизводит») разные значения соответствующих, прилагательных. Иными словами, необходимо исследовать, с какими существительными и как сочетаются те или другие прилагательные. Для этого необходимо установить такие ряды, как *автомобильный* — гудок, завод, промышленность, спорт, транспорт, шина; *английский* — язык, болезнь, соль, булавка; *апельсиновый* — дерево, цвет, плантация; *атомный* — бомба, энергия, взрыв, дипломатия; *заготовительный* — аппарат, пункт, цена; *заградительный* — аэростат, огонь, отряд; *задний* — колесо, крыльцо, мысль, ноги, план, ход; *задушевный* — голос, друг, разговор; *заклочительный* — аккорд, заседание, слово, сцена; *закрытый* — заседание, спектакль, учебное заведение, платье; *закулисные* — переговоры, сделка, сторона; *заочный* — курсы, обучение, приговор; *запасный* — выход, батальон, части, якорь; *звуковой* — волна, кино, метод, сигнал, фильм; *злой* — воля, умысел, язык; *зубной* — врач, паста, протез, согласный, техник; *избирательный* — список, система, ценз, округ, участок, бюллетень, право, урна; *именной* — акция, кольцо, список, чек; *искусственный* — жемчуг, цветы, шелк, орошение, питание, каучук; *испытательный* — комиссия, полет, пробег, стаж, станция; *истиц-*

ный — правда, смысл, происшествие, горизонт, солнечное время; *каменноугольный* — бассейн, копи, пласт, промышленность; *карманный* — вор, деньги, кража, словарь, часы; *капиталистический* — мир, общество, система, страны; *крутой* — подъем, спуск, нрав, яйцо; *наглядный* — обучение, пособие, пример, урок; *накладной* — волосы, расходы, серебро и т. п.

Лексико-фразеологическое исследование прилагательных современного русского языка составляет предмет специальных работ.⁶ Здесь же можно ограничиться лишь следующими замечаниями.

1. Важно различать качественные и описательные прилагательные и собственно качественные прилагательные и окачественные причастия. От этих структурно-семантических свойств разных групп прилагательных будут зависеть (во всяком случае с ними будут связаны) особенности их лексико-фразеологического поведения. Иными словами, особенности лексико-фразеологического поведения прилагательных будут связаны с тем, характеризуется ли данный предмет по отношению к другому предмету (например, *автомобильный, апельсиновый, пушечный* и т. п.) по его качеству, признаку (например, *злой, крутой* и т. п.) или же как связанный с действием (например, *избирательный, накладной* и т. п.). Для изучения фразеологии очень важно знать, насколько в сочетаниях раскрывается внутренняя структура входящих в них слов.

2. Как можно видеть уже из приведенных примеров, лексико-фразеологическое поведение прилагательных в словосочетаниях рассматриваемого типа оказывается гораздо более сложным, чем существительных. В самом деле, например, существительное *мясо* может быть «ограничено» в своих номинативных соотношениях такими прилагательными, как *мороженое, свежее, аргентинское, жирное* и т. п., не претерпевая никаких семантических изменений. Далее, может быть образовано метафорическое словосочетание *пушечное мясо*, которое легко станет на свое место как в теоретическом описании семантической структуры слова *мясо*, так и в словарной статье. Определение же соотношения между такими словосочетаниями, как *пушечное ядро, пушечный залп, пушечное мясо*, представит гораздо большие трудности, так как потребует анализа сложных и тонких модификаций воспроизводящихся таким образом лексико-фразеологических вариантов прилагательного *пушечный*.

3. Прилагательные, входящие в словосочетания рассматриваемого типа, имеют гораздо более определенную, чем существительные, тенденцию выступать в качестве потенциальных слов, например; *закадычный друг, плакучая ива, плавленый сыр, становой пристав* и т. п. Особенно это распространено в случаях определения от собственных имен типа *антонов, евстахиев, фаллопиев* и т. п.,

§ 4. Атрибутивные словосочетания типа «аттестат зрелости»

Второе место по продуктивности среди именных словосочетаний как будто бы занимает тип, который можно условно обозначить фразой *аттестат зрелости (зуб мудрости, рог изобилия, звезда первой величины и т. п.)*.

Среди словосочетаний этого структурного типа выделяются такие, в которых второе (определяющее) существительное является отглагольным, т. е. именем действия или именем действителя. Например: *анархия (издержки, индекс) производства; арена деятельности; артиллерия конной (механической) тяги; аэростат заграждения; бомба замедленного действия; зал заседаний (ожидания); засечка направления; зона военных действий; изнашивание оборудования; инстинкт самосохранения; искатель приключений; камера хранения; карета скорой помощи; лампочка накаливания; место назначения; проверка исполнения; род (часы) занятий; кабина летчика; коллектив защитников; молоток аукционщика; наказ избирателей и др.*

Однако число словосочетаний этой подгруппы, т. е. таких, в которых второй элемент относился бы к определенной лексической категории, выделяющейся своими структурно-семантическими свойствами, сравнительно невелико. В большинстве это сочетания с самыми разнообразными словами, не поддающимися структурно-семантическому объединению. Таковы, например, *авария судна, анализ крови, апогей славы, артист драмы, ателье мод, воспаление надкостницы, доля истины, заворот кишок, закись железа, азота и пр., закупорка вены, залог дружбы (успеха), запас слов, засечка времени, захват власти, заход солнца, защита диссертации, звание героя (заслуженного артиста, инженера и пр.), зерно истины, злоба дня, знаки зодиака, знамение времени, избыток чувств, игра природы (слов), избранник судьбы, извлечение корня, измерение углов, изнанка жизни, инвалид труда, индекс цен, инженер путей сообщения, ирония судьбы, искривление позвоночника, исправление текста, исследование Арктики, источник сырья (тока), истощение почвы (средств), исход дела, кавалер ордена, капот мотора, корень зла, набор слов, наводка моста, нагул скота, наем рабочей силы, наконечник стрелы, обман зрения, опись имущества, орган зрения, орден Красной Звезды, самка кабана, точка зрения и пр.*

Как варианты этого типа выделяются немногочисленные словосочетания: 1) с определяющим словом во множественном числе: *академия наук (художеств); анатомия растений, измерение углов, кандидат наук, подбор кадров, свод законов и т. п.*; 2) с определяющим словом в творительном падеже: *заведующий канцелярией (магазином, снабжением, учебной частью, школой); заправка горючим; спекуляция акциями и т. п.* Однако поскольку в этой последней подгруппе в качестве первого члена всегда выступает имя действия или имя действителя, здесь возникает известное качественное своеобразие по сравнению с собственно определительными сло-

сочетаниями. Эти словосочетания могут быть выделены как «дополнительные» и сопоставлены с рассматриваемыми ниже глагольными словосочетаниями типа *потерпеть аварию: заведовать магазином — заведующий магазином; заправлять горючим — заправка горючим* и т. п. То же относится к таким словосочетаниям, как *засечка времени, захват власти, защита диссертации, извлечение корня, измерение углов, исправление текста, исследование Арктики, истощение почвы, наводка моста, наем рабочей силы, опись имущества* и т. п.

В основном же исследование атрибутивных словосочетаний типа *аттестат зрелости* должно идти в том же направлении, которое было намечено в связи с рассмотрением словосочетаний типа *серная кислота*. Так же, как и там, здесь можно выделить «ограничивающие», например *окись (железа азота, меди)* и т. п., и «описывающие», например *залог дружбы, успеха*, с «образными» как их разновидностью — *зерно истины, душа общества*.

Как и для сочтаний типа *серная кислота*, анализ необходимо проводить и по определяющему, и по определяемому члену. Анализ по определяемому члену выявит интересные структурно-семантические типы, такие, как *наем рабочей силы, нарушение авторского права, опись имущества* и т. п., где определяемый член выступит как «субстантивированный» по отношению к глагольным словосочетаниям типа *потерпеть аварию*, о чем выше уже шла речь ⁷.

§ 5. Атрибутивные словосочетания типа «акция на предъявителя»

По имеющимся далеко не полным данным, о которых было сказано выше, этот тип словосочетания отнесен на последнее место среди именных словосочетаний. Следует заметить, что если он и оказывается как будто в целом менее продуктивным, чем первые два, это отнюдь не значит, что объединяемые данным структурным типом случаи просты или однородны по их лексико-фразеологическому содержанию. Напротив, как показывают специальные исследования, в лексико-фразеологическом отношении этот тип является наиболее сложным. Поэтому в рамках настоящей работы можно лишь привести несколько примеров: *актер на выходных, маленьких ролях; ассигнования на культурные нужды; врач по кожным болезням; забота о человеке, о будущем, о детях; заключение под стражу; заметки на полях; заряджение с дула, с казенной части; казнь на электрическом стуле; калиф на час; кандидат в депутаты; капля в море; карман для часов; надпись на камне; хлеб с закалом; человек с именем* и т. п. Словосочетания этого типа могут исследоваться в основном так же, как и разбиравшиеся выше более распространенные именные словосочетания. Особый предмет, не рассматривавшийся, естественно, в связи с типами *серная кислота* и *аттестат зрелости*, составит только изучение входящих в их состав предлогов.

Среди определительных словосочетаний исследованный материал позволяет выделить следующие типы: 1) а) *заросший ивняком; изнуренный голодом, лихорадкой, холодом; изъеденный молью, мышами; нарисованный карандашами*; б) *одетый с иголки, освобожденный от платы, закаленный в боях* и т. п. 2) *хорошо задуманный, так называемый, заживо погребенный, искренне преданный, вечно изменяющийся* и др. 3) *исполняющий обязанности, подлежащий обложению, не поддающийся анализу* и проч. 4) *местного значения, старого закала* и т. д. 5) *бдителен как Аргус, здоров как бык* и т. п.

ГЛАВА III

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

§ 1. Общая характеристика глагольных словосочетаний

Наиболее многочисленными из глагольных словосочетаний являются сочетания глагола с прямым дополнением, типа *потерпеть аварию, возбуждать жалость* и т. п. Прежде чем обратиться к рассмотрению материала, необходимо сделать несколько общих замечаний по существу этой части работы.

Принятое здесь основное деление на именные и глагольные словосочетания обусловливается не только формальными признаками тех и других, но и принципиальным различием в семантическом строении этих двух основных групп словосочетаний. Если для именных словосочетаний основным типом семантического отношения является определение, которое проходит с соответствующими видоизменениями через всю эту большую и разнообразную группу, то для глагольных словосочетаний наиболее общим будет отношение дополнения. Это наиболее общее отношение сильно видоизменяется в случае предложного дополнения, т. е. в словосочетаниях типа *войти в историю, бить по карману, дать на заключение* и т. п. К нему примыкают словосочетания глагол + обстоятельство и далее уже собственно обстоятельственные словосочетания.

В наиболее распространенном из глагольных сочетаний — глагол с прямым дополнением (он рассматривается первым в соответствии с общим планом, согласно которому в пределах каждой из двух основных групп — именные и глагольные словосочетания — их разновидности и подгруппы рассматриваются в порядке их продуктивности), семантическое отношение выступает как «направленность действия, обозначенного глаголом, на предмет, обозначенный существительным». Такая наиболее общая характеристика семантического отношения в данном виде словосочетания включает разнообразные словосочетания типа глагол + дополнение (подобно тому, как характеристика общего семантического отношения в именных словосочетаниях как «определяющего» включает все словосочетания существительные + определения и является необходимым элементом их синтаксического рассмотрения, а не только фразеоло-

гического). Как можно было видеть выше (стр. 172), при рассмотрении именных словосочетаний из основного определительного отношения были далее выделены его оттенки и разновидности. Ясно, что и здесь необходимо дальнейшее разграничение в пределах общего «дополнительного» значения. Однако, в отличие от именных словосочетаний, многообразие конкретных разновидностей «направления действия на объект» настолько велико, что ограничение здесь будет идти по другой линии, чем в именных словосочетаниях. Основной задачей здесь, по-видимому, будет являться выявление степени лексического ослабления глаголов и определение большего удельного веса существительного в семантике целого. ⁸

Высказанное положение нуждается в пояснении. Дело в том, что в идеальном, «свободном» дополнительном сочетании данного типа, например *видеть Ваню*, каждый из членов выполняет не только вполне определенную синтаксическую функцию, но и имеет вполне определенное, «свободное», «независимое», «свое» лексическое значение, связываемое или ограничиваемое значением другого только в той мере, в какой это вообще свойственно данному типу синтаксических отношений. Если же взять не такой идеальный случай, а коснуться бесконечного многообразия реальных сочетаний, так или иначе уже «принятых» языком, «устоявшихся» в нем с той или иной степенью «целостности» и «готовности», то возникает необходимость исследования тех сложных отношений, которые складываются в этих случаях между собственно синтаксическим и фразеологическим аспектами словосочетания. Дело в том, что хотя структурно-синтаксическим центром таких словосочетаний все равно остается глагол, как управляющее слово, как центр этого глагольного словосочетания, его семантический центр может либо совместиться с центром структурно-семантическим, либо сместиться и перейти на имя. Это явление особенно наглядно проявляется в словосочетаниях с наиболее простыми, употребительными и многозначными глаголами, такими, как *брать, давать, нести* и пр., например: *брать на учет, брать начало; дать согласие, трещину, приказ, свет* и т. п.

§ 2. Глагольные словосочетания типа «потерпеть аварию»

Поскольку наиболее «общее» значение и потому наибольшую способность к участию в составе данного типа сочетаний имеют простые глаголы, изложение материала начинается именно с них, чтобы затем постепенно перейти ко все более определенно морфологизирующимся сложным глаголам (в основном это приставочные глаголы) и посмотреть, как действует на их лексико-фразеологические возможности усложнение их морфологической структуры.

В качестве примеров словосочетаний с простыми глаголами можно привести следующие: *вести интриги, игру; давать аудиенцию, нагоняй, зарок, залп; делать абзац, заметки, анализ, заем,*

завешание, инъекцию; *знать* цену, меру; *играть* комедию, роль, первую скрипку; *иметь* право, значение, место, применение, мужество, счастье; *искать* места, случая, спасения; *испытывать* радость, удовольствие, действие; *класть* печи; *начать* кампанию, постройку; *нести* наказание, потери, караул; *питать* доверие, надежды, ненависть; *положить* силы, конец; *снимать* кандидатуру, нагар, арест; *ставить* печать, подпись и т. п.

Эти словосочетания иллюстрируют сказанное выше о смещении смыслового центра по сравнению со структурным; основное содержание, «вещественная» семантика словосочетания выражается существительным, тогда как глагол семантически «ослабевает», выступает главным образом как структурный элемент или «оформитель» данного семантического целого.

К словосочетаниям с простыми глаголами морфологически примыкают сочетания с «опрошенными» глаголами. Эту разновидность рассматриваемого словосочетания можно иллюстрировать следующими примерами, которые представляется целесообразным разбить на подгруппы а) и б);

а) опрошенные глаголы: *забыть* обиду; *затеять* драку, игру; *защищать* интересы, диссертацию; *изошрять* слух, ум; *искажать* правду, слова; *использовать* положение, все средства; *истощать* копы, почву, ресурсы, терпение и т. п.

б) глаголы, стоящие на пути к «опрошению», т. е. такие, в которых корневая часть не выделяется как таковая, а лишь по возможному соединению с разными приставками; это так называемое «индуцированное» значение, или значение, выделяемое только по одному ряду; например: *возбуждать* жалость; *выдвигать* кандидата; *выполнить* задание; *выставить* кандидатуру; *добиться* истины; *доставить* известность; *завоевать* доверие, положение, свободу; *завязать* знакомство, отношения, разговор; *задевать* кого-либо, самолюбие; *задирать* голову, нос; *заключать* брак, договор, мир, пари, сделку, союз; *закрывать* границу, заседание, предприятие, прения, собрание, трубу; *закусить* зубы, удила, язык; *замыкать* шествие, колонну; *занимать* квартиру, город, положение, первое, чье-либо место; *заполнить* анкету, пробел; *засечь* время, направление; *заткнуть* бутылку, уши; *избежать* смерти, наказания; *изведать* горе, счастье; *испустить* дух, запах, крик; *исследовать* кровь, вопрос; *исторгнуть* обещание, крик, слезы; *набавлять* цену, 100 р.; *навлекать* подозрение; *назначить* пенсию, день, цену; *наложить* арест, повязку, швы, печать, штраф, запрет; *открыть* заседание, кавычки; *подвергнуть* испытаниям; *получить* аудиенцию, нагоняй; *поставить* задачу, западню; *представлять* интересы; *предъявить* иск; *причинять* зло; *проводить* кампанию; *произвести* набег; *раскрыть* заговор; *составить* акт; *установить* алиби; *устроить* кавардак, заговор и т. п.

Словосочетания с приставочными глаголами представляется целесообразным разделить на несколько подгрупп следующим образом:

• а) случаи, когда приставка, вообще говоря, выделяется, но в данных словосочетаниях она как бы «семантически поглощена» в силу того, что в рамках данного сочетания соответствующий бесприставочный глагол приставочному не противопоставляется. Например, можно *вносить изменения, забивать гол, завешивать окна, заводить семью и мотор, загладить вино* и т. п., но нельзя «носить» изменения, «бить» гол, «вешать» окна, «водить» семью и мотор, «гладить» вино и т. п.

Думается, что к этой же подгруппе относятся следующие примеры: заговаривать зубы; загрести барыши, деньги, жар; задать загадку, вопрос, страху; задержать дыхание, наступление, противника, уплату; заездить лошадь, - зажать нос, рот, критику; закатить глаза, сцену, истерику, пощечину; закинуть удочку, ногу на ногу, голову, словечко; заклеить окно, конверт, шели; заливать пожар, галоши; зализывать волосы; замедлить темп, ход, шаги; замести следы; извлечь корень, доход, урок, пользу; издать постановление; изливать душу; исчерпать время, доводы; набить карман, трубку, погреб, руку, оскомину, цену; навевать грусть, тоску, прохладу; навести лоск, глянec, красоту, мост, порядок, скуку, справки, страх; навести уши, лыжи; навязать мнение, вкусы; нагулять жиру, румянец; аппетит; нагонять сон, страх, тоску; наделать беды, хлопот; надписать конверт, книгу; надорвать душу, голос, силы; нажать врагов, неприятности; подать идею, апелляцию, заявление; подвести итоги; провести аналогию; разводить канитель и др.

б) В отличие от приведенных под а) в нижеследующих случаях приставка отчетливо выделяется как формально, так и семантически, т. е. и в пределах данного сочетания приставочный глагол соотносим с бесприставочным. Например, можно не только *заводить*, но и «водить» *знакомство*; можно *крутить усы, мочить лен, путать дело* и т. п. Примеры: *заводить* знакомство; *задать* урок, задачу, корм, т. п. *Примеры: заводить* руки, усы; *замачивать* белье, лен, солод; *запутать* дело, следы; *заслушать* отчет; *заснять* фильм; *затопить* корабль; *затронуть* больное место, интересы, самолюбие; *наделать* глупостей, ошибок; *надрать* уши, *потерпеть* аварию, поражение, крушение; *приподнять* завесу и т.п.

В сделанных структурно-семантических разграничениях не нашли места такие заимствованные глаголы, как *активизировать, зондировать* и т. п. Поскольку такие глаголы вообще мало употребительны, у них, естественно, очень узкая и ограниченная сочетаемость, т. е. число и разнообразие реальных словосочетаний, в которых они естественно воспроизводятся, очень невелики. Однако это не значит, что сочетания с подобными глаголами являются идиоматичными. Здесь речь идет не о «семантической изолированности» словосочетания, не о преобразовании его в фразеологическую единицу. *Зондировать* в обычном, т. е. не специально медицинском употреблении, по-видимому, реально воспроизводится с какой-либо степенью закономерности только в сочетании *зондировать почву*, а вне этого сочетания фактически не существует. Поэтому в отношении этих глаголов возникает в общем та же проблема, что

и в отношении таких глаголов, как *взять, изведать, изъять, замолвить* и т. п. Естественные словосочетания с глаголами такого рода можно сразу же перечислить: *взять штраф, пеню; изведать счастье, горе; изъять согласие; замолвить словечко* и т. п. Сужение способности к сочетанию становится предельным для «потенциальных» глаголов. Например, глагол *казать* теперь существует только в сочетании *не казать глаз*.

Вопрос о потенциальных словах разбирался уже на материале именных словосочетаний. Думается, что будет нелишним несколько задержаться на нем и в связи с рассмотрением глагольных словосочетаний. Как уже указывалось выше, «пределом» лексико-фразеологического варьирования слова является фразеологическая единица или сложный «комплексный» эквивалент слова. Но преобразование словосочетания во фразеологическую единицу сопровождается внутренним преобразованием и составляющих его слов; идиоматическое значение фразеологической единицы может вызывать, «индуцировать» в них новое значение, отличное от того, какое они имеют вообще, т. е. как таковые, вне этой фразеологической единицы. Например, *наострить*, вообще говоря, значит «сделать острым»; однако это общее значение стало просторечным, и в литературном языке оно фактически больше не существует. Распространенными в литературном языке являются только сочетания *наострить уши* и *наострить лыжи*. На основе этих сочетаний *наострить* потенциально имеет значение «насторожить», «приготовить к быстрому действию» и т. п. Потенциальное же значение всегда способно сделаться актуальным, реализоваться. При этом, как и во всех других вопросах словоупотребления, следует различать явления индивидуально-стилистические и общезыковые. Для разграничения этих двух категорий явлений, как уже указывалось выше, к первым применяется термин «деформация идиомов».

При рассмотрении именных словосочетаний уже обращалось внимание на необходимость исследования лексико-фразеологических и структурно-семантических особенностей всех компонентов словосочетаний. Рассмотрение глагольных словосочетаний с точки зрения входящих в них существительных дает следующие категории случаев. Очень ясно выделяются иностранные слова типа *абзац, авария, акциз, анализ, алиби, аналогия, анкета, антипатия, антраша, аудиенция, инициатива, интервью, интриги, кампания, кандидатура, пари, патент, ресурсы, темпы, цитаты* и т. п. «Подобрать» глаголы к таким существительным в конструкции глагол + прямое дополнение можно без колебаний, и практически однозначно: *составить акт, выкидывать антраша, дать аудиенцию, чувствовать, испытывать антипатию; заполнять анкету, проводить аналогию* и т. п.

Довольно отчетливо выделяются, далее, имена действия и отвлеченные отадеквативные имена, т. е. такие, как: а) *доверие, дыхание, завещание, заседание, заявление, испытание, наказание, направление, обещание, отношение, подозрение, поручение, спасение,*

собрание, согласие, терпение, шестствие и др.; б) дело, доводы, доход, драка, заем, заговор, задача, запрет, затраты, игра, иск, набег, нагар, нагоняй, обида, отчет, ошибка, приказ, пробел, работа, разговор, сделка, справка, ссора, счет, уплата, успехи, хлопоты, ход, шуми т. п.; в) глупость, знакомство, известность, обязанность, польза, самолюбие, скорость и т. п. (слов этой категории гораздо меньше). Однако основную массу составляют разные существительные, не поддающиеся подразделению на те или другие лексические категории. Исследовать их можно только «индивидуально»-лексически, выделяя, например, слова, обозначающие части тела, отрезки времени, душевные состояния и т. п. Хотя классификации этого рода и связаны с большими трудностями, они вновь и вновь предпринимаются с разных позиций⁹, что следует всячески приветствовать, так как без планомерного и систематического исследования всего словарного состава языка не может быть выполнено и полное исследование той сложной и обширной области, которая обозначается здесь как область «лексико-фразеологического варьирования слов».

§ 3. Глагольные словосочетания типа «войти в историю»

Следующие по продуктивности глагольные словосочетания, условно обозначенные фразой «войти в историю», классифицируются в общем так же, как словосочетания типа «потерпеть аварию», т. е.: 1) с простыми глаголами; 2) с опрошенными (или «стремящимися к опрощению»); 3) с приставочными глаголами, подразделяющимися далее на глаголы а) с формально выделяющимися приставками и б) приставками, выделяющимися как формально, так и семантически (ср. выше, стр. 183).

1. Сочетания с «простыми» глаголами:

бить по карману, в набат; *быть* в заблуждении, на иждивении, в загоне; *взять* под арест; *войти* в историю, в азарт; *говорить* с апломбом; *дать* на заключение; *ехать* на автомобиле, на извозчике и т. п.; *зайти* в тыл, с фланга; *играть* в карты, в шахматы, в кости, на рояле, в теннис, на деньги; *идти* ко дну, к цели, на авось; *казнить* на электрическом стуле; *мерить* на свой аршин; *начать* с азав; *петь* под аккомпанемент; *пить* за здоровье; *прийти* к заключению; *сдать* в аренду, в архив; *ставить* (себе) в заслугу; *умереть* без завещания; *ходить* по канату и т. д.

2. Сочетания с глаголами, «стремящимися» к опрощению:

заклечь в объятия, в тюрьму, в скобки, под стражу; *запереть* на замок; *избавить* от смерти, хлопот; *изложить* на бумаге; *изъять* из употребления; *объявить* вне закона; *оставить* в залог; *приступить* к исполнению и др.

3. а) Сочетания с глаголами, в которых приставки формально выделяются, однако употребление соответствующего бесприставочного глагола в данном сочетании семантически невозможно:

вести (*вывести*) в (из) заблуждение(я); *доставить* по адресу; *заводить* в тупик; *завязнуть* в долгах; *задевать* за живое; *зажмать* в руке; *заковать* в броню, латы, кандалы; *заманить* в засаду, западню; *занести* в протокол; *запечатлеть* в памяти; *засесть* в засаде; *застыть* от удивления; *заткнуть* за пояс; *зачислить* в армию, в штат, на службу; *изгладить* из памяти; *наводить* на мысль, на след; *освободить* от ига; *попасть* в западню; *привести* в исполнение, в замешательство; *приговорить* к смертной казни и др.

б) Приставки выделяются и формально и семантически, т. е. возможно соответствующее словосочетание и с бесприставочным глаголом:

вышивать по канве; *завязнуть* в грязи; *залезть* на дерево, в карман; *засадить* в тюрьму, за работу; *записать* в актив; *наврать* в вычислениях; *отдавать* в залог; *передать* на заключение; *поставить* в известность; *складывать* в амбар и пр.

В этом типе словосочетаний (т. е. глагол + предлог + существительное) много случаев с глаголами на *-ся*. Эти глаголы на *-ся* тоже не однородны по морфологическому строению основы, однако вследствие их сравнительной немногочисленности они приводятся ниже без разделения по морфологическому признаку:

биться об заклад, до последней капли крови; *бороться* за идею; *броситься* в атаку; *вломиться* в амбицию; *забиваться* в угол; *задышаться* от жары, гнева; *записаться* к врачу, в библиотеку; *запутаться* в долгах; *изодраться* в остроумии; *захлебываться* от счастья; *лопаться* от зависти; *набиваться* на знакомство; *навалиться* на весла; *навязаться* в гости; *находиться* под арестом; *пуститься* в авантюры, аферы и т. п.

Существительные в этой подгруппе классифицируются в основном так же, как и в предыдущей.

§ 4. обстоятельственные словосочетания

К словосочетаниям типа *войти в историю* примыкают формально совпадающие с ними обстоятельственные словосочетания, причем разграничение глагольных и обстоятельственных словосочетаний в этом типе не всегда оказывается вполне четким.

Хотя здесь нет возможности детального рассмотрения этого сложного вопроса, представляется небесполезным выделить следующие случаи: 1) изнемогать от жары, под тяжестью; идти в сравнение; работать до изнеможения и т. д.; идти как по маслу; сидеть как на иголках и т. д.; 2) выйти замуж; забегать вперед; смотреть исподлобья; наедаться досыта; застигнуть врасплох; калить докрасна; переписать набело; ранить навывлет; покупать навыврез; заделывать наглухо; идти вразброд; разбить наголову; стричь наголо; быть наготове; делать назло; держаться навесу; смеяться исподтишка; лежать навзничь; знать наизусть и т. п.; 3) смотреть зверем; платить, получить авансом; выпить залпом; стоять (сидеть) идиолом; грузить навалом; взять измором; писать каракулями; падать камнем; истекать кровью и т. п.

Согласно принятому у нас определению, словосочетания — это соединения двух или более **п о л н о з н а ч н ы х** слов. Поэтому соединения предлогов с существительными, функционирующие в качестве обстоятельств, к словосочетаниям в собственном смысле не относятся. Однако, поскольку данная работа ставит себе целью **с п л о ш н о е** описание материала, выявление наиболее типичного и массового, здесь нельзя не упомянуть о таких «фразеологизмах», как без задержки, без задних ног, без зазрения совести, без изыятия; в административном порядке, в азарте, в виде исключения, в завершение, в зависимости (от), в закладе, в закрытом помещении, в зародыше, в избытке, в известной степени, в изыятие из правил, во имя, в индивидуальном порядке, в интересах, в исправности, в итоге, в кавычках, в надлежащем порядке, в срок, в поле зрения; до капли, до последнего издыхания; за исключением, за ненахождением адресата; между небом и землей; на авось, на арапа, на вес золота, на задних лапках, на законном основании, на закуску, на здоровье, на излете, на излечении, на имя, на истощение, на исходе, на каждом шагу, на казенный счет, на карачках; от альфы до омеги, от зари до зари, от избытка чувств, от имени; по адресу, по алфавиту, по аналогии, по заслугам, по инициативе, по интуиции, не по карману, по наитию; под замком, из-под палки, под углом зрения; **при** закрытых дверях, при последнем издыхании; с закрытыми

глазами, с затаенным дыханием, с иголкой, с издевкой, с изьяном, с изюминкой, с интересом, с надрывом, с открытым забралом с шапкой набекрень и др.

На современном уровне развития фразеологии как науки в рамках настоящей работы трудно сделать большее и приходится ограничиться перечислением основных случаев и попыткой наметить пути дальнейшего исследования. Следует, однако, заметить, что, несмотря на предварительный характер этой части исследования, его результаты уже использовались автором в лексикографической практике.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ I, II, III ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ

¹ См. В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, № 5. Поэтому никак нельзя согласиться с распространенной до сих пор точкой зрения, что слова вообще немемылимы вне контекста, имеют значение только в соединении с другими словами и т. п. (ср., например, Сагагес, Introduccion a la lexikografia moderna, § 21, стр. 52).

² В основном это проблемы классификации фразеологических единиц, причем в настоящее время большое распространение получили принципы классификации, намеченные акад. В. В. Виноградовым в его широко известных работах «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» («Академик А. А. Шахматов, 1864—1920», Сборник статей и материалов. Под ред. акад. С. П. Обнорского, вып. 3, АН СССР, М. — Л., 1947, стр. 340—364); «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» («Труды юбилейной научной сессии ЛГУ, 1819—1944», 1946); «Русский язык (грамматическое учение о слове)» (М. — Л., 1947, стр. 21—28) и др. Классификация акад. В. В. Виноградова легла в основу многочисленных диссертаций, посвященных изучению фразеологических единиц разных языков как вообще, так и на материале отдельных авторов и произведений; см., например: З. Н. Анисимова, Фразеологические сочетания типа прилагательное плюс существительное в современном английском языке, М., 1952; В. П. Вомперский и Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 80-х годов, М., 1954; А. И. Ефимов, Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 40-х и 60-х годов, М., 1950; А. А. Санкин, Конструкция «прилагательное плюс существительное» в английской технической литературе, М., 1952, и многие другие. На ее основе разрабатываются соответствующие вопросы и за рубежом. Так, например, О. Манн (O. Mann, Ustalena spojeni a frazeologické jednotky, jejich podstata a hranice, Lexikografický sborník, Bratislava, 1953), основываясь на классификации В. В. Виноградова, предлагает следующую ее модификацию. На основе таких критериев, как определенность, потенциальная самостоятельность членов, способность соединяться с другими словами, и возможностей синонимической замены он делит фразеологические единицы на: 1) идиомы, 2) образные словосочетания, 3) терминологические словосочетания или сложные термины и 4) соединения слов (slovné spojení). Идиомы (соответствующие «сращениям» по терминологии В. В. Виноградова) «абсолютно неделимы и неразложимы» и в свою очередь делятся на подгруппы: а) содержащие в своем составе слова, не встречающиеся вне данного идиома (*вверх тормашками, точить ласы*); б) содержащие в своем составе формы, не употребляющиеся вне данного словосочетания (*ни сень пороха, снустья рукава*); в) отражающие устаревшие синтаксические связи (*куда ни шло, как ни в чем не бывало*); г) лексически изолированные (*адамово яблоко, в ус не дует, остаться на бабах*). Образные словосочетания (соответствующие «фразеологическим единствам») основаны на метафорическом использовании словосочетания (*подливать масла в огонь, послед-*

ня спица в колеснице, водить за нос); сюда же /Чан относит «фразы-клише» (вооруженный до зубов, остановить колесо истории, разжечь пожар новой войны); для образных словосочетаний характерно наличие параллельных им метафорических словосочетаний, иными словами, тех исходных словосочетаний, привычное метафорическое использование которых породило данное образное (намыливать голову, истекать кровью). «Соединения слов» (slovné spojení) Мана (соответствуют «фразеологическим сочетаниям», по терминологии В. В. Виноградова) — «наиболее свободный тип, допускающий замены и вариации (страх, тоска, зависть берет, но радость также охватывает и т. п.)».

Особенно большое внимание и детальную разработку находим в отношении той разновидности «фразеологических единств», которые носят характер «сложных наименований», как терминологических, так и относящихся к общему языку. Этими сочетаниями, удачно называемыми «сдвоенными наименованиями», специально занимается В. Лапарова в статье «Устойчивые словосочетания и фразеологические единицы, их природа и границы» (Лексикографический сборник, Братислава, 1953), Лапарова, также как Дорошевский (W. Doroszewski, Z zagadnień leksykografii polskiej, Warszawa, 1954) и V. Budovičova («Z teorii a praxe jednojazyčného slovníka», Slov. rec., R. XIX, с. 3—4, 1, 1954), подчеркивает значение «сдвоенных наименований» для пополнения словарного состава языка, удовлетворения меняющихся потребностей общения. Статью Лапаровой и Будовичовой, так же как и статьи М. Мукала «О проблемах русско-чешских терминологических словарей» (Лексикографический сборник, Братислава, 1953) содержат, кроме лингвистического анализа словосочетаний, много полезных соображений о способах разграничения свободных и устойчивых словосочетаний, отбора и размещения их в словаре, а также некоторые еще более специальные вопросы, связанные с подачей такого рода материала в двуязычных словарях.

Очень большое место вопросам фразеологии, в частности классификации типов фразеологических единиц, уделено в неоднократно цитировавшейся книге Касареса. Этот раздел книги Касареса подробно изложен в рецензии Г. В. Степанова в ВЯ, 1953, № 3, стр. 152 и след.

Особый интерес представляет, открывая новый аспект в изучении этого вопроса, разработка вопросов словосочетаний в связи с исследованием проблем машинного перевода. В качестве примера можно сослаться на статьи Бар-Хиллеля и Достерта, опубликованные в сборнике «Machine Translation of Languages» (New York, 1955). Бар-Хиллель (J. Bar-Hillel, Idioms) считает необходимым двойное определение идиомов: а) по отношению к другому языку и б) в пределах одного данного языка. а) Данное словосочетание в «языке 1» (Я1) является идиоматичным по отношению к некоторому другому языку (Я2), по отношению к данному двуязычному словарю от Я1 к Я2 и к данному списку грамматических правил только при том условии, если (if and only if) ни одна из последовательностей (sequences) в языке Я2, соответствующих последовательностям слов в данном сочетании языка Я1, не будет грамматически и семантически удовлетворительным переводом после тщательного ознакомления с относящимися к данному словосочетанию грамматическими правилами. б) Выражение на данном языке (Я) является идиоматическим в пределах этого языка (Я) в отношении данного одноязычного словаря и данного списка грамматических правил только при том условии (if and only if), если ни один из словесных рядов, соотнесенных с данным выражением, словарем и списком грамматических правил, не будет в достаточной мере синонимичен ему.

Достерт (L. E. Dostert) в статье «The Georgetown IBM (International Bus Machine) Experiment» различает для решения вопроса о лексико-фразеологическом варьировании слова следующие моменты: 1) первичное значение слова (primary meaning), т. е. значение, «вызываемое» словом независимо от ситуации, контекста и т. п.; 2) «структурную область» (the structural area), т. е. те особенности значения слова, которые вызываются в нем структурными особенностями его употребления, например превращающие французское lui соответственно в эквивалент английских him, to him; her, to her; it, to it; 3) «контекстуальную область» (contextual area), т. е. связь с предшествующим и последующим «определятелями» в ряду (pre-determiner и post-determiner); 4) «функциональную

-область», т. е. в какой сфере употребления речи встречено данное слово. К этим четырем основным прибавляются еще «культурные», «временные» и «обстоятельные» характеристики. Для выяснения природы этих последних категорий ср. В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, № 5, стр. 6.

Оригинальное понимание термина «фразеология» и новое определение ее предмета находим у А. А. Реформатского (см. Введение в языкознание, М., 1955, стр. 96).

³ Следует заметить в связи со сказанным, что решающий характер соотношения с действительностью при рассмотрении семасиологических вопросов вполне обоснован в семасиологических работах акад. В. В. Виноградова, о которых неоднократно говорилось уже выше.

⁴ Как можно видеть из приведенного материала, общий подход к вопросам словосочетания, принятый в данной работе, соответствует принципам, изложенным и развитым в «Грамматике русского языка АН СССР». Различие в трактовке связано с тем, что в отличие от «Грамматики» здесь в центре внимания стоит фразеологическая сторона, для которой собственно синтаксический аспект служит лишь общей опорой.

Современное состояние русского языкознания в области словосочетания освещено в работе В. В. Виноградова, Изучение русского языка за последнее десятилетие, М., 1955, стр. 21 и след.

⁵ Имеются в виду такие работы, как, например: М. И. Хмелинина, Фразеология ранних фельетонов А. М. Горького (1895—1896 гг.), автореферат диссертации, М., 1952; Г. А. Золотова, Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке (на материале сочинений А. М. Горького), автореферат диссертации, М., 1954; Э. М. Вересова, Глагольные фразеологические единицы в прозе К. Федина («Первые радости» и «Необыкновенное лето»), автореферат диссертации, М., 1954 и др.

Картотека русско-английского словаря, составленная под руководством А. И. Смирницкого, дает следующую картину. Наиболее многочисленными и разнообразными оказываются атрибутивные словосочетания типа прилагательное + существительное, такие, как *серная кислота*, *каботажное плавание*, *именованное число* и т. п. На втором месте по численности стоят словосочетания типа глагол + прямое дополнение: *потерпеть аварию*, *набить руку*, *надломить силы* и т. п.

После этих двух основных типов сразу наступает большой количественный спад. Следующие по численности типы: а) глагол с предложным дополнением, типа *войти в историю*, *бить по карману*, б) глагол с прилагательным определением, типа *калить докрасна*, *лежать навзничь* и в) составные названия типа *аттестат зрелости*, *лампочка накаливания*. Эти три типа, более или менее одинаковые по численности, все вместе вряд ли дадут столько же единиц, сколько один первый тип, т. е. *серная кислота*.

Следующим по многочисленности типом являются такие обстоятельственные фразы, как *в индивидуальном порядке*, *по инициативе* и т. п. Самыми малочисленными являются определительные словосочетания типа *одетый с иголки*, *изведенный молью*.

С точки зрения типов синтаксической связи перечисленные словосочетания классифицируются следующим образом: атрибутивная связь — *серная кислота*, *калить докрасна*, *аттестат зрелости*; комплетивная (или дополнительная) — *потерпеть аварию*, *пусться в авантюры*, *одетый с иголки*. Следует подчеркнуть, что между типом синтаксической связи и характером фразеологических отношений нет простой или прямой (или необходимой) зависимости. Хотя атрибутивная связь и является синтаксически наиболее тесной, некоторые ее разновидности дают фразеологически менее тесное объединение, чем наиболее тесные разновидности дополнительной связи.

Как известно, вопрос о размещении устойчивых словосочетаний в словаре представляет большие трудности. Из предлагавшихся до сих пор его общих решений, а именно: а) помещение по алфавиту первого (полнозначного) слова, б) отыскание «семантически опорного» слова и в) повторение сочетания столько раз (на своих местах), сколько в нем полнозначных слов, — ни одно еще не

может считаться общепринятым. Как показали проведенные исследования, пользующийся словарем нормально ищет фразеологическую единицу по п е р в о м у с л о в у и, не найдя ее там, обращается ко второму и т. д. При современном состоянии вопроса о «семантически опорном слове» вряд ли можно считать этот способ пригодным не только с точки зрения пользующегося словарем, но и с точки зрения словарной инструкции. Последний же из перечисленных способов (в), хотя лингвистически и может быть оправдан (ср. статью А. В. Исаченко в неоднократно цитировавшемся «Лексикографическом сборнике»), чрезвычайно неэкономичен, ведет к нерациональным затратам и ненужному увеличению объема словаря.

Думается, что сделанная в настоящей книге попытка подойти к решению вопроса путем структурно-семантической классификации всего материала будет полезна и для лексикографии. Такой подход позволяет определить сравнительную распространенность тех или других структурно-семантических типов словосочетания, что имеет важное практическое значение; в первую очередь необходимо найти рациональный способ подачи массового материала; редко встречающиеся типы можно без ущерба для дела дублировать и даже давать по три раза.

Сделанное в третьей части работы деление словосочетаний на именные и глагольные позволяет более расчлененно подойти к вопросу. Если принять, что основным принципом размещения должно быть «первое слово», то в отношении глагольных словосочетаний это будет находиться в соответствии с их грамматическим строением, но часто не совпадать с семантическим (о чем см. ч. III, гл. III, стр. 180). Применение этого принципа к именным словосочетаниям в типах *аттестат зрелости* и *акция на предъявителя* даст в общем то же, что для глагольных словосочетаний (т. е. соответствие с грамматическим строением, но возможное несоответствие с семантическим центром), а в типе *серная кислота* — несоответствие с грамматическим центром при частом соответствии семантическому центру. Указанные несоответствия могут быть компенсированы разнообразными дополнительными указаниями, как это сделано в «Инструкции для составления словаря современного русского литературного языка».

При решении вопроса о подаче в словаре словосочетаний не следует упускать из виду еще следующее обстоятельство. Словосочетания (или «фразеология» в принятом в настоящей работе широком смысле) в словаре выступают в двух разных функциях или аспектах. С одной стороны, словосочетания фигурируют в нем как таковы е, как сложные «эквиваленты слов», как своеобразные номинативные средства языка, с другой — они используются для разъяснения заголовочных слов (вокабул), для раскрытия особенностей их значения и употребления. Особенно важна эта вторая функция для слов с ограниченной (или специфической) сочетаемостью, т. е. таких случаев, как *расквасить нос*, *губы*; *щекотливый вопрос*, *положение*; *растяжимое понятие* и т. п., и для п о т е н ц и а л ь н ы х слов.

В связи с разграничением этих двух аспектов можно обратить внимание на различие в этом плане толковой и двуязычной лексикографии. Основная задачей при составлении толкового словаря будет систематизирование материала картотеки, выделение «значения», разнесение по ним примеров и отнесение за р о м б то, что не поддается семантической классификации. При составлении же двуязычного словаря основной задачей будет отбор наиболее употребительных словосочетаний и проверка их на общие переводы значений (выделяемых обычно на основе толкового словаря данного языка) или переводы их в целом в случае невозможности обеспечить правильный перевод сочетания синтетическим применением основного перевода или переводов.

⁶ Например: А. И. Потемкина, Развитие качественных значений у относительных прилагательных в современном русском языке, автореферат диссертации, М., 1954; Э. В. Самосюка, Сочетание прилагательного с зависимым от него существительным в современном русском литературном языке, автореферат диссертации, Ростов-на-Дону, 1954; М. В. Крылова, Слово-сочетание из существительных с временным значением с существительными и

прилагательными (К вопросу о переходе свободных словосочетаний в фразеологические), автореферат диссертации, М., 1955, и др.

⁷ Ср. Н. Н. Прокопович, К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетаний («Исследования по грамматике русского языка», М., 1955).

⁸ Ср. обстоятельное исследование А. П. Мордвилко «Глагольно-именные описательные выражения в современном русском литературном языке», автореферат диссертации, М., 1956.

Конечно, выдвижение на первое место этого вопроса не исключает рассмотрения в связи с глагольными словосочетаниями и таких более общих категорий, как образность, мотивированность, идиоматичность и т. п. Отличие в способах рассмотрения глагольных словосочетаний по сравнению с именными было здесь подчеркнуто только потому, что для данной работы основной интерес представляют вопросы общеязыковедческого характера и методики исследования.

⁹ Из работ, посвященных этой проблеме, можно сослаться на F. D o g s e i f f, Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen, и H a l l i g R. und W a r t b u r g W. von, Begriffssystem als Grundlage für die Lexicografie. Versuch eines Ordnungsschemas, Berlin, 1952.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ
ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА И СИНОНИМИЯ
КАК ПРЕДЕЛ ТАКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

ГЛАВА I

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Основой тождества слова является его «лексико-семантический стержень»¹. Однако, поскольку языковое значение не может существовать вне материальности данного реального звучания, для сохранения единства слова большое значение имеет то, каким образом в данном конкретном слове соотносится «внутренняя сторона» с «внешней», каким образом и какими языковыми средствами выражается данное значение.

Части вторая и третья настоящей работы были посвящены рассмотрению вопроса о том, в какой степени возможно семантическое варьирование слова без нарушения его тождества либо вследствие распада его на омонимы, либо вследствие возникновения особого явления, «потенциального слова» (см. стр. 171). При этом подчеркивалось, что омонимия, т. е. наличие в языке двух или нескольких разных, но одинаково звучащих слов, в известном смысле представляет собой нарушение общих закономерностей функционирования языка; в целом его функционирование основывается на принципе «одно звучание — одно значение, разные звучания — разные значения», почему различие «материальной оболочки» даже при весьма трудно уловимом семантическом различии позволяет, как будто бы без всякого колебания, говорить о разных словах. Отмечались также особенности функционирования слов в составе фразеологических единиц, где утрата словом семантической отдельности и самостоятельности может привести, при неизменности внешней оболочки, к возникновению новой, отличной лексической единицы.

В связи со сказанным естественно возникает следующий вопрос: всякое ли различие материальной оболочки при близости, а иногда и тождестве значений дает разные слова? Нет ли отступлений и нарушений основного закона языка «одно звучание — одно значение, разные звучания — разные значения» и в противоположном направлении? Иными словами, если во второй и третьей частях работы были установлены факты закономерного нарушения основного принципа функционирования языка по линии «одно звучание — разные

значения», то нет ли в языке таких случаев, когда одно значение оказывается связанным с разными звучаниями?

То, что на этот вопрос в общем виде следует ответить утвердительно, не вызывает ни у кого сомнения; в языкознании общепринятым является понятие синонимов, т. е. слов, близких или совпадающих по значению, но различных по звучанию. Но все ли различия звуковой оболочки при совпадении значения свидетельствуют о наличии разных синонимичных слов? Нет ли в языке таких случаев, когда различные звучания совмещались бы в одном слове, не нарушая его тождества?

Если, как было показано выше, значительное семантическое разнообразие оказывалось совместимым в одном слове, причем это семантическое разнообразие выступало в виде лексико-семантических и лексико-фразеологических вариантов слова, не могут ли быть обнаружены в языке такие случаи, когда при тождестве значения известное разнообразие в области звучания, известное варьирование материальной звуковой оболочки оказалось бы совмещенным в одном слове? Таков основной вопрос, который будет поставлен в настоящем разделе.

Рассмотрение этого вопроса представит известные трудности потому, что до сих пор он почти не разработан. Правда, в литературе имеется немало исследований, посвященных синонимии², причем особенно много материалов имеется в связи с составлением словарей синонимов, «дискриминацией» синонимов, проблемой синонимии в связи с толкованием и переводом слов в словарях и т. п. При этом нередко в современных работах делаются вполне определенные и последовательные попытки лингвистического определения синонимов³. Однако до сих пор очень мало внимания⁴ уделяется изучению таких пар, как *кентавр — центавр, фелюга — фелука, тоннель — туннель, ноль — нуль, удостоиваться — достаиваться, холостяцкий — холостецкий, длинношерстный — длинношерстый, обух — бух, кладбище — кладбйще*, и таких, как *лиса — лисица, волчиха — волчица, ехида — ехидна, монахиня — монашка, лов — ловля, самоунижение — самоуничужение, мелиорационный — мелиоративный* и т. п. Что представляют собой подобные пары, которых много в разных европейских языках?⁵ Что это: разные слова-синонимы или же что-то принципиально отличное, поскольку синонимия предполагает гораздо более значительные, более существенные различия звуковых оболочек, т. е. такие различия, которые (и в этом аналогия с омонимией) выступают как результат особого стечения обстоятельств, каждый раз своего рода «особый случай», приводящий к семантическому сближению (иногда объединению) совершенно по-разному звучащих слов? Вопрос еще более усложняется, если далее учесть и такие (также весьма распространенные) явления, как *зал, зала, квант, кванта, рельс, рельса, санаторий, санатория* и др. Что это? Разные слова и, следовательно, синонимы или что-то другое? А как понять и трактовать такие, например, пары, как *вырезать, вырезывать; закалять, закаливать; урезать,*

урезывать и др., и далее: бунтовать, бунтоваться; помчать, помчаться; протрезветь, протрезвиться и др.?

Хотя, как уже было сказано выше, вопрос о различиях в звуковой оболочке слов при тождестве их значения и является практически не разработанным в том смысле, что никем еще не предпринимались попытки систематического собирания и исследования этого материала, в общетеоретическом плане он поставлен с достаточной ясностью в работах В. В. Виноградова и А. И. Смирницкого⁶. На основании этих работ можно считать принципиально доказанной возможность фонетического варьирования слова, т. е. видоизменения его звуковой оболочки, без утраты им его тождества.

Изложение материала настоящего раздела работы начинается с фонетических вариантов слова, потому что таким образом наиболее четко обнаруживается противопоставление второму и третьему разделам, где речь шла о вариантах семантических, вариантности по значению. Но собственно «звуковым» варьированием дело не ограничивается. Звуковые различия существуют не сами по себе, а только в тесной связи с морфологией, со строением языковых единиц. Поэтому неизбежно встает вопрос о тождестве слова при неодинаковости или даже разнообразии совмещаемых в нем грамматических и словообразовательных особенностей или о том, что ниже обозначается как «морфологическое варьирование слова». Следует, между прочим, заметить, несколько забегая вперед, что в связи с последним типом варьирования слова неизбежно возникает вопрос о соотношении в языке корневых морфем и морфем аффиксальных, их относительной значимости и роли для разграничения таких категорий, как морфологические варианты одного слова и разные слова-синонимы.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ

¹ В. В. Виноградов, О формах слова, ИАН, ОЛЯ, т. 3, вып. 1, 1944, стр. 34.

² О синонимах см. Р. А. Будагов, Очерки по языкознанию, М., 1953; Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, М., 1953; Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика, МГУ, 1954; В. Н. Крюева, Синонимы в русском языке, «Русский язык в школе», 1954, № 3; В. К. Фаворин, Синонимы в русском языке, Свердловск, 1953; А. Б. Шапиро, Некоторые вопросы теории синонимов (на материале русского языка), Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, вып. VIII, 1955; В. К. Фаворин, Синонимы в русском языке, «Русский язык в школе», 1953, № 6 и др. Общее направление исследования вопроса можно охарактеризовать как разграничение разных видов синонимов (идеографические, стилистические, «абсолютные», как нетипичное явление в области синонимии) и исследование их в первую очередь в их реальном употреблении в речи, обнаруживающее различия в них как на данном этапе развития языка, так и в разные периоды его истории. Ср. также S. Skořupka, Synonimika (Poradnik jazykowy, 1953, zes. 2, 3, 4), Wyrazy bliskoznaczne i ich wartość stylistyczna, 1, Typu wyrazow bliskoznacznych (Por. jez. 1954, zes. 4).

Интересны работы Гудмена (Goodman, N., On some differences about Meaning и On Likeness of Meaning в сб. Philosophy and Analysis, Oxford, 1954), который считает возможным говорить не об одинаковости, а лишь о сходстве, подобии значений.

Для лексикографии интересна работа J. Filipec «Synonima v jednojazyčnem slovníku» (Lexikografický sborník, Bratislava, 1953). Не ограничиваясь, однако, только конкретными вопросами подачи и вообще использования синонимов в словарях, Филипец дает краткую и точную общую характеристику вопроса.

³ Значительный интерес для дальнейшего развития вопроса о синонимах представили доклад В. Н. Ключевой на координационном лексикографическом совещании летом 1955 г. («Опыт составления учебного толкового словаря синонимов русского языка») и последовавшее за ним обсуждение. Особенно следует отметить отказ автора от распространенной до сих пор замены исследования собственно синонимов общими наблюдениями над близкими по значению или номинативно совпадающими в определенных ситуациях разнообразными языковыми средствами. Синонимами являются прежде всего слова, принадлежащие к одной и той же части речи. Иначе говоря, поскольку при изучении синонимии речь идет прежде всего о словах, а слова вне данной лексико-грамматической классификации не существуют, словарь синонимов может заниматься не абстрактными и беспредметными «концептами», а лишь реальными словами реальных языков.

⁴ Специальных исследований, посвященных фонетическим и морфологическим вариантам слов, по-видимому, вообще не имеется. Однако в ряде исследований эти вопросы попутно затрагиваются. См., например: Л. А. Булаховский, цит. произв. (стр. 69 и 122—123); А. П. Евгеньева, К вопросу о типе однокоренного толкового словаря русского языка советской эпохи, ВЯ, 1953, № 3; W. Doroszewski, Z zagadnień leksykografii polskiej, Warszawa, 1954, стр. 62; M. Marsinová, Z teórie a praxe lexikografie. Poznámky k Ukážkovému sešitu slovníku súčasného spisovného jazyka českého, Slov. Rec., R. XIX, с 3—4, 1954, стр. 14 и след.; ср. также А. М. Пешковский, В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?, Сборник статей, М—Л., 1925, стр. 17; Е. Ф. Будде, Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, СПб., 1902, стр. 20—28 и 67—78 и след.; W. Craigie, Problems of Spelling Reform, S. P. E., Tract XIII; I. Modér, Om talsprokliga drag och skriftsprakstradition i Fredmans epistlar, Nysvenska Studier, 1—5, Uppsala, 1954; I. L. Pauwels, Een fonetisch Problem, Revue des langues vivantes, 1954, 6; Š. Pešiar, O fonologickám hodnotení samohláskových skupín v cudzích slovach, Slov. Rec. XII, 1947, 72—86; C Volpatti, Coppie di nomi di due generi, Lingua Nostra, vol. XVI, fasc. I, 1955.

Проблема вариантов приобретает особенно важное значение для таких языков, как белорусский; ср. И. А. Оссовецкий, Русско-белорусский словарь, ВЯ, 1955, № 4.

⁵ О разнообразии и богатстве фонетического и морфологического варьирования прилагательных в литовском языке можно судить, в частности, по материалу, собранному в курсовой работе студентки филологического факультета МГУ Г. П. Мизеревичуте «О фonomорфологических вариантах слова».

⁶ См. В. В. Виноградов, О формах слова, ИАН, ОЛЯ, т. 3, вып. I, 1944; Е го же, Современный русский язык, М., 1938; Е го же, Русский язык (грамматическое учение о слове), М., 1947 и др.; А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (проблема «тождества слова»), Труды Института языкознания АН СССР, т. IV, 1954.

Г Л А В А II

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ СЛОВА

§ 1. Общие замечания

Выше фонетическое варьирование слова было определено как видоизменение его звуковой оболочки без утраты им его тождества. Но видоизменения звуковой оболочки слова могут быть весьма различными. Так, прежде всего обращает на себя внимание фоне-

тическое варьирование слов, имеющее регулярный характер в данном языке и связанное с правилами фонетического соединения слов в речи (особенностями звуковых соединений на стыке слов и вообще разнообразными явлениями ассимилятивного характера). К такого рода изменениям можно отнести, например [горот] (в *большой город* и т. п.) и [город] (в *город был освобожден, город далеко отсюда* и т. п.), [дуп] (в *старый дуб, дуб с широкой кроной* и т. п.) и [дуб] (в *дубзеленый, дуб да береза* и т. п.), [ф] (в *саду, в парке* и т. п.), [в] (в *городе, в доме* и т. п.) и [во] (во *всех городах* и т. п.), [перед] (*перед грозой* и т. п.) и [передо] (*передо мной* и т. п.). Хотя примеры, подобные приведенным, и иллюстрируют по существу очень разные явления, с точки зрения данной работы их можно объединить, как не относящиеся к в н у т р и с л о в н ы м различиям¹. Подобные разнообразные явления, хотя они и очень существенны для понимания фонетического состава слова, здесь рассматриваться не будут, так как настоящая работа имеет целью сосредоточиться на собственно внутрисловных различиях, т. е. на различиях языкового характера в пределах самого данного слова². В качестве дальнейшего ограничения следует напомнить, что варианты слова действительно противопоставляются и обнаруживаются в речевой практике именно как варианты при их сосуществовании, при их употреблении в одну и ту же эпоху, почему сюда будут включены только реально сосуществующие разновидности слов³. Не будет включено и исследование фонетических различий между диалектами и литературным языком, так как такие различия большей частью выступают уже не как различия между вариантами слов в собственном смысле слова, а как различия в общем характере речи (что не исключает, конечно, и различий более частного порядка, однако эти различия представляют предмет уже особого исследования). Таким образом, здесь мы ограничимся синхроническим рассмотрением фонетических вариантов слов в литературном образце русского языка⁴.

Если принять предложенные ограничения (а они, безусловно, оправданы, если иметь в виду общее направление работы), то предметом исследования явятся следующие случаи, которые эмпирически могут быть разделены на две большие группы.

I. Различия в звуковом составе семантически тождественных единиц, не связанные с различием места ударения (следовательно, наиболее «самостоятельные» в фонетическом отношении). Не связаны с местом ударения все различия согласных и некоторые различия гласных.

II. Различия в звуковом составе семантически тождественных единиц, связанные с различием по месту ударения. Различия этого рода представляют собой различия гласных.

Такое разделение обусловлено упоминавшимся уже стремлением выделить собственно внутрисловные различия. Как будет показано ниже, вторая группа различий дает единицы, обладающие меньшей самостоятельностью и меньшей независимостью от характера их соединения в словосочетании, чем первая.

§ 2. Фонетические варианты слова, не различающиеся по месту ударения

Как уже было сказано, к фонетическим вариантам, не различающимся по месту ударения, относятся все различия согласных звуков. Эти варианты можно подразделить следующим образом:

1) варианты с различием твердый согласный — мягкий согласный того же места и способа образования, например: *бакан, бакен; бескрайный, бескрайний; внутренне, внутренне; дуралюминий, дюралюминий; ежегодный, ежегодный; иногородный, иногородный; искренно, искренне; кегль, кегель; кизил, кизиль; кизилковый, кизилковый; крынка, кринка; линовать, линевать; трузизм, трюизм; флуктуация, флюктуация; фланец, флянец; целлулоза, целлюлоза; цыганы, цыгане; червы, черви* и др.;

2) варианты с различием глухой согласный — звонкий согласный того же места и способа образования, например: *калоша, галоша; метисация, метизация; околоток, околодок; просфора, просвира; фелука, фелюга; этак, эдак* и др.;

3) варианты с различием простой звук — аффриката (или сочетание звуков), например: *дрофа, дрохва; кентавр, центавр; матрас, матрац; систерна, цистерна; тожество, тождество; тождественный, тождественный; фасет, фацет* и др.;

4) варианты с различием щелевой — смычный, например: *шкаф, шкап; шхуна, шкуна; апокалипсический, апокалиптический* и др.;

5) разные случаи, такие, как *какодинехонек, одинешенек, пиччикато, пицчикато* и т. п.

Варианты с различием гласных преимущественно относятся к II, так как большей частью связаны с различием ударения. Однако некоторое количество вариантов с различием гласных не связано с разным ударением, например: *брошировать, брошюровать; издевка, издѣвка⁵; леска, лёска; ноль, нуль; пекло, пѣкло; строгать, стругать; тоннель, туннель; удостоиваться, достаиваться; унаваживать, унавоживать; уполномочивать, уполномочивать; условливаться, уславливаться; усумниться, усомниться; холостецкий, холостяцкий; шелопай, шалопай* и др.

Кроме перечисленных, имеется еще некоторое количество случаев, в которых видоизменяется число звуков, например: *бивуак, бивак; кофе, кофей; мегрел, мингрел; меджилис, меджлис; невоздержанность, невоздержность; опричина, опричина; осьмушка, восьмушка; отомстить, отмстить; плашкот, плашкоут; секстант, споткнуться, спотыкнуться; траулер, тралер; филей, филе; шворень, шкворень* и др.

§ 3. О строении фонетических вариантов слов

Выше при классификации и описании фонетических вариантов слов ничего не было сказано о характере или природе их звукового соотношения. Дело ограничивалось лишь констатацией данных фо-

нетических различий. Однако эти различия являются различиями в пределах одного слова и потому как-то между собой связанными. Обычно фонетические различия в разных формах одного слова (или разновидностях одной морфемы) называют чередованиями. Поэтому естественно поставить вопрос о том, не могут ли приведенные выше фонетические различия в пределах одного слова рассматриваться как фонетические чередования?

Ответ на этот вопрос будет отрицательным. Как известно, под фонетическими чередованиями понимаются обычно такие замены одних звуков другими, которые позиционно обусловлены и управляются действующими фонетическими законами данного языка. Ни одного из этих условий, необходимых для того, чтобы можно было говорить о фонетическом чередовании, в приведенных случаях нет.

Кроме фонетического, известно еще морфонологическое чередование или изменение в фонемном составе вариантов одной и той же морфемы, исторически обусловленное прошлыми фонетическими закономерностями данного языка и используемое в данное время для различения звуковых оболочек разных слов, например, в таких парах, как *друг — друзья, рука — ручка* и др. Ясно, что описанные у нас чередования не являются морфонологическими, так как не имеют никакого отношения к функциональным разновидностям одной и той же элементарной лингвистической единицы — морфемы; в отличие от *друг — друзья — дружить, рука — ручка, могу — можешь, неси — носи, пел — пою, пей — пил* и т. д., *кентавр — центавр, шхуна — шуна, филей — филе, траулер — тра-лер* и т. п. не могут быть определены как свойственные той или иной грамматической или лексической модификации данного «вещного» значения.

Невозможность подведения данного звукового соотношения ни под категорию фонетического, ни под категорию морфонологического чередования не снимает, однако, вопроса о природе того звукового явления, которое различает и вместе с тем объединяет, данные пары. Вопрос же этот должен, по-видимому, решаться следующим образом. Различающиеся в этих парах звуки в русском языке являются разными фонемами. Их различия вообще являются такими, которые не зависят от положения их в слове или морфеме и нормально служат для оформления звуковых оболочек разных слов (ср., например, *стул и стол*, где налицо то же различие, что в *туннель — тоннель, нуль — ноль*, или *кокнуть — цокнуть*, где то же различие, что в *кентавр — центавр* и т. п.).

Однако в случае фонетического варьирования слова звуки, внешне совпадающие с соответствующими фонемами, в данных парах представителями этих фонем не являются, так как они лишены свойственной соответствующим фонемам способности к дифференциации данных словесных единиц.

Иными словами, в этих частных и особых случаях свойственная вообще данным звукам русского языка способность фонетиче-

ского противопоставления не проявляется, отсутствует, вследствие чего данные звуковые различия оказываются «пустыми»⁶. Как можно было видеть из приведенного выше материала, «пустыми» же оказываются добавления или изъятия определенных «кусков» звуковой материи словесных единиц, поскольку, присутствуя «физически» и совпадая по внешнему фонетическому своему облику с соответствующими фонемами русского языка, они оказываются лишенными свойственной им функции дифференциации морфем и словесных единиц.

§ 4. Сравнительная оценка членов вариантных пар

Сравнительное рассмотрение сосуществующих в языке на данном этапе его развития единиц требует также рассмотрения их с точки зрения изменения, с точки зрения развития языка во времени; каждая единица языка в любой данный момент имеет характер либо новой, либо устаревающей или устарелой, либо нейтральной по отношению к изменению, но все же так или иначе отнесенной к развитию языка во времени, т. е. к его диахроническому аспекту.⁷

В отношении вариантов, приведенных в первом абзаце, представляется возможным сделать следующие замечания. В парах *кегель*, *кегель*; *метизация*, *метисация*; *цистерна*, *систерна*; *трюизм*, *триуизм*; *фацет*, *фасет*; *фелюга*, *фелюка*; *фланец*, *флянец*; *целлюлоза*, *целлулоза* и т. п. вторые варианты являются устаревающими, если уже не устарелыми; *метисация*, *систерна*, *трюизм* и т. п. в отличие от *метизация*, *цистерна*, *триуизм* и т. п. напоминают соотношение *принцип* и *принсип* в прошлом веке⁸ и так же, как *принсип*, обречены на вытеснение русифицированным вариантом.

В таких случаях, как *околоток*, *околодок*; *этак*, *эдак*, следует, возможно, предпочесть первые варианты, так как вторые, может быть, наводят на мысль об известной вульгаризации произношения, напоминают озвончение между гласными типа (на теннисном) *корде*, *чажечка* и т. п. Однако фонетически правильным является все же *околодок*.

Что касается таких пар, как *калоша*, *галоша*; *кентавр*, *центавр*; *бакан*, *бакен*; *одинехонек*, *одинешенек*; *тождественный*, *тождественный* (соответственно *тождество*, *тождество*), то все они, несмотря на свою разнородность, могут быть объединены как «нейтральные по отношению к изменению», т. е. как синхронически равноценные; представлялось бы весьма затруднительным предпочесть тот или другой вариант как более современный или более естественный с точки зрения современного употребления (правда, в пользу *тождественный* (*тождество*) говорит как будто неупотребительность производного *тождественность*). Представляется целесообразным сделать еще следующие замечания. Несмотря на то, что в таких парах, как *бивуак*, *бивак*; *плашкоут*, *плашкот*; *траулер*, *тралер*, а также *нуль*, *ноль*; *туннель*, *тоннель* и т. п., теоретически рассуждая, и можно было бы предполагать уже осуществляющееся вытес-

нение первых вторыми, т. е. сохранение первых лишь как устаревающих или даже устаревших (подобно тому, как *номер* и *банкрот* были вытеснены тем, что было первоначально их фонетическими вариантами — *номер* и *банкрот*), на самом деле этого еще не происходит, и на данном этапе развития языка оба варианта оказываются «нейтральными» по отношению к происходящим в языке изменениям. Что касается пар *кофей*, *кофе*, *филей*, *филе*, то их первые члены совершенно определенно выходят из употребления; думается, что *филей* можно теперь услышать только у старых поваров, работавших или учившихся своему делу либо до революции, либо в первое десятилетие существования советской власти. *Кофей* до сих пор предпочитается представителями старой московской интеллигенции, но совершенно не существует для молодого поколения⁹.

Отдельного обсуждения заслуживают такие пары, как *линевать*, *линовать*; *удостаиваться*, *удостаивать*; *уполномочивать*, *уполномачивать*; *условливаться*, *улавливать*; *усомниться*, *усумниться*; *брошуровать*, *брошировать*; *холостяцкий*, *холостецкий* и т. п. Здесь выбор того или другого варианта способствует выявлению морфологических связей с соответствующими словами (в том случае, если избираются первые из приведенных здесь вариантов) или, наоборот, устанавливает особый вид чередования в тех случаях, когда выбираются вторые. Таким образом, здесь фонетическое варьирование оказывается уже тесно связанным с морфологией.

«Фонетические варианты слова выступают наиболее отчетливо именно как таковые в случаях, когда звуковые различия не осложняются различиями в морфологической структуре»¹⁰. Однако, как видно уже из приведенного материала, те или другие части слова при невозможности их четкого и однозначного выделения как определенных морфологических единиц, т. е. грамматических или словообразовательных морфем, все же могут оказаться в той или иной степени выделяемыми и, следовательно, воспроизводимыми как единицы морфологические, т. е. уже не как просто фонемы или их соединения, а как структурные единицы языка¹¹. Среди приведенных выше примеров выделяются уже как будто такие, как *цыганы*, *цыгане* (где может быть поставлен вопрос о вариантах словоизменения); *ежегодный*, *ежегодный* и т. п. и *одинехонек*, *одинешенек* (словообразовательные варианты); *строгать*, *стругать*, *уполномочивать*, *уполномочивать* (внутренняя флексия, связанная со словообразованием); *невоздержанность*, *невоздержность* (где разные морфологические типы, связанные с образованием соответственно от причастия и прилагательного?) и т. п. Особенно это относится к таким парам, как *весной*, *весною* и т. п., *сослепа*, *сослепу*; *свьяна*, *свьяну*; *порою*, *порой*; *скорее*, *скорей*; *длинношерстный*, *длинношерстый*; *обклеить*, *оклеить*; *обсыпать*, *осыпать*¹², *осыпаться*, *обсыпаться*; *обтесать*, *отесать*; *ожечься*, *обжечься* и т. п. (употребление *об-* и перед согласным выводит этот случай из категории собственно фонетических вариантов). Возможно, что в связи с наличием такого рода промежуточных случаев следовало бы поставить вопрос о вы-

делении «фономорфологических вариантов слова». Однако это привело бы к чрезмерной детализации данной части работы, основной целью которой является лишь демонстрация таких случаев, в которых данные звуковые различия, даже и при «подозрении на морфологизацию», не являются звуковыми выразителями от д е л ь н ы х г р а м м а т и ч е с к и х или лексических значений, так как тогда мы имели бы дело уже не с вариантами одного слова, а с его грамматическими формами, например: *дома* и *дому*; *верха* и *верху*, или же с разными словами, как если бы, например, *обсыпаться* значило только «покрыться чем-либо сыпучим», а *осыпаться* только «сыпясь упасть».

В отношении вариантов, образуемых «добавлением» или «изъятием» «кусков» звуковой материи, лишенных морфологической значимости и потому (семантически) «пустых», можно сделать следующие замечания. Для современной литературной речи лучше, по-видимому, *секстант* и *шкворень*; в этих случаях «более длинный» вариант будет выглядеть как более правильный с точки зрения тщательности произношения. Что же касается таких пар, как *невоздержанность*, *невоздержность*; *споткнуться*, *спотыкнуться*, то, хотя «грубо фонетически» у них тождественное соотношение, их следует обсудить по отдельности. *Невоздержанность* лучше, чем *невоздержность*, потому что паразитический гласный в этом случае отличает живой употребительный вариант от устаревающего и потому приобретшего архаическую стилистическую окраску (в отличие от *спотыкнуться*, где аналогичное в фонетическом отношении явление воспринимается как вульгаризм, как свойственное просторечию произнесение групп согласных без «разведения» их гласными, почему здесь основным вариантом следует считать *споткнуться*).

Мегрел вытеснило *мингрел*, а *меджлис* — *меджилис* в связи с принятым теперь у нас уточнением передачи иностранных слов на основе более верного воспроизведения туземного произношения.

Выше были рассмотрены фонетические варианты, обозначающиеся на письме и поэтому обладающие значительной устойчивостью и оказывающие совершенно определенное влияние на произношение лиц, овладевающих литературным языком через книгу. Но картина фонетической вариантности слов современного русского литературного языка будет неполной, если оставить без внимания интересный факт сосуществования очень многочисленных фонетических вариантов (причем в большой своей части «обобщаемых» — ср. выше), не обозначаемых на письме: имеются в виду такие варианты, как [дошт'] и [дош'], [дажд'а] и [даж'а], [пожъ] и [пож'ъ], [ст'еп'] и [с'т'еп'], [св'иркат'] и [с'в'иркат'] и т. п.

Вопрос о фонетических вариантах этого последнего рода потребовал бы обсуждения вопросов, выходящих за пределы собственно лингвистического рассмотрения тех или других конкретных слов. Дело в том, что произношение [дош'], [пож'ъ], [с'в'иркат'], [руссКвј]

(с «ером») и т. п. поддерживается теперь у нас сценической речью и дикторами, благодаря чему можно говорить о существовании некоего Bühnenrussisch как образцового языка¹³. Широкому распространению этого образцового произношения в известной мере препятствует то, что очень большое количество людей приобщается к речевой культуре через книгу и, следовательно, оказывается в высшей степени подверженным влиянию орфографии, не допускающей для всех подобных слов вариантного написания. В связи с этим возникает вопрос о некоторой нарочитой архаизации произношения (конечно, в своем полном виде эта архаизация выступает пока только в особых случаях; например, когда артист, играющий Антона Ивановича Расплюева из «Свадьбы Кречинского», говорит [пер'вѣј], [мод'ел'] и т. п.; однако такие крайние случаи позволяют с достаточной точностью определить, куда идет, в какую сторону развивается все явление в целом).

При обсуждении закономерностей варьирования слов уже указывалась общая тенденция их развития: либо один из вариантов постепенно устаревает и выходит из языка, вытесняется другим, либо между вариантами устанавливается стилистическое различие. В качестве примеров фонетических вариантов с устойчивой стилистической дифференциацией можно привести такие пары, как *ветер, ветр; молодой, младой (молодость, младость); отомстить, отмстить; совершить, свершить; уж, уже; али, аль; ль, ли; коль, коли; отсель, отселе; доколе, доколь; оттоле, оттоль; перед, пред; средь, среди; середина, середина; седовласый, седоволосый; через, чрез; город, град* и т. п.¹⁴.

Если стилистическая дифференциация вариантов перерастает в дифференциацию семантическую, то вместо одного слова получается два. Возможно, например, что *меж* и *между* были вариантами одного слова. Между ними есть, безусловно, стилистическое различие. Но они различаются и семантически; в сочетании со словами, обозначающими конкретные предметы, *между* как будто предполагает только два окружающих предмета, а не несколько, например: *между окном и дверью, между Ленинградом и Москвой, между небом и землей* и т. п. Употребление *между* при неопределенном числе окружающих предметов (например, у Карамзина в *между яминов и лилей*, т. е. «среди жасминовых кустов и лилий») представляется устаревшим и отражающим то состояние, когда *меж* и *между* были, по-видимому, фонетическими вариантами одного слова.

Семантические различия, возникающие на базе фонетического варьирования одного и того же слова, могут дальше осложняться семантическим расщеплением одного из вариантов. Так, например, с одной стороны, *глава* может выступать как стилистически окрашенный фонетический вариант слова *голова* (*Стою с поникшею главой* — Пушкин; *Посмотрел, — тряхнул главою...* — Лермонтов и т. п.), а с другой, *глава* — теперь отдельное слово со значением

«раздел книги, статьи», никакого отношения к слову *голова* в современном языке не имеющее¹⁵. *Врата* — с одной стороны, стилистический, фонетический вариант слова *ворота* (*Узкие врата замком замкнуты непокорным — Пушкин*), а с другой — специальный религиозный термин: *царские врата*.

§ 5. Фонетические варианты слова, различающиеся по месту ударения

Фонетические варианты, различающиеся по месту ударения, можно разделить на две подгруппы:

1) такие, в которых фонетические различия, связанные с различием ударения, не отражаются на письме, например: *авгур, апартамент, атомный, беспросыпу, издревле, кладбище, кондор, каучук, лемех, лыжня, ломота, мышление, наголо, обух, одновременно, принцип, русло, сопло, творог, транспорт* (бухг.), *юркнуть* и многие другие (в новом академическом словаре списки таких слов выносятся в конец соответствующих томов);

2) такие, в которых фонетические различия, вызванные разным ударением, отмечаются на письме¹⁶; таковы, например: *бархотка, бархатка; взрывной, взрывной¹⁷; законнорожденный, законнорождённый; дрема, дрёма; загруженный, загружённый; задешево, задёшево; запасный, запасной; заслуженный, заслужённый; исчеркать, исчёркать; колотьё, колотьё; крапленый, краплёный; лёжмя, лежмя; лягушечий, лягушачий; малоразвитый, малоразвитой; марганцевый, марганцовый; матёрый, матерой; межзаводский, межзаводской; мелочный, мелочной; настороженный, насторожённый; недалёко, недалеко; нитяный, нитяной; первоочередной, первоочерёдный; подвижный, подвижной; привозный, привозной; смычный, смычной; транспортер, транспортёр; удалый, удалой; униженный, унижённый* и многие другие.

То, что при разделении на две группы фонетических вариантов слов, различающихся по месту ударения, в основу был положен такой второстепенный момент, как орфография, имеет свои причины. Дело в том, что в основном, т. е. если не считать некоторых отдельных исключений, слова первой группы представляют собой совершенно особое явление, о котором подробнее будет сказано ниже. В словах же второй группы нет ничего принципиально отличного от разных фонетических вариантов слов, не различающихся по месту ударения (если не считать, правда, регулярности, которой отличается модификация прилагательных по типу «взрывной — взрывной»): как и там, один из вариантов постепенно вытесняется другим, если только не происходит семантического расщепления и появления двух слов. Так, по-видимому, *бархатка* вытесняет *бархотка*, *запасной* — *запасный*; *лягушечий* — *лягушачий* (хотя первоначально это — отдельные прилагательные, образованные соответственно от *лягушка* и *лягушонок*); *матёрый* — *матерой*; *мелочный* — *мелочной*; *нитяный* — *нитяной*. Два разных слова возникли на

основе вариантов последней пары (из приведенных в списке); если «устройство для передвижения» и «тележка» могут быть безразлично обозначены и как *транспóртер* и как *транспортёр*, то «лицо или учреждение, занимающиеся транспортом», будет только *транспортёр*. *Униженный* и *унижённный* в словаре С. И. Ожегова даны как два разные слова: *униженный* — «выражающий унижение»: *униженная просьба* а *унижённный* — «угнетённый несчастьями, обидами»: *унижённный человек*. Следовательно, известная книга Достоевского должна называться «Унижённные и оскорбленные» («угнетенные несчастьями и обидами», а не «выражающие угнетение»). Однако «идти» поэт призывает «к униженным и обиженным». То, что эти два слова проявляют несомненную тенденцию к срастанию в варианты одного слова (если они уже не срослись), легко проверить, попросив объяснить их соотношение у любого интеллигентного человека, особенно молодого поколения. Отдельными словами являются *временный* (преходящий) и *временной* (относящийся ко времени).

«Нейтральными» по отношению к изменению из слов, приведенных во второй части списка, следует, по-видимому, считать такие пары, как *взрывный* и *взрывной*, *дрема* и *дрёма*, *малоразвитый* и *малоразвитой*, *марганцевый* и *марганцовый*, *смычный* и *смычной*, *услыхать* и *услышать* и др. Однако включение в список и остальных из перечисленных слов является оправданным тем, что охарактеризованные выше процессы в них пока еще только определились с большей или меньшей ясностью и не могут считаться вполне завершенными.

Что касается первой подгруппы, то здесь требуется выяснение совершенно особых вопросов, так как эта категория случаев принципиально отличается от всех рассмотренных до сих пор. Как было сказано выше (стр. 196), изучение фонетических, как и вообще всяких других, вариантов слова требует ограничения внутрисловными различиями, т. е. различиями в пределах самого данного слова. В случаях же акцентного варьирования (примеры которого даны под п. 1) встает следующий вопрос: не переходим ли мы здесь в область «синтаксической фонетики» в том смысле, что не перерастает ли вопрос в проблему определения возможных различий в ритмико-интонационном использовании определенных классов слов? Вместе с этим возникает и еще одно теоретическое затруднение. Если верно, что в состав звуковой оболочки слова в индоевропейских языках непременно входит, помимо определенного набора фонем (в рамках позволенного варьирования), еще и определенная акцентуационная характеристика (которую, может быть, уместно, как делают некоторые, назвать «прозодемой»), то здесь мы будем иметь дело как бы с некоторой специфической категорией слов, лишенных этой второй, важной для слова вообще характеристики (или же выделяющихся наличием этой характеристики в «нулевом» выражении). Поэтому вполне может быть поставлен вопрос о том, что в этих случаях мы имеем, по существу, не по два фонетических варианта одного слова,

а один вариант, характеризующийся акцентной неопределенностью, «нулевой прозодемой»¹⁸.

Конечно, то обстоятельство, что слова данной категории представляют многочисленные специфические проблемы, не освобождает их от подчинения общим законам языка. Так же, как и все другие слова (и единицы языка вообще), они существуют и развиваются во времени и в них, как и во всяких вообще других словах (и языковых единицах вообще), всегда и обязательно могут и должны быть выделены и охарактеризованы уже наметившиеся или намечающиеся изменения, определяющие данное явление как новое или устаревающее и т. п. (ср. выше стр.199). Поэтому, например, нельзя не обратить внимания на то, что хотя произношение *каучук* для обозначения млечного сока соответствующих растений и следует рекомендовать как «правильное» и соответствующее ударению в языке, из которого это слово было заимствовано, работники завода «Каучук» очень удивились бы, если бы им сказали, что они работают на «Каучуке» и модные туфли теперь покупают «на каучуке». Однако, поскольку для данного раздела представляется наиболее существенным выяснить общие закономерности, общие особенности данного своеобразного типа варьирования слов, представляется существенным отвлечься от рассмотрения подобных (самых по себе очень интересных) моментов и сосредоточиться на таком материале, в котором фонетическая вариантность данного типа выступает уже не как изолированный факт, касающийся того или другого конкретного слова или слов, а как определенная закономерность, охватывающая целую большую категорию слов. Исключительно яркий материал для демонстрации рассматриваемого явления именно в массовом его проявлении дают «латино-романские» слова, заимствованные английским языком в его ранненованглийском состоянии.

Как известно, для французского слова характерно ударение на последнем слоге, например: *accessoire, contempler, caractère, camarade, sinistre, contraire* и т. п. Для английского языка, как и для других германских языков, характерным является ударение на первом слоге, почему общей тенденцией в отношении заимствованных «латино-романских» слов была тенденция так называемого «рессивного» или «отступающего» ударения, которая заключалась в перенесении ударения на начало слова. В результате в современном английском языке будет *character, comrade, sinister* и т. д.

Однако, хотя таких случаев и большинство, т. е. хотя теперь в английском языке и имеется очень значительное число «латино-романских» слов, в которых ударение прочно закрепилось за первым слогом, в современном английском языке есть целый ряд слов, имеющих акцентные варианты не только диалектного характера, например, брит.-англ. *contrary*, амер.-англ. *contrary*, брит.-англ. *territory*, амер.-англ. *territory*, брит.-англ. *envy*, штл. *envy*, но и в пределах одного и того же языкового образа, например, брит.-англ. *accessary, accessory, consistory, consistory, confiscatory, confiscatory, contemptive, intercessor, subjective, survéu* и т. д.¹⁹.

Такого рода акцентная вариантность в современном английском языке, известная под названием «равномерного ударения» (*even stress*), в ранненованглийском была настолько распространена, что для этого периода представлялось бы правомерным говорить о «нулевой прозодеме» как норме для заимствовавшихся французских («латино-романских») слов. Для доказательства можно привести обширный материал из произведений Шекспира, где размер и

требования стиха дают непреложное доказательство того, что для Шекспира соответствующие слова, безусловно, допускали произвольное ударение. Вместе с тем массовый характер этого явления у Шекспира дает все основания считать, что в ранненоанглийском вообще, т. е. не только в стихах, этот акцентный тип слова был очень распространен и не ограничивался только заимствованными словами; и в ранненоанглийском и теперь «равномерное ударение» очень распространено и в исконно английских словах, включая даже слова служебные. Заимствованные же слова ставятся здесь в центр внимания потому, что в отношении этой категории слов вообще акцентуационная сторона часто оказывается неясной.

Приводимый ниже материал имеет целью показать массовый характер рассматриваемого явления и доказать отсутствие не только семантических различий у приводимых фонетических вариантов слов, но и невозможность констатировать хоть какую-либо экспрессивно-эмоциональную дифференциацию, связанную с выбором того или другого варианта. (Цитаты даются по «оксфордскому Шекспиру» — полному собранию, изданному Craig.)

Cómpléte

that thou dead corpse again in cómpléte steel Ham. 1, 4, 52; how many make the hour full cómpléte Hy 6 C, 2, 5, 26.

Comrade

but do not dull thy palm with entertainment of each new-hatch'd, unfledg'd comrade Ham 1, 3, 65; to be a comrade with the wolf and owl Lear 2, 4, 213.

Confines

spirits, which by mine art I have from their 'confines call'd to enact my present fancies Temp 4, 1, 120; here in these confines slily have I lurk'd Rich (3), 4, 4, 3.

Cónfiscate

lest that our goods too soon be confiscate Err 1, 2, 2; and let it be confiscate all so soon as I have receiv'd it Cymb 5, 5, 323.

Contract

how shall we then dispense with that contract Hy 6, A, 5, 5, 28; a contract of true love to celebrate Temp 4, 1, 84.

Démónstrate

for when my outward action doth demonstrate Oth 1, 1, 62; have heaven and earth together démónstrated Ham 1, 1, 124.

Exile (exiled)

and turns it to exile Rom 3, 3, 140; and sayst thou yet that exile is not death? Rom 3, 3, 43; both you and I for Romeo is exiled Rom 3, 2, 133; I sue for éxil'd majesty's repeal Lucr 5, 640, IX.

Outrage

with this immodest clamorous outrage Hy 6, A, 4, 1, 126; do outrage and displeasure to himself Err 4, 4, 118.

Préságe

this ill presage advisedly she marketh Ven 457, IV; and sullen présage of your own decay John 1, 1, 28.

Préscíence

brought to this shore; and by my préscíence Temp 1, 2, 180; Forestall prescience and esteem no act Troil 1, 3, 119.

Perfume

the pérfume and suppliance of a minute; no more Ham 1, 3, 9; to make pérfumes? distil? preserve? yea so Cymb 1, 5, 13.

Pursue

we trifle time: I pray thee, púrsue sentence Merch 4, 1, 299; but, howsoever thou púrsúe't this act Ham 1, 5, 84.

Púrsúit

in púrsúit of the thing she would have stay Son 143, 4; to hide us from púrsuit that will be made As 1, 3, 139.

Revenues

my manors, rents, revénues I forego Rich 2, 4, 212; long withering out a young man's révenue Mid 1, 6, 2.

Secure

upon my sécure hour thy uncle stole Ham 1, 5, 61; whilst thou liest warm at home secúre and safe Shrew 5, 2, 151.

Sepulchre

banish'd this fair sepúlchre of our flesh Rich 2, 1, 3, 196; the skull that bred them in the sépulchre Merch 3, 2, 96.

Sojóurn

that if they come to sojourn at my house Lear 2, 1, 105; Sojóurnin Mantua; I'll find out your man Rom 3, 3, 169.

Súrvéyor

my súrveyor is false; the o'er great-cardinal hath show'd him gold Hy 8,1, 222; at which appear'd against him his survéyor Hy 8, 2, 219.

Triumph

as too triúmphing how mine enemies Rich 3, 3,4, 91; that triumph thus upon my misery Shrew 4, 3, 34.

Число примеров можно было бы еще увеличить. В этом, однако, нет нужды, так как и приведенных материалов вполне достаточно, чтобы подтвердить высказанные выше общие соображения.

Если мы возвратимся теперь к материалу, приведенному выше на странице 203, то мы увидим, что подавляющее большинство слов данного типа — слова либо иностранные, либо книжные. Исключения составляют: *наголо* (но это слово имеет тенденцию расщепиться на два: 1) *наголо* — «вынув из ножен» и 2) *наголо* — «до кожи» — словарь С. И. Ожегова); *ломота*, которое С. И. Ожегов дает без вариантов (только *ломота*). Если, далее, отказаться от просторечного *беспрóсыну*, то из «простых» слов останется только *творог*, для которого тенденция вытеснения варианта с ударением на первом слоге вариантом с ударением на втором еще, может быть, только намечается. Но как бы ни толковать все эти отдельные и специфические случаи, одно останется ясным: возможность различного акцентного оформления и использование этой возможности, в частности в поэтической речи, в основном по самой идее относится прежде всего к словам редким или трудным, специфическим или ограниченным по сфере употребления. Поэтому лингвистически вполне оправдано пушкинское *музыка*. Лермонтов имел полное право сказать *символ* или *символ* в зависимости от требований стихотворного размера ²⁰.

§ 6. Сопоставление фонетических вариантов, различающихся и не различающихся по месту ударения

В заключение этой части работы следует вкратце остановиться на том, имеется ли какое-либо существенное отличие у вариантов, объединенных в параграфе 2, по сравнению с вариантами,

собранными в параграфе 5, по линии их фономорфологического строения.

Прежде всего нельзя не обратить внимания на гораздо большее единообразие фонетических соотношений вариантов, приведенных в параграфе 5, чем в параграфе 2. Если в вариантах, приведенных в параграфе 2, мы имели различия как гласных, так и согласных, то здесь все без исключения различия сводятся к различию гласного в ударном и безударном положениях с вполне закономерными отношениями [а]—[о-а]—[ъ]; [э]—[и] и т. п.

В пределах данной работы нет ни возможности, ни необходимости подробного фономорфологического анализа материала. Как известно, такой анализ связан с большими трудностями. В качестве примера можно привести хотя бы такой вопрос. Если несомненно то, что [о] в [ламбтъ] и [а] в [лъмата]²¹ находятся друг к другу в фономорфологическом отношении замещения (являясь в достаточной степени фонетически подобными для того, чтобы выступать взаимно в качестве эквивалентов, и будучи, безусловно, взаимно связаны морфологической связью), то как узнать, кто из них является «заместителем» и кто «замещаемым»? (Сравнение таких рядов, как *ломака*, *ломанный*, *ломать(ся)*, *ломанье*, *ломка*, *ломоть*, не дает все же, по-видимому, достаточно определенного основания для того, чтобы считать [а] в этом случае заместителем фонемы [о]: ведь если [о] невозможно в первом предударном, то и [а] невозможно под ударением.) Так же и, например, при чередовании [бархѳткъ] — [бархѳтъкъ]: *бархат*, *бархатный*, *бархатистый*, *бархатка*, *бархотка* не дают определенных оснований для того, чтобы тот или другой вариант морфемы выступал как замещаемый или как заместитель. В случае же с [др'им'а]-[др'ѳмъ], [л'ижм'а] — [л'ѳжм'ъ] и т. п. вопрос, по-видимому, осложняется морфонологическими моментами (в том смысле, что данное изменение в фонемном составе вариантов одной и той же морфемы — в этом случае чередование [и—о], используемое для различения этих вариантов, не обусловлено полностью современными фонетическими закономерностями данного языка).

Подробный фономорфологический разбор материала параграфа 5 осложнился бы еще тем, что большинство включенных здесь единиц являются составными, почему, в отличие от параграфа 2, варьирование носит «комплексный» характер, одновременно затрагивая все морфемы, входящие в состав данного слова, например: [н'ъгалѳ] и [нагѳль], [м'ъльчнѳ] — [м'ълачнѳ] и т. п. Для таких пар, как *одновременно*, *малоразвитой* — *малорѳзвитый* и т. п., пришлось бы еще выяснить вопрос о роли второстепенного ударения²².

§ 7. Вопрос об «орфографических вариантах» слова

Как было подробно разъяснено в первой части работы (стр. 32), слово не существовало бы, если бы не было «вторичного отражения» звучания слова, т. е. его звуковой оболочки в нашем сознании. Однако в «развитых» языках как будто аналогичную роль может

играть отражение в сознании орфографического «образа» слова. Вместе с тем если, как было показано выше, тождество слова не нарушается при очень значительных модификациях его звуковой оболочки, то естественно спросить, что получается, когда аналогичной модификации подвергается его «орфографический облик»? Не является ли постановка вопроса об «орфографических вариантах слова» столь же правомерной, как и о фонетических, морфологических и лексико-семантических?

Как известно, соотношение между языком в собственном смысле, т. е. звуковым языком и письмом, по-разному трактовалось на разных этапах развития языкознания. Языкознание конца XIX века, придя к четкому различению звука и буквы, вместе с тем проявило и известную тенденцию к недооценке последней, т. е. к тому, чтобы рассматривать письменный язык лишь как совершенно условное и произвольное изображение звукового языка. Напротив, современное идеалистическое языкознание не только признает самостоятельное значение письменного языка, но и склонно переоценивать его значение. Некоторые современные исследователи не только считают «письменный язык» вполне равноправным по отношению к звуковому, но даже обнаруживают склонность отдавать ему предпочтение, как форме гораздо более точной и четкой, легче поддающейся регламентированию и стандартизации, допускающей сознательное воздействие людей на свое развитие. Особенно широкое распространение эта точка зрения получила в глоссематике: равноправие различных «манифестаций» имманентно существующего языка, первичного по отношению к той «субстанции», в которой он «материализуется» (будь то «субстанция воздуха», «субстанция чернил» или какая-нибудь другая), является краеугольным камнем всего построения²³.

Обе эти крайние точки зрения на соотношение звукового языка и орфографии являются неправильными.

В действительности, реальное звучание речи составляет «природную материю» языка, основу его существования. Без реального звучания речи (о чем много говорилось выше) язык не был бы самим собой; он не существовал бы как важнейшее средство общения, как специфическое общественное явление. Однако если сравнить, с одной стороны, бесписьменный родовой или племенной язык, а с другой — национальный язык, обладающий длительной традицией письменности, литературно обработанный, преподаваемый в школах и изучаемый научно, то легко усмотреть существенное различие в самом характере существования таких языков. Если первый (бесписьменный язык) ограничивается одной только устной формой, то второй существует не только в своей основной, устной форме, но и в производной по отношению к ней письменной форме. Если бесписьменный язык осознается и применяется только на основе традиции, устанавливающейся в процессе устного общения в разных сферах применения языка, то осознание «культурного языка» модифицируется его научным изучением и школьным при-

нением²⁴. Как пишет проф. А. Б. Шапиро, «...письмо давно уже перестало быть второстепенным придатком к языку устному, а рядом с последним заняло важнейшее место в числе важнейших достижений человеческой культуры»²⁵. Но это вовсе не значит, что «члены культурного общества являются своего рода билингвистами, что устный и письменный языки являются двумя стандартами (образцами языка)» или что «устный и письменный языки являются равноценными частями одного целого»²⁶. Письменная форма языка все равно остается производной по отношению к природному, звуковому языку. Она создается, поддерживается, разрабатывается и регламентируется для того, чтобы наиболее целесообразно изображать язык. Она может оказывать значительное влияние на развитие звукового языка, но это влияние выступает всегда как обратное. В частности, орфография может способствовать сохранению границ морфологических элементов в составе слова, даже восстановлению их, если они стираются в живом языке. Поэтому, используя различные орфографические варианты слова, пишущий может варьировать «внутреннюю форму слова», сближая его в фонеморфологическом плане с разными словами или с разными формами одного и того же слова и варьируя таким образом его экспрессивно-стилистические возможности.

Если подходить к вопросу об орфографии прежде всего с точки зрения школьного преподавания языка, то основной задачей является установление единого и обязательного кодекса орфографических правил, а вопрос об «орфографических вариантах» слова будет интересен только с негативной стороны, т. е. будет рассматриваться с точки зрения устранения вариантных написаний, выбора обязательного варианта. С точки зрения лексикографии основным вопросом является выбор «отсылочного» варианта. Ведь даже в том оптимальном случае, если будет разработан орфографический свод, не допускающий орфографического варьирования, и все усвоят его и откажутся раз и навсегда от использования орфографических вариантов слов, все равно останутся произведения классиков, существующие как устойчивый культурно-исторический факт; вряд ли можно сомневаться в том, что текстология включает в вопрос о «каноническом тексте», «авторской воле» и т. п. также и вопросы орфографии, которая в известном смысле входит в язык и не может рассматриваться как простая условность, как просто вспомогательное средство.

Из сказанного следует, что «орфографические варианты» должны быть включены в число лексических вариантов слова, конечно, со всеми оговорками, вытекающими из изложенных выше соображений о месте и роли орфографии в языке.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ

¹ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (проблема «тождества слова»), Труды Института языкознания АН СССР, т. IV, 1954, стр. 32—34.

² Там же, стр. 8.

³ Здесь не рассматриваются также случаи, когда первоначально стилистическая дифференциация фонетических вариантов слова перерастает в семантические различия, в результате чего слово распадается на два, т. е. такие случаи, как *проект, прожект; машина, машина* и т. п. Эта сторона вопроса разъяснена и иллюстрирована в работе В. В. Виноградова «О формах слова».

⁴ А. И. Смирницкий в работе «По поводу конверсии в английском языке» («Иностранные языки в школе», 1954, № 3) следующим образом формулирует это положение: «Язык определенной эпохи — это язык, существующий и развивающийся во времени, т. е. заключающий в себе момент диахронии: сделать «поперечный разрез языка», не имеющий протяженности во времени, в принципе невозможно, так как фактор времени по самому существу входит в язык... Синхронически система языка неизбежно должна рассматриваться во времени. При этом одни явления выступают как развивающиеся, продуктивные, другие — как отмирающие или окаменевающие, третьи — как относительно стабильные. Таким образом, развитие в языке новых явлений и отмирание или сохранение старых отражаются в самом характере тех или других единиц системы: эти единицы в любой данный момент имеют характер либо новых, либо устаревающих или устарелых, либо нейтральных по отношению к изменению, но все же так или иначе отнесенных к развитию языка во времени, т. е. к его диахроническому аспекту».

⁵ В таких парах, как *беззвездный* (надзвездный), *беззвёздный; безнадежный, безнадежный; безыменный, безыменный* (безымянный); *решетчатый, решётчатый*, процесс вытеснения одного из вариантов можно считать уже закончившимся.

⁶ О выделении фонем см. Р. И. Аванесов, Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, особ. стр. 134; о выделении звуковых единиц более высокого порядка см. А. И. Смирницкий, Фонетическая транскрипция и звуковые типы, «Вестник Московского университета», № 7, 1948. В этой связи, казалось бы, можно было бы поставить и такой вопрос: а не являются ли чередующиеся таким образом звуки «представителями» особых звуковых типов? Ведь известная фонетическая эквивалентность здесь налицо в тех пределах, например, что смычные не чередуются с сонорными. Однако ответ на такой вопрос мог бы быть только отрицательным, так как иначе понятие «звукового типа» расширилось бы до его исчезновения.

⁷ См. примечание четвертое.

⁸ В. В. Виноградов, О формах слова, стр. 40—41.

⁹ Поэтому, может быть, не случайно в несобственной прямой речи Сергея Львовича Щепова (К. Федина, Города и горы, ГИХЛ, 1952) оба раза *кофей: два восьмивершковых полена — кипяток для кофей* (стр. 33) и *...отскабливая от сковородки пригорелые зерна, раз пять сказал: кофей. Сволочи* (стр. 34), тогда как на питательном пункте в Бишофсберге *...кучка подруг, разливавших на вокзале солдатский кофе...* (стр. 160), *...раздавали на вокзале памятки и кофе...* (стр. 169); *...обер-лейтенант выпил подряд две чашки кофе...* (стр. 309).

¹⁰ А. И. Смирницкий, О тождестве слова, стр. 33.

¹¹ На это обстоятельство обратил внимание автора акад. В. В. Виноградов.

¹² В этой связи о дифференциации «прямого» и «образного»: *обсыпать сахаром, но осыпать золотом*.

¹³ См. по этому вопросу: Р. И. Аванесов, Русское литературное произношение, М., 1954; И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, О сценическом произношении в московских театрах, сб. «Вопросы культуры речи», АН СССР, 1955; Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика, МГУ, 1954.

¹⁴ Ср. В. В. Виноградов, О формах слова, стр. 40—41; А. И. Смирницкий, цит. раб., стр. 27—28.

¹⁵ Ср. в этой связи соотношение в русском языке прилагательных на *-главый* и *-головый*: *двуглавый орел, но двуголовый урод* («Рита-Христина»).

¹⁶ К «орфографически отмечаемым» отнесены также случаи с *ё* вроде *крапленый, краплёный; лежмя, лёжмя* и др.

¹⁷ Вариантные прилагательные этого типа весьма многочисленны. Приведем еще *басовый, басовой; возрастный, возрастной; ледовый, ледовой; ледяной, ледяной; марсовый, марсовой; полу-(трех- и т. п.)-пудовый, -пудовой; привозный, привозной; средневековый, средневековой; суставный, суставной; тягловый, тягловой* и др. Если учесть многочисленные прилагательные-термины вроде *грыжевый, грыжевой; кондовый, кондовой; позывный, позывной; скиповый, скиповой* и пр., то легко представить, насколько обширна эта группа вариантов.

¹⁸ К словам с «нулевой прозодемой» следует, по-видимому, отнести все слова с «равномерным ударением» (level или even stress) в английском языке. В таких словах «внутрисловного положительного ударения», по-видимому, нет.

¹⁹ Конечно, имеется в виду варьирование одного слова, т. е. либо существительного, либо глагола. Вопрос о возникших на этой почве словах, принадлежащих к разным частям речи — вопрос особый. Следует, однако, заметить, что глаголы и существительные типа *áccent — accént; rébel — rebel* и т. п. дифференцируются своими парадигмами, а не акцентными различиями, что вполне доказывается такими случаями, как *discharge — dischárge; delay — deláý; escape — escápe; redress — redrés; reproach — repróach; forfeit — fórfít; promise — prómise* и т. п.

Различные виды фонетического варьирования слов в английском языке подвергаются в настоящее время полному рассмотрению в докторской диссертации Г. П. Торсуева (Институт языкознания АН СССР). См. также автореферат диссертации Г. И. Бановой (МГУ, 1954) на тему «Основные колебания в произношении современного английского литературного языка».

²⁰ Правда (как указал в беседе проф. Р. И. Аванесов), по потребностям ритмической речи в фольклоре появляются акцентные варианты, такие, как *дévица, сахарные, богатырь, серебрó*. По-видимому, равномерное ударение свойственно таким словам, как *иначе*. Однако в отношении случаев этого последнего рода может быть уже налицо расщепление на два слова — наречие и союз.

²¹ Но, например, в *баран* [а] «представитель» фонемы [а]? По-видимому нет, так как это звук в особой акцентной позиции.

²² Общую характеристику фономорфологической системы русского языка см. в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, *Русский язык*. Учебник для педагогических техникумов, М., 1936, и в статье А. А. Реформатского, *О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)*, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

²³ См., например, Л. Ельмслев, *Ueber die Beziehungen der Phonetik zur Sprachwissenschaft, Archiv für vergleichende Phonetik*, 11, 1938: «Звуки, следовательно, не принадлежат к сущности (Wesen) языка... Можно представить себе языковую форму, выражение без субстанции, язык можно мыслить без звуков». У него же (*Bull. du cercle linguistique de Copenhague*, IV, 1939, 3—4): «Лингвистическая форма не зависит от субстанции, в которой она манифестируется». Н. I. Uldall, *Speech and Writing (Acta Linguistica*, IV, 1, 1944): «Из графической манифестации языка можно извлечь (distil) точно так же, как и из фонической его манифестации, инвентарь форм, определяемых их взаимными функциями, который с одинаковым успехом может быть представлен фонически или любым другим удобным способом... Субстанция чернил не получила до сих пор того внимания со стороны лингвистов, которое столь щедро отдавалось субстанции воздуха».

²⁴ Ср. А. И. Смирницкий, *Объективность существования языка*, МГУ, 1954.

²⁵ А. Б. Шапиро, *Вопросы русской графики и орфографии*, ИАН, ОЛЯ, 1951, т. X, вып. 3, стр. 257.

²⁶ J. Vachek, *Zum Problem der geschriebenen Sprache (TCLP, 1939); Some Remarks on Writing and Phonetic Transcription (Acta Linguistica, vol. V, fasc. 2, 1945—1949); Psany jazyk a pravopis (Čtení o jazyce a poesii, 1, Praha, 1942, č. 230—231)*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ СЛОВ

§ 1. Общие замечания

Морфологические варианты слова возникают тогда, когда одна из входящих в его состав морфем оказывается лишенной того значения, которое она нормально имеет при различении разных слов.

Вопрос о морфологических вариантах слова значительно сложнее, чем вопрос о фонетических (или звуковых) вариантах слова. Как уже было сказано выше, фонетическое варьирование слова выступает как прямой и простейший антитезис к его лексико-семантическому варьированию. Если в случае лексико-семантического варьирования слова семантические различия лишены внешней оболочки слов, то при фонетическом варьировании, наоборот, внешние различия, различия материальной звуковой оболочки не связаны с различиями значения. Хотя звуки языка и находятся друг к другу в сложных фонологических отношениях, функционируя в качестве различителей звуковых оболочек морфем и слов, тем не менее они не являются языковыми единицами в точном смысле этого термина, так как они не являются двусторонними; они не имеют собственного каждому из них и закрепленного за ними значения. Элементарными (предельными) языковыми единицами являются морфемы, так как морфемы, в отличие от звуков, даже при рассмотрении последних в фонологическом плане, являются двусторонними единицами; у морфем данная внешняя оболочка связана с определенным значением.

При рассмотрении лексико-семантического и лексико-фразеологического варьирования слова входящие в его состав морфемы выступали просто как элементы его цельного словесного значения и не выделялись для особого рассмотрения. Цельное словесное значение только тогда расчленилось на составляющие его отдельные значащие «куски» и «кусочки», когда возникал вопрос о внутреннем разрыве (при одинаковости внешней оболочки), т. е. только когда разные значения выступали как не связанные друг с другом, не совместимые в одном слове. Тогда оказывалось необходимым подвергнуть отдельному рассмотрению каждую из составляющих слово морфем для того, чтобы в случае неодноморфемных образований по возможности выяснить, сложную «механику» расщепления слова на омонимы. В случае фонетических вариантов вопрос о морфологическом членении возникал только постольку, поскольку представлялось существенным выделить собственно фонетические варианты, отделить их от вариантов морфологических (о возникших здесь затруднениях, связанных с наличием как бы «промежуточных случаев», сказано выше, стр. 200). Теперь же морфологический состав слова оказывается в центре внимания. Ведь для того чтобы

определить две «гlossы» как морфологические варианты одного и того же слова, необходимо показать, что какие-то из входящих в их состав морфем лишены своего естественного значения, т. е. того значения, которое они нормально имеют в составе разных слов, или, иначе, что данные морфологические различия являются «пустыми». Но для того чтобы это показать, необходимо прежде выяснить природу этого отсутствующего в данном случае значения, что совсем не просто, так как морфемы различаются не только по своему конкретному значению, но и категориально; разные морфемы достаточно определенно выделяются как корневые и аффиксальные. Поэтому следует присоединиться к тому, что устанавливает на этой основе А. И. Смирницкий в отношении различия между морфологическими (словообразовательными) вариантами одного слова и разными, но синонимическими словами¹: семантическое единство слова должно быть в ы р а ж е н о, т. е. ему должно иметься соответствие в звуковой оболочке слова. Но в строении звуковой оболочки слова, в его смысловой структуре, корневые и аффиксальные морфемы занимают совсем не одинаковое место, играют разную роль. Поэтому наличие в составе двух или более глосс разных к о р н е в ы х морфем при лексико-семантической общности свидетельствует о том, что данные глоссы являются глоссами р а з н ы х слов-синонимов (если, конечно, даже полное внешнее различие между глоссами при тождестве лексической семантики не относится на счет грамматических форм, когда мы имеем явление супплетивности). Безусловно, разными словами, а не вариантами одного слова являются не только *языкознание* и *лингвистика*, но также и *языковедение* и *языковедение*. Напротив, при наличии в составе двух или более глосс разных а ф ф и к с а л ь н ы х морфем (при общности корневой части) это второстепенное или подчиненное внешнее различие (т. е. различие в звуковой оболочке) может оказаться лишенным соответствующих лексико-семантических различий. Поэтому такие глоссы выступают уже не как глоссы разных слов, а как словообразовательные варианты одного и того же слова. При явном тождестве корня внешнее различие оказывается в таких случаях второстепенным, и поскольку оно, кроме того, не выражает никакого лексико-семантического различия, постольку оно воспринимается как несущественное и не препятствует отождествлению слова в соответствующих глоссах. Общее, единое в звуковой материи, как выражающее тождество лексико-семантического существа обоих образований, доминирует здесь над ничего не выражающим внешним различием и подавляет его.²

Отличие морфологических вариантов слова от фонетических состоит в том, что лишенными своих естественных языковых функций оказываются не отдельные звуки (соответственно фонемы), а такие соединения звуков (фонем), которые, вообще говоря, в данном языке выступают как морфемы — мельчайшие значащие единицы или элементарные единицы языка; *лиса* и *лисица*, например, потому являются не разными словами, а словообразовательными

вариантами одного и того же слова, что не выражающий здесь никакого лексико-семантического различия элемент *-иц-* в других случаях выступает в качестве словообразовательной морфемы, т. е. предельной лингвистической единицы, обладающей как внешней, так и внутренней смысловой стороной: ср., например, *львица (лев), тигрица (тигр)* и т. п.

Вследствие того что разные аффиксальные словообразовательные морфемы обладают разной степенью лексико-семантической самостоятельности, практически отличать разные слова-синонимы от разных словообразовательных (морфологических) вариантов одного слова оказывается часто нелегко, тем более, что в языке непрерывно происходят разнообразные процессы, которые то приводят к семантической дифференциации вариантов одного и того же слова и превращению их в разные слова, то к сглаживанию семантических различий и совпадению первоначально различных слов в одном слове.³

Не меньшие трудности представляет и отграничение словообразовательных вариантов слова от параллельных или «дублетных» производных от одной основы, т. е. тех весьма распространенных случаев, когда от данной основы образуется два или более слов, принадлежащих не только к одной и той же части речи, но и в пределах этой части речи к одной и той же более узкой лексической категории; известно, например, что категория лица в русском языке насчитывает до 20 разных способов образования. Но, конечно, трудности здесь касаются анализа отдельных случаев, которые крайне многообразны; дело нередко еще больше осложняется тем, что семантическое слияние «параллельных производных» охватывает не все слово в целом, а лишь одно из его значений. Принципиальное же различие, т. е. общий принцип разграничения морфологических вариантов одного слова и разных (параллельных) производных слов, представляется достаточно ясным. Например, *классный* и *классовый* — разные слова, разные прилагательные, потому что различие в их строении, в их выражении связано с вполне ясным и определенным различием в их «содержании», в их значении. Напротив, например, *ананасовый* и *ананасный*, *абрикосовый* и *абрикосный* и т. п. либо уже являются словообразовательными вариантами одного слова, либо обнаруживают тенденцию превратиться в них, слиться, что видно из практической неразличимости их значений, из все возрастающей возможности их безразличного употребления одного вместо другого. То же относится, например, к таким парам, как *петуший* и *петушинный*, *бычий* и *бычачий* и т. п. Если изучение фактов современного русского языка позволяет установить достаточно определенные семантические различия между такими «дублетными» или «параллельными» производными от одной и той же основы, если, например, *петуший* до сих пор значит «относящийся к петуху, принадлежащий петуху», а *петушинный* — «свойственный петуху», «как у петуха» и т. п., т. е. если по-русски можно сказать *петуший гребень, хвост* и *пе-*

тушиный задор (ср. *мое дело петушиное — свое пропел, а там хоть не рассветай*) и нельзя сказать *петушиный гребень, хвост и петуший задор*, то это разные слова, разные прилагательные, раскрывающие разные стороны, разные признаки в предмете. Если же оказывается, что *петуший* и *петушиный* можно употреблять безразлично для обозначения разнообразных признаков, т. е. если можно сказать и *петуший гребень, хвост*, и *петушиный гребень, хвост*, и *петуший задор*, и *петушиный задор* и т. п., то это варианты одного и того же слова и соответствующие морфологические различия являются незначущими, пустыми. Если, например, установлено, что совершенно безразлично, как сказать: *бычьи глаза* или *бычачьи глаза*, *бычьи хвосты* или *бычачьи хвосты* и т. п., т. е. если невозможно для современного русского языка обнаружить какое бы то ни было предметно-семантическое различие между данными «дублетами», то их придется признать вариантами одного прилагательного, а не разными прилагательными. В связи со всем сказанным следует еще и еще раз напомнить, что варианты слова — это его лексические разновидности, его лексические модификации, а не его грамматические формы. Грамматическое изменение слова идет совсем по другой линии и, в отличие от его лексического варьирования, связано с особенностями его функционирования в словосочетании и предложении.

Очень сложным и по-разному трактуемым вопросом является вопрос о месте экспрессивно-стилистической характеристики слова в ее отношении к его предметно-семантическому содержанию, к его значению. Следует признать, что экспрессивно-стилистический момент, как заключенный в самом слове (а не просто вызванный данными специфическими особенностями его употребления), может быть настолько резко выраженным, что его бывает трудно отделить от момента собственно семантического. Тем не менее в настоящей работе представляется возможным присоединиться к точке зрения А. И. Смирницкого⁴, считающего, что семантические различия и различия экспрессивно-стилистического характера следует принципиально различать и разграничивать. Эмоционально-экспрессивные, стилистические моменты, хотя в некоторых случаях они оказываются очень ярко выраженными и потому привлекают к себе особое внимание, ни в коем случае не могут быть поставлены наравне с моментами собственно семантическими, интеллектуальными, связанными с мышлением, с самим возникновением мысли и обменом мыслями. Эмоционально-экспрессивные моменты всегда остаются лишь дополнением к основному в слове, т. е. к его значению, его смысловому содержанию.

Различаться разного рода оценочно-эмоционально-экспрессивными моментами могут как разные слова, так и варианты одного и того же слова. Поскольку в обоих случаях экспрессивно-стилистические моменты выступают как дополнительные, они могут сопровождать те или иные фонетические и морфологические различия; фонетические и морфологические варианты могут быть

стилистически дифференцированными (как например *пред* и *перед*, *молодой* и *младой*, *отряхать* и *отряхивать* и т. п. — см. выше); различия в стилистической характеристике всегда существуют не сами по себе, а при каких-либо других различиях — фонетических, морфологических или лексико-семантических.⁵

* * *

Поскольку разные случаи словообразовательного варьирования слов в русском языке совсем не подвергались еще систематическому исследованию, рассматриваемый ниже материал не может претендовать на полноту. Задача будет состоять лишь в том, чтобы попытаться наметить некоторые типы парных образований, совпадающих по значению и тождественных по корневой морфеме, в которых различие аффиксальных морфем не сопровождается вполне определенными семантическими различиями, нормально сопровождающими применение данного словообразовательного элемента. Материалом исследования служат слова, объединяемые в словах такими лексикографическими приемами, как «то же, что», «и», = (равно), ,(запятая), :(точка с запятой), {} (фигурная скобка) и др. Например: «варка — то же, что варение», «закладывание = закладка», «безвкусие и безвкусица», «волчиха ! волчица J » и т. п. Материал располагается по частям речи, причем при наличии большого числа и разнообразия случаев, относящихся к данной части речи, делается попытка семантической классификации внутри данного раздела.

§ 2. Существительные

1) Названия людей

Преобладающим типом словообразовательного варьирования названий людей в современном русском языке, по-видимому, являются разнообразные случаи десемантизации уменьшительных суффиксов⁶, например: *баядерка*, *баядера*; *злючка*, *злюка*; *монашенка*, *монашка*; *нянька*, *няня*; *потаскушка*, *потаскуха* и др. Особенно активен процесс десемантизации уменьшительных суффиксов в области терминов родства, например: *дочка*, *дочь* (ср. польск. *coŕka* из *doŕoŕka* — «дочурка»); *бабушка*, *бабка*; *дедушка*, *дед*; *внучка*, *внука* (последнее теперь только в просторечии) и др. Интересную и сложную картину, неоднородную с точки зрения стилистической, представляют такие ряды, как *братец*, *браток*, *брат* в обращении, *маменька*, *мамаша*, *мама*; *папенька*, *папаша*, *папа* и т. п.

В эту группу можно отнести (в виде подраздела) и такие случаи, как *душечка*, *душенька*; *хохотунья*, *хохотушка*; *ярыга*, *ярыжка* и т. п. Эти случаи, с одной стороны, оказываются связанными с только что описанной группой по линии уменьшительного суффикса в одном из вариантов, а с другой — примыкают к следующей

подгруппе, включающей пары с десемантизацией аффиксов, нормально дифференцирующих названия лиц мужского и женского пола, таких, как *копуша, копун; ябеда, ябедник; шаромыга, шаромыжник; шельма, шельмец* и др.

Отсутствие семантических различий, связанных с различием аффиксальных морфем, и, следовательно, словообразовательные варианты одного слова находим в таких парах, как *жестяник, жестящик; приживал, приживальщик; сводня, сводница; строгаль, строгальщик* и др.

2) Названия животных

В этой подгруппе, как и в первой, случаи десемантизации уменьшительно-ласкательных суффиксов очень распространены. Так, например, *дворняга, дворняжка; мураш, мурашка; пичуга, пичужка; сардина, сардинка; сосун, сосунок; стригун, стригунок; хорь, хорёк; чиж, чижик* и др., причем, как и с названиями людей, вариант с десемантизированным уменьшительным суффиксом обнаруживает тенденцию к вытеснению основного варианта (как это уже, безусловно, произошло, например, с вариантом *селедка*, вытеснившим совсем *сельдь* из обычного употребления).

Другие разнообразные случаи отсутствия семантических различий при внешнем различии аффиксальных морфем находим, например, в *волчиха, волчица; кобыла, кобылица; лиса, лисица; сайга, сайгак* и др.

3) Разные названия

В этой подгруппе объединены разные названия, отличающиеся от 1) и 2) тем, что это не названия людей и животных, и от 4) и 5) (ниже) тем, что в этих последних собраны существительные с отвлеченным значением. Следует еще раз оговориться, что выделение подгрупп по семантическому признаку имеет чисто рабочий характер, не претендующий вовсе на сколько-нибудь глубокое раскрытие внутренних закономерностей структурно-семантического порядка.

Из разнообразных слов, отнесенных к этой подгруппе, прежде всего выделяются слова с словообразовательными суффиксами, обуславливающими отнесение данного существительного к одному из трех родов. Эта группа слов очень близко примыкает к словам типа *зал, зала* (см. ниже стр. 223), отличаясь от них лишь тем, что если в словах типа *зал, зала* дифференциация по родам выражается только парадигмой, то здесь родовая дифференциация носит сложный характер, выражаясь одновременно и парадигмой и употреблением различных словообразовательных суффиксов. К таким словам относятся: *антитеза, антитезис; дифтерия, дифтерит; жилет, жилетка; завитушка, завиток; заголовок, заглавие; картошка, картофель; лакрица, лакричник; настил, настилка; обмундировка, обмундирование; переносье, переносица; подводка, подвод; полтина, полтинник; прикорм, прикормка; присоска, присос; купавка, пупавник; развилка, развилоч; редис, редиска; рублевик,*

рублёвка; скворечник, скворечница (скворечня); скотина, скот; свиарник, свиарня; самоход, самоходка; самогон, самогонка; салатник, салатница; табурет, табуретка; уксусник, уксусница; фреза, фрезер; щепенка, щепень; эпидерма, эпидермис и др.

Десемантизацию уменьшительного суффикса (в разной степени и с различной стилистической окраской) находим в таких примерах, как: *болтушка, болтунья (яичница); брошка, брошь; бусина, бусинка; диковина, диковинка; дыра, дырка; задорина, задоринка; заковыка, заковычка; караульня, караулка; костяшка, косточка; кошелёк, кошель; крапинка, крапина; культя, культяпка; краюха, краюшка; крошка, крошечка; лоханка, лохань; обнова, обновка; окошко, окно; очёс, очёски; оперетка, оперетта; пяточок, пятак; раздевальня, раздевалка; серёжка, серьга; середина, серёдка; сигнатура, сигнатурка; сковорода, сковородка; слобода, слободка; сурдина, сурдинка; сурепица, сурепка; тетрадь, тетрадка; тросточка, трость; трусики, трусы; фляга, фляжка; фортка, форточка; хибара, хибарка; шелковина, шелковинка; щепотка, щепоть и др.* Как уже было сказано, степень потери значения суффиксов в разных случаях совсем не одинаковая. Так, например, уменьшительное значение как будто достаточно отчетливо сохраняется в таких случаях, как *бусинка, дырка* и др. Но все же и в таких случаях наблюдается ослабление этого значения и соответственно нарушение его нормального функционирования.

Другие разнообразные случаи отсутствия семантических различий, несмотря на внешнее различие аффиксальных морфем в этой подгруппе, можно проиллюстрировать такими примерами, как *гармонь, гармошка и гармоника; греча, гречиха; жниво, жнивье (жнитво); звукоулавливатель, звукоуловитель; кострика, костра; логовище, логово; масляница, масленица; метелица, метель; мотоцикл, мотоциклет; напилок, напильник; ольшаник, ольшняк; опиум, опиум; парособиратель, паросборник; пестрядь, пестрядина; плешина, плешь; подсолнух, подсолнечник; помышление, помысел; приплата, доплата (с разными префиксами); родословие, родословная; семинарий, семинар; синь, синева; смоква, смоковница; солеварница, солеварня; сонмище, сонм; террарий, террариум; тишь, тишина; топонимика, топонимия; трёшка, трешница; хитреца, хитринка; чабер, чабрец; щиколка, щиколотка; эллипс, эллипсис и др.*

Своеобразные модификации основы находим в таких парах, как *самосовершенствование, самоусовершенствование; самоунижение, самоуничужение; странствие, странствование* и др.

В этой подгруппе, как и во всех других подгруппах, пары, объединяемые как словообразовательные варианты одного слова, очень значительно различаются стилистически; в целом ряде случаев могут быть обнаружены и различные оттенки собственно значений, что видно, в частности, из того, что они по-разному трактуются в словарях (т. е. члены одной и той же пары либо соотносятся как варианты посредством знака равенства, «то же, что»

и т. п., либо их дают в виде отдельных вокабул, без соотнесения друг с другом). Их исчерпывающее исследование, для которого картотека полного академического словаря представляет широкие возможности, должно обеспечить для каждого случая документированный выбор основного варианта (причем основного не с точки зрения фактической исторической последовательности возникновения, а с точки зрения современного словоупотребления). До того, как будет проведена эта работа, выбор того или другого варианта будет, по-видимому, носить субъективный характер. Так, например, для автора настоящей работы основными вариантами (т. е. теми, которые он реально употребляет в своей речи) будут соответственно: *жнивье*, *масленица*, *метель*, *мотоциклет*, *напильник*, *опиум*, *пестрядина* (материя; *пестрядь* — только как *adjektiv abstractum*, например в *пестрядь вялых трав*, *мой зимний Коктебель*) и *смоковница* (в значении дерева); *смоква* — только как разновидность густого варенья. Однако было бы странно не принимать во внимание данные наиболее авторитетных словарей. Так, например, *жнивье*, *жнивье* и *жнитво* объединяются (запятыми, «и» и «то же, что») в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова; то же относится к *мотоцикл*, *мотоциклет*; *напил*, *напильник*; *пестрядь*, *пестрядина*; *опий*, *опиум*. *Смоква* и *смоковница*, данные отдельными вокабулами в словаре С. И. Ожегова, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова объединяются («и» и «то же, что»).

4) «Имена действия»

Распространенным способом морфологического варьирования имен действия в современном русском языке является параллельное образование с суффиксом *-ание*, *-ение* и с суффиксом *-ка*. При этом здесь так же, как и в группах 1), 2), 3), варианты на *-ка* в обычном словоупотреблении обнаруживают известную тенденцию к вытеснению конкурирующих вариантов.⁷ Но, конечно, эта тенденция не охватывает всех случаев, и отношения между такого рода «дублетами» могут быть весьма разнообразными. Например, если такие слова, как *доставление*, *отправление* (действие по глаголу *отправлять*, а не «опредмеченное»), *сортирование*, представляются несколько искусственными, то такие, как *планирование*, *нормирование*, *осушение* и т. п., являются вполне употребительными.

К этому виду варьирования относятся: *асфальтирование*, *асфальтировка*; *варение*, *варка* (варение как «действие по глаголу варить»); *гофрирование*, *гофрировка*; *добавление*, *добавка*; *доставление*, *доставка*; *заготовливание* (*заготовление*), *заготовка*; *клепание*, *клёпка*; *командирование*, *командировка*; *копирование*, *копировка*; *корчевание*, *корчевка*; (*контр-*) *ассигнование*, (*контр-*) *ассигновка*; *мотание*, *мотка*; *накаливание*, *накалка*; *наматывание*, *намотка*; *нормирование*, *нормировка*; *обезличивание* (*обезличение*), *обезличка*; *обмывание*, *обмывка*; *обрезывание*, *обрезка*; *окрашивание*, *окраска*; *осушение*, *осушка*; *отправление*, *отправка*; *очищение*, *очистка*; *пикирование*, *пикировка*; *планирование*, *планировка*; *получение*, *получка*;

прессование, прессовка; проектирование, проектировка; промывание, промывка; размежевание, размежевка; раскупоривание, раскупорка; распаковывание, распаковка; распаивание, распайка; рассаживание, рассадка; растирание, растирка; регулирование, регулировка; сортирование, сортировка и др. В «сниженном» стиле речи число вариантов этого типа может быть очень увеличено; в этом стиле вполне возможны были бы, например, *инструктировка, разогревка* и т. п. Такие образования, как например *элиминировка*, не употребляются не вследствие структурных препятствий, а из-за ограниченного употребления таких слов вообще.

Довольно распространенным является также варьирование имени действия по типу: суффикс *-ание, -ение* и «конвертированная глагольная основа», т. е. включение глагольной основы в парадигму [ноль], [-а], [-у] и т. д. без оформления ее положительным словообразовательным суффиксом (подробнее об этом виде словообразования сказано в связи с вариантами типа *зал, зала*, стр. 223). К таким вариантам относятся *гогот, гоготание; обжиг, обжигание; обогрев, обогревание* (также *нагрев, нагревание; разогрев, разогревание*); *отсвет, отсвечивание; отсев, отсеивание; распад, распадение; скрип, скрипение; щебет, щебетание* и др.

В таких случаях, как *обзор, обозрение; набор, набирание* и т. п., образование «короткого» варианта без положительного словообразовательного суффикса отличается от конверсии, т. е. включения глагольной основы в парадигму [ноль], [-а], [-у] и т. д. без оформления положительным словообразовательным суффиксом, наличием чередования гласных.

Отдельно следует упомянуть такие пары, как *интеграция — интегрирование; гипнотизация — гипнотизирование; элиминация — элиминирование* и др., строго ограниченные рамками «книжного» стиля. В связи с этим следует обратить внимание на возрастающую продуктивность образований с *-ирование* от глаголов на *-ировать, -изировать* по сравнению с *-ация*; такие образования, как *гипнотизация*, теперь уже вряд ли реальны.

Особняком стоят такие случаи, как *коронование — коронация; лов — ловля; дележ — дележка; инструктаж — инструктирование*.

5) Отвлеченные существительные, обозначающие признак

Составляющие основу этой категории существительных образования на *-(н)ость* оказываются в отношениях словообразовательного варьирования преимущественно с отадекватными же образованиями на *-(ен)ие, -ье*, например: *бессердечность, бессердечие; беспристрастность, беспристрастие; затверделость, затвердение; многоводность, многоводье; многолюдность, многолюдие; неблагозвучность, неблагозвучие; незлобивость, незлобие; обаятельность, обаяние; однообразность, однообразие; ожесточенность, ожесточение; перенаселенность, перенаселение; подобострастность, подобострастие; предрасположенность, предрасположение; разоб-*

ценность, разобщение; самоотверженность, самоотвержение; самоуспокоенность, самоуспокоение; своеобразие, своеобразие; свое нравность, свое нравие и др.

Образования на *-(н)ость* варьируют также с образованиями на *-ество* в тех случаях, когда последние имеют значение определенного признака, например: *неряшливость, неряшество; ничтожность, ничтожество; преемственность, преемство; проворность, проворство; рутинность, рутинерство* и т. д.

Этими основными типами морфологическое варьирование в данной лексико-семантической категории слов не исчерпывается. Имеются такие довольно многочисленные «пестрые» варианты, как например *аполитичность, аполитизм; дилетантизм, дилетантство; лаконизм, лаконичность*. Далее: *нерешительность, нерешимость; перегруженность, перегрузка; пошлятина, пошлость; раболепие, раболепство; упрощение, упрощенство*. Далее: *удаль, удальство; усталь, усталость; хворь, хворость* и др.

Семантически особую группу представляют названия вероисповеданий и т. п., дающие такие варианты, как *иудейство, иудаизм; католичество, католицизм; огнепоклонство, огнепоклонничество; протестантство, протестантизм*.

Прежде чем перейти к рассмотрению морфологического варьирования прилагательных, необходимо остановиться на одном особом случае варьирования существительных, принципиально отличном от рассмотренных выше и потому заслуживающем отдельного обсуждения.

Известно, что аффиксальные морфемы подразделяются на лексические и грамматические, т. е. на словообразующие и словоизменяющие. Поскольку в настоящей работе речь идет о вариантах *с л о в*, а не о вариантах форм одного и того же слова, грамматические аффиксы могут рассматриваться здесь только постольку, поскольку они оказываются способными к выполнению словообразовательных функций, могут выступать для различения слов, а не их форм; кроме того, такое их функционирование должно быть «пустым», не связанным с соответствующим лексико-семантическим различием.

По-видимому, такой случай мы находим в парах, подобных *арабеск, арабеска; вуаль* (вуалья, вуалем) и *вуаль* (вуали, вуалью); *георгин, георгина; жираф, жирафа; зал, зала; занавес, занавесь; катаракт, катаракта; квант, кванта; клавиш, клавиша; крематорий, крематория; лангуст, лангуста; манер, манера; манжет, манжета; матрикул, матрикула; метаморфоз, метаморфоза; метод, метода, мирт, мирта; папах, папах; парадигм, парадигма; парафраз, парафраза; рей, рея; рельс, рельса; санаторий, санатория; скаред, скареда; скирд, скирда; спазм, спазма; ставень, ставня; тувель, тувля; тюник, тюника; фарад, фарада; чинар, чинара* и др.⁸ Этот случай интересен теоретически (фактически такие пары чрез-

вычайно неустойчивы), так как варьирование осуществляется здесь не наличием или отсутствием определенного конкретного аффикса, а соединением одной и той же основы с разными парадигмами. Нормально парадигма («типоформы» слова)⁹ определяет отличие данного слова от других слов с той же основой. Парадигмы [ноль], [-а], [-у], [-ом] и т. д. и [-а], [-и], [-е], [-ой] и т. д. вполне отчетливо различают разные слова, например слова *супруг* и *супруга*, и выплывают здесь словообразовательную роль («словообразование посредством конверсии», когда разные слова образуются «от общей им основы без каких бы то ни было положительных (не «нулевых») словообразовательных аффиксов и других специально словопроизводственных средств (чередование, акцентные различия), но только путем соединения основ с той или другой определенной парадигмой»¹⁰). Однако, хотя указанное соотношение и является соотношением двух различных слов в случае *супруг*, *супруга*, из этого вовсе не следует, что оно остается таким же и в приведенных выше случаях. «Надо всегда помнить, что различные языковые единицы, определенным образом соотносясь друг с другом в системе языка, вместе с тем находятся, на каждом данном этапе развития языка, в известных (и очень сложных) отношениях к различным фактам действительности»¹¹. Поэтому всегда необходимо учитывать как внутриязыковые соотношения, так и отношения между языковыми единицами и фактами действительности, так как оба эти момента находятся во внутренней связи друг с другом. Словами *супруга* и *супруг* обозначаются реально разные индивиды, разные «предметы» в широком смысле слова. В приведенных же у нас случаях *арабеска* (при *арабеск*), *рельса* (при *рельс*), *георгина* (при *георгин*), *парафраза* (при *парафраз*) и т. п. не имеют соответствующей лексико-семантической функции, обозначая неодушевленные предметы. Поэтому в них отсутствует значение принадлежности к определенному полу, которое и делает *супруг* и *супруга* разными словами. «Одно различие в грамматическом роде как таковое еще не является словоразделяющим, так как им обозначается не какое-либо реальное различие в самих предметах, а только различие в отношениях между этими предметами и системой родовой дифференциации слов»¹². В общем, ту же картину мы будем иметь и в таких случаях, как *кайла*, *кайло*; *зал*, *зало*; *остропестр*, *остропестро*; *сивка*, *сивко* и др.¹³

Выше уже было сказано о том, что этот случай варьирования существительных представляет главным образом теоретический интерес, так как он явно непродуктивен. В самом деле, из всего приведенного списка едва ли не всего семь-восемь пар можно признать реально сосуществующими в качестве живых вариантов одного слова, а именно: *арабеск*, *арабеска*; *клавиш*, *клавиша*; *метаморфоз*, *метаморфоза*; *парафраз*, *парафраза*; *скарעד*, *скареда*; *скирд*, *скирда*; *спазм*, *спазма*; *ставень*, *ставня* (причем уже последние два с явно «сниженным» стилистическим тоном). *Вуаль* (вуаля), *георгина*, *жирафа*, *занавесь*, *катаракт*, *кванта*, *крематория*, *лангуст*, *манер*,

*манжет, матрикула, мирта, папах, парадигм, санатория, тюник, фарад, чинар*¹⁴, выходят или вышли из живого употребления; *рей, рельс, туфель* (туфля) существуют только в просторечии.

§ 3. Прилагательные

Классификация и рассмотрение морфологических вариантов прилагательных существенно отличаются от тех, которые были приняты для существительных. Причиной этому является то, что в лексико-семантическом отношении прилагательные гораздо однообразнее существительных, выражают такие отвлеченные понятия, как признак, свойство, качество. Поэтому для прилагательных практически невозможно выделить лексико-семантические группы, которые соответствовали бы таким классам, как «названия людей», «названия животных», «имена действия» и др., выделенным у существительных. Это не значит, что прилагательные вообще не могут рассматриваться в лексико-семантическом плане. Однако такое их рассмотрение требует детального исследования соответствующих словосочетаний, так как только таким образом могут быть обнаружены и раскрыты большей частью тонкие семантические различия.¹⁵

Исходя из сказанного, в основу классификации морфологических вариантов прилагательных положено их строение. Однако этот способ классификации, хотя он и является, вообще говоря, более объективным и потому надежным, чем лексико-семантический, оказался связанным со следующей трудностью: в тех случаях, когда данное структурное соотношение представлено большим количеством примеров, лексико-семантические отношения между членами разных пар оказываются настолько сложными и разнообразными, что для проведения грани между разными словами и вариантами одного и того же слова необходимо более детальное семантическое исследование, чем то, которое возможно в рамках настоящей работы. Так, если взять наиболее распространенный тип «альтруистический, альтруистичный», т. е. такие пары, как автобиографический, автобиографичный; автоматический, автоматичный; академический, академичный; алогический, алогичный; аллегорический, аллегоричный; анекдотический, анекдотичный; анемический, анемичный; апатический, апатичный; архаический, архаичный; аутентический, аутентичный; гигиенический, гигиеничный; гиперболический, гиперболичичный; гипотетический, гипотетичный; демократический, демократичный; деспотический, деспотичный; динамический, динамичный; дипломатический, дипломатичный; догматический, догматичный; драматический, драматичный; истерический, истеричный; канонический, каноничный; катастрофический, катастрофичный; категорический, категоричный; концентрический, концентричный; лаконический, лаконичный; лирический, лиричный; мелодический, мелодичный; микроскопический, микроскопичный; патетический, патетичный; педантический, педантичный; поэтический, поэтичный; проблематический, пробле-

Матичный; реалистический, реалистичный; ритмический, ритмичный; символический, символичный; симметрический, симметричный; симптоматический, симптоматичный; синонимический, синонимичный; специфический, специфичный; спорадический, спорадичный; схематический, схематичный; талмудический, талмудичный; фантастический, фантастичный; феерический, фееричный; хаотический, хаотичный; химерический, химеричный; эгоистический, эгоистичный; эпизодический, эпизодичный; эротический, эротичный; этический, этичный и др., то здесь можно будет выделить следующие три случая:

1) (наиболее распространенный) когда данные морфологические различия не сопровождаются никаким различием значения, т. е. когда мы имеем несомненные варианты одного слова, например: *гипотетический, гипотетичный, катастрофический, катастрофичный; симметрический, симметричный* и многие другие. Следует заметить, что важным фактором в сближении таких пар и в слиянии их в варианты одного слова является отсутствие кратной формы у варианта с суффиксом *-еск-*. Варианты типа *импрессионистический, импрессионистский; семитический, семитский; туристический, туристский* очень немногочисленны и отчетливо различаются по стилистической окраске;

2) (по распространенности стоящий на втором месте) когда это разные слова, но совпадающие друг с другом в отдельных своих значениях, например: *анекдотический, анекдотичный; демократический, демократичный; динамический, динамичный; дипломатический, дипломатичный; драматический, драматичный; комический, комичный; микроскопический, микроскопичный* и др.;

3) (наименее многочисленный) когда это разные слова, без совпадающих значений, например: *академический*, «относящийся к академии», и *академичный*, «относящийся к академизму» (ср. Словарь современного русского литературного языка АН СССР).

Из остальных многочисленных и разнообразных типов морфологического варьирования прилагательных только один представляет собой более или менее обширную и однородную группу по линии дифференциации положительных суффиксов, а именно: *аквамариновый, аквамаринный; ананасный, ананасовый; антрацитный, антрацитовый; апельсинный, апельсиновый; графитный, графитовый; жасминный, жасминовый; лавандный, лавандовый; кипарисный, кипарисовый; контрабасный, контрабасовый; мандаринный, мандариновый; парусинный, парусиновый; терпентинный, терпентиновый; хитинный, хитиновый; шафранный, шафрановый* и др. Так же как и первая (*-ческий, -чный*), эта группа неоднородна в лексико-семантическом плане, но в отличие от первой группы лексико-семантическое варьирование, сопровождающее изменение внешнего оформления, нигде не дает разных слов. Наиболее значительными лексико-семантическими различиями в этой группе случаев являются следующие: дифференциация в таких парах, как *ананасный, ананасовый; апельсинный, апельсиновый;*

жасминный, жасминовый; лавандный, лавандовый; кипарисный, кипарисовый; мандаринный, мандариновый; шафранный, шафрановый, как будто зависит от того, имеется ли в виду само растение или свойства его плодов, цветов и т. д. Так, *ананасовым, апельсиновым, мандариновым* будут *дерево, аллея* и т. п.; *жасминовым — куст, заросли* и т. п.; *лавандовым* должен был бы быть также только *партер* и пр. (однако *лавандный*, по-видимому, вообще вытесняется другим вариантом; может быть, здесь играет роль и фонетический момент — факультное [д] между двумя носовыми того же места образования?), а *ананасной, апельсиновой и мандариновой — корка*. Но *сок* теперь пьют *апельсиновый и мандариновый*, хотя не будет ошибкой сказать и *апельсинный сок* (то же относится к *варенью, компоту* и пр.). *Цвет* обычно бывает *апельсиновый*, но *блузка апельсинового цвета* вряд ли вызовет возражение с точки зрения живого словоупотребления. О *кипарисовом дереве* обычно не говорят потому, что для этого есть отдельное слово — *кипарис*; может быть, поэтому тут устанавливаются особые отношения, отличные от тех, которые в какой-то степени могут быть обобщены для других прилагательных этой подгруппы.

Шафранный и *шафрановый* дают сложное лексико-семантическое переплетение, так как, помимо растения и свойственного его цветам цвета, это прилагательное употребляется для обозначения сорта яблок.

Из остальных пар этого списка наиболее точным и правильным случаем синхронического морфологического варьирования слова является *хитинный, хитиновый*, так как тут наличное морфологическое различие действительно полностью десемантизировано. В остальных же случаях можно констатировать предпочтение одного из вариантов в наиболее естественных для них сочетаниях¹⁶.

Кроме описанных двух типов, определенный тип варьирования прилагательных может быть выделен только как «ноль — положительный словообразовательный суффикс», т. е. как конвертированная основа, варьирующаяся с образованием посредством особого «положительного» адекативного суффикса. Таковы: *барсучий, барсуковый; безлистый, безлистный; безязыкий, безязычный; будний, будничный, буднишний; бычий, бычачий; внучатый, внучатный; девичий, девический; жестокосердый, жестокосердный; петуший, петушиный; супоросая, супоросная; тонко-(мелко-, худо-)шерстый, тонкошерстный* и др.

Из этой группы реально сосуществующими вариантами прилагательных являются, по-видимому, *безязыкий, безязычный; бычий, бычачий; девичий, девический; супоросая, супоросная* и *тонко-(худо-, мелко-)шерстный, -шерстый*.

Барсуковый, внучатый и *жестокосердый*, по-видимому, уже практически вытеснены из живого употребления. *Петуший* и *петушиный* как будто различаются семантически (ср. Словарь С. И. Ожегова), где *петуший* к *петух* 1 — *петуший гребень*, а *петушиный* — *голос, бой, задор*. Однако, как и во всех подобных

случаях, трудно решить, имеется ли реально семантическое различие при свободном употреблении соответствующих вариантов, или просто известная фразеологическая их связанность в некоторых привычных сочетаниях. Например, как надо сказать: *петушее перо* или *петушиное перо*? *Яркий петушиный хвост* или *яркий петуший хвост*? Думается, что с точки зрения современного свободного словоупотребления происходит вытеснение варианта *петуший*, в связи с чем сказать *петушиный гребень*, *петушиный хвост* теперь вполне возможно.

Кроме типов, данных под 1) и 2), варианты прилагательных, различающиеся положительными аффиксными суффиксами, настолько пестры, что объединить удастся не более двух или трех случаев, и то по большей части лишь очень приблизительно. Например: *ассимилятивный*, *ассимиляционный*; *апперцептивный*, *апперцепционный*; *обвисший*, *обвислый*; *обрюзгший*, *обрюзглый*; *одичавший*, *одичалый*; *востоковедческий*, *востоковедный*; *искусствоведческий*, *искусствоведный*; *волонтерский*, *волонтерный*; *ионический*, *ионийский*; *грабарский*, *грабарный*; *ерундовский*, *ерундовый*; *мальчишеский*, *мальчишечий*; *садовнический*, *садовничий*; *эзоповский*, *эзопский*; *суматошный*, *суматошливый*; *хлопотный*, *хлопотливый*; *безъязычный*, *безъязычивый*; *пустяковый*, *пустячный*; *рудниковый*, *рудничный*; *неотвязный*, *неотвязчивый*; *узорный*, *узорчатый*; *оборотистый*, *оборотливый*; *беж*, *бежевый*; *бордо*, *бордовый*.

Из перечисленных здесь случаев собственно вариантами являются *ассимилятивный*, *ассимиляционный*; *апперцептивный*, *апперцепционный*; *ерундовский*, *ерундовый*; *мальчишеский*, *мальчишечий*; *садовнический*, *садовничий*; *суматошливый*, *суматошный*; *пустяковый*, *пустячный*; *узорный*, *узорчатый*. В следующих парах: *востоковедческий*, *востоковедный*; *искусствоведческий*, *искусствоведный*; *оборотистый*, *оборотливый*; *обвисший*, *обвислый*; *обрюзглый*, *обрюзгший*; *одичавший*, *одичалый* — имеется определенное стилистическое различие, причем стилистически нейтральным является тот из членов пары, который приведен первым; второй же характеризуется несколько сниженным стилистическим тоном¹⁷. *Волонтерный* и *эзопский* вытеснены своими конкурентами; то же самое, по-видимому, относится и к *рудниковый* (во всех обычных сочетаниях только *рудничный*: *рудничное крепление*, *рудничная атмосфера*, *рудничный газ*). *Хлопотливый*, *хлопотный* дают ту же лексико-семантическую картину, что и вторая разновидность прилагательных с *-ическ-*, *-ичн* (см. выше стр. 224); *дело*, например, может быть *хлопотливо* (хотя он же может быть и *суматошным* и *суматошливым*!). *Неотвязный* и *неотвязчивый*, вероятно, — два слова¹⁸.

Очень значительно число вариантов с разнообразными модификациями основы. Таковы: *ворсовальный*, *ворсильный*; *дифтерийный*, *дифтеритный*; *закопченный*, *закоптелый*; *иотованный*, *иотированный*; *крошечный*, *крохотный*; *лазоревый*, *лазурный*; *мелиорационный*, *мелиоративный*; *мерзостный*, *мерзкий*; *невоз-*

вратимый, невозвратный; недалний, недалекий; немудрый, не-мудреный; неразделимый, нераздельный; неувядаемый, неувя-дающий; неугасаемый, неугасимый; неумолчный, неумолкаемый; однозначный, однозначный; панславистский, панславянский; равно-значный, равнозначный; сплюснутый, сплющенный; стадиальный, стадийный; усыпляющий, усыпительный; щелевой, щелийный и др.

В парах этого списка легко обнаружить те же категории отно-шений, которые отмечались уже в связи с рассмотрением преды-дущих перечней. Здесь тоже есть: 1) случаи полного семантического и стилистического совпадения, как в *дифтеритный, дифтерий-ный; мелиоративный, мелиорационный; панславянский, пансла-вистский; неувядаемый, неувядающий*; 2) случаи полного семанти-ческого совпадения с некоторыми стилистическими различиями, такие, как *закоптый, закопченный; крохотный, крошечный; ла-зоревый, лазурный; невозвратимый, невозвратный; сплющенный, сплюснутый* (в *мерзкий, мерзостный* с различием в «интенсивности»); 3) случаи с семантическим расхождением, т. е. такие, где на морфо-логическую вариантность как бы накладывается суффиксальная лексико-семантическая, как *нераздельный, неразделимый*; 4) случаи вытеснения одного варианта другим: *однозначный, однозначный; равнозначный, равнозначный*.

§ 4. Глаголы

К морфологическим вариантам в области глагола вполне при-менимо то, что было сказано выше (стр. 224) о прилагательных, в от-личие от существительных. Здесь так же, как и для прилагательных, в основе лежит собственно морфологическая классификация, а раз-личные семантико-стилистические моменты учитываются уже только при последующем обсуждении и сравнении вариантов.

Наиболее резко и определенно выделяющейся группой мор-фологических вариантов в области глагола являются пары с суф-фиксами *-изировать, -изовать*, например: *канонизировать, кано-низовать; легализировать, легализовать; милитаризировать, ми-литаризовать; модернизировать, модернизовать* (тж. *модерни-ровать?*); *национализировать, национализовать; терроризировать, терроризовать* и др. Сюда же примыкает *скандировать, скандо-вать*. Более короткий вариант закономерно дает некоторое снижение стилистического тона. Во всем же остальном они довольно едино-образны.

Кроме вариантов этого типа, случаев варьирования положи-тельных словообразовательных суффиксов почти не наблюдается (замечены лишь совершенно изолированные пары вроде *подхалим-ничать, подхалимствовать, роскошничать, роскошествовать*). За-то, по-видимому, довольно распространено варьирование «ноль — положительный словообразовательный суффикс» (ср. выше стр. 226). Таковы *бродяжить, бродяжничать; достичь, достигнуть; заслу-нить, заслушивать; напраказить, напраказничать; настичь, на-*

стигнуть; ослабеть, ослабнуть; постичь, постигнуть; потухать, потухнуть; пошевелиться, пошевелиться; сковырять, сковырнуть; стыть, стынуть; сумасбродить, сумасбродничать и др. Между вариантами этой группы нет не только семантических, но и существенных стилистических различий.

Различие в парадигме дают варианты вроде *насочинить, насочинять; потешать, тешить; починать, чинить* (в соединении с различием в приставке). То, что и в области глагола парадигма может выполнять словообразовательную функцию, можно иллюстрировать многочисленными случаями вроде *отломить, отломать; свистеть, свистать* и др. Этот вид варьирования не следует смешивать с распространенным в современном языке варьированием форм несовершенного вида при утрате различий «кратности», нормально связанных с противопоставлением формы с суффиксом *-ива-* бессуффиксной, которую мы находим в таких парах, как: *вырезать, вырезывать; высевать, высеивать; выскользнуть, выскользывать; заготавливать, заготовливать; закалять, закалывать; засеивать, засеивать; изготавливать, изготавливать; надрезать, надрезывать; накалять, накалывать; накоплять, накапливать; обвеивать, обвеивать; облуплять, облупливать; обрезать, обрезать; одарять, одаривать; опорожнять, опоражничать; осмысливать, осмысливать; отмерять, отмеривать; отоплять, отапливать; отрезать, отрезывать; отряхивать, отряхивать; подготовить, подготавливать; постановлять, постановлять; прорезать, прорезывать; простужать, простуживать; разрезать, разрезывать; расплавлять, расплавливать; скоплять, скапливать; срезать, срезывать; узаконять, узаконивать; урезать, урезывать* и т. п. Можно заметить, что варианты с суффиксом *-ива-* в общем отличаются от вариантов с суффиксом *-а-*, как более тщательные, как «педантизм»; естественными или нейтральными вариантами будут варианты с *-а-* (отсюда и совершенно искусственное впечатление, например, от *постанавливать*). Обратное стилистическое соотношение из перечисленных случаев будет только у *выскользнуть, выскользывать; одарять, одаривать; обвеивать, обвеивать; отмерять, отмеривать; отряхивать, отряхивать; скоплять, скапливать; узаконять, узаконивать*; причем *обвеивать* и *отряхивать* выделяются, кроме того, как возвышенные или поэтические: можно только *обвеивать* *минувшим*; *обвеивать* же в основном спец. (с.-х.). В *октябрь уж наступил, уж роща отряхивает* (П у ш к и н) нельзя было бы сказать *отряхивает*.

Своеобразные варианты глаголов возникают вследствие утраты формальным различием «ноль—ся» соответствующего семантического различия, например: *бунтовать, бунтоваться; краснеть, краснеться; плюхнуться, плюхнуться; помчаться, помчаться; примчаться, примчаться; промешкаться, промешкаться; протрезветь, протрезветься; целить, целиться* и т. п. Тенденция к утрате семантических различий формами совершенного — несовершенного вида наблюдается в приставочных глаголах, например: *распростаться, распроститься* и т. п.

Кроме варьирования суффиксов, видоизменение может осуществляться посредством разных приставок, например: *набавлять, надбавлять; обвенчаться, повенчаться; постирать, выстирать; постричься, остричься; посчитать, сосчитать* и др. Хотя при двойной классификации морфем на корневые и аффиксальные префиксы относятся к аффиксальным, они значительно более «лексикализованы», вообще говоря, чем суффиксы, т. е. имеют нередко более «вещественное» конкретно-лексическое значение, чем суффиксы, лексические значения которых в целом более абстрактны, «категориальны».

Так же, как среди прилагательных, среди глаголов имеются варианты с разными основами, например: *воротить, вернуть; заворачивать, завертывать; переворачивать, перевертывать; сворачивать, свертывать; обвертеть, обвернуть; стелить, стлать; застелить, застлать; настелить, настлать; перестелить, перестлать; расстелить, разостлать; устелить, устлать; начесть, начислить; расставлять, расстанавливать* и др.

Варианты слов можно найти и среди неизменяемых частей речи — наречий, частиц, слов категории состояния и т. п., например: *ахти, ах; жалко, жаль; задаром, даром; молчком, молча; навывкат, навывкате; наискосок, наискось; невмочь, невмоготу; отродясь, отроду; покамест, пока (покуда); понемногу, понемножку; посредине, посреди; пускай, пусть; ранее, раньше; рядом, рядком; стократ, стократно; торчком, торчмя* и др. Однако такие варианты настолько немногочисленны и так плохо поддаются какому бы то ни было обобщению, что в настоящей работе они будут оставлены без внимания.

§ 5. Основные типы синонимических пар в современном русском языке

Выше (стр. 214) было сказано, что наличие в составе двух или более глосс разных корневых морфем даже при лексико-семантической общности свидетельствует о том, что данные глоссы являются глоссами разных слов-синонимов (конечно, если различие между глоссами при тождестве лексической семантики не относится на счет грамматических форм, т. е. супплетивности или грамматического сплетения разных корней). Наиболее типичными для русского языка являются, по-видимому, следующие типы синонимов:

1. Синонимы, не имеющие в своем составе ни одной общей корневой морфемы, т. е. состоящие из совершенно различных морфем.

- Например: *аэроплан, самолет; биография, жизнеописание; библиотека, книгохранилище; велярный, задненебный; орфография, правописание; пастушеский, пасторальный; производительный, продуктивный; силлабический, слоговой; языкознание, лингвистика* и др.

2. Синонимы, имеющие в своем составе одну общую и одну несходную корневую морфемы или разные корневые морфемы при общей аффиксальной.

Например: аэробомба, авиабомба; благодетель, благотворитель; водосброс, водослив; гладкоствольный, гладкостенный; двугодовой, двухлетний; единогласие, единодушие; закидывать, забрасывать; залог, заклад; зверобой, зверолов; измываться, издеваться; изначальный, исконный; искусствоведение, искусствоведение; истасканый, изношенный; истерзаться, истрадаться; китобойный, китоловный; книгопродавец, книготорговец; корыстолюбие, лобостяжание; крепкоголовый, крепколобый; кряду, подряд; ластиться, ласкаться; малокалиберный, мелкокалиберный; местонахождение, местопребывание; мировоззрение, миропонимание, мирозерцание; многословие, многоречивость; многословный, многоречивый; мореход, мореплыватель; мореходство, мореплавание; накидать, набросать; наораться, накричаться; наперерыв, наперебой; наудачу, наугад; начитывать, начислять; науськивать, натравливать; недоглядеть, недосмотреть; ничуть, нисколько; однородный, однородный; одурять, одурманивать; отлагать, откладывать; оттирать, оттеснять; перезалог, перезаклад; перекидывать, перебрасывать; перекидываться, перебрасываться; перелгать, перекладывать; перехворать, переболеть; подкидывать, подбрасывать; подкинуть, подбросить; полутворенный, полуткрытый; прилагать, прикладывать; принестись, примчаться; приоткрыться, приотвориться; проболтаться, проговориться; проворонить, прозевать; противополгать, противопоставлять; противоположение, противопоставление; самонадеянный, самоуверенный; сбавка, скидка; сладкоежка, сладостена; слезотделение, слезотечение; смоловарня, смолокурня; споролистик, спорофилл; уплетать, уписывать; хлебопашец, хлебороб; чужестранец, чужеземец; языковедение, языковедение и др.

3. Синонимы, имеющие в своем составе по одной общей корневой морфеме и различающиеся не разными корневыми морфемами, а наличием в одном особой корневой морфемы, а в другом — особой аффиксальной.

Например: ветрогон, ветреник; китаист, китаевед; корысть, корыстолюбие; мирный, миролюбивый; славяноведение, славистика; славяновед, славист; пальчатый, пальцеобразный; стогование, стогометание; хитроумный, хитрый; хромоу, хромоногий и т. п.

4. Синонимы, из которых один представляет собой часть другого.

Например: динамо, динамо-машина; зав, заведующий; порей, лук-порей; спец, специалист; сальто, сальто-мортале; унтер, унтер-офицер; утиль, утильсырьё; масонство, франк-масонство и т. п.

Однако возможно, что это «усеченные варианты» слова.

5. Слова-синонимы фразеологических единств.

Например: квартплата, квартирная плата; комсостав, командный состав; концлагерь, концентрационный лагерь; фабком, фабричный комитет; зарплата, заработная плата; шарикоподшипник, шариковый подшипник и т. п.;

голландка, голландская печь; канонерка, канонерская лодка; карболка, карболовая кислота; кредитка, кредитный билет; лубок,

лубочная картинка; ночлежка, ночлежный дом; переплетная, переплетная мастерская; полоскательница, полоскательная чашка; помойка, помойная яма; токай, токайское вино; самоцвет, самоцветный камень; читальня, читальный зал; швырок, швырковые дрова и др.

Вопрос о типах синонимов в разных языках, в частности об их сопоставительном рассмотрении, требует специального исследования. Здесь он был затронут только в той мере, в какой было желательно попытаться противопоставить синонимию фонетическому и морфологическому варьированию слова как его пределу¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ

¹ См. «О тождестве слова», стр. 22—25.

² Там же, стр. 24.

³ В. В. Виноградов, О формах слова, стр. 40—41.

⁴ А. И. Смирницкий, О тождестве слова, стр. 26—29.

⁵ К чему приводит неправильное понимание соотношения между стилистическими моментами и собственно семантическим содержанием слова, можно показать на примере трактовки Б. Блохом отношения между синтаксически обусловленными фонетическими вариантами слова *have* (В. В. I o s h, English Verb-Inflection, Lang. 23, 406, 1947). Поскольку эти фонетические варианты встречаются в том же окружении и при этом различаются, хотя и очень тонко, in their social flavour and connotation, согласно постулатам дескриптивной лингвистики, они будут считаться «морфематически различными» или, выражаясь попросту, разными словами.

⁶ Включение их в этот раздел работы предполагает отнесение уменьшительных суффиксов к словообразовательным. Здесь нет возможности подробно рассмотреть особенности этой «уменьшительной морфемы», достаточно определенно отличающие ее от словообразовательных морфем в собственном смысле, с одной стороны, и формообразовательных — с другой. Можно только заметить, что приведенные здесь примеры ее десемантизации могут быть использованы при обсуждении ее природы вообще.

Ср. в связи с этим разделом статью А. А. Дементьева «Имена существительные с утраченной уменьшительностью» («Русский язык в школе», 1948, № 1).

Стилистическую дифференцированность этих вариантов и указанную тенденцию к вытеснению вариантами с -к своих конкурентов можно легко проиллюстрировать материалами Словаря современного русского литературного языка АН СССР.

В связи с рассмотрением имен действия и других разновидностей отвлеченных существительных следует еще раз подчеркнуть, что приводимые примеры и рассуждения ни в коей мере не имеют целью вообще подвергнуть сомнению наличие семантических различий между отвлеченными существительными, образованными по разным словообразовательным типам. У нас имеется большое количество специальных исследований, доказывающих наличие вполне определенных семантических различий между такими образованиями, рассматривающих их в развитии, а также в плане соотношения литературного языка и разговор, литературного языка и технической терминологии и проч. См. такие работы, как: В. В. Виноградов, Словообразование имен существительных, «Морфология», Курс лекций под редакцией В. В. Виноградова, М., 1952; Г. О. Винокур, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии, Труды МИФЛИ, т. 5, 1939; Е го же, Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации), сб. «Русская речь», Ленинград, 1928; В. Д. Левин, Отглагольные существительные в русском языке, диссертация, 1940; Е го же, Имена действия в русском языке, Ученые записки Ивановского педагогического института, т. 1, вып. 2, 1941; Н. М. Шапский, Из исто-

рии имен существительных на ⁸-*ость* в русском литературном языке, диссертация, М., 1948; Л. Н. Булатова, Отглагольные существительные на *-нье, -тве* в русских говорах, диссертация, М., 1953; обширная библиография приведена у В. В. Виноградова в работе «Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР», М., 1955. В настоящей работе эти вопросы затрагиваются только в той мере, в какой требуется показать принципиальную возможность совпадения внешне различных образований как морфологических вариантов одного слова.

⁸ То, что этот тип варьирования слов не является специфическим только для русского языка, можно подтвердить многочисленными примерами из немецкого языка, собранными в курсовой работе студентки МГУ Р. С. Мохнаткиной, например: *der Brack, die Bracke* — «ишейка»; *der Bulldog, die Bulldogge* — «бульдог»; *der Feim, die Feime* — «скирда»; *der Feich, die Feiche* — «хариус»; *der First, die Firste* — «вершина горы»; *der Katapult, die Katapulte* — «рогатка»; *der Plotz, die Plötze* — «плотва»; *der Rack, die Racke* — «грач»; *der Ritz, die Ritze* — «щель» (также *der Spalt, die Spalte*); *der Striemen, die Striemele* — «полоса, кровоподтёк»; *der Schinn, die Schinne* — «перхоть»; *der Schrund, die Schrunde* — «трещина»; *das Watt, die Watte* — «мелкое место»; *der Weck, die Wecke* — «булка»; *der Urquell, die Urquelle* — «первоисточник» и др.

⁹ См. А. И. Смирницкий, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 36.

¹⁰ Там же, стр. 40.

¹¹ Там же, стр. 25.

¹² Там же, стр. 42.

¹³ К сфере десемантизированных родо-числовых различий относятся, по-видимому, и такие случаи, как *полтора, полторы; по-пустому, попусту; спросонок, спросонья; внаем, внаймы; вовек, вовеки; с прохладцем, с прохладцей* и т. п.

¹⁴ *Чинара*, может быть, нашла предпочтение вследствие использования дополнительного оттенка, доставляемого этому слову данным родовым окончанием в известном стихотворении Лермонтова. Ср. в этой связи В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 63—65.

¹⁵ Ср. стр. 177.

¹⁶ По-видимому, надо говорить *антрацитовый уголь, парусиновые брюки (костюм, пальто* и т. п.).

¹⁷ Для стилистического сравнения бывает небесполезно посмотреть, какой из вариантов будет в составительском тексте, т. е. в тексте объяснений, даваемых автором словаря. Например, *обрюзглый* — обрюзгший, *обвислый* — обвисший (см. словарь С. И. Ожегова).

¹⁸ Ср. словарь С. И. Ожегова.

¹⁹ Об изучении типов синонимов русского языка см. А. Б. Шапиро, Некоторые вопросы теории синонимов (на материале русского языка), Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, вып. VIII, 1955.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛОВ

ГЛАВА I

О ПРЕДМЕРЕ ЛИНГВОСТИЛИСТИКИ

§ 1. Постановка вопроса

Некоторые из кардинальных вопросов лингвостилистики представляются недостаточно выясненными. Поэтому целесообразно начать с краткого изложения того понимания лингвостилистики, которое может быть предложено в качестве основы для описания стилистической дифференциации словарного состава современного русского языка.

Понятие «стиля» или «стилей», а следовательно, и вообще всякое рассуждение о них обязательно предполагает наличие существенно общего в рассматриваемых явлениях. Так, например, когда говорят о зданиях, мебели и т. п. готического стиля, или стиля ампир, или какого-либо другого, то предполагают, что при оценке стилистических разновидностей рассматриваемых предметов имеется в виду общая основа, в данном случае то, что здания, мебель и т. п., характеризующиеся разными стилями, связаны существенно общими признаками. Все они, независимо от принадлежности к тому или другому стилю, являются именно зданиями, предметами обстановки и т. п. По отношению к этим существенным общим признакам различия, связанные с принадлежностью к тому или другому стилю, являются уже второстепенными, дополнительными. Ясно, что и в применении к языку и литературе понятие стиля или стилей, само понятие стилистики как языковедческой (соответственно литературоведческой) дисциплины основывается, с одной стороны, на выделении и определении существенно общего в различных явлениях языка и литературы, а с другой — на исследовании особенностей и отличий при одинаковом общем.

Как же конкретно понимаются, исходя из данного общего определения стиля, задачи стилистического исследования в области языкознания, предмет, задачи и границы лингвистической стилистики, или лингвостилистики? При огромнейшем количестве всевозможных оттенков и разновидностей представляется возможным

наметить следующие две основные линии, начав с более широкого понимания и закончив более узким и конкретным.

1. За существенно общее, как основу для выявления стилистических различий, принимаются общечеловеческие, т. е. свойственные людям вообще, независимо от их принадлежности к той или иной нации, предметно-логические и семантические категории, лежащие в основе всякого языка, а за различное и дополнительное, «стилистическое» — те особенности осмысления или истолкования, которые это общее получает в разных языках или в одном и том же языке на разных этапах его развития (подробнее об особенностях «осмысления» общего предметно-логического содержания в разных языках см. в первой части, глава III). При таком подходе говорят о «стилях» разных языков, познаваемых путем их (типологического в широком смысле) сравнения, об «изменении стиля» одного и того же языка в разные исторические периоды и т. п. В области семантики и лексикологии¹ стилистическое сравнение разных языков производится на основе методики «концептуального семантического поля»: всё содержание, вся сумма понятий, доступных людям, мыслится при этом как широкая понятийная область или «поле» (Feld). Это общее понятийное (или «концептуальное») поле далее подразделяется на более мелкие «поля» — «поле» спектра, «поле» родства, «поле» интеллектуальных и моральных ценностей и т. п.; за «особое» — их специфическая трактовка или «распределение» в отдельных языках².

2. За «существенно общее» принимается язык (langue), система «знаков» или «лингвистических форм», а за различное и дополнительное — особенности употребления или применения языка разными людьми и для разных целей. Обычно это понимание соотношения «общего» и «различного» понимается как соотношение языка и речи³ в сосюровском понимании этих терминов. Такое понимание связано с концепциями «функциональной лингвистики», предметом изучения которой являются способы названия данных элементов действительности, а также способы организации этих наименований в предложениях в применении к данной ситуации⁴. При таком понимании вопрос о стилистической дифференциации слов оказывается теснейшим образом связанным с синонимикой. При этом в центре внимания оказывается проблема отыскания для каждого синонимического ряда «общего знаменателя», наиболее простого и нейтрального слова, лишённого каких бы то ни было выраженных экспрессивно-стилистических особенностей, которое могло бы свободно употребляться вместо любого другого члена данного синонимического ряда в любой ситуации. Поиски такого «опорного» или «исходного» слова вполне правомерно связывать с исследованием вопроса об основном словарном фонде⁵.

Попытка синтеза этих двух основных точек зрения содержится в знаменитых «трех стилистиках» Балли, соответствующих тройному делению предмета языкознания на langage, langue и parole: общая стилистика, стилистика речевой деятельности вообще (langage),

рассматривающая общие, универсальные тенденции человеческого ума и то, как они проявляются в отдельных языках; частная стилистика, стилистика данного конкретного языка (*langue*), ограничивающая исследование данным языком коллектива и имеющая целью выяснение того, как «склад ума» данного коллектива отражается в данной системе; и, наконец, «индивидуальная стилистика», стилистика «речи» (*parole*), имеющая целью выявление тех особенностей темперамента и идеологии, которые отличают экспрессивные особенности речи разных индивидов друг от друга.

§ 2. Что является «единицей соотнесения» (опорной единицей) стилистических средств

Большую проблему в обоих случаях (и в первом — когда за «существенно общее» принимаются «общечеловеческие» категории, и во втором — когда за «существенно общее» принимается данный язык) представляет вопрос о том, что следует понимать под «называемыми элементами действительности», как определять «называемое», или «референт», т. е. то, к чему относится данное выражение. Можно ли быть уверенным, что «сравниваемые» разные способы наименования разными средствами одного и того же или разных языков действительно относятся к одному и тому же «предмету», т. е. что различие наименований объясняется в каждом данном случае действительно широтой синонимических возможностей данного языка (соответственно языков), а не реальными и осознаваемыми говорящим (или говорящими) различиями в самом обозначаемом предмете (или «референте»⁶). В частности, лингвистическим географам хорошо известно, что если, например, подойник или скамеечку, на которую садится доярка, сравнительно просто выделить как «опорную единицу» для сравнения различных названий (наименований) в разных местностях, то, например, обозначаемое такими словами, как *порядочно*, *измученный*, *заработаться* и т. п., очень трудно выделить и определить в виде «устойчивых единиц соотнесения».

Большого внимания, как один из подходов к решению этой проблемы, заслуживает «подразумеваемая вещь» Гардинера⁷. Она может лежать как в основе сопоставления выражений на разных языках, так и различных способов синонимического использования средств одного и того же языка. Так, например, вместо английского *Pussy is beautiful* можно сказать *Your cat is very lovely* и далее *Minette est bien belle* или *Ihre Katze ist von einer fabelhaften Schönheit*. Во всех этих случаях говорящий будет иметь в виду одну и ту же «вещь», один и тот же предмет мысли, который лишь подвергнется легкой модификации вследствие разных способов упоминания о нем. В уме говорящего был определенный «предмет» (*thing*), и говорящий удовлетворен, так как этот предмет был адекватно представлен читателю в каждом из четырех приведенных выше предложений.

Различия в стилистических особенностях разных языков в области построения речи иллюстрируются Гардинером на следующем интересном примере. Путешественник в пустыне услышал рев льва. Если он немец, то он, по всей вероятности, скажет: «Der Löwe brüllt». Если он англичанин, то естественной реакцией для него будет сказать просто: «That's the Lion!» Выражение «The lion roars» может быть употреблено только в следующих случаях: 1) как обозначение привычного явления, 2) как характеристика льва, 3) в сценической ремарке и 4) как *praesens historicum*.

Однако приведенные примеры показывают, что «обращение к референту» (в том или другом его понимании) в качестве «единицы соотношения стилистических средств» оказывается продуктивным главным образом при сопоставлении разных языков. Для стилистического исследования в пределах одного языка необходимо, по-видимому, более глубокое и дифференцированное исследование особенностей и свойств использования языка в реальном общении.

Как указывалось уже в первой части настоящей работы, Ф. де Соссюр не снабдил созданной им теории языка достаточным психологическим обоснованием, без чего невозможно разрешение вопроса об особенностях применения, функционирования данной «языковой системы» (*langue*). Разработка вопроса об отношении языкового знака к «референту» и смежным областям знания заняла важное место в работах Бюлера⁸. Бюлер пришел к выводу о необходимости различать три элемента в речи: *Darstellung*, *Appel* и *Ausdruck*. В каждом акте речи содержится одновременно и указание на умственное состояние говорящего, и «символизация» передаваемого сообщения и обращения к говорящему — подаваемый ему «сигнал» или «призыв». Введение нескольких величин, умножение ингредиентов речевого акта, безусловно, способствовало более глубокому проникновению в его природу и одновременно давало возможность лучшего понимания существа лингвистистики; оно способствовало также развитию «лингвистики речи», на которой сосредоточились такие ученики Ф. де Соссюра, как Балли, в отличие от тех его последователей, которые пошли по линии отрыва языка от речи, по пути к современному лингвистическому структурализму⁹.

Таким образом было достигнуто выделение предмета стилистики путем отграничения собственно «обозначения» от тех сторон «факта выражения» (*fait d'expression*), которые связаны с тем или иным воздействием на чувства созданием особых эффектов или впечатлений и т. п. Когда человек пользуется речью, он имеет в виду не просто сказать о том, что есть, но сказать это так, чтобы сказанное производило впечатление, вызывало определенное воздействие, «эффект» — «*Wirkung*». Воздействия этого рода, достигаемые определенным выбором слов и построения, называют «стилистическим эффектом». Наука о средствах такого рода воздействия есть стилистика¹⁰.

То, что различение и даже разграничение собственно смыслового содержания или семантики данного «факта выражения» и

сопровождающих это содержание разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных моментов вообще необходимо и является основой для построения стилистики как науки, не вызывает никаких сомнений. Стилистическая характеристика слова — это разного рода оценочно-эмоционально-экспрессивные моменты, характеризующие слово, но не являющиеся составной частью собственно смыслового содержания, самой его семантики. При этом надо особенно подчеркнуть то обстоятельство, что как бы стилистические особенности слова ни привлекали к себе внимание, они никогда не могут быть поставлены наравне с моментами собственно семантическими, интеллектуальными, относящимися к выражению именно мыслей и обмену мыслями, как являющимися наиболее специфическими для языка. Различие или тождество значений трактуется обществом совершенно иначе, чем различие или тождество стилистической характеристики слова. Как бы ни выделялись эмоционально-экспрессивные стилистические моменты, все же они всегда остаются лишь некоторым дополнением, приложением к основному в слове — к его значению, его смысловому содержанию.

Из сказанного следует, что в принципе разграничение, с одной стороны, самой семантики, интеллектуального содержания, данного «факта выражения», а с другой — сопутствующих ему экспрессивно-эмоционально-оценочных моментов вполне может быть принято марксистским языкознанием. Следует, однако, иметь в виду принципиально отличное понимание последним таких основных категорий, как содержание и выражение, язык и речь, о чем подробно было сказано в первой части¹¹. Необходимо также подчеркнуть то обстоятельство, что для марксистского языкознания «стилистические моменты» представляют собой известное «дополнение», своего рода «обертон», накладывающийся на значение, на смысловое содержание данного языкового средства. При идеалистическом же понимании стилистики как «лингвистики речи» вся интеллектуальная сторона оказывается чуть ли не вообще исключенной из рассмотрения. Соотносительное синонимическое «стилистическое» изучение различных слов и конструкций оказывается чуть ли не единственным содержанием всей «лингвистики речи», которая иногда не только вытесняет описание языка, но и исключает постановку вопроса о правомерности такого предмета. Следует, между прочим, обратить внимание на то, что именно эта третья «стилистика» получила особое развитие, начиная с К. Фослера и далее у таких ученых, как Л. Шпитцер (L. Spitzer), О. Вальцель (O. Walzel), Х. Хатцфельд (H. Hatzfeld), Д. Алонзо (D. Alonso) и другие. Таким образом, основным, если не единственным, предметом стилистики становится изучение «стилистики речи» (parole). Те же экспрессивно-эмоционально-оценочные моменты, которые свойственны разным элементам языка объективно, т. е. вне непосредственной зависимости от того или другого случая его индивидуального употребления, либо вообще остаются вне поля зрения, либо отодвигаются на второй план, несмотря на то, что именно эти

объективно присущие языку явления и следует считать основным предметом лингвостилистики.

Совершенно верно, что общая всем членам данного языкового коллектива «система знаков» или «лингвистических форм» по-разному используется разными людьми. Но чем вызываются эти различия? Можно ли их свести, как это часто делают исследователи «стилистики речи», или «индивидуальной стилистики», или «третьей стилистики» Балли, к различиям темперамента, мировоззрения или к различиям «подсознательного» мира, таящегося в разных индивидах¹²? Конечно, нет. Поскольку язык — это прежде всего средство общения, а не эстетических и других «потребностей самовыражения», все его проявления, включая и проявления «стилистические», следует рассматривать прежде всего именно под этим углом зрения. При этом, естественно, приобретают важнейшее значение вопросы, связанные с определением условий употребления языка, сфер его применения¹³.

§ 3. Вопрос об условиях и сферах применения языка

К вопросу о реальных условиях, или сферах применения языка вновь и вновь возвращаются не только представители «функциональной» лингвистики, но и структуралисты как «неососсюрианского», так и «дескриптивного» направлений. Нельзя не заметить, что различие «сфер применения языка» лежит в основе таких широко распространенных понятий, как «научный язык», «технический язык», «язык художественной литературы» и т. п. Сами эти названия, естественно, наводят на мысль о том, что дифференциация этих разных «языков» так или иначе связана с тем, что они применяются соответственно в области науки, техники, литературы и др.

В лингвистической литературе в разнообразных и сложных сочетаниях встречаются многочисленные названия, имеющие целью определить особенности языка в зависимости от тех или иных разновидностей его функционирования. Ср., например, противопоставляемые «общему» языку (*langue commune*) «разговорный» (*langue parlée*) и «обычный» (*langue usuelle*) «языки» у Балли, на которые накладываются еще «фамильярный», «вульгарный» и «грубый»¹⁴, «литературный», «разговорный» и «провинциальный» «образцы» (*standards*), противопоставляемые «сниженному» (*sub-standard*) и местному диалекту у Блумфильда¹⁵. Весьма продуктивной может оказаться, при более последовательной научной разработке, идея о стилистическом значении разного рода «сдвигов» и «смещений» по линии различных сфер употребления речи. Как известно, уже Балли проводил последовательное различие между «естественными экспрессивными свойствами языковых средств» (*caractères attectifs naturels*) и экспрессивными эффектами, создаваемыми особенностями употребления тех или других единиц языка (*effets par évocation*). В первом случае экспрессивно-стили-

ческие эффекты воспринимаются как «по природе заключенные в данных фактах выражения», во втором — особое стилистическое впечатление, создаваемое данными фактами выражения, обусловлено подсознательным ощущением, которое можно передать словами: «кому-то другому, а не мне было бы естественно использовать это выражение». (Между прочим, в упоминавшееся выше определение «обычного языка» (*langue usuelle*) входит невозможность его использования для стилистических эффектов последнего рода.)

В «глоссематике» Л. Ельмслева вопрос о лингвостилистике решается разграничением «денотационного» и «коннотационного» языков. «Денотационный», или обычный, язык создается единством двух планов — «плана содержания» и «плана выражения». Однако он сам в целом может явиться «выражением» для особого «коннотационного» содержания. Это особое содержание как бы наслаивается на обычный, или «денотационный», язык. Следовательно, у денотационного языка ни один из «планов», т. е. ни «план выражения», ни «план содержания», не являются языками, у «коннотационного» же языка «план выражения» сам является языком¹⁶.

Как уже было сказано выше, основное различие в понимании предмета стилистики марксистским и идеалистическим языкознанием лежит в принципиально отличном понимании соотношения языка и речи. В идеалистическом языкознании можно наметить следующие три разновидности понимания этого соотношения:

1. «Классическое» сосюрское понимание, отличающееся, по мнению одних («глоссематиков»), «материалистической непоследовательностью» (т. е. оставляющее «лазейку» для онтологии как в «плане содержания», так и в «плане выражения»), по мнению других (например, Гардинер), недостаточной выясненностью природы «внеязыкового обозначаемого». Учение де Соссюра с его «тремя лингвистиками», изучающими соответственно *langage*, *langue* и *parole*, может служить основой как для «трех стилистик», так и для создания новых школ, сосредоточивающихся на той или другой стороне сложного предмета, обозначаемого суммой этих трех понятий¹⁷.

2. «Глоссематическое» понимание, исходящее из принципиального отрыва языка от речи, уравнение языка с кодом, существующим помимо передаваемых им сообщений и вне их, первичным и безразличным по отношению к ним¹⁸. Ясно, что такое понимание делает невозможной постановку вопроса о функционалистическом подходе, почему оказываются необходимыми совершенно специфические способы решения этого вопроса¹⁹.

3. Подход со стороны «речи», лежащий в основе как многочисленных разновидностей «лингвистики речи», так и в основе эпизодических и скудных стилистических экскурсов американской «дескриптивной лингвистики». Следует заметить, что американская «дескриптивная лингвистика» вообще мало интересуется вопросами лингвостилистики, считая, что интерес к этим проблемам, особенно

в отношении связей и взаимодействия литературы и языка, свойствен концепциям, разделяемым советскими и чехословацкими языковедами (отсутствие интереса к вопросам литературного языка у исследователей, изучающих туземные языки Америки, объясняется также своеобразием их материала). Однако из методов «дескриптивной лингвистики», претендующих на всестороннее описание явлений языка, а не только способов показа его грамматических, лексических и фонетических особенностей, не исключается и изучение способов соединения таких особенностей уже в «стилистическом» плане²⁰.

Ясно, что марксистская лингвостилистика не может строиться ни на идеалистическом отрыве языка от речи, ни на позитивистском подходе к явлениям речи, игнорирующем по существу вопрос о соотношении речи и языка. Как уже было сказано в начале работы²¹, язык существует только в речи, через речь. Он не только не является чем-то постоянным («инвариантным») по отношению к своим речевым «манифестациям», а, напротив, находится в состоянии непрерывного изменения именно вследствие меняющихся условий речевого общения, общения людей в разных сферах и областях жизни при помощи языка. Эти сферы и области очень многочисленны и разнообразны, качественно неоднородны и включают также особую область — область художественной литературы. Далее, число и особенности сфер общения людей не являются чем-то фиксированным и постоянным, а изменяются в разные исторические периоды. Изменяющиеся условия общения приводят к изменениям языка; особенно наглядны эти изменения в разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных «обертонах», свойственных тем или другим языковым средствам. На памяти каждого человека, непосредственно перед его глазами все время происходит стилистическая переоценка слов и выражений: то, что еще недавно было единственно возможным выражением данного «содержания», прямо «на глазах» становится педантизмом, прежде «нейтральное» выражение становится «фамильярным» или, напротив, вульгаризм перерастает в нормальное, нейтральное выражение.

Поэтому различие экспрессивных окрасок у тех или других элементов языка связывается прежде всего с различиями в речевых границах их общенародного употребления²². Связи и соотношения языковых элементов однородной стилистической окраски опираются на социально-экспрессивные оттенки, на свойства функционального использования языковых средств во все умножающемся многообразии видов общественно-речевой практики. Поэтому теперь следует говорить уже не о «замкнутых» «стилях языка», а об использовании различных стилистических средств в различных «стилях речи». «...Пушкинская стилистическая реформа открыла возможности интенсивного творческого развития индивидуально-художественных и общественно-функциональных стилей русской литературной речи как целесообразных способов отбора и комбинирования различных языковых элементов в зависимости от сфер

общественной деятельности, от общности цели, назначения и содержания речи»²³. Таким образом, вопрос о стилистической дифференциации слов выступает как вопрос о тех их оценочно-эмоционально-экспрессивных особенностях, которые приобретаются ими вследствие их предпочтительного или даже исключительного употребления в тех, а не других сферах и областях человеческого общения. При этом, как уже было сказано, следует отграничивать собственно стилиевые особенности слов, приобретаемые ими благодаря исторически обусловленным особенностям их речевого употребления, от их семантического своеобразия, которое также оказывается обусловленным особенностями данной сферы употребления речи, но в совершенно другом плане.

Следовательно, в основе должна лежать историческая реальность общения. Лингвистика не может строиться ни на вневременных логических и психологических категориях объективного идеализма, ни на статическом и ахроническом «подразумеваемом», так как развитие мышления (а следовательно, и способность именно такого, а не другого «подразумевания») шло вместе с развитием языка в процессе длительной истории общественного развития человека.

§ 4. О «положительной» и «нулевой» стилистических характеристиках

Из изложенного в предыдущих параграфах следует, что основой лингвостилистики является разграничение собственно смыслового содержания, семантики языковых единиц и сопровождающих это содержание экспрессивно-эмоционально-оценочных моментов. Специальным предметом стилистического исследования являются, таким образом, именно эти последние моменты, выступающие как своего рода дополнение или приложение к значению слова. Так, например, хотя слова *авторизовать*, *аграрий*, *актуальный*, *ассоциироваться* и различны по значению, по их смысловому содержанию, стилистические свойства у них общие: они все принадлежат к тому слою лексики, который условно обозначают термином «книжный». Различие значений (как конкретно-лексических, так и категориальных, лексико-грамматических, обусловленных принадлежностью к разным частям речи) не препятствует отождествлению с точки зрения стилистических свойств также и таких слов, как *ветрило*, *вешний*, *денница*, *мниться*, *моление* и т. п.; в стилистическом плане эти разные слова будут одинаково характеризоваться как «поэтические». Их синонимы, столь же не связанные между собой по значению, — *парус*, *весенний*, *заря*, *казаться*, *просьба* — будут стилистически нейтральными, а такие слова, как *взбучка*, *вранье*, *глазеть*, *ерундовый*, — разговорными или даже фамильярными.

Как было указано в первой главе, свои стилистические свойства слова приобретают в речи; стилистические свойства слов по-

рождаются их применением в конкретных условиях речевого общения, почему стилистическая дифференциация слов, как единиц языка, в конечном счете оказывается обусловленной речевыми границами их употребления. Это не приводит, однако, к созданию для каждой специфической сферы речевого общения особого «языкового стиля»; для этого возможные разновидности и модификации применения языка слишком многочисленны и разнообразны. Кроме того, по отношению ко всей совокупности языковых средств, употребляемых в разных областях речевого общения, т. е. по отношению ко всей сумме имеющихся в языке слов и их эквивалентов, число слов и выражений, получивших вследствие предпочтительного употребления в той или другой сфере речевого общения ту или другую стилистическую окраску, сравнительно невелико. В конкретных речевых произведениях, относящихся к той или иной сфере речевого общения, слова и выражения, имеющие особую стилистическую окраску, свойственную именно данной области или сфере применения речи, всегда выступают лишь как отдельные вкрапления в основную ткань речи, составляемую нормально из общеязыковых элементов «нейтрального» стиля²⁴.

Для стилистической характеристики приведенных выше примеров были заимствованы термины из того широкого, но очень неточно определенного круга понятий, которыми обычно пользуются при попытках стилистической дифференциации слов. Задача этого раздела работы будет заключаться в том, чтобы по возможности уточнить эти понятия, конкретизируя их содержание достаточным количеством примеров.

Как подробно разъяснялось выше, чтобы вообще можно было говорить о стилистической характеристике или стилистической дифференциации слов, необходим элемент сравнения на основе существенно общего. Так, например, если бы для обозначения соответствующего устройства на судах в русском языке существовало только слово *ветрило*, мы не могли бы дать его положительной стилистической характеристики, так как такой характеристики у него не было бы. Речевые границы его употребления были бы настолько широки, что они фактически вообще отсутствовали бы. А коль скоро речевых границ нет и нет, следовательно, определенных особенностей функционального использования, то не вырабатывается, не создается и устойчивой «языковой» положительной стилистической характеристики; такая характеристика может при этих условиях быть только отрицательной или «нулевой».

Поскольку, следовательно, сравнение на основе существенно общего является необходимым условием стилистической дифференциации слов, понятие «нулевой» стилистической характеристики, или «нейтрального стиля», оказывается таким, вокруг которого группируются все остальные стилистические категории. Только отправляясь от этого центрального понятия, можно постепенно определить, на какие группы делятся слова языка по их положительной стилистической окраске. Понятие «нейтрального стиля»

является очень важным также и потому, что оно освобождает исследователя от обязательного разнесения всех слов языка по «клеточкам» положительных стилей. Как уже было сказано выше, в языке в общем гораздо меньше слов, выделяющихся положительной стилистической окраской, чем слов в эмоционально-экспрессивно-оценочном плане индифферентных, нулевых, «нейтральных»²⁵. Необходимо поэтому усвоить понятие нейтрального стиля именно как некоторого общего фона, как отсутствия положительной стилистической характеристики. Ясное представление о нейтральной стилиевой характеристике как вообще основе для стилистической дифференциации слов особенно необходимо еще и потому, что обычно стилиевые свойства слов обсуждаются лишь постольку, поскольку они оказываются положительно выраженными. Единственным указанием в отношении слов нейтрального стиля является то, что к таким словам принадлежат прежде всего слова основного словарного фонда, стилистическая нейтральность которых должна делать их применимыми в самых разнообразных условиях (или сферах, или стилях) речевого общения. Однако, поскольку вопрос об основном словарном фонде не получил еще конкретной разработки, в частности на материале современного русского языка, это указание мало способствует проникновению в существо явления.

Как уже было сказано выше, обычно стилиевые свойства слов обсуждаются лишь постольку, поскольку они оказываются положительно выраженными; нейтральный стиль, «нулевая» стилистическая характеристика систематически не изучается. Такое положение отчасти обусловлено тем, что само обнаружение нейтрального материала и способы его изучения остаются неопределенными; ясно, что единицы, отчетливо выделяющиеся, ярко окрашенные в экспрессивно-стилистическом плане, гораздо легче собирать, классифицировать и описывать, чем единицы стилистически бесцветные, служащие тем фоном, на котором раскрываются свойства единиц положительных. Поэтому представляется существенным привлечь для исследования материал, заведомо по самому своему характеру и назначению требующий стилистической нейтральности. Думается, что наиболее ценным в этом отношении и вместе с тем наиболее доступным будет материал объяснений в толковых словарях²⁶.

Нельзя не заметить в связи со сказанным, что всестороннему развитию языкознания как особой и самостоятельной дисциплины не может не препятствовать принятое у нас до сих пор почти исключительное использование для лингвистического исследования произведений художественной литературы.

Итак, нейтральный стиль — это тот фон, по сравнению с которым выделяются слова, положительно стилистически окрашенные. Выделение это идет по двум основным линиям: 1) по линии «сни-

жения» относительно нейтрального фона и 2) по линии «возвышения» над ним. Поэтому, может быть, не лишенным смысла является образное обозначение соответствующих слов как слов со «сниженным» и слов с «повышенным» стилистически «тоном». Для обозначения первых можно сохранить в качестве общего (и пока недифференцированного) обозначения термин «разговорный», «разговорная лексика» («разг.»). Вопрос же об обозначении стилистических свойств слов, «возвышающихся» над нейтральными, будет рассмотрен в связи с приведением соответствующего материала²⁷.

Приводимые ниже списки слов, естественно, ни в какой мере не претендуют на полноту. Как и в предыдущих разделах, приведение материала имеет целью лишь придать большую конкретность обсуждению.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I ЧАСТИ ПЯТОЙ

¹ В области синтаксиса предложения — это так называемый «психологизм», исходящий из «всеобщих способов выражения психологических фактов» в качестве основы для изучения тех или иных способов «лингвистического оформления» мысли — разных способов построения предложения, характерных для разных языков. В плане словосочетания — это наличие или отсутствие возможности передачи дополнительных оттенков разными способами сочетания слов. Например, английское *it is an important piece of news* может быть передано по-французски и как *c'est une importante nouvelle* и как *c'est une nouvelle importante* (первое стилистически нейтральное, второе с положительной стилистической окраской).

² Ср. в этой связи материалы части первой (глава III, особенно примечания 9 и 19). Следует обратить внимание на то, что исследования этого рода могут явиться основой для типологического сравнения языков. Так, например, Балли противопоставляет точность немецкого языка ясности и прозаичности французского. Далее — «стремление к конденсации элементов» в отличие от «стремления к их диссоциации» и т. д. (см. его *Linguistique générale et linguistique française*, Берн, 1944; изд. 3, Берн, 1950; русский перевод «Общая лингвистика и вопросы французского языка», М., 1955).

Типологическое стилистическое исследование позволяет, по мнению Балли, обнаружить «европейскую стилистику» (*Traité de stylistique française*, Женева, 1951): «существует европейская стилистика точно так же, как общеевропейский умственный склад».

По мнению Вернера (L. W e r n e r, *Polarity in Language, Curme Volume of Linguistic Studies, Phil., 1930*), стилистические особенности различных языков могут познаваться не только на базе общечеловеческих категорий предметно-логического или психологического характера, но и на основе «общих законов» развития языка вообще. В этом случае «отдельным», особым будет то, каким образом установленные общечеловеческие законы претворяются в отдельных языках. По мнению Вернера, языковое развитие вообще подчинено двум противоположным тенденциям: в направлении раздельности и в направлении экономии (эти две тенденции основаны на «дуализме»: говорящий — слушающий) и представляют собой две полярные точки зрения, с которых представители формальной и функциональной грамматик соответственно и смотрят на явления языка.

³ Этот вопрос был подробно освещен выше, часть I, гл. I, § 4,5.

⁴ Для понимания этой точки зрения сохраняет первостепенное значение соответствующий раздел 3 знаменитых «Тезисов Пражского лингвистического кружка» (TCLP, № 1, 1929) — «Problèmes des recherches sur les langues de diverses fonctions». В основу стилистического изучения языка кладутся следующие принципы:

1) Необходимо различать *langage interne* и *langage manifesté*. Первый гораздо более распространен, чем второй; поэтому не следует переоценивать фонетический аспект и необходимо учитывать потенциальные лингвистические факты.

2) Важными определителями являются интеллектуальность и эффективность лингвистических манифестаций. Эти два элемента либо взаимно проникают, либо один превалирует над другим.

3) Интеллектуальный язык имеет социальную направленность. Эмоциональный же может либо иметь социальное назначение, если он имеет целью вызвать у слушателя определенные эмоции, либо же являться просто выражением эмоций без учета слушателя.

Язык может иметь либо коммуникативную функцию (направлен на «обозначаемое»), либо «поэтическую функцию», когда он направлен на знак как таковой (*le signe lui même*). Далее, язык может относиться к ситуации, опираться на экстралингвистические «дополняющие элементы», либо составлять настолько замкнутое целое, насколько это возможно (необходимо подчеркнуть, что здесь, как и всюду, при изложении пражских тезисов русским словом «язык» переводится «langage», т. е. язык как деятельность, а не «langue», не сама система).

Изучение случаев, в которых преобладает одна функция, и тех, в которых перекрещиваются разные функции, требует решения вопроса о различной иерархии функций в каждом данном случае.

4) Виды лингвистической «манифестации» — это устная манифестация, которая в случае отсутствия непосредственного контакта говорящего и слушающего превращается в письменную. При исследовании этих разных манифестаций важно различать монологическую и диалогическую речь для определения того, какие из этих двух ее разновидностей с какими связаны функциями и в какой мере. В случае прямого контакта необходимо изучать жесты. Это существенно, в частности, для изучения проблемы региональных языков (например, «общеевропейские жесты»).

5) Важно также учитывать внелингвистические аспекты общения — степень общественной, профессиональной, территориальной и т. п. сопринадлежности общающихся. Ср. также V. Mathesius, *On Some Problems of the Systematic Analysis of Grammar* (TCLP, 1936, № 6). Способы названия данных элементов действительности и способы организации таких названий в предложении (в применении к данной фактической или «актуальной» ситуации) составляют предмет «функциональной ономатологии» и «функционального синтаксиса». Первая из этих двух наук («функциональная ономалогия») не получает еще достаточного внимания, хотя ономалогические особенности языка являются столь же для него характерными, как и синтаксические и морфологические.

6) Проблема «стилистического отбора» теснейшим образом связана с вопросом о синонимии. Марузо включает понятие «выбора» в само определение стилистики: она изучает особенности (*aspects*), получаемые в результате выбора из «разных средств выражения, которые язык представляет говорящему или пишущему» (J. Magouzeau, *Précis de stylistique française*, Париж, 1946). На этой же идее зиждется и знаменитый «Трактат» Балли («*Traité de stylistique française*», изд. 3, Женева, 1951). Согласно Балли, исследование особенностей как интеллектуальных, так и аффективных фактов выражения есть не что иное, как широкое изучение синонимии в наиболее общем смысле этого термина. В принципе синонимия может включать все факты «речи вообще», т. е. «языка» в смысле *langage*, объединяемые общностью основного смысла, независимо от их формы и грамматической функции. В отличие от Бюлера (см. выше стр. 237), Балли ставит в центр внимания не разные элементы или ингредиенты речи, а ее функциональную сторону, различая: 1) интеллектуальную функцию (например, *faites cela*), 2) индивидуально-эмотивную (*Oh, faites cela! Oh, comme je voudrais que vous fassiez cela!*) и 3) социально-эмотивную (*Voulez-vous faire cela, je vous prie*).

Для того чтобы «факты выражения» можно было «отождествить», их следует «разграничить» (*delimenter*), чтобы выяснить, каким образом они ассими-

лируются с единицей мысли, выражением которой они являются. «Отождествление» (identification) факта выражения заключается в его определении и замене посредством «термина отождествления» (terme d'identification), который является «самым простым, общим и широким, содержащим в зародыше все остальные члены ряда и выражающим данное понятие самым простым способом. Он соответствует неразложимому элементу сознания» (так, например, «термином отождествления» для такого факта выражения, как *avec 400 francs j'arriverais*, будет *suffisance*, для такого, как *un élan me venait d'aller, — désir* и т. п. Отправляясь от «модальных и логических» отношений, Балли не только не стремится к разграничению лексикологии и грамматики, но, напротив, приходит к выводу о принципиальной невозможности такого разграничения. Так, например, если требуется выразить на французском языке, «что что-то желательно сделать» (*qu'on désire faire une chose*), то сразу же обнаруживается, что узальным термином отождествления и является как раз сам глагол *désirer*, который далее наводит на мысль о целом ряде синонимических слов и словосочетаний (*locutions*), таких, как *souhaiter, convoiter, ambitionner, avoir soif de* и т. п. Но далее замечают, что вместо *je desire faire une chose* можно сказать *j'aimerais faire une chose*. Возникает вопрос: это факт лексикологический или синтаксический? Ответ: и тот и другой. Идея желания реализуется здесь посредством слова *aimer*. Но это слово может выражать идею желания только в определенной «синтаксической» форме — в форме условного наклонения, так как, например, *j'aime faire une chose* будет иметь совсем другой смысл. Границы лексикологии и синтаксиса еще более стираются в таких случаях, как *Plaise a Dieu qu'il arrive en bonne santé*. Таким образом, под одним и тем же «термином отождествления» «идея желания» объединяются разные способы «выражения»: *désirer, souhaiter* и пр. *j'aimerais (conditionnel)*, *Plaise a Dieu!* Si... — в сочетании с соответствующей «синтаксической» формой глагола и т. п.

Рассмотренный пример — *qu'on désire faire une chose* — «что что-то желательно сделать» может быть использован для пояснения следующей мысли. Понятно, что речь у Балли идет о том, чтобы отправляться от «модальностей и логических отношений, предполагаемых у всех говорящих, принадлежащих к данной лингвистической группе». Поэтому приведение нами русского «эквивалента» — «что что-то желательно сделать» — не является правоммерным: русское выражение явно вносит свои особые элементы, содержит «обертон», отсутствующие во французском. Но как увериться в том, что то или другое выражение действительно является «термином отождествления» для всех лиц, принадлежащих к данной лингвистической группе?

Литературу о синонимике см. в части IV, глава I, примечание 2, Специально в плане стилистического выбора — также Л. В. Щ е р б а, Современный русский литературный язык («Русский язык в школе», 1939, № 4): «Развитый литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимических средств выражения, так или иначе соотносенных друг с другом»; А. Н. Г в о з д е в, Черки по стилистике русского языка (М., 1955, стр. 55): «Стилистика, выясняя условия точного и выразительного обозначения... в первую очередь рассматривает синонимы»; А д м о н и В. Г. и С и л ь м а н Т. И., Отбор языковых средств и вопросы стиля, ВЯ, 1954, № 4 и др.

⁶ Ср. часть I, глава III.

⁷ Ср. часть I, глава I, параграф 2.

⁸ Ср. часть I, глава I, стр. 15.

⁹ Ср. Frei, H., *Langue, parole et différenciation* (Journ. de psychologie, 1952). См. по вопросу о соотношении общенародного и индивидуального в следующих работах: Н. Ю. Ш в е д о в а, К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя, ВЯ, 1952, № 2; А. И. Е ф и м о в, Об изучении языка художественных произведений, Учпедгиз, 1952; В. Д. Л е в и н, О некоторых вопросах стилистики, ВЯ, 1954, № 5; Г. В. С т е п а н о в, О стиле художественной литературы, ВЯ, 1952, № 5 (там же критика Хатцфельда); Р. А. Б у д а г о в, К вопросу о языковых стилях, ВЯ, 1954, № 3. Анализ современного состояния вопроса в русском языкознании с подробной библиографией см. у В. В. В и н о г р а д о в а

в работе: «Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие», М., 1955.

¹⁰ W. R o z g i g, *Das Wunder der Sprache*, Bern, 1950; J. C a s a r e s, *Introduction a la lexicografia moderna*, Madrid, 1950; I o r g u I o r d a n, *Stilistica limbii române*, Bucuresti, 1944; H. S e i d l e r, *Allgemeine Stilistik*, Göttingen, 1953; K. B u r k e, *Philosophy of Literary Form*, Louisiana, 1941, и многие другие. Стилистический эффект может быть достигнут не только выбором слов и построения, но и разного рода ритмико-интонационными средствами (что свидетельствует, между прочим, о принадлежности интонации к двусторонним единицам языка, а не к фонетике в собственном смысле). По словам театрального критика Л. Бернеса, знаменитый английский актер Гаррик однажды прочитал азбуку с таким выражением, что присутствовавшие не могли удержаться от слез. Здесь же уместно упомянуть о классификации метафор (ср. А. Н. К о ж и н, *Переносное употребление слова*, «Русский язык в школе», 1954, № 3; М. B i l s k y, A. Richards, *Theory of Metaphor*, журнал *Modern Philology*, Nov. 1952, № 2). Одно дело, если говорят о «ноге стола» (*leg of table*), и совсем другое, когда сравнивают вечернее небо с *a patient etherized on a table*.

Как известно, концепция Балли (а следовательно, и вообще идея о разграничении экспрессивно-эмоционального момента и момента семантического) подверглась резкой критике еще в 1908 году А. Сешез в его широко известной работе «*La stylistique et la linguistique theorique*», опубликованной в столь же широко известном сборнике «*Melanges de linguistique offerts a F. de Saussure*» (Париж, 1908); то, что Балли понимает как предмет особой науки — стилистики, есть, по мнению Сешез, просто языкознание вообще. Известно, что эта точка зрения находит сторонников и теперь.

Следует заметить, что речь идет лишь о выделении эмоционально-экспрессивных моментов, а не их отрыве от «факта выражения», разрыве «интеллектуального и аффективного» и т. п. Примеры вроде приведенного выше случая с Гарриком интересны только в той мере, в какой бросающаяся в глаза отсутствие «изоморфизма» содержания и эмоционально-оценочного обертона помогает проникновению в существо последнего. См. по этому вопросу и вообще по вопросу о разграничении собственного значения и экспрессивно-эмоционально-оценочных моментов: А. И. С м и р н и ц к и й, К вопросу о слове (проблема «тождества» слова), Труды Института языкознания АН СССР, т. IV, 1954, стр. 26—28; В. А. З в е г и н ц е в, Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова, ВМУ, 1955, № 1.

¹¹ См. глава III, § 3.

¹² Последнее понимание известно также под названием «стилометрии» — способа проникновения в подсознательный мир человека. Ср. F. R o s t a n d, *Grammaire et affectivité*, Париж, 1951. Ростан приводит следующую цитату из Пишона (E. P i c h o n, *Evol. Psychiatr.*, 1925, стр. 257): «И даже может быть, поскольку в действительности не существует двух лиц, речь которых была бы в точности тождественна, можно надеяться, что наступит день, когда получит достаточное развитие то, что можно было бы назвать средней национальной грамматикой (*grammaire nationale moderne*), и частные особенности, наблюдаемые у того или другого индивида, помогут тогда осветить его индивидуальное подсознание. Таким образом писатели оставляли бы нам через свой стиль историю своей души».

¹³ Самого пристального внимания заслуживают теории стиля, разрабатываемые чехословацкими языковедами, подчеркивающие зависимость выбора тех или других языковых средств от особенностей той области человеческой деятельности, где применяется язык (ср. F. T r a v n i c e k, *O jazykovem slohu*, 1953, — приспособление тех или других языковых средств к данным целям общения; В. М а т е з и у с, *Reč a sloh*, Прага, 1942 и др.).

¹⁴ По мнению Балли, и техническая терминология и литературный язык рождаются из высших потребностей мысли, которых «общий язык» (*langue commune*) не может удовлетворить: первый — из интеллектуальной потребности, второй — из эстетической. Оба эти «языка» открывают путь для индивидуального творчества, особенно для сознательного и намеренного индиви-

дуального творчества. Разница между ними в том, что ученый видоизменяет язык, делая его все более интеллектуальным и безличным (*impersonnel*), а литератор «транспонирует» его для того, чтобы приспособить к форме мысли, по существу личной, аффективной и эстетической. Разница также в том, что нововведения научного языка касаются в основном слов, тогда как нововведения литературного языка касаются смысла слов и их комбинаций и вообще «косвенных средств выражения» (*moyens indirects d'expression*).

¹⁵ Хотя схема Блумфильда иллюстрируется материалом американского варианта английского языка со всеми специфическими диалектными разновидностями США, схема эта по замыслу автора должна иллюстрировать вообще типы речи, свойственные «сложному речевому коллективу». Она имеет следующий вид:

1) Литературный образец (*literary standard*). Употребляется в наиболее формальных видах устной речи и в письменной речи (пример — *I have gone*).

2) Разговорный образец (*colloquial standard*). Речь привилегированного класса. Пример — *I haven't any* или *I haven't got any*. В британском английском эти обороты будут относиться к данной категории только при условии выговора (звуки и интонация) «*public schools*».

3) Провинциальный образец (*provincial standard*). В США не отличается от 2), употребляется «средним классом» (*middle class*), тесно примыкающим к 2), но слегка различается по областям. Пример — тот же, что для 2). В Англии с разновидностями произношения и интонации, отклоняющимися от стандарта «*public schools*».

4) Не образцовый (*sub-standard*). В Англии этим типом речи пользуются представители *lower middle class*, а в США почти все, кроме тех, кто пользуется 2) и 3). Пример — *I ain't got none*.

5) Местный диалект (*local dialect*). На нем говорят «наименее привилегированные классы». В США мало развит. Местные диалекты могут настолько различаться, что являются взаимно непонятными, так же как и тем, кто пользуется образцами 1), 2) и 3). Пример — *A hae pap*.

¹⁶ В глоссематике (см. *L. Hjelmslev, Omkring sprogteoriens grundlæggelse, Kopenhagen, 1943, стр. 101 и след.*) вопрос трактуется так: хотя, теоретически рассуждая, в «текст» должна была бы «инкатализироваться» только одна система, на самом деле даже самый короткий текст обычно включает «дериваты», основанные на разных системах. Разные части текста могут быть построены на:

1) разных стилях (*stil*) и их соединениях;

2) разных «стилевых разновидностях» (*stilart*), творческих (*kreativ*) или просто воспроизводящих (*reproducerende*);

3) разных «оценочных стилях» (*vaerdistol*) — высоком, низком, вульгарном; сюда же относится так называемый нейтральный стиль, который не оценивается ни как высокий, ни как низкий;

4) разных стилевых жанрах (*stilgenre*) — речь, письмо, жесты, флажковый код и т. п.;

5) разных «настроениях» (*stemning*);

6) разных «идиомах», которые делятся на:

а) разные аргы — общий язык (*offentligt sprog*), разные языки социальных и профессиональных групп (*klike eller fagsprog*);

б) разные национальные языки;

в) разные местные языки;

г) разные *fysionomi* (сопровождающие выражение различия голоса) и т. п.

¹⁷ См. выше стр. 235.

¹⁸ См. часть I, глава I, параграф 4.

¹⁹ См. выше примечание 16.

²⁰ Так, например, Е. Найда (*E. Nida, Analysis of Grammatical Constituents, Lang. 24, 2, 1940, стр. 172*) говорит о том, что значение относительного расположения «непосредственно составляющих» может быть как направлено на то, чтобы сигнализировать важные структурные отношения, так и иметь «стилистический» характер, рассматриваясь на стилистическом уровне. К этому же вопросу, но уже в связи с использованием различных фонети-

ческих вариантов форм слова Найда возвращается в статье «The Identification of Morphemes» (Lang. 24, 1948, стр. 433). Правильным и важным является его замечание о том, что выбор того или другого из вариантов слова связан с тем, что он называет «типом речи». Выбор [hæv], [həv], [əv] или [v] всегда связан с другими нормально сопровождающими друг друга различиями, такими, как выбор лексики, разные виды фонетической редукции например [dʒə], [səpəʊr], а также разнообразными моментами, обычно не включающимися в фонетическое описание, такими, как точность артикуляции, скорость речи и др.

²¹ Часть I, глава I, параграф 4.

²² См. В. В. Виноградов, Итоги обсуждения вопросов стилистики, ВЯ, 1955, № 1.

²³ Там же, стр. 62.

²⁴ Значение «нейтрального стиля» часто недооценивается. Например, Касарес («Introducción a la lexicografía moderna», Madrid, 1950, стр. 105) подчеркивает то обстоятельство, что вовсе не все слова и выражения языка могут рассматриваться стилистикой. Однако практически Касарес приходит к выделению слов, которые отличаются именно нулевой стилистической характеристикой, таких, как mesa, siPa, calcetin, tijeras, ver, dormir и т. п.

О нейтральной стилевой характеристике см. И. С. Ильинская, О языковых и неязыковых стилистических средствах (ВЯ, 1954, № 5); Ю. С. Сорокин, К вопросу об основных понятиях стилистики (ВЯ, 1954, № 2); Л. Л. Колосс, О предмете стилистики (ВЯ, 1953, № 3); А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955; С. А. Кудряшов, Лексика и фразеология поэм И. С. Никитина (автореферат, М., 1954) и др. А. Н. Гвоздев высказывается против термина «нейтральный» («Очерки по стилистике русского языка», М., 1955) потому, что это создает впечатление слабой выразительности этих слов, что совершенно неверно, и потому предлагает называть их «общеупотребительными словами».

²⁵ В чем легко убедиться, взяв любой словарь и сравнив по количеству слова, снабженные стилистическими пометами, и слова, не имеющие таковых.

²⁶ По мнению Касареса (цит. произв.) стиль лексикографа должен быть максимально безличен, лишен какой бы то ни было индивидуальной окрашенности, всякой эмоциональности и представлять собой «стерилизованную прозу», в которой даже в зародыше не должно быть ничего могущего породить положительный стилистический эффект.

²⁷ Ср. классификацию, даваемую А. Н. Гвоздевым (цит. произв.). Следует оговориться, что вопрос о стилистической дифференциации фразеологических единиц и настоящей работе не исследовался.

Г Л А В А II

СЛОВА СО «СНИЖЕННОЙ» СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

Как было сказано в заключение предыдущей главы, обнаружить и выделить слова с положительно выраженными стилистическими свойствами легче и проще, чем слова с нулевой стилистической характеристикой. Вместе с тем именно эти последние являются основой для стилистической классификации слов, поскольку вообще положительная стилистическая характеристика слов выявляется только на фоне стилистически нейтрального лексического слоя. Поэтому казалось бы логичным начать описание материала со слов стилистически нейтральных, чтобы, используя нейтральный слой в качестве фона, перейти затем к анализу и клас-

сификации слов, выделяющихся по сравнению с нейтральным слоем теми или другими «выраженными» стилистическими свойствами. Однако вследствие полной неизученности вопроса о стилистически нейтральной лексике этот порядок изложения было бы трудно осуществить, почему представляется целесообразным начать со слов с «выраженными» стилистическими свойствами и, «отталкиваясь» от них, попытаться наметить пути обнаружения и описания слов стилистически нейтральных.

Как уже было сказано выше, положительно стилистически окрашенные слова выделяются в общем, с одной стороны, как «сниженные» относительно нейтрального слоя и, с другой — как стилистически «возвышающиеся» над ним. Поскольку «снижение» по сравнению с нейтральным слоем включает вопрос о так называемой «разговорной» лексике, этот аспект стилистического выделения оказывается наиболее важным, так как охватывает большой объем лексики.

Выше неоднократно подчеркивалось, что лексикологическое описание ни в коем случае не должно ограничиваться отдельными примерами, а обязательно основываться на массовом исследовании материала. Особенно это относится к стилистическому исследованию, где нередко приходится иметь дело с трудно уловимыми нюансами, почему показать их можно только на очень большом материале. Поэтому в нижеследующем изложении высказываемые положения и предлагаемые классификации будут сопровождаться сравнительно длинными списками слов.

Если согласиться с принятым здесь разделением всех слов с «выраженной» стилистической характеристикой на две большие категории, а именно «сниженные» по сравнению с нейтральным слоем и «возвышающиеся» над ним, то «разговорную лексику» придется отнести к первой категории случаев. Однако в отношении разговорной лексики речь должна, по-видимому, идти не столько о «снижении» в собственном смысле, сколько об известной свободе и непринужденности выражения, сопровождающейся повышением экспрессивности. Например, можно попытаться *склонить* кого-нибудь принять какую-либо точку зрения или на участие в каком-нибудь деле; если сказать при этом, что его *агитируют*, то это будет «разговорное» выражение. Оно не содержит в себе ничего грубого; оно лишь имеет несколько более непринужденный характер и потому более экспрессивно. Например, можно сказать о человеке, склонном к выражению разного рода восторгов и опасений, что он *ахает*; можно *баловаться* стилистическим анализом; *бархатиться* не только в воде, но и в куче разнообразных дел; *беготню* могут затеять не только дети, но и недостаточно целесообразные работники учреждения. Если мы скажем о своем сотруднике, что он *безалаберный* или *бездельник*, или о себе, что нам надоело *бездельничать*, когда у нас *бездна* дел, что мы не любим *белоручек*

или что эта работа представляет собой сплошную *бессмыслицу*, мы в каком-то смысле «снизимся» по сравнению с обычным, нейтральным, спокойным стилем выражения. Но именно только «в каком-то смысле»: все подобные выражения вполне приемлемы и допустимы во всех обычных сферах применения речи; известный процент такого рода выражений придает речи большую живость, делает ее более экспрессивной.

Совсем другое дело слова собственно «сниженные». Можно сказать, что кто-то *не соглашается, отказывается*, наконец, *упирается*. Но сказать, что он *артачится*, в обычном словоупотреблении будет неуместно. Можно назвать кого-нибудь *болтуном* — и это будет «разговорно»; если же сказать, что он *балаболка* или *балбес*, то это уже может шокировать, будет воспринято как стилистическое «снижение», как вульгаризм. Одно дело сказать, что это *сплошная бессмыслица*, и совсем другое — что это *белиберда*. *Он все ахает* в смысле «восторгается и опасается» — вполне дозволено всем, кто хочет выразиться более красочно. Но *он его ахнул поленом по голове* — вульгарно не только по содержанию, но и по форме.

Сопоставительное рассмотрение «разговорных» слов и слов «сниженных» можно было бы продолжить до бесконечности. Думается, однако, что приведенных рассуждений уже достаточно для того, чтобы дать общее представление о предлагаемом разграничении. Можно только добавить, что многие из «сниженных» слов вряд ли вообще когда-нибудь будут «сказаны» теми, кто свободно пользуется всеми «разговорными» словами. Например, вряд ли всякий, кто вполне свободно и естественно употребит в своей речи такие слова, как *бешабашный, благоглупость, бомбежка, болельщик, болтовня, болтун, бросовой, бум, буквоед, буян, валерьянка, вдобавок, вдогонку, верзила* и т. п., столь же естественно будет пользоваться такими словами, как *балбес, безмозглый, белиберда, белобрый, бесстыжий, бестолочь, благовестить* (в смысле «разбалтывать», «разносить»), *болван, брюхо* и т. п.

Для пояснения того, что понимается здесь под «разговорными» словами в отличие от «стилистически сниженных», приведем два списка примерных слов. Хотя, конечно, далеко не все из включенных в них слов будут одинаково убедительными (многие, несомненно, покажутся спорными), думается, что в целом это поможет уловить различие представляемых ими стилистических категорий.

«РАЗГОВОРНЫЕ» СЛОВА

Агитировать (*перен.*), ахать, баловаться, баловник, барахтаться, беготня, беняга, безалаберный, бездельник, бездельничать, бездна (*дел* и пр.), белоручка, бессмыслица, бесстыдник, бешабашный, благоглупость, бомбежка, болельщик, болтовня, болтун, бросовой, бум, буквоед, буян, валерьянка, вдобавок, вдогонку, верглявый, вертушка (*о женщине*), верхогляд(ство), весельчак, ветрогон, взпуски, взбалмошный, вздремнуть, вихор, влюбчивый, вовсе, военщина, вороватый, восточник, вояка, вполовину, впопыхах, впустую, взброд, вскладчину, всклокоченный, всласть, всплакнуть, всячески, выбирать, выдворять, выдумка, вызубривать, вымарывать, спрашивать, выпроваживать, вырядить, выстукивать, галерка, глазник, глупить, глупыш, гово-

рун, голландка, головоломка, головорез, головопяп, голыш, гонка, гонор, гуляка, грязнуля, двойка (также *тройка*, *четверка* и т. п.), дебош, дележка, деликатничать, делишки, дешевка, дичиться, добавка, добряк, досюда, дотуда, дребедень, дурнушка, думка, схищничать, жадничать, жеманничать, забияка, забористый, забрести, забулдыга, завзятый, заглазно, загляденье, залениться, залечить, залихватский, залучить, замарашка, замешкаться, заморить, заморыш, замухрышка, занятный, запанибрата, записной, запускать, захопотаться, заучиться, заядлый, зенитка, зубоскал, зубрежка, инструкторша, искусник, исподтишка, каверза, каверзный, казенщина, казус, капризник, карабкаться, карболка, картошка, касторка, катавасия, кило, кладовка, клетушка, ковырять, кожник, комик (*перен.*), контры, копирка, крепшш, кривляться, критикан, крохобор, крохотный, крючковатый, крючоктвор, кубарем, курятина, кутерьма, ладно, лебезить, лежебока, лентяйничать, летун, либеральничать, лизоблюд, листать, ловкач, мазня, малевать, малыш, мальчуган, малюсенький, манерничать, матроска (*блужа*), махина, махинация, мешкать, мигом, миндальничать, митинговать, многогато, модничать, молодчик, молокосос, мот, мразь, муслить, мямлить, наперечет, напортить, напрактиковаться, напролом, напропалую, напрямик, напутать, наработать, нараспаху, нарасхват, насажать, насмарку, насмешник, наушник (*перен.*), нахватать(ся), невезение, невпопад, невпример, недостача, недотрога, недоучка, недохватка, неженка, нежничать, незадачливый, незамысловатый, незачем, немножко, немыслимый, неполадки, непоседа, неразбериха, неряха, нестоящий, несуразный, неувязка, неудобопрозносимый, неурядица, неуч, нехватка, но-чеква, обворовывать, обезьянничать, обезденежить, обкромсать, облачать, облеплять, обмылок, обмякнуть, обождать, оболгать, оболтус, оборотливый, обрастать, обсчитывать, обуживать, обюрократиться, огоршить, одиночка, одурачить, озолотить, оконфузить, опаска, опешить, оригинальничать, осовелый, острастка, остроглазый, остряк, отделаться, отколотить, отпетый, отсебятина, отупелый, отучиться, отшлепать, офранцузиться, охавать, охорашиваться, очковтиратель, очковтирательство, ошалелый, переволноваться, передержка, передохнуть, передрыга, перезабить, перекидываться, перекричать, перекувырнуть, перекусить, переминыться, перемудрить, перепалка, перепутать, перерабатывать (*долгие положенного*), пересластись, перестараться, пересуды, перетерпеть, перетолковывать, перетревожиться, перетрусить, перещеголять, перехорать, петушиться, пижон, писака, плакса, плечки (*вешалка*), плутать, плутишка, плюс (*выгодная сторона*), побавиться, побаливать, поблажка, поболтать, побраниться, побрякушка, повалиться, повеса, повесничать, повидать, повстречаться, подвох, подвыпивший, подголосок, поддакивать, поделать, поджарый, поджидать, подзадоривать, подсахарить, подсказка, подспорье, подстраивать, подступиться, поживиться, пожитки, позабывать, позевывать, ползлить, поистратиться, поквитаться, покрикивать, покуривать, поломать, плутовка, полуторатонка, помойка, понадеяться, понадобиться, понатужиться, пописать, попомнить, попортить, попрошайка, попрошайничать, попросту, попрыскать, попрятать(ся), поразмыслить, посасывать, поспинать, поспевать (*за*), постирать, посчитаться (*с кем, перен.*), потакать, потасовка, потихоньку, потягаться, потягивать, похвалить, похвальба, поход (*в весе*), похрапывать, почесывать, почитывать, пошालивать, пошевелить(ся), пошив, пошлятина, пощипать, преспokoйно, приволокнуться, приглядывать, приглянуться, приговаривать, приедасться, приемка, прикармливать, приключаться, прикопить, прилизанный, примелькаться, примоститься, приодеться, приохотить(ся), припрыгивать, прискучить, припрягивать, припугнуть, приструнить, пристяжка, присяжный (*перен.*), прихвастнуть, прихлебатель, прихорашиваться, приценяться, пробавляться, провинность, провороваться, проказить, промокашка, пропойца, пропьянствовать, простирнуть, прострел, простушка, прохворать, проформа, прыгалка, прыскать, прыть, пустопорожный, путаник, пышка, работяга, разбазаривать, разбалтывать, разбегаться, разбраниться, разбрасывать(ся), разбушеваться, раздобриться, раздобывать, развинченный (*перен.*), развоеваться, развозиться, развозка, разволноваться, разгильдяй(ничать), разглагольствовать, разгуливать, раздаваться (*полнет*), раздевалка, раздосадовать, раздразнить, раззадоривать(ся),

разлентиться, разнойбой, разногласица, разноска, разохотиться, разряжать(ся), расквитаться, располнеть, распространяться (*перен.*), распрощаться, расстелиться, расфрантиться, расхвораться, расхвастаться, расхвывать, расхотеть(ся), расхрабриться, расшевелить, рвач, рваческий, ревнивец, регулировка, резон, рифмоплет, рогносоец, роман (*любовные отношения*), ротозей, ротозейничать, сагитировать, санки, сброс, сводничать, сводня, стгоряча, сгрудиться, секретничать, сердечник, сердцеед, середка, сережка, сживаться, силиться, скарб, склочник, сковородка, Сколачивать, скоморошничать, скопидомничать, скоропалительный, скрипучий, скромник, скрытничать, скряга, скряжничать, славно, славный, слесарничать, слинять, словопрение, слоняться, смазливый, смаху, смачно(-ый), смельчак, сметка, смешок, смутьян, снадобье, снашиваться, собульщик, сочинять, спохватываться, справлять, спровоживать, стишок, стосковаться, таращить, тикать, тихонько, толстосум, толстуха, толчея, тонный, тормошить(ся), тошй, транжира, треволнение, трепыхаться, трехстволка, трехтонка, тронуться, трюкачество, тюлень (*перен.*), тьяквать, увалень, увиваться, увидаться, увилывать, угодничать, уголовщина, удачник, удосуживаться, удружить, узкоколейка, указка, умильный, умничать, умопомрачительный, умствование, упрямец, усач, уткнуться, ухитряться, ушник, фамильярничать, фанаберия, фантазировать, фантазия (*перен.*), финансы, фокус (*уловка*), фокусничать, фортель, франтить, франтиха, фугболка, фыркаль, халтура, халтурить, хвалъный, хвалиться, хворать, хлопотун, хорохориться, хорошенько, хохотун, чаепитие, чаепенко, черкнуть, чистоган, чмокать, чураться, чуточку, чушь, шлепанцы, экономничать, электричка, эскулап, юлить, якшаться, ястребох (*перен.*) и др.

«СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННЫЕ» СЛОВА

Артачиться, аховый, ахнуть (*ударить*), балаболка, балбес, балда, бал-лясничать, барахло, баста, бахнуть, башка, безмозглый, белиберда, белобрысый, беспардонный, бесстыжий, бестолоч, благовестить, блат, болван, брюхо, брякнуть, бултыхнуться, буржуй, валандахся, валить (*валул*), вахлак, ввалиться, свернуть, ввязываться, вдолбить, вдрызг, взбелениться, взбучка, взгреть, вздуть (*отколотить*), взъерепениться, вхлять, влипнуть, влопаться, воззриться, волокитчик, вонь, вонять, вонючий, вопить, воротила, впихивать, враль, враки, вранье, врать, врезаться (*влючиться*), врун, втемяшиться, вывозиться, выжига, выкрутасы, выпивка, выпиреть, выпяливать, вытанцовываться, вытворять, вытурить, вышвыривать, гадить, галдеж, галдеть, гаркать, гиблый, глазеть, глотка, горланить, горластый, городить, губастый, губошлеп, дармоед, дорваться, доташиться, дотошный, драть, дрянь, дубасить, дубина (*перен.*), дудки, дурашливый, дурень, дурить, еепениться, ерунда, ерундовый, ершиться, жуть (*жуть!*), заваль, завалышй, завираться, завлекательный, загвоздка, загибать, загровок, загулять, заделываться, задирать, задрывать, заживаться, закиливать, заладить, замататься, замашки, заноситься, запакостить, запалить, запариться, запропащиться, зарাপортоваться, заручка, зарваться, зарыться (*от избытка*), зарядить, заскок, засмеять, застудиться, засудить, засыпаться, затрещина, затычки, зацепка, зашибать (*выпивать и деньги*), здоровенный, изгадиться, излечиться, изловчиться, измызгать, изругать, исколесить, исколотить, истасканный, истошный, канителиться, карга, кашей, клепать (*лгать на к.-н.*), клячить, кляуза, кляузный, кляча, ковыряться, колобродить, кологушка (*удар*), компанейский, коновод (*перен.*), копогливый, копошиться, коптедь, копун, корезить, корить, кормежка, корявый, космы, кособокй, кропать, кропево, куллатый, кукситься, кургузый, ладить, лизаться (*целоваться*), лиловый, лодырничать, лодырь, ломиться, лопать, лопаться (*от*), лопоухий, лупоглазый, ляпнуть, мастак, мозговитый, морда, мордастый, мытарить, чапирать, напихивать, наплести, напороться, напяливать, нарываться, насмшничать, натрещать, натрудить, науськивать, нахальничать, нахлбучка, таудить, недотепа, некрасивый (*перен.*), ненормальный (*перен.*), неотесанный, неприкаянный, непролазный, несусветный, никудышный, никчемный, норсать, ночлежка, обабиться, обал-

деть, обалделый, обдирала, обкорнать, обжора, обжираться, обжуливать, обызывать, облапить, облаять, облезть, облезлый, обмирать, обмозговать, обругать, обрыскать, обхаживать, обчистить (*обокрасть*), обедавать, обискаться, оголтелый, огреть, огрызаться, одурелый, озлиться, околачиваться, окрутить(ся), окрыситься, окургузить, олух, оплести, орать, осатанелый, остолоп, осточерть, отбарабанить, отбояриваться, отбрить, отвертеться, отвиливать, отвратный, отгулять, отдубасить, отдуваться, отковыривать, отрещиваться, отлынивать, отпихиваться, отрепье, отродье, оттискивать (*оттеснять*), оттрепать, отхватывать, отшивать, очумелый, очухаться, пакостить, палить, перебарщивать, перебеситься, переварить, перегрызться (*перен.*), передохнуть, пихать(ся), плевать, плюгавый, плюхнуться, побираться, поганец, поганный, поглазеть, подвирать, подгадить, подгулять, подкузьмить, подлиза, подмахнуть, подольшаться, подсиживать, по-дурачки, подуськивать, подыгрывать, пожива, поздоровиться, поколотить, полоснуть, помирать, побожиться, попахивать, привирать, придира, придираться, придурковатый, придурь, придушить, прикатить (*приехать*), прикладываться (*перен.*), прилипчивый, приловчиться, примазаться, приналечь, принохаться, принохаться, припрятать, припутеть, приспичить, пристукнуть, приткнуть(ся), приударять, прифрантиться, прихвостень, пришибить, проволочка, пройдоха, проворонить, прогореть, продуть(ся), проедать, проездиться, прожить(ся), пролаза, проныра, пронохать, посаживать, проспаться, протаскивать (*перен.*), протурить, прохватывать, проходимец, прошельга, пузатый, пузо, пустозвон, пустомеля, пучеглазый, пучить, пьянка, пьянчуга, плялить, раззвонить, разиня, разить (*от него разит*), разное, разопреть, разорваться, разреваться, расквасить, раскоряка, распутишься, распикивать, распушить, расславить, растрепать, растяпа, рехнуться, ржать, рохля, ругаться, садить, свалка, свинский, свистнуть (*перен.*), свихнуться, сволакивать, сволочь, свернуть (*что*), слазить, слдохнуть, слдуру, сивуха, скарел(ничать), сквитаться (но *покинуться* в I), скулить, скупердяй, слазить, слякотный, смак, смахивать (*на*), сморозить, сморчок (*перен.*), смыслить, соваться, спереть, спец, спихивать, сплоховать, спрыснуть, спятить, стибрить, танцулька, тарарам, тарахтеть, тетеря, тихоня, толкач, толкучка, толстомордый, толстопузый, трахнуть, тренкать, трепач, трухлявый, тужиться, тузить, турнуть, тыкаться, тяпнуть, уволакивать, увязываться, углядеть, угодить (*куда*), угомониться, угонять, угораздить, угробить, уйма, укатить, укокошить, уламывать, улелеть, улизнуть, умасливать, упечь, уписывать, уплетать, упомянуть, уродина, утихомирить, утрясти, ухнуть, ухлопать, уходить(ся), ушастый, фасонистый, ферг, финка (*нож*), финтить, форсить, фото (*фотографическая карточка*), халтурщик, хам, хамский, хватить (*чем*), хламида, хлыщ, хныкать, хороводиться, частичник, чертовка, чертовский, чертовщина, чертычаться, честить, четвертинка, чудить, шептун, шикарный (*перен.*), шипучка, шкурник, шкурничать, шляться, шмыгать, шпарить (*перен.*), шпик, шпынять и др.

Вопрос о стилистически «сниженной» лексике соприкасается с вопросом о границе литературного языка. Интересную проблему в этом отношении представляет довольно обширная группа слов, которые можно обозначить как «разговорно-просторечные». Думается, что слова этой категории вообще могут употребляться в современной разговорно-литературной речи только при известной ее стилизации, в частности для речевой характеристики литературных персонажей. Они, конечно, не встретятся в нормальной речи лиц, свободно пользующихся «разговорными» словами. Однако они, безусловно, входят в пассивный словарь каждого владеющего современным русским литературным языком и в экспрессивно-стилистическом плане гораздо «приятнее», чем слова, отнесенные выше к «стилистически сниженным», давая представление об известной народности, естественности, иногда местном колорите.

К «разговорно-просторечным» представляется возможным отнести такие слова, как: айда, бедовый, блажной, брехать, варево, ввек, вальяжный, вволю, верно (*вводн. слово*), ветряк, вишь, вконец, внакладе, вовсю, вольготный, вольно, восвояси, остро, впору (*с дат.*), впотьмах, вправду, впросонках, всердцах, втридорога, головушка, голосить, горазд, гуртом, давеча, дву-жильный, ей-ей, жалостный, живьем, житье-бытье, журить, за-глаза, загодя, задаром, зазноба, зарез, застрашивать, затемно, знать (*вводн. сл.*), измаяться, ихний, кабы, касатка, кликать, корноухий, корысть, краше, краюха, кривой, куманек, курево, ластиться, магарыч, маленько, малец, малость, мальй, маяться, меньшей, мешкотный, мол, молчком, наперед, напраслина, наруку, насилу, нате, нахрапом, небось, нивесть, невзначай, невмоготу, невтерпеж, недосуг, незадача, нейметя, неказистый, нелегкая, неможется, немочь, немудреный, ненароком, неповадно, непочатый, неровня, нескладница, несмышленный, неспроста, не-чисть, нипочем, нутро, нынче, облыжный, оглядка, огулом, оземь, окриветь, оплошать, опростать, опростоволоситься, орава, отроду, отродясь, охулка, пазуха, пекло, пентюк, перво-наперво, перво-путок, переимчивый, перемолвить, площадь, побывка, повадно, повелось, повитуха, поди (*вводн. слово*), подколодная, подмога, подстать, поедом, поклеп, покуда, полегчать, полтина, полунош-ник, полуношничать, помаленьку, поножовщина, попятный, по-рожний, порожняком, порядком (*в знач. порядочно*), по-свойски, пострел, постылый, посул, поутру, потрафлять, почитай (*вводн. сл.*), пригожий, пригорюниться, приметный, присест, приступок, прок, промеж, промешкать, пронимать, пропасть (*масса*), проруха, прислышать, проштрафиться, прямехонько, прямиком, путем, пуг-ный, пятак, пятерня, пятиалтынный, разбитной, развеселый, разгуливаться, разминуться, размыкать, разом, разухабистый, разъясниться, рань, родимчик, родимый, рожон, рублевка, ря-диться (*торговаться*), рядком, самовольничать, сватья, своеволь-ничать, сгинуть, сживать, силком, ситник, скликать, скопом, сладить, смолоду, сноровистый, совладать, солоно, сорвиголова, соснуть, сотенная, сподручный, спозаранку, спокон (*веку*), спро-сонок, спьяна, срамник, сторонний, стоящий, страсть (*очень*), страшать, таковский, тамошний, тары-бары, темень, темь, теплынь, тетенька, тихомолком, тихохонько, тогдашний, топтыгин, таро-ватый, торчком, то-то, трешница, трын-трава, тьма (*масса*), тьфу, ублажать, уважить, указчик, умять(ся), умора, уморить, умо-риться, устой, ухарь, учинить, хавронья, харчи, харчиться, хва-лить, хват, хворь, хлеб-соль, хозяйюшка, чаевничать, черед, че-стной, четвертак, чур, шабаш, шавка, шелудивый, шибко (*очень, сильно*), шиворот, шито-крыго, шкалик, шустрый, экий, этак(ий), ядерный и др.¹

Пределом стилистического снижения являются так называемые «грубые» слова, такие, как *жрать, кукиш, лаяться, потаскуха, прохвост, похабный, прорва, рыло, рвань, сопли, сопливый, тре-*

скать (есть), хапать, харя, хрыч(овка), шваль, шантрапа, шатия, шпана, шии и т. п., которые уже вряд ли могут быть отнесены к лексике литературного языка.

Исходя из изложенного, в схематическом виде «сниженную лексику» можно представить так:

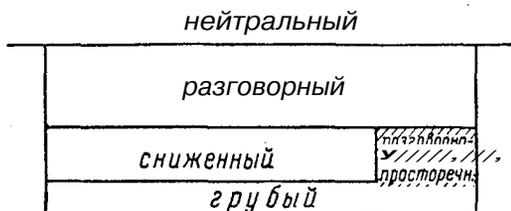

Рис. 6

Г Л А В А III

С Л О В А С «П О В Ы Ш Е Н Н О Й» С Т И Л И С Т И Ч Е С К О Й Х А Р А К Т Е Р И С Т И К О Й

Для обозначения лексики, возвышающейся над нейтральной, обычно пользуются термином «книжный».

При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что термины «книжный» и «разговорный» сохраняются здесь только для того, чтобы не нарушать терминологической преемственности (как известно, смелые терминологические новшества обычно затрудняют научное общение). По существу же эти термины совсем не выражают обозначаемых ими отношений. Слова «книжного» стиля вовсе не ограничиваются теперь «книгами» или вообще письменной формой речи. «Книжные» слова уместны в (устном) публичном выступлении, докладе, официальной беседе и т. п., а «разговорные» слова в свою очередь никак не ограничиваются устной формой речи. Они в высшей степени употребительны в художественной литературе, публицистике и др.

Если, следовательно, слова, которые могут условно обозначаться как «книжные», не характеризуются на самом деле принадлежностью к письменной форме речи, то чем же они выделяются? Может быть, по аналогии с тем, что «разговорные» слова определяются в стилистическом отношении известной свободой и непринужденностью, сопровождающимися увеличением экспрессивности, здесь мы будем иметь строгость и формальный характер выражения с вытекающим отсюда уменьшением экспрессивности?

Однако это далеко не так. Сравнительная с разговорной лексикой строгость и формальный характер плюс соответствующее уменьшение экспрессивности — это стилистические свойства слов нейтрального стиля, по сравнению с которым и выделяются указанные выше стилистические свойства того слоя лексики, который условно обозначается в настоящей работе как «разговор-

ный». Разговорная лексика, так же как и вообще всякая положительно стилистически окрашенная лексика, выделяется прежде всего по сравнению с нейтральным или «нулевым» стилем, а не с другими положительными стилями. Однако, чтобы не быть голословным, надо привести примеры нейтральной лексики.

Выше говорилось уже о том, что слова с нулевой стилистической характеристикой труднее обнаруживать и определять, чем слова с выраженной стилистической характеристикой, и высказывалось мнение, что нейтральную лексику следует искать прежде всего в составительском авторском тексте толковых словарей. Если для примера обратиться к тексту объяснений в словаре С. И. Ожегова первых десяти слов, отнесенных выше (стр. 252) к «разговорным», то получатся следующие слова: *агитационный, агитация, ах, бегом, беспорядочный, бестолковый, в, вода, воскликнуть, выражать, движение, делать, досада, жалкий, живописный, заниматься (работать), заслуживать, значение, изображение, или, иметь, кто, лежать, литературный, направление, находиться, (пребывать), не, непрерывный, несчастный, нечто, определенный, преследовать, пустяк, ради, развлечение, разный, резвиться, склонять, сожаление, тот, убеждать, удивление, удовольствие, цель, человек, что, что-нибудь, чувство, жалеть, шалун*. Хотя многие из слов этого списка и могли бы еще недавно казаться «книжными» по сравнению с разговорно-просторечными словами (примеры которых даны выше, стр. 256), происходящая на наших глазах быстрая демократизация разговорно-литературной речи непрерывно увеличивает объем слов, употребительных в общенародной речи; неоднократно отмечалось, что многие слова, казавшиеся «книжными» еще во время составления «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, такими теперь уже не являются. В качестве фактического доказательства стилистической «нейтральности» приведенных слов можно указать на то, что ни один из современных лексикографов не предложит снабдить их пометой «книжн.».

Какие же тогда слова можно выделить как «возвышающиеся» по сравнению с нейтральной лексикой? Как и в отношении слов «сниженных», здесь намечается несколько разновидностей, или «слоев».

Во-первых, следует выделить слова, употребление которых в речи воспринимается как свидетельство учености и эрудиции. В отличие от разговорных слов эти слова лишены экспрессивности; многие из них можно было бы обозначить как «общенаучные термины», т. е. как термины научного языка вообще. При употреблении в обычной диалогической речи такие слова придают ей несколько искусственный, аффектированный характер, могут иногда свидетельствовать об известном снобизме говорящего. Хотя, как было уже сказано, этот термин и носит теперь совершенно условный характер, обозначим их как «книжные» и приведем примеры. Это будут такие слова, как: аббревиатура, автори-

зовать, аграрий, агрикультура, агрегат, адекватный, адепт, администрировать, ажиотаж, аккомодация, аккордный, аксессуар, актуальный, акцентировать, альтернатива, альтруист, аморальный, аморфный, аномалия, аноним(ный), анонсировать, антипод, антология, апломб, апогей, апологет, апология, апелляция, априори, апробировать, арена (*перен.*), аспект, ассоциировать, атрофировать², базироваться, безапелляционный, безбрачие, безвластие, безвозвратный, безысходный, безусловный, безуспешный, беллетрист, беспорный, бесхитростный, библиофил, библиофильство, биение, благовоние, благовонный, благонадежный, благоприятствовать, благосклонный, вакханалия (*перен.*), вандализм, вариант, вассал (*перен.*), вариация, варьировать, вдали, вдаль, вибрировать, визави, возложить, возыметь, воплотиться, воспринять, восхвалять, вотировать, вотум, гипертрофированный, гипнотизм, гипотетический, гласить, гонение, государственность, грехопадение (*перен.*), гурманство, далее, двойко, дезинформация, дезинформировать, дезориентация, дезориентировать, действенный, деквалифицироваться, декларативный, демонстративный, дискурсивный, дискутировать, дисциплина (*отрасль науки*), доктринерство, доминировать, душитель, единовластие, единомыслие, значимость, ибо, игнорировать, изоляция, изъясняться, импульс, импульсивный, ингредиент, индивид, индифферентный, интерпретировать, инфантильный, какофония, квинтэссенция, клевет, клоака, кодекс (*перен.*), коллективизм, коллизия, компактный, комфорт, конгениальный, конфиденциальный, конъюнктура, кульминация (*перен.*), культивировать (*перен.*), лапидарный, лимитировать, лояльный, меркантильный, миазмы, мизантроп, мизантропия, миропонимание, монументальный, надлежащий, насыщенный, неотъемлемый, непостижимый, несчастный, неуклонный, низложение, объективировать, овация, одиозный, оккультный, основополагающий, оперировать (*особ. чем, при выводах и пр.*), парадоксальный, парировать, подвизаться, поныне, похвальный, прикосновение, прислужник, противоборствовать, ретроград, регламентировать, соплеменник, соплеменный, сразить, фрондировать и др.

Чтобы отчетливой отделить слова этой категории от нейтральных, возьмем в параллель к тому, что было сделано в отношении списка «разговорных» слов, слова, примененные в том же словаре для объяснения первых десяти слов только что приведенного (т. е. «книжного») списка. Объединив эти слова с теми, которые были приведены выше (стр. 258), получим следующий список: автор, агитационный, агитация, административно, ах, беганье, бегом, беспорядочный, бестолковый, биржевой, бумага, буржуазный, бюрократический, в, вид, внимание, вода, возбуждение, волнение, восклицать (воскликнуть), воспроизведение, вполне, входить, вызывать, выражать, два, движение, делать, дело, для, досада, жалкий, живописный, заниматься, занятие, заслуживать, землевладелец, земледелие, значение, извлечение, издание, изображение, или, иметь,

искусственно, искусственный, к, какой-нибудь, крупный, кто, курс, лежать, литературный, машина, место, на, направление, например, находиться (*пребывать*), не, непрерывный, несколько, несчастный, нечто, об, общественный, общество, общий, одобрять, определенный, письмо (*на письме*), по, повышение, помещик, понижение, последовать, преследовать, прибыль, приверженец, привлечь, приспособление, произведение, пустяк, путем (*посредством*), работа, ради, развлечение, разный, резвиться, руководить, свой, склонять, слово, совпадающий, соединение, сожаление, сокращение, соответствующий, составить, спекулятивный, спешка, существо, товар, тот, требовать, убеждать, удивление, удовольствие, управлять, условный, учение, форма, формально, хлопоты, цель, цена, человек, что, что-нибудь, чувство, шалить, шалун³.

Думается, что стилистическая однородность всех полученных таким образом слов, свойственная всем этим семантически разнообразным словам стилистическая «нейтральность» говорит о правильности высказанных выше положений. Используя стилистически нейтральный текстовый материал, оказывается возможным привести примеры слов нейтрального стиля и дать, таким образом, конкретное представление о том фоне, по сравнению с которым «снижаются» и «повышаются» стилистически «выраженные» единицы. Необходимо подчеркнуть, что «нейтральные» слова даются пока только как более или менее случайные примеры; сплошного исследования этого основного массива лексики еще произведено не было.

При рассмотрении разновидностей «сниженной» лексики уже обращалось внимание на то, что «разговорная» лексика еще не дает настоящего снижения стиля, а характеризуется главным образом другими особенностями. По линии «возвышения» над нейтральным слоем «книжная» лексика обнаруживает известную аналогию с тем, что было отмечено для «разговорной» лексики; здесь тоже нет «повышения» в собственном смысле. «Книжная» лексика — это, по-видимому, прежде всего «общенаучные термины», употребление которых принадлежит в основном научному общению и прилегающим к нему сферам употребления языка. Собственно же стилистическое «возвышение» можно констатировать, только переходя к тем стилистическим слоям, которые традиционно так и обозначаются, т. е. переходя к словам, обычно сопровождаемым в словарях пометой «высок.». Более или менее аналогично тому, что мы имели при «снижении», здесь выделяются две довольно отчетливо различающиеся группы, причем вторую, также более узкую и специфическую по сравнению с первой (ср. в «сниженной» лексике, стр. 256), можно выделить как объединяющую «поэтические» слова. «Поэтические» слова отличаются от вообще «возвышенных» не только меньшим числом и большей лексико-семантической ограниченностью. Они выступают как своего рода специальный «поэтический код»; за ними, как за терминами, всегда стоит вполне определенный нейтральный эквивалент.

В качестве примеров «возвышенной» лексики можно привести следующие слова: безболезненный, безвременный, беззаветный, безмолвствовать, безмолвно, бескрайний, беспримерный, бессмертие, бессмертный, битва, бичевать, благо, благоговейный, благоговеть, благодатный, благословить, братство, былой, вахта (*перен.*), ввергнуть(ся), венец, вдохновенный, воин, воинство, горнило, грядущий, дерзновенный, заоблачный, зачинатель, зиждиться, златокудрый, зов, изгнанник, изобличитель, искупитель, лазоревый, лучезарный, надзвездный, навеки, недосягаемый, неизгладимый, неистощимый, неисчерпаемый, нерукотворный, нерушимый, несгибаемый, неумолчный, неустанный, ниспадать, обличитель, осенять, останки, отверженный, отчизна, пламенеть, слава!, славься! и т. п.

Думается, что слова этой стилистической категории целесообразно отличать от «поэтических» еще и потому, что их употребление в высшей степени уместно именно в высокой прозе и никак не связано с тем или другим литературным жанром; такие слова естественно употреблять всякому, если обстановка требует возвышенных выражений.

Как уже было сказано, поэтическая лексика выделяется из вообще возвышенной (напомним, что это все лишь разновидность вообще возвышенной лексики) своим как бы специализированным характером, который сообщает ей ее принадлежность к определенному жанру литературы. Кроме того, в составе поэтической лексики значительное место занимают архаизмы, в частности церковнославянизмы.

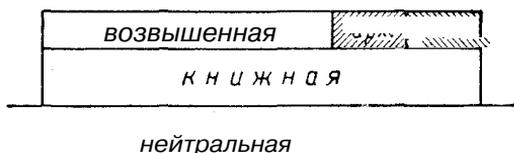
В качестве примеров поэтической лексики можно привести следующие слова: ветрило, вещий, воитель, вотще, глагол, горний,¹ дева, денница, десница, дол, зефир, зеницы, клик, кудесник, ладья, лилейный, мниться, мурава, нисходить, око, ответствовать, отчий, охладелый, разверзнуться, рать, руно, уста, ужели, фиал, чело, черноокий, чертог и т. п.

Кроме того, к поэтическому стилю относятся многочисленные фонетические варианты слов (см. выше стр.202), такие, как *врата*, *глава*, *град*, *глас*, *древо*, *злато*, *младой*, *младость*, *пред*, *чрез*, *чреда* и т. п., такие морфологические (словообразовательные) варианты, как *краса*, *моление* и т. п.

Выше уже было сказано, что за словами поэтической лексики как бы всегда стоит нейтральный эквивалент. Это положение можно проиллюстрировать на таких парах, как *ветрило* — *парус*; *вещий* — *пророческий*; *воитель* — *борец*; *вотще* — *напрасно*; *глагол* — *слово*; *дева* — *девушка*; *денница* — *заря*; *десница* — *рука*; *зефир* — *ветер*; *зеницы* — *веки*; *клик* — *клич*, *крик*; *кудесник* — *волшебник*; *ладья* — *лодка*; *мниться* — *казаться*; *мурава* — *трава*; *нисходить* — *спускаться*; *око* — *глаз*; *ответствовать* — *отвечать*; *отчий* — *отеческий*; *разверзнуться* — *раскрыться*; *рать* — *войско*; *руно* — *шерсть*; *уста* — *рот*, *губы*; *фиал* — *сосуд*; *черноокий* — *черноглазый*; *чертог* — *дворец* и т. д.

Архаический характер Многих из слов этой категории, по-видимому, является (во всяком случае отчасти) причиной еще следующего их отличия от слов «возвышенных вообще». Возвышенные слова (примеры которых даны выше на стр. 261) обладают устойчивой и широкой употребительностью, не перестают встречаться в разнообразных произведениях современной речи. «Поэтические» же слова в том понимании этого термина, которое иллюстрировано приведенными примерами, в значительной своей части представляют собой принадлежность классической поэзии XIX века (многие прямо напоминают соответствующие стихотворения Пушкина); такие слова трудно представить себе как естественный ингредиент современной поэзии, т. е. тех стихотворений, которые пишутся сейчас.

Исходя из всего сказанного стилистические разновидности лексики, возвышающейся над «нейтральной», можно представить следующей диаграммой:

Условные обозначения

В разделе возвышенной лексики выделены :

- архаическая - усл. обозн.
 поэтическая - усл. обозн.

Рис. 7

Следовательно, в общем виде, стилистическая дифференциация слов современного русского языка может быть схематически изображена так, как на рис. 8, стр. 263.

Пунктирные линии показывают, что «разговорная» и «книжная» лексика близко примыкает к «нейтральной»; между этими слоями существует постоянный взаимобмен.

В этой схеме, хотя и без всякой претензии на точность, вследствие пока непреодоленной трудности полного количественного определения всей лексики языка, все же сделана попытка показать, каким представляется приблизительное количественное соотношение выделенных «слоев» или «пластов» слов (в словарях слов с пометами «положительных» стилистических категорий всего около 10%).

В приведенной схеме, как и во всем предшествующем рассуждении, не отведено совсем места так называемым «эмоциональным стилям», таким, как «презрительное», «шутливое», «неодобритель-

ное» и т. п. Думается, что стилистические эффекты этого рода обусловлены, главным образом, особенностями употребления слов, а не внутренне присущими им стилистическими свойствами. Та или другая оценка «предметов», обозначаемых словами этой категории, — это прежде всего вопрос значения этих слов, а стилистические их свойства вполне укладываются в рамки основных стилей лексики. Если взять для примера ряд слов (из тех, что снабжаются пометами «эмоциональных» стилей): *атомщик*, *балаболка*, *балахон*, *благоглупость*, *верхогляд*, *военщина*, *вояка*, *гангстер*, *головотяпство*, *критикан*, *крохобор*, *кружковщина*, *лизоблюд*, *маниловщина*, *неуч*, *низкоклонство*, *нытик*, *писака*, *при-*

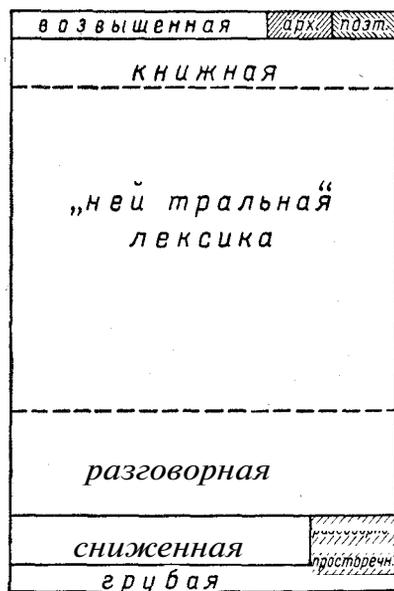

Рис. 8

миренец, *хлыщ*, *чинуша*, *шагистика*, *шкурник*, то с точки зрения стилистической дифференциации слова *атомщик*, *балахон*, *благоглупость*, *верхогляд*, *вояка*, *головотяпство*, *критикан*, *крохобор*, *лизоблюд*, *неуч*, *нытик*, *писака*, *чинуша* относятся к «разговорным», *балаболка*, *хлыщ*, *шкурник* — к «сниженным», а *военщина*, *гангстер*, *кружковщина*, *маниловщина*, *примеренец* и *шагистика* — к словам, не отличающимся особыми стилистическими свойствами, т. е. в общем стилистически нейтральным (если, правда, отвлечься от известного «снижения», придаваемого слову суффиксами *-щина* и *-ика*). То же, что это слова «неодобрительные», «пренебрежительные» и т. п., — уже свойства их пейоративного значения: «неодобрительными», «пренебрежительными» и т. д. они являются просто по своей семантике.

ПОПЫТКА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ⁴

§ 1. Слова со «сниженной» стилистической характеристикой

Описанные стилистические особенности различных слоев лексики находят определенное структурно-семантическое выражение в «материи и форме» соответствующих слов. Остановимся на некоторых из наиболее примечательных моментов этого рода, распределив материал по частям речи.

Начнем с тех слоев лексики, которые выступают как «сниженные» по сравнению с нейтральной.

Прежде чем обратиться к рассмотрению материала, представляется целесообразным обратить внимание на следующее.

1. В этой группе слов имеется значительное количество случаев, когда «разговорным» или «сниженным» является не все слово в целом, а лишь один из его лексико-семантических вариантов. Таковы (из «разговорных»): *агитировать*, *бездна*, *вертушка*, *залечить* (на-смерть), *комик*, *наушник*, *перерабатывать* (дольше положенного), *посчитаться* (принять во внимание), *присяжный* (всегдашний), *развинченный* (перен.), *раздаваться* (полнеть), *распространяться* (долго говорить), *расстелиться* (постелить себе постель), *роман* (любовные отношения), *славный* (симпатичный), *тюлень* (перен.), *фантазия*, *фокус*, *фыркать* (сердиться) и т. п.; из «сниженных»: *ахнуть* (кого, по), *вздуть* (отколотить), *врезаться* (влюбиться), *дубина* (о человеке), *дубовый*, *жеванный* (мятый), *загрибок* (часть шеи у человека), *заживаться* (на свете), *зарываться* (от избытка, капризничать), *засыпаться* (попасться), *зашибать* (выпивать), *лизаться* (целоваться), *липовый* (фальшивый), *лопаться* (от ч.-н., перен.), *напелсти* (наврать), *некрасивый* (дурной), *ненормальный* (дурашливый), *неотесанный* (о человеке), *обчистить* (обокрасть), *отгулять* (использовать свободные от работы дни), *оттискивать* (отпихивать), *оттрепать* (за волосы), *перегрызться* (о людях, перен.), *прика-тить* (приехать), *прикладываться* (приниматься пить и т. п.), *припереть* (прийти), *припустить* (побежать быстрее), *продуть(ся)* (проиграть и т. п.), *распушить* (разбранить), *свистнуть* (украсть), *смахивать* (походить), *сморчок* (перен.), *спрыснуть* (выпить по поводу какого-либо события), *угодить* (куда), *умасливать* (кого), *уписывать* (поедать), *шикарный* (отличный), *шпарить* (быстро идти) и т. д. Здесь речь идет о стилистической дифференциации как таковой, но, поскольку имеется в виду стилистическая дифференциация слов, обсуждение подобных случаев должно быть связано с тем, что было обнаружено в этой области при разграничении лексико-семантического варьирования слов и омонимии (см. стр. 123).

2. Выбор слов для иллюстрации стилистических свойств оказывается тесно связанным с разграничением слов реальных и слов

потенциальных, потому что имеется большое число фразеологических единиц, отличающихся вполне определенными экспрессивно-стилистическими свойствами. Отсюда некоторая трудность ограничения слов, выступающих в качестве «потенциальных» в составе фразеологических единиц и помимо них «реально» не существующих, от реальных слов данной стилистической категории, т. е. от таких слов, которые имеют данные стилистические свойства «сами по себе», т. е. в их свободном употреблении. Поскольку в работе изучается стилистическая дифференциация только реальных слов, в нее не включались такие «слова», как *обессудить* в *не обессудь*, *обинуюсь* в *не обинуюсь*, *прекословие* в *без прекословия*, *удерж* в *без удержу*, *склады* в *читать по складам*, *суд* в *держать под судом*, *управа* в *найти управу*, *ходун* в *ходить ходуном*, *призор* в *без призора*, *даровщинка* в *на даровщинку*, *подноготная* в *знать всю подноготную*, *благоверный* в *мой благоверный* и т. п.; подобные слова с большой степенью уверенности можно считать «потенциальными», т. е. вне этих сочетаний реально не существующими (правда, например, *даровщинка* уже как будто обнаруживает достаточно выраженную тенденцию «актуализироваться», «реализоваться» в качестве самостоятельного реального слова). Не включались в работу и такие слова, как *закадычный*, *нешуточный*, *завидующий*, *повивальный*, *подметный*, *постоялый*, *горячительный*, *затеплять*, и т. п., т. е. слова, превращающиеся в «потенциальные» вследствие крайне ограниченной сочетаемости: *закадычным*, естественно, бывает только *друг*, *нешуточным* — *дело*, *завидующими* — *глаза*, *повивальной* — *бабка*, *подметным* — *письмо*, *постоялым* — *двор*, *горячительным* — *напиток*, *затеплить*, естественно, *лампаду* и т. д.

3. У слов стилистически «сниженных» имеет место в целом «ухудшение» значения; стилистически сниженные слова в общем «пейоративные» (от лат. *peior* — худший), тогда как стилистическое «повышение», напротив, «улучшает» значение, почему «высокие» слова в основном «мелиоративные» (от лат. *melior* — лучший). Однако «разговорные» слова не являются «сниженными» в собственном смысле (так же как не являются «возвышенными» в собственном смысле слова «книжные»). Поэтому можно привести много примеров, когда слова «разговорного» стиля будут «одобрительными», например: *малыш*, *малосенький*, *крохотный*, *занятный*, *плутишка*, *смешок*, *стишок*, *ястребок* и пр.

1) Существительные

Среди слов «разговорной» лексики распространены существительные с суффиксом *-к-а* в разнообразных структурно-семантических вариантах, которые представляется возможным объединить следующим образом: 1) «имена действия» (ср. также § 2 главы III части четвертой), такие, как *бомбежка*, *выдумка*, *гонка*, *дележка*, *добавка*, *зубрежка*, *недохватка*, *неувязка*, *нехватка*, *ночевка*, *остратка*, *передержка*, *перепалка*, *поблажка*, *подсказка*, *потасовка*, *приемка*, *развозка*, *разноска*, *регулировка*, *рисовка*, *указка* и т. п.;

2) названия предметов: а) образованные от ОСНОЕ прилагательных: *валерьянка, голландка, головолодка, зенитка, карболка, касторка, кладовка, копирка, матроска* (блуза), *одиночка* (камера), *полутора, (трех- и т.п.) -тонка, помойка, пристяжка, трехстволка, узкоколейка, футболка, электричка*; б) образованные от основ существительных: *галерка, картошка, клетушка, сережка, сковородка.*

Существительные приведенных структурно-семантических типов встречаются и среди слов «сниженного» слоя, причем более многочисленны собственно отглагольные существительные или же образованные по типу отглагольных, такие, как *взбучка, выпивка, заговоздка, заручка, затычка, зацепка, колотушка, кормежка, нахлобучка, пожива, проволочка, пьянка, свалка, танцулька, толкучка.* Те же типы, которые представлены выше под 1) и 2) б), для «сниженной» лексики менее характерны. Примерами из приведенного выше материала являются *ночлежка, финка* (нож), *шпучка, глотка, четвертинка.*

Хотя такие слова, как *голландка, карболка* и пр., и обладают вполне определенно такими структурно-семантическими свойствами (такой «внутренней формой»), которые дают все основания считать их в основной массе словами «разговорными», они в современном языке имеют несомненную тенденцию к вытеснению своих «полных» фразеологических эквивалентов (ср. выше стр. 230 о типах синонимов). Некоторые из таких эквивалентов теперь уже трудно представить даже в «официальной» речи. Например, вряд ли кто скажет: «Машинистке было приказано написать три экземпляра через копировальную бумагу» (!), «На игроках из команды «Динамо» были синие футбольные рубашки (блузы)» (?). Напротив, например *электрический поезд* (тж. *электропоезд*), *узкоколейная железная дорога, одиночная камера, голландская печь, зенитное орудие, промокательная бумага* в официальной речи не могут быть заменены своими синонимическими эквивалентами на *-к-а*, точно так же как нельзя пока прочесть в газете об «осенних поставках картошки и овощей», об изготовлении «сковородок» и других предметов домашнего обихода и т. п. Вместе с тем общая тенденция к тому, чтобы выступать уже не в качестве отдельного, производного слова по отношению к «основному», а в качестве его стилистического морфологического варианта (о чем см. выше), уже вполне определилась ⁵.

В связи с «именами действия» на *-к-а* уместно напомнить сказанное выше (стр. 220) о соотношении вариантов слов на *-ение, -ание* и *-к-а*, однако лишь для того, чтобы обратить внимание на принципиальное различие конкретных случаев, приведенных там и здесь.

При обсуждении морфологического варьирования «имен действия» (часть четвертая, глава III, § 4) были показаны широкие возможности варьирования по типу *раскупоривание, раскупорка; распаковывание, распаковка* и т. п., т. е. образования «сниженного» варианта на *-к-а* как стилистического морфологического варианта

к образованиям на *-ание, -ение*, взятым за основные. Здесь же, т. е. отправляясь от «разговорных» «имен действия» на *-к-а*, приходится констатировать практическую невозможность (в большинстве случаев) образования, как параллельных к ним, существительных на *-ание, -ение*. Даже в тех случаях, где отсутствуют прямые препятствия структурного характера, образование параллельных синонимических существительных на *-ание, -ение* возможно только как исключение для отдельных случаев «разговорного» слоя (из всего приведенного списка «разговорных» слов только *разнесение* и *регулирование*). В «сниженном» стиле это, по-видимому, невозможно совершенно, т. е. к словам на *-к-а* со сниженной стилистической окраской обычно нельзя образовать вариантов на *-ание, -ение*.

И в «разговорной» и в «сниженной» лексике распространены слова с различными суффиксами со значением «лица». Эти слова представляется целесообразным разделить на две группы по типу склонения, т. е.: 1) *-а, -и, -ы, -ой* и т. д. и 2) [ноль], *-а, -ом* и т. д.

1) Для «разговорной» лексики тип на *-а, -и (-ы), -ой* можно проиллюстрировать следующими примерами: *бедняга, верзила, вояка, гуляка, грязнуля, забияка, забулдыга, лежебока, недотрога, непоседа, неряха, писака, плакса, повеса, пропойца, простофиля, работяга, скряга, служака, толстуха, транжира, франтиха*. Для «сниженной» лексики — такими примерами, как *балда, воротила, выжига, дубина, карга, кляча* (перен.), *недомета, обдирала, обжора, подлиза, придира, пройдоха, пролаза, проныра, прощельга, пустомеля, пьянчуга, разина, раскоряка, растрепя, растяпа, рохля, тертя, тихоня, уродина*.

2) Тип на [ноль], *-а, -ом* для «разговорной» лексики — такими примерами, как *болтун, буквоед, буян, верхогляд, ветрогон, глупыш, говорун, головорез, головотяп, голыш, заморыш, зубоскал, крепыш, критикан, крохобор, крючоктвор, лизоблюд, летун, ловкач, малыш, мальчуган, молокосос, мот, неуч, подголосок, прихлебатель, разгильдяй, рвач, ревнивец, рифмоплет, рогоносец, ротозей, сердцеед, смутьян, толстосум, тюлень* (перен.), *увалень, упрямец, усач, хлопотун, хохотун*; для «сниженной» лексики — такими, как *балбес, болван, буржуй, вахлак, враль, врун, губошлеп, дармоед, дурень, кащей, коновод* (перен.), *копун, лодырь, олух, остолоп, поганец, прихвостень, проходимец, пустозвон, скáред, скупердяй, толкач, трепач, ферт, хам, хлыщ, шептун, шпик*.

Из слов второй группы можно выделить названия людей на *-ик, -ник, -ак, -чик, -чак* и т. п., свойственные «разговорной» лексике: *баловник, бездельник, безобразник, бесстыдник, болельщик, весельчак, глазник, добряк, восточник, искусник, капризник, кожник, комик* (перен.), *молодчик, насмешник, наушник, остряк, путаник, сезонник, сердечник* (врач), *склочник, скромник, смельчак, собутыльщик, удачник, ушник*. Соответствующие образования из «сниженной» лексики будут: *волокутчик, мастак, халтурщик, частник, шкурник*.

Названия людей типа *белоручка, вертушка, дурнушка, душка, замарашка, замухрышка, недоучка, неженка, плутишка, попрошайка, простушка, пышка*, относящиеся к «разговорной» лексике, в «сниженной» представлены мало — *балаболка, чертовка*.

«Разговорная» лексика отличается значительным структурно-семантическим разнообразием таких существительных, как *беготня, бессмыслица, болтовня, благоглупость, дребедень, каверза, казенщина, катавасия, кутерьма, мазня, недостача, неразбериха, неурядица, отсебятина, передряга, похвальба, пошлятина, разногласица, свистопляска, толчая, халтура, уголовица*. Известную структурно-семантическую аналогию к этим словам в «сниженном» стиле представляют такие, как *белиберда, бестолочь, дрянь, ерунда, кляуза, придурь, чертовщина*, К приведенным словам примыкают такие, как *бредни, делишки, неполадки, пересуды* (может быть, также *мразь, пруть, глушь* для «разговорной» и такие, как *выкрутасы, замашки, враки*, для «сниженной»). Достаточно определенно выделяются для обоих стилистических слоев существительные с нулевым словообразовательным суффиксом (или подобные им), большей частью с приставками или производными основами, такие, как *подвох, подход, поход* (в весе), *пошиб, прострел, сброд, скарб, чистоган* и т. п., для «разговорного» и такие, как *галдеж, заскок, блат, тарарам, разнос, смак* и др., для «сниженного».

В «разговорно-просторечной» лексике соответствующие типы (правда, с меньшим разнообразием) можно иллюстрировать такими примерами, как *оглядка, охулка, побывка, сноровка, горемыка, заноба, неровня, сорвиголова, полуношник, срамник, ирод, пентюх, пострел, ухарь, хват, житье-бытье, корысть, напраслина, немочь, несладница, нечисть, поножовщина, проруха, трын-трава, хворь, хлеб-соль, тары-бары, зарез, могарыч, подмога, поклеп, посул, присест, прок, почет, устой, черед* и др.

В рассмотренных случаях можно было видеть, при указанных различиях, известную параллельность между структурно-семантическими типами существительных «разговорного», «сниженного» и «разговорно-просторечного» слоев. Теперь следует отметить те случаи, когда параллельные явления отсутствуют.

Среди существительных «разговорного» слоя встречаются, хотя это и не типично, слова типа *обхождение, неведение, подспорье, словопрение, снабдь, треволение, чаепитие, умствование, очко-втирательство, трюкачество, провинность* и т. п. В «сниженной» лексике этого типа слова отсутствуют (такие слова «сниженной» лексики, как *вранье, отребье, отродье*, вряд ли можно с ними сопоставить). Такие существительные как бы подводят к следующей группе случаев в том смысле, что вместо суффиксов вроде *-к-а*, [ноль] и др., по основной своей структурно-лексической характеристике приспособленных для «сниженного» стиля, здесь фигурируют уже такие морфологические элементы, которые могут функционировать в данной стилистической области только как бы вследствие «смещения», «сдвига» (подробно об этих стилистических категориях

см. в первой главе). Представляется, что тот же момент «смещения» обуславливает стилевые особенности таких слов, как *бум*, *гонор*, *дебош*, *казус*, *контры*, *машина*, *машинация*, *оболтус*⁶, *пизжон*, *плюс* (перен.), *проформа*, *резон*, *роман* (любовные отношения), *фантазия* (перен.), *фанаберия*, *финансы* (перен.), *фокус*, *фортель*⁷, *эскулап* и т. п. Момент «смещения» здесь основывается на том, что слова, явно иностранные по основной своей стилистической характеристике (о чем будет сказано подробнее ниже), естественно, тяготеют к «книжному» стилю⁸.

К «разговорному» стилю относятся такие слова, как *гусятина*, *индюшати́на*, *курятина*, *уяти́на* и т. п. Интересные стилистические различия можно обнаружить в разных способах названия лиц женского пола по профессиям и занятиям: «она — преподаватель» (врач, кассир, продавец и т. п.) и «она — преподавательница» (касси́рша, продащи́ца и т. п.). «Она — • врачича» дает уже сниженный стиль, так же как, например, «учительша» вместо «учительница».

Заканчивая обзор существительных в «разговорном», «сниженном» и «разговорно-просторечном» стилях, можно отметить еще то различие между этими слоями лексики, что в «сниженном» стиле больше, чем в «разговорном», особых слов для обозначения конкретных предметов, частей тела и т. п. Ср., например, в «сниженной» лексике: *барашло*, *бурда*, *заваль*, *крошево*, *хламида*, *башка*, *брюхо*, *загривок* (у человека), *карачки*, *космы* (в «разговорном» стиле *вихор*), *морда*, *пузо* и т. п. То же относится к «разговорно-просторечному» стилю, где, кроме того, имеются слова, называющие явления погоды и т. п., а также животных. Примеры: *варево*, *ветряк*, *двугривенный*, *краюха*, *курево*, *лукошко*, *пазуха*, *полтина*, *приступок*, *пятак*, *пятиалтынный*, *рублевик* (*рублевка*), *ситник*, *сотенная*, *сотня*, *трешница*, *харч*, *четвертак*, *шиворот*, *шкалик*, *головашка*, *нутро*, *пятерка*, *первопуток*, *рань*, *темень* (*тедь*), *тепльнь*, *топтыгин*, *хавронья*, *шавка* и др. Особенностью этого стиля является также значительное число таких слов-обращений, как *касатка*, *куманек*, *малец*, *тетенька*, *тетка*, *тетя*, *сват*, *сватья*, *хозяйюшка* и др.

Это не значит, конечно, что в «разговорном» стиле названия конкретных предметов вообще отсутствуют — ср. *плечики* (вешалка), *пожитки*, *шлепанцы* и т. п.

2) Прилагательные и наречия

Прилагательные (как отмечалось уже в другой связи выше, стр. 224) труднее поддаются структурно-семантической классификации, чем существительные. С точки зрения морфологической можно только обратить внимание на значительное число и разнообразие адъективных суффиксов у прилагательных рассматриваемых стилистических разновидностей: *вертлявый*, *влюбчивый*, *крючковатый*, *малюсенький*, *залихватский* и т. д.

Можно также отметить некоторые их семантические особенности. Наиболее отчетливо выделяющейся из таких особенностей является

большой процент прилагательных, описывающих человека. В «разговорном» стиле это преимущественно прилагательные, определяющие характер или склонности человека, такие, как *вертлявый, взбалмошный, влюбчивый, вороватый, оборотливый, остроглазый, отпетый, развинченный, славный, тонный* и т. п., или его состояние в некоторый момент времени, например: *осовелый, отупелый, ошалелый, подвыпивший* и пр. Прилагательных же, рисующих внешность, в этом стилистическом слое сравнительно немного: *всклоченный, прилизанный, поджарый, смазливый, тощий*. Напротив, среди слов «сниженной» лексики прилагательные, обозначающие внешние качества человека, заметно выделяются, например: *белобрысый, горластый, губастый, здоровенный, кособокий, кудлатый, лопоухий, лупоглазый, мордастый, плюгавый, пузатый, пучеглазый, толстомордый, толстопузый, ушастый* и т. п. Прилагательные «сниженного» стиля, описывающие характер и склонности человека, также довольно многочисленны, например: *безмозглый, бесстыжий, дотошный, дубоватый, дурашливый, компанейский, мозговитый, ненормальный* (перен.), *неотесанный, неприкаянный, придурковатый*; таким прилагательным «разговорного» стиля, как *осовелый, отупелый, ошалелый*, в «сниженном» стиле будут соответствовать такие, как *обалделый, одурелый, осатанелый, очумелый* и т. п.

Среди слов «разговорной» лексики сравнительно много наречий, таких, как *вдобавок, вдогонку, взапуски, вовсе, вполонину, впопыхах, впустую, вразброд, вскладчину, всласть, всячески, досюда, дотуда, заглазно, запанибрата, исподтишка, кубарем, ладно, мигом, много-вато, наперечет, напролом, напропалую, напрямик, нараспашку, нарасхват, насмарку, невпопад, невпример, незачем, немножко, попросту, потихоньку, преспокойно, сгоряча, славно, смаху, смачно, тихонько, урывками, частенько* и др.

В «сниженной» лексике, напротив, наречий сравнительно мало: *вдрызг, заглаза, сдуру* и т. п., но значительное количество междометий, например: *баста, дудки, жуть* и т. п. В разговорно-просторечной лексике сравнительно многочисленны слова вроде *вольно, впору, наруку, небось, невагому, недосуг, незадача* и т. п.

Аналогичных наблюдений в отношении глаголов в рамках настоящей работы сделать не удалось.

§ 2. Слова с «повышенной» стилистической характеристикой

Слов стилистически «возвышающихся» над нейтральным меньше по числу, чем слов «сниженных», и они гораздо однообразнее в структурно-семантическом отношении. «Книжные» слова в большинстве иноязычного происхождения. В этом основное отличие «книжной» лексики от «возвышенной». Последней совершенно чужды иноязычные «общенаучные термины», составляющие основу «книжного» слоя, такие, как *адекватный, адепт, аксессуар, актуальный* (не потенциальный), *акцентировать, альтернатива, аспект, ассоци-*

ировать, базироваться, вариант, вибрировать, гипертрофированный, гипотетический и т. п.

Однако при этом вполне определенном отличии в составе «книжной» лексики имеется значительное количество слов весьма сходных со словами «возвышенного» слоя, почему их разграничение (так же как при разграничении структурно тождественных слов «разговорной» и «сниженной» лексики) основывается на их конкретных значениях. Среди слов «книжного» и «возвышенного» стилей (в отличие от «сниженных», где такие слова многочисленны и разнообразны) очень немногочисленны и однообразны в структурно-семантическом отношении названия людей: *душитель, зачинатель, изгнанник, изболчиватель, искупитель* и т. п. Если в «сниженной» лексике практически отсутствуют отвлеченные существительные на *-ние, -ость* и т. п., то здесь только такие существительные и встречаются, например: *безбрачие, безвластие, биение, благовоние, благоухание, гонение, грехопадение* (перен.), *государственность, единовластие, единомыслие, значимость* и т. п. — в «книжном» стиле, *бессмертие, благо, горнило, братство, воинство* и т. п. — в «возвышенном». (Такие существительные, как *битва, вахта, венец, зов* и т. п., здесь не образуют структурно-семантического типа, а выступают «индивидуально-лексически».) Если в «сниженных» стилях прилагательные отличаются большим разнообразием суффиксов (*-атый, -ивый* и т. п.), то здесь это почти исключительно *-н-* (в немногих случаях без положительного словообразовательного аффикса), если не считать отчетливо выделяющейся группы на *-имый* при приставке *не-* (своего рода окачествленные модальные пассивные причастия) и окачествленных причастий на *-щий*; например:

1) в «книжной» лексике:

безвозвратный, безысходный, бесспорный, безусловный, безуспешный, бесхитростный, благовонный, благонадежный, благосклонный, действенный, надлежащий, насущный, неотъемлемый, непостижимый, несчетный, неуклонный, основополагающий и т. п.

2) в «возвышенной» лексике:

безболезненный, безвременный, беззаветный, бессмертный, бескрайний, беспримерный, благодатный, благоговейный, вдохновенный, грядущий, дерзновенный, заоблачный, лазоревый, лучезарный, недостижимый, неизгладимый, надзвездный, неистощимый, неисчерпаемый, нерушимый, неумолимый и т. п.

Г Л А В А V

АРХАИЗМЫ

В предыдущем изложении постоянно обращалось внимание на фактор времени, который всегда и обязательно должен учитываться, когда речь идет об описании языковой системы. Те или другие отношения, сложившиеся в той или другой части системы, даже и тогда, когда они являются достаточно определенными и отно-

нительно устойчивыми, могут быть правильно и по-настоящему поняты, если только известны и понятны как условия их возникновения, так и (что особенно важно при синхроническом описании языка) направление заложенных в них тенденций развития. Выше была сделана попытка показать, что в стилистической системе слов современного русского языка основная тенденция может быть охарактеризована как «центростремительная»: все время идет переход в нейтральную область слов не только из области «книжной», но и из области «разговорной» лексики (ср. схему на стр. 263).

Однако такая «стилистическая» перегруппировка слов — отнюдь не единственный и даже не основной путь развития лексики. Как хорошо известно, все время идет процесс утраты языком одних слов и появления в нем других; одни слова выходят по тем или иным причинам из употребления и могут вообще «выпасть» из языка; другие же, появившись, начинают играть важную роль в живом общении, завоевывают себе постепенно прочное место в языке.

Как будет показано ниже, в процессе возникновения новых слов и утраты старых происходят явления, связанные с вопросом о стилистической дифференциации слов, создаются стилистические категории неологизма и архаизма. Однако, прежде чем перейти к характеристике этих категорий, как имеющих непосредственное отношение к данной части работы, необходимо остановиться на некоторых чертах процесса «старения» или «устаревания» слов.

Дело в том, что, с одной стороны, слово может «устареть» само по себе, т. е. оказаться вытесненным из живого употребления другим, синонимичным ему словом или словами; с другой стороны, оно может «устареть» в том смысле, что из живого обихода выпадет обозначаемый этим словом предмет; в этом случае, в отличие от первого, вытеснения слова синонимами, замены его другими словами не происходит. Хотя как будто результат в обоих случаях будет один и тот же (слово выйдет из живого употребления), эти два случая следует тщательно различать.

Так, например, слова, включенные в нижеследующий список, а именно: амулет, армяк, аршин, артельщик, берковец, благовест, бобыль, богадельня, бонна, бот, бретер, бричка, бутоньерка, барышник (*перекупщик*), вериги, верста, вершок, власяница, ворожба, вероотступник, гаер, гувернантка, грош, дворецкий, десятина, дилижанс, звездочет, золотник, империял (I и II), иноверец, иноверческий, кабак (*в прямом значении*), кабатчик, казачок (*слуга*), калым, камердинер, каретник, каторжник, кесарь, кирасир, ключница, коннозаводчик, курильница, курной, курсистка куртизанка, ладанка, лихач (*извозчик*), лицеист, людская, люди (*слуги*), маклак, масленица, невольник (*прям.*), опахало, палица, прасол, приказчик, приседать (*делать книксен*), работорговец, скит, фабриль, фитиль (*запал*), фореитор, ходок, царедворец, чернокнижник, четверик, чумак, шапокляк, штоф, экзекуция, эконом, ямщик и др. — не потому вышли из живого употребления, что их вытеснили из него другие (синонимические) слова,

как это имело место с такими словами, как *аэронавтика*, *дальневиденье*, *светопись* и т. п., а потому, что из живого обихода вышли обозначаемые ими предметы; теперь не носят армяков, не меряют аршином, не организуют рабочих под началом у артельщика; в современной деревне нет бобылей, в системе социального обеспечения нет богаделен, никто не носит вериг и пр.

Как видно из приведенных примеров, к словам этой категории относятся не только слова, обозначающие предметы, связанные с дореволюционным дворянско-помещичьим бытом, религиозными отправлениями и т. п. Предметы, выходящие из обихода в один период, могут вновь войти в него в другой. Так, например, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова *аттестат* в значении «письменного свидетельства об окончании учебного заведения» снабжено пометой «устар.», а словосочетания *аттестат зрелости* и *конкурс аттестатов* — пометой «дореволюц.». В словаре же С. И. Ожегова и слово *аттестат* и словосочетание *аттестат зрелости*, естественно, таких помет не имеют. Если бы стало опять модным прикалывать к платью живой цветок, почему бы не назвать его снова бутоньеркой? Усов теперь большей частью не носят, но, если бы они снова вошли в моду, их, возможно, потребовалось бы фабриковать.

Принципиально отличную картину по сравнению с только что приведенной дают такие слова, как: *бдение* (бодрствование), *безвременье* (тяжелое время), *безгласный* (робкий), *безустанный* (неутомимый), *благоволение* (доброжелательство), *благодарственный* (выражающий благодарность), *благоденствовать* (процветать), *блюсти* (беречь), *бренный* (преходящий), *быстротечный* (быстропроходящий), *ваятель* (скульптор), *вдовица* (вдова), *вдовствовать* (быть вдовой), *ведать* (знать) и т. п. Сюда же относятся, например: *вековечный* (постоянный), *велеречивый* (высокопарный), *взирать* (смотреть), *вкус* (вместе), *вождевание* (страсть), *вожделенный* (желанный), *возжечь* (зажечь), *возмущение* (мятеж), *врачевание* (лечение), *вспомоществование* (пособие), *всуе* (напрасно), *втуне* (бесплодно), *выспренный* (высокопарный), *вящий* (большой), *гонец* (посланный), *грядет* (идет), *дабы* (чтобы), *даяние* (пожертвование), *дозволять* (позволять), *доколе* (до каких пор), *долу* (внизу, книзу), *доспехи* (снаряжение), *дотоль* (до тех пор пока), *ежели* (если), *заточать* (заключать), *зачать* (забеременеть), *злосчастный* (несчастный), *заказывать* (запрещать), *издревле* (с давних пор), *именитый* (высокий), *истукан* (идол), *каковой* (который, какой), *крамола* (измена), *криводушие* (неискренность), *ларец* (ящик), *лихоимство* (взяточничество), *лобзание* (поцелуй), *ловец* (охотник), *ложе* (постель), *мановение* (повелительное движение), *медоточивый* (льстивый), *ментор* (воспитатель), *мзда* (награда, плата), *навет* (донос), *надобно* (надо), *называть* (называть), *наставник* (учитель), *наушать* (подстрекать), *нежели* (чем), *неукоснительный* (безусловный), *обитель* (монастырь), *одр* (постель), *оний* (тот, вышеупомянутый), *опочить* (заснуть), *отдохновение* (отдых), *откушать* (поесть), *отмщение* (месть), *отныне* (впредь), *отрешить* (отстранить), *отставить* (уволить), *от-*

рять (стригать), *отселе* (отсюда), *перст* (палец), *пленишь* (взять в плен), *поведать* (сообщить, поделиться), *повеление* (приказание), *погибель* (гибель), *препона* (препятствие), *прогневать* (рассердить), *разверстый* (открытый), *ратный* (боевой), *ратовать* (защищать), *ревнитель* (защитник), *ревность* (усердие), *самовластие* (монархия), *совлекать* (снимать), *согбенный* (сгорбленный), *соглядатай* (шпион), *соизволение* (согласие), *сокрыться* (скрыться), *сонм* (собрание), *соплеменник* (соотечественник), *стенание* (стон), *стихотворец* (поэт), *темница* (тюрьма), *торг* (рынок, базар), *точить* (лить), *уготовить* (приготовить), *умопомрачение* (умственное расстройство), *ужель* (неужели), *умышлять* (замышлять), *упование*, *уповать* (надежда, надеяться), *упредить* (опередить), *урочный* (назначенный), *царедворец* (придворный), *чадо* (дитя, ребенок), *чаять* (ожидать), *яство* (еда), *яхонт* (рубин) и т. п.

Когда о таких словах говорят как об «устарелых» или «старых», то не имеют в виду, что эти слова вообще «ушли», выпали из языка, в современном языке не существуют и потому пользующимся современным языком непонятны. «Старые» слова в этом последнем смысле, т. е. такие, как *уй*, *стрый* и т. п., уже не являются словами современного русского языка: в современном языке их уже нет, они в нем не существуют. Те же слова, примеры которых даны в только что приведенном списке, являются частью словарного состава современного русского языка, но специфической его частью. Этим словам свойственно специфическое эмоционально-экспрессивно-оценочное, т. е. стилевое качество, которое можно обозначить термином «архаизм»⁹. Архаизмы как стилистическая категория входят в основном в состав «возвышенной» лексики, в большей своей части сливаются с ней настолько тесно, что их часто очень трудно отграничить от других разновидностей возвышенной лексики. Поэтому архаизмы — это такая разновидность «возвышенной» лексики, в которой данное стилистическое свойство порождается восприятием слова как относящегося к русской старине, к произведениям классической литературы и поэзии¹⁰.

Итак, архаизмы — это «устарелые» слова в том смысле, что они вышли из живого повседневного употребления, но не выпали вообще из языка, а, напротив, сохраняются в нем, продолжают в нем существовать как разновидность возвышенной лексики.

Г Л А В А VI

О КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВ ПО СФЕРАМ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Нередко вопрос о стилистической дифференциации слов не отграничивается достаточно ясно от вопроса о классификации слов по сферам, или областям, их употребления. С точки зрения лексикографической практики это обычно выглядит так. После того как разъяснено собственно значение слова, в тех случаях, когда

у слова имеются какие-либо дополнительные особенности либо по линии эмоционально-экспрессивно-оценочной, либо в отношении сферы его употребления, дается соответствующая помета. Так, например, слово *зело* значит «очень». Но, кроме того, указывается, что его употребление ограничено, так как это слово *стар.* (старое). Поэтому нельзя, например, сказать в повседневной ситуации: «Я сегодня зело устал». *Карболка* значит «карболовая кислота», но это слово «разговорное», на что указывает помета *разг.*, почему, например, в официальном отчете нельзя написать, что «при дезинфекции помещения было израсходовано 5 литров карболки». Помета же *спец.* (специальный) при слове *зерноядный*, которое значит «питающийся зерном», показывает, что этого слова нельзя употребить в таком, например, предложении, как «зимой наши куры зерноядны», вместо «питаются зерном». Таким образом, как будто получается, что различные пометы, как стилистические, так и по областям, или сферам, употребления слов, представляют собой явления одного порядка.

Однако это не так. Как можно было видеть из всего изложенного выше, стилистическая дифференциация слов — это их дополнительные к значению свойства или особенности эмоционально-экспрессивно-оценочного характера. Эти их свойства не являются индивидуальными; как можно было видеть из приведенного материала, слова, очень различные как по конкретно-лексическому, так и по категориальному лексико-грамматическому значениям, объединяются в определенные и в общем очень немногочисленные стилистические группы или слои. Различные же сферы и области человеческой деятельности, в которых люди общаются посредством языка, обслуживаются лексикой данного языка во всем многообразии ее стилистических свойств, без раздробления или разделения ее на такое же число стилистических слоев или разновидностей, сколько имеется конкретных разновидностей речевого общения. В личном письме к близкому родственнику человек может пользоваться словами такой стилистической категории, которой он никогда не воспользовался бы в научной статье. Кроме того, словарь отдельных социальных групп людей обычно включает, кроме слов основного словарного фонда, общих для представителей различных профессий и социальных групп, определенное количество специальной лексики, обусловленной специфическими профессиональными и другими интересами данной социальной группы. Так, например, языковед наряду со словами основного словарного фонда непременно использует такие специальные слова, как *парадигма*, *фонема*, *словосочетание* и т. п.; математик — такие слова, как *сектор*, *дифференциал*, *уравнение*, *тяготение* и др., астроном — такие, как *перигелий*, *протуберанцы*, *солнцестояние* и др. Но из этого ни в коем случае не следует, что существует столько стилей речи, сколько есть различных научных областей, т. е. что имеется стиль химии, математики и т. п. При конкретном различии, обусловленном принадлежностью к разным областям знания, термины разных спе-

циальностей имеют общую стилистическую характеристику, они все характеризуются «прозаизмом» и представляют собой, таким образом, разновидность «книжного» стиля, т. е. в стилистическом плане все они, несмотря на их различие и разнообразие по содержанию, однородны,

ГЛАВА VII

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛОВ В СЛОВАРЯХ

Хотя по этому вопросу и имеется теперь уже значительная специальная литература¹¹, сказанное В. В. Виноградовым о том, что «щедрою рукою рассыпаемые по всему словарному составу стилистические пометы обычно опираются на субъективное чутье лексикографа, на самые общие представления о стилистическом расстройстве речи», — все еще остается в силе. При этом одним из основных и общих большинству словарей недостатков является тот, что под «стилистической характеристикой» недифференцированно понимается все, что не относится к собственно семантическому объяснению слова. Иными словами, обычно не делается сколько-нибудь четкого разграничения оценочно-экспрессивно-эмоциональных моментов, с одной стороны, и дифференциации слов по сферам употребления — с другой. Обычно предполагается, что понятие «стилистическая помета» включает не только собственно стилистические особенности слова, но и указание на сферу его применения.

На самом же деле между определением стилистических особенностей слова и указанием на принадлежность его к той или иной сфере человеческой деятельности (той или иной области применения языка) имеется принципиальное различие. Выше уже было упомянуто о том, что слова, относящиеся к совершенно различным областям жизни и, следовательно, к различным сферам применения языка, тем не менее оказываются совершенно однородными в стилистическом отношении, отличаясь либо «книжностью» и «прозаизмом», если это научная терминология, либо «сниженностью», «фамильярностью» и т. п., если это «слэнг». Было также обращено внимание на то, что стилистические свойства оказываются у подобных слов общими с большими «массивами» лексики, которые никак не могут быть определены как принадлежащие к той или другой специальной сфере употребления языка (см. «книжные» слова на стр. 259, а также ту огромную массу слов, которые сопровождаются в словарях пометой *разг.* и по сравнению с которыми число «профессионально-разговорных», «слэнговых» слов совершенно ничтожно¹²).

Необходимо также иметь в виду, что стилистическая характеристика слова не остается неизменной на всем протяжении его существования в данном языке, а, напротив, меняется в процессе исторического развития (и иногда очень значительно), причем проследить и описать стилистическую эволюцию слова очень трудно. В частности, большая работа должна предшествовать правильной стили-

стической оценке различных словоупотреблений у старых, но широко читаемых авторов, таких, как Шекспир, Сервантес и даже Пушкин и другие писатели XIX в.; всегда имеется опасность подстановки современного читателю экспрессивно-эмоционального восприятия слова, которое не существовало во время написания произведения, или неспособности уловить тот или иной стилистический оттенок, предполагавшийся автором и вполне доступный его современникам¹³.

Решение вопроса о стилистических пометах в словаре требует специального исследования. Основой для этого должно служить изучение тех стилиевых особенностей слов, которые представляют собой явление достаточно распространенное и, следовательно, достаточно четко определившееся. Результаты того небольшого исследования, которое оказалось возможным провести в рамках настоящей работы, позволяют говорить лишь о следующих пометах:

1) нулевая помета, указывающая на нейтральную стилиевую характеристику слова;

2) пометы *книжн.* и *разг.*;

3) *разг.-прост.* (разговорно-просторечное), *сниж.*, *груб.*;

4) *возвыш.*, *поэтич.*, *арх.*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ II—VII ЧАСТИ ПЯТОЙ

¹ Разговорно-просторечная лексика связана с известной архаизацией, например: *служивый, опамятоваться, ввечеру, полюбиться, повиниться, велить, вчистую, кормилец* и т. п. Поэтому на схеме (стр. 263) эта лексика подвинута вправо, на одну вертикаль с архаизмами «высокого» стиля.

Может быть, эту категорию слов вслед за И. С. Ильинской следовало бы назвать просто «просторечными». См. И. С. Ильинская, Из наблюдений над лексикой Пушкина (элементы современного просторечия у Пушкина), Труды Института русского языка, т. 2, 1950, где вполне обосновывается необходимость выделения двух разных категорий внутри так называемых разговорных слов, т. е., с одной стороны, таких, как *натирка и мойка, толковать, ладить* (с кем) и т. п., а с другой — таких, как *натореть, недосуг, склизко, дескать, ужю, давеча, покудова, больно* (очень), *пуще* и т. п.

² В русском языке слова этой категории особенно многочисленны на букву *А*.

³ А. Н. Гвоздев («Очерки по стилистике русского языка», М., 1955, стр. 78) выделяет «общеупотребительные» слова по семантическому принципу: *названия предметов, явлений, понятий* — дом, дверь, стол, двор, улица, дерево, рыба, птица, лошадь, голова, лицо, рот, нога, день, ночь, весна, лето, час, год, прошлое, будущее, работа, отдых, разговор, купание, ходьба; *качества и обстоятельства* — веселый, твердый, теплый, чистый, красный, каменный, смелый, быстро, медленно, поздно, светло, много, завтра, пешком и т. д.; *названия действий и состояний* — идти, ехать, резать, писать, ставить, нести, сидеть, ждать, кашлять и пр.

Интересную попытку (хотя и совсем для других целей) разграничить «повседневные» (every day, non-cultural) и «специальные» (specialized или cultural) слова сделал М. Сводеш («Diffusional Cumulation and Archaic Residue as Historical Explanations», Univ. of New-Mexico Press, 1951).

⁴ Работ по «стилистической морфологии» много. См., например, Е. S t a n k i e w i c z, Expressive Derivation of Substantives in Contemporary Russian and Polish, Slavic Word, № 3, Dec, 1954 - Word, vol. 10, № 4;

A. Alonso, *Noeion, emoción, acción y fantasía en los diminutivos*, впервые опубликована в Volkstum VIII, 1935; воспроизведена в книге того же автора «Estudios lingüísticos», Madrid, 1951 (с большой библиографией); A. G a w r o n s k i, *Wartosc użyciowa diminutivów*, сб. Prace lingüistyczne ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay, 1921; С. С. П л я м о в а т а я, Уменьшительно-оценочные и увеличительно-оценочные имена существительные в современном русском языке (автореферат, М., 1956) и др.

⁵ При обсуждении случаев этого рода следует тщательно отличать правильные разговорные образования от таких употреблений слов этого типа, как *электричка* вместо «электрическая плитка», *международка* вместо «международная транскрипция» и т. п. Это явления дурного вкуса — небрежное обращение с языком при недостаточном владении.

⁶ Слово *оболтус* включено сюда как образованное «по типу» иностранных. Эта последняя категория («по типу») уже выделялась выше при классификации материала. Для структурно-семантических классификаций, имеющих целью выяснение «строения» стилистических свойств, важна не только фактическая этимология (соответственно морфология), но и подобие тем или иным этимологическим (соответственно морфологическим) типам по «внутренней форме».

⁷ *Фортель*, так же как и *контры*, включен сюда, чтобы увеличить число примеров данной категории. По общему же строению работы их включать не следует вследствие их «потенциальности», т. е. того факта, что *фортель* существует только в *выкинуть фортель*, а *контры* — в *быть в контрах*.

⁸ Такие слова, как *ферт*, *фото* и др., отнесенные выше к «сниженному стилю», не дают аналогии данному слою разговорной лексики; в сниженной лексике они стоят особняком, не образуя никакого «типа» или «класса».

⁹ Различие между старыми словами как выпавшими из языка и как существующими в нем в качестве особой стилистической категории выражено в английских терминах *obsolete* и *archaic*.

Об архаизмах в современном русском языке см. интересную статью Н. М. Шанского «Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка» («Русский язык в школе», 1954, № 3). В отличие от «историзмов», т. е. слов пассивного словарного запаса, служащих единственным выражением соответствующих понятий, т. е. таких, как *городовой*, *конка*, *боярин*, *лавка*, *купец* и т. п., архаизмы выступают как стилистическая категория. Рядом с ними обязательно существуют синонимы, являющиеся словами активного употребления. В зависимости от того, устарело ли все слово или только отдельные его значения, архаизмы делятся на лексические и семантические.

¹⁰ Архаизмы в основном относятся к возвышенной лексике, но они, так же как и все остальные «стилистические слои» лексики, не представляют собой замкнутого раз навсегда определенного набора слов, а находятся в непрерывном изменении и движении. В частности, в порядке «смещения» они могут употребляться в «сниженной» речи. Если такого рода «речевые сдвиги» для тех или других слов становятся «узальными», то у них появляется новое стилистическое качество. Возможно, что новое качество уже приобрели такие слова, как *вельможа*, *выдворять*, *облагодетельствовать*, *лицезреть*, *поучать*, *презентовать*, *разоблачаться*, *соблаговолить*, *соизволить*, *сподобиться* и др.

Однако в основном архаизмы все же относятся к возвышенной лексике. Ср. A. O b r e ć b s k a - J a b l o n s k a, *Od archaizmu do nowej formy językowej*, Сб. «Stylistika teoretyczna v Polsce», Warszawa, 1946.

Соотносительной с архаизмами стилистической категорией являются неологизмы. Однако собранный материал не дал возможности выводов по этому вопросу. Интересной в теоретическом отношении работой по вопросу о неологизмах является статья К. В u d z y k, *Sprawa neologizmów w literaturze* (Сб. «Stylistika theoretyczna w Polsce», Warszawa, 1946).

О неологизмах в современном русском языке имеется большая литература. См., в частности, библиографию диссертации П. И. Сенина «Словарные и фразеологические неологизмы советской эпохи в произведениях К. А. Федина» (автореферат, М., 1955).

¹¹ Чтобы дать представление об общем направлении исследований этого ряда, остановимся на следующих: Долежел (L. D o l e ž e l, K stylistické a normativní charakteristice ve slovníku spisovného jazyka (Naše řeč, 1—2, R. XXXVIII, 1955) делит словарь сперва на три большие части: 1) по территориальным и социальным группам, куда относятся такие пометы, как «народн.», «обл.», «слэнг», «арготич.», «иностранные»; 2) по временной линии, куда относится помета «устар.»; 3) по сферам употребления, куда относятся пометы «книжн.», «разг.» (hovor.), «художест. лит.», «публицистич.», «терминол.» и 4) по эмоциональной окраске, куда относятся пометы: «шутл.», «ирон.», «презр.», «груб.». Шалингова (S a l i n g o v a M., K stylistické charakteristice slov v normativním slovníku (Slov. řeč., R. XX, с. 1, 1955) кладет в основу разграничение: 1. Слова нейтральные (именующие и понятийные), которые в словаре никакими стилистическими пометами не выделяются. 2. Слова положительной стилистической характеристики, для которых выделяются следующие стилистические пометы: 1) разговорное (hovor.); 2) специальный термин; 3) книжное; 4) неологизм (novin.); 5) высокое (slavnostny); 6) слово детской речи. Кроме того, выделяются архаизмы и слова, стоящие вне литературного языка. Все выделяемые категории иллюстрированы и снабжены критериями выделения. В цитировавшейся выше «Инструкции для составления словаря современного русского литературного языка» рекомендуется введение помет: 1) разг., прост., высок., книжн.; 2) народно-поэт., устар., поэт., обл., спец.; 3) ирон., шутл., бран. и 4) устар.

¹² В этой связи уместно обратить внимание на специфические (по сравнению с собственно стилистической характеристикой слова) трудности, возникающие при определении слов с точки зрения области их применения, т. е. либо недифференцированно пометой *спец.*, либо же такими более детальными указаниями, как *лингв.*, *мат.* и т. п. Хотя, теоретически рассуждая, вопрос о пометах такого рода, которые можно назвать «терминологическими», и не представляет как будто затруднений, в практике лексикографической работы он весьма сложен. В самом деле, если ни у кого не будет сомнения в необходимости сопроводить специальной пометой название таких, например, животных, как *ихтиозаер*, *зубр*, *як* или *гну*, то, например, *слон*, *жирафа* и т. п. вызывают определенные колебания, что легко подтвердить справками в словарях. Так, *слон* в русско-франц. словаре акад. Л. В. Щербы дано с пометой *зоол.* В русско-английском словаре под общим руководством проф. А. И. Смирницкого — без пометы, а *жирафа* как раз наоборот: с пометой *зоол.* в словаре Смирницкого и без пометы в словаре Щербы.

Следует, между прочим, заметить, что вообще лучше пользоваться пометой *спец.*, чем такими, как *опт.*, *торг.*, *биол.*, *псих.*, и т. п., так как точно определить и, главное, отграничить ту специальную область, к которой следует отнести то или другое слово, бывает иногда очень трудно. Так, например, слово *аберрация* — это *физ.*, *астр.* или *опт.*? *Аффект* — *мед.*, *псих.* или *прав.*? Бесспорным же общим свойством таких слов является то, что они к н и ж н ы е и, кроме того, с п е ц и а л ь н ы е, т. е. относящиеся к научной терминологии (ср. сказанное в части пятой об «общенаучных терминах» как основном слое «книжной лексики»). При желании определить ту специальную область, к которой данное слово относится, лучше, как это сделано в словаре С. И. Ожегова, включать соответствующее указание в само определение (объяснение) слова, например: натрий — химический элемент; сенокосилка — сельскохозяйственная машина, и т. п.

¹³ Ср. C a s a r e s, . Introduccion a la lexicografia moderna, Madrid, 1950, стр. 140. Вряд ли, однако, можно согласиться с его выводом о невозможности восстановления стилистической истории слов. Конечно, было бы идеально, если бы для всех языков были такие журналы, как *Cum vorbium*, *American Speech* и т. п., специально для того, чтобы систематически фиксировать все изменения, происходящие в стилистических свойствах слов.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(После выходных данных через косую черту дается номер части и главы книги, в которых цитировано данное произведение.)

1. НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аванесов Р. И., Русское литературное произношение (М., 1954; 4/2); Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы (сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; 4/2); (и Сидоров В. Н.) Русский язык. Учебник для педагогических техникумов (М., 1936; 4/2).

Адмони В. Г. и Сильман Т. И., Отбор языковых средств и вопросы стиля («Вопросы языкознания», 1954, № 4; 5/1).

Анисимова З. Н., Фразеологические единицы типа прилагательное плюс существительное в современном английском языке (автореферат, М., 1952; 3/1—3).

Арбатский Д. И., Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке (автореферат, М., 1954; 2/2).

Балли Ш., Общая лингвистика и вопросы французского языка (русский перевод, М., 1955; 1/5, 5/1).

Банова Г. И., Основные колебания в произношении современного английского языка (автореферат, М., 1954; 4/2).

Барзилович А. М., Субстантивация прилагательных в русском языке (автореферат, Киев, 1952; 2/5).

Бархударов С. Г. и Евгеньева А. П., Инструкция для составления словаря современного русского литературного языка (М., 1953; 1/5, 2/1, 5/2-7).

Брянцева Т. Г. и Цейтлин Р. М., Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» («Вопросы языкознания», 1954, № 3; 1/5, 2/1).

Будагов Р. А., Очерки по языкознанию (М., 1953; 1/2, 2/1, 4/1); К вопросу о языковых стилях («Вопросы языкознания», 1954, № 3; 5/1); Слово и его значение (Ленинград, 1947; 2/1).

Будде Е. Ф., Опыт грамматики языка А. С. Пушкина (СПБ, 1902; 4/1).

Булатов А. Л. Н., Отглагольные существительные на *-нье*, *-ние* в русских говорах (автореферат, М., 1953; 5/2—7).

Булаховский Л. А., Из жизни омонимов (сб. «Русская речь» под ред. Л. В. Шербы, М., 1928; 2/1); Введение в языкознание, ч. 2 (М., 1953; 1/2, 1/3, 1/5, 2/1).

Бурнашева С. А., Совещание по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии («Вопросы языкознания», 1953, № 5; 1/5).

Вересова Э. М., Глагольные фразеологические единицы в прозе К. Федина («Первые радости» и «Необыкновенное лето») (автореферат, М., 1954; 3/1—3).

Виноградов В. В., Современный русский язык (М., 1938; 2/1, 4/1); О грамматической омонимии в современном русском языке («Русский язык в школе», 1940, № 1; 2/1); О формах слова (Известия Академии наук СССР, отд. л-ры и языка, 3, 1, 1944; 2/1, 4/1); Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины («Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», 1946; 3/1); Об основных типах фразеологических единиц в русском языке (сб. «А. А. Шахматов, 1864—1920», Труды комиссии по истории Академии наук СССР, вып. 3, М.—Л., 1947; 3/1—3); Русский язык (грамматическое учение о слове). (М., 1947; 1/5, 2/1, 3/1—3, 4/1); Рецензия на русско-украинский словарь («Советская книга», 2, 1950; 1/5); Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка (Известия Академии наук СССР, отд. л-ры и языка, X, 3, 1951; 2/1); Словообразование имен существительных, в книге «Современный русский язык. Морфология» (МГУ, 1952; 4/3); Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) (сб. «Вопросы теории и истории языка», М., 1952; 2/1); Основные типы лексических значений слова («Вопросы языкознания», 1953, № 5; 1/2, 1/5, 3/1); Итоги обсуждения вопросов стилистики («Вопросы языкознания», 1955, № 1; 5/1); Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР («Доклады советской делегации на международном совещании славяноведов в Белграде», М., 1955; 3/1—3, 4/3, 5/1).

Винокур Г. О., О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии (Труды МИФЛИ, 5, 1939; 4/3); Глагол или имя? (Сб. «Русская речь», Л., 1928; 4/3).

Вомперский В. П., Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 80-х годов (автореферат, М., 1954; 3/1).

Газизов Р. С., Из практики работы над составлением русско-татарского словаря («Вопросы языкознания», 1954, № 2; 1/5).

Галкина-Федорук Е. М., Основные вопросы языкознания в трудах В. И. Ленина («Иностранные языки в школе», 1951, № 1; 1/2); Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма («Вестник Московского университета», 1951, № 9; 1/2); Знакомство в языке с точки зрения марксистского языкознания («Иностранные языки в школе», 1952, № 2; 1/2); Современный русский язык. Лексика (М., 1954; 1/2, 1/5, 2/1).

Гвоздев А. Н., Очерки по стилистике русского языка (М., 1955; 5/1, 5/2—7).

Гельгардт Р. Р., С. И. Ожегов. «Словарь русского языка», второе издание («Вопросы языкознания», 1953, № 3; 1/5).

Головин Б. Н., О приставочных формах выражения внутривидовых значений в современном русском глаголе (Ученые записки Государственного педагогического института имени В. И. Ленина, LXIV, 3, 1952; 2/3).

Горский Д. П., О роли языка в познании («Вопросы философии», 1953, № 2; 1/2).

Григорьева А. Д., Словарь языка Пушкина («Вопросы языкознания», 1952, № 3; 1/5).

Дементьев А. А., Имена существительные с утраченной уменьшительностью («Русский язык в школе», 1948, № 1; 4/3).

Дукальская Е. С., Имена действия в современном английском языке (автореферат, М., 1954; 2/2).

Евгеньева А. П., К вопросу о типе однотоминого толкового словаря русского языка советской эпохи («Вопросы языкознания», 1953, № 3; 1/5, 2/1, 4/1).

Ефимов А. И., Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 40—60-х годов (М., 1950; 3/1); Об изучении языка художественных произведений (М., 1952; 5/1).

Звегинцев В. А., О принципах семасиологических исследований (автореферат, М., 1954; 1/1, 1/2); Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова («Вестник Московского университета», 1955, № 1; 5/1).

Земская Е. А., Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке (автореферат, М., 1952; 2/3).

Знаменская А. В., Словообразовательное значение суффикса -ся в современном русском языке (автореферат, Л., 1954; 2/3).

Золотова Г. А., Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке (на материале сочинений А. М. Горького) (автореферат, М., 1954; 3/1—3).

Ильинская И. С., Из наблюдений над лексикой Пушкина (элементы современного просторечия у Пушкина) (Труды института русского языка, т. 2, 1950; 5/2—7); О языковых и неязыковых стилистических средствах («Вопросы языкознания», 1954, № 5; 5/1); Совещание по вопросам лексикографии («Вопросы языкознания», 1952, № 4; 1/5); (и Сидоров В. Н.) О сценическом произношении в московских театрах (сб. «Вопросы культуры речи», М., 1955; 4/2).

Исаченко А. В., О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках («Вопросы языкознания», 1955, № 6; 2/4).

Истрина Е. С., Заметки по двуязычным словарям (Известия Академии наук СССР, отд. л-ры и языка, 3, 2—3, 1944; 1/5); Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог (Сборник статей «Памяти академика Л. В. Щербы (1880—1944)», Л., 1951; 1/3).

Клюева В. Н., Синонимы в русском языке («Русский язык в школе», 1954, № 3; 4/1); Опыт составления учебного толкового словаря синонимов русского языка (Доклад на координационном лексикографическом совещании, М., 1955; 4/1).

Ковтун Л. С., О значении слова («Вопросы языкознания», 1955, № 5; 1/2).

Кожина Н., Переносное употребление слова («Русский язык в школе», 1954, № 3, 5/1).

Колосс Л. Л., О предмете стилистики («Вопросы языкознания», 1953, № 3; 5/1).

Крылова М. В., Словосочетания из существительных с временным значением с существительными и прилагательными. (К вопросу о переходе свободных словосочетаний в фразеологические) (автореферат, М., 1955; 2/5).

Крючков С. Е., Словарь русского языка. Составил С. И. Ожегов («Русский язык в школе», 1953, № 2; 1/5).

Кудряшов С. А., Лексика и фразеология поэм И. С. Никитина (автореферат, М., 1954; 5/1).

Курилович Е. Р., Заметки о значении слова («Вопросы языкознания», 1955, № 3; 1/5).

Левин В. Д., Имена действия в русском языке (Ученые записки Ивановского педагогического института; 1, 2, 1941; 4/3); Отглагольные существительные в русском языке (диссертация, М., 1940, 4/3); О некоторых вопросах стилистики («Вопросы языкознания», 1954, № 5; 5/1).

Левковская К. А., Словообразование. Материалы к курсам языкознания (М., 1954; 2/1).

Лукаш Н. А., Украинско-русский словарь, т. I («Вопросы языкознания», 1954, № 6; 1/5, 2/1).

Макет словаря русского языка в четырех томах (М., 1955; 1/5).

Мордвилко А. П., Глагольно-именные описательные выражения в современном русском литературном языке (автореферат, М., 1956; 3/1—3).

Мухамедова З. Б., Из наблюдений над составлением русско-туркменского словаря («Вопросы языкознания», 1954, № 2; 1/5).

С. И. Ожегов, О трех типах толковых словарей современного русского языка («Вопросы языкознания», 1952, № 2; 1/5); Словарь русского языка (изд. 2, М., 1952; 4/3).

- Оссовецкий И. А., Русско-белорусский словарь («Вопросы языкознания», 1955, № 4; 1/5, 2/1).
- Перльмуттер Л. Б., Переход прилагательных в существительные («Русский язык в школе», 1948, № 1; 2/5).
- Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении (4-е изд., М., 1934; 2/5); Понятие отдельного слова (Сборник статей (методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика), М.—Л., 1925; 1/1, 1/4, 1/5); В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? (там же; 1/4, 4/1).
- Плямоватая С. С., Уменьшительно-оценочные и увеличительно-оценочные имена существительные в современном русском языке (автореферат, М., 1956; 5/2—7).
- Покровский М. М., Семасиологические исследования в области древних языков (М., 1895; 2/2).
- Попов П. С., Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления («Вестник Московского университета», 1954, № 4; 1/2).
- Поспелов Н. С., В защиту категории состояния («Вопросы языкознания», 1955, № 2; 2/4, 2/5); Соотношение между грамматическими категориями и частями речи (на материале современного русского языка) (Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; 2/4).
- Потемкина А. И., Развитие качественных значений у относительных прилагательных в современном русском языке (автореферат, М., 1954; 2/5).
- Прокопович Н. Н., К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетаний (Исследования по грамматике русского литературного языка, М., 1955; 3/1—3).
- Реформатский А. А., Введение в языкознание (М., 1955; 1/2, 1/5, 2/1, 3/1—3, 5/1); О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) (Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; 4/2).
- Самосюк Э. В., Сочетание прилагательного с зависимым от него существительным в современном русском литературном языке (автореферат, Ростов-на-Дону, 1954; 2/5).
- Санкин А. А., Конструкция «прилагательное плюс существительное» в английской литературе (на материале радиотерминологии) (автореферат, М., 1952; 3/1—3).
- Сенин П. И., Словарные и фразеологические неологизмы советской эпохи в произведениях К. А. Федина (автореферат, М., 1955; 5/2—7).
- Серебренников Б. А., К проблеме типов лексической и грамматической абстракции (О роли принципа избирательности в процессе создания отдельных слов, грамматических форм и выбора способов грамматического выражения) (Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; 2/1).
- Скиба Г. Г., Переход самостоятельных слов в служебные в современном русском языке (автореферат, Львов, 1954; 2/5).
- Смирницкий А. И., Русско-английский словарь (М., 1952; 2/5, 5/2—7); Некоторые замечания по английской омонимике («Иностранные языки в школе», 1948, № 5; 2/1); К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») (Сб. «Вопросы теории и истории языка», М., 1952; 1/4, 2/1); К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») (Труды Института языкознания АН СССР, 4, 1954; 2/1, 2/5, 4/1, 4/2); Объективность существования языка (М., 1954; 1/2, 4/2); (и О. С. Ахманова) О лингвистических основах преподавания иностранных языков («Иностранные языки в школе», 1954, № 3; 1/3); Значение слова («Вопросы языкознания», 1955, № 2; 1/2, 1/3; Лексическое и грамматическое в слове (сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, 1/2, 1/4, 2/1); Фонетическая транскрипция и звуковые типы («Вестник Московского университета», 1948, № 7; 4/2).
- Сорокин Ю. С., К вопросу об основных понятиях стилистики («Вопросы языкознания», 1954, № 2; 5/1).

Соссюр Ф., Курс общей лингвистики (русский перевод, М, 1933; 1/1, 1/2, 1/5).

Степанов Г. В., О стиле художественной литературы («Вопросы языкознания», 1952, № 5; 5/1); J. Casares. Introducción a la lexicografía moderna, Madrid, 1950 («Вопросы языкознания», 1953, № 3; 3/1—3).

Сэпир Э., Язык (русский перевод, М., 1934; 1/3).

Фаворин В. К., Синонимы в русском языке (Свердловск, 1953; 4/1).

Фельдман Н. И., О специфике небольших двуязычных словарей («Вопросы языкознания», 1952, № 2; 1/5).

Фессалоницки й С. А., Обзор литературы по вопросам связи языка и мышления («Вопросы языкознания», 1953, № 3; 1/2).

Харкевич А. А., Очерки общей теории связи (ГИТЛ, М., 1955, 1/4).

Хмелинина М. И., Фразеология ранних фельетонов А. М. Горького (1895—1896 гг.) (автореферат, М., 1952; 3/1—3).

Чикобава А. С., Введение в языкознание, ч. I (М., 1952; 1/2).

Шанский Н. М., Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка («Русский язык в школе», 1954, № 3; 5/2—7); Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке (диссертация, М., 1948; 4/3).

Шапиро А. Б., Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? («Вопросы языкознания», 1955, № 2; 2/4); Некоторые вопросы теории синонимов (на материале русского языка) (Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, VIII, 1955; 4/1, 4/3); В. К. Фаворин, Синонимы в русском языке («Русский язык в школе», 1953, № 6; 4/1).

Шведова Н. Ю., К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя («Вопросы языкознания», 1952, № 2; 5/1).

Щерба Л. В., Русско-французский словарь (М., 1939; 1/3, 5/2—7); Современный русский литературный язык («Русский язык в школе», 1939, № 4; 5/1); Опыт общей теории лексикографии (Известия Академии наук СССР, отд. л-ры и языка, 3, 1940; 1/3, 1/5).

2. НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

A d o l f, Helen, OHG wuntarôn and the Verbs of Fear and Wonder (a Study in Onomasiology) (Journal of English and Germanic Philology, XLVI, 4, 1947; 1/5).

A l o n s o A., Noción, emoción, acción y fantasía en los diminutivos (Volkstum, VIII, 1935 и Estudios lingüísticos, Madrid, 1951; 5/2—7).

A n d r é J., Etudes sur les termes de couleur dans la langue latine (из серии Etudes et commentaires, VII, посвященных J. Marouzeau: ч. III — Etudes sémantiques, Paris, 1949; 1/3).

B a l l y Ch., L'arbitraire du signe (le français moderne, 1940; 1/1); Sur la motivation du signe linguistique (Bulletin de la société de linguistique de Paris, LXI, 1, 1940; 1/1); Traité de stylistique française (изд. 3, Женева, 1951; 5/1).

B a r - H i l l e l Y., Idioms (Сб. «Machine Translation of languages», New York, 1955; 3/1).

B e c h G., Das semantische System der deutschen Modalverba (Travaux du cercle linguistique de Copenhague, 5, 1949; 1/5).

B e n v e n i s t e E., Nature du signe linguistique (Acta Linguistica, 1, 1939; 1/1).

B e r n a r d R., Etude etymologique et comparative de quelques mots bulgares concernant les vêtements et la parure (Paris, 1949; 1/5).

B e r t s c h i n g e r M., To want: an Essay in Semantics (Swiss Studies in English, Bern, 1941; 1/5).

- B e t z W., Zur Überprüfung des Feldbegriffes (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Göttingen, 71, 3/4, 1954; 1/5).
- B i l s k y M., A. Richards' Theory of Metaphor (Modern Philology, 2, 1952; 5/1).
- B l a n á r V., Vývin významovej stavby sloviac znamenat' — vyznamenat' — zaznamenat' v slovenčine a čestine (Slavia, XXV, 1, 1956; 1/5).
- B l o c h B., English Verb Inflection (Language, 23, 4, 1947; 4/3).
- B l o o m f i e l d L., Language (New York, 1933; 1/1); Рецензия на книгу М. Swadesh 'La nueva filologia' (Language, 19, 2, 1943; 1/5).
- B o n f a n t e G., Semantics (отгиск из Encyclopedia of Psychology, Princeton, 1950; 1/3).
- B r e a l M., Essai de sémantique (7-е изд., Париж, 1924; 1/1).
- B r o n d a l V., Le Français: langue abstraite (Copenhagen, 1936; 1/3).
- B u d o v i č o v á V., Spracovanie významovej štruktúry slov vo výkladovom slovníku (Slovenske řeč, XX, 1, 1955; 1/5); Z teórie a praxe jednojazyčného slovníka (Slovenske řeč, XIX, 3—4, 1954; 3/1).
- B u d z y k K., Sprawa neologizmów w literaturze (Сб. «Stylistika teoretyczna w Polsce», Warszawa, 1946; 5/2—7).
- B ü h l e r K., Sprachtheorie (Jena, 1934; 1/1, 5/1).
- B u r k e K., Philosophy of literary Form (Louisiana, 1941; 5/1).
- B u y s s e n s E., Speaking and Thinking from the Linguistic Standpoint (Acta psychologica, X, 1—2, 1954; 1/1).
- C a n t i n e a u J., Les oppositions significatives (Cahiers F. de Saussure, 10, 1952; 1/5).
- C a r n a p R., Introduction to Semantics (Cambridge, 1942 — New York, 1951; 1/1).
- C a r r o l J. B., The Study of Language: a Survey of Linguistics and Related Disciplines in America (Cambridge, 1953; 1/5).
- C a s a r e s J., Introducción a la lexicografía moderna (Madrid, 1950; 1/5, 3/1, 5/1, 5/2—7).
- C o h e n L. J., On the Use of «The use of» (Philosophy, XXX, 112, 1955; 1/5).
- C r a i g i e W. A., Problems of Spelling Reform (The Clarendon Press, 1944, S. P. E. Tract LXIII; 4/1).
- D a m b o r s k ý J., Poznámky k práci s Velkým rusko-českým slovníkem (Sovetska jazykoveda, IV, 1954; 1/5).
- D a u m E. и S c h e n k, W., Die russischen Verben. Grundformen — Aspekte — Rektion — Betonung — deutsche Bedeutung (Leipzig, 1954; 2/3).
- D o l e ž e l L., K stylistické a normativní charakteristice ve slovníku spisovného jazyka (Naše řeč, XXXVIII, 1—2, 1955; 5/2—7).
- D o r n s e i f f F., Das Problem des Bedeutungswandels (Zeitschrift für deutsche Philologie, Stuttgart, LXIII, 1938; 1/5); Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen (3-е изд., Берлин, 1943).
- D o r o s z e w s k i W., Zagadnién leksykografii polskiej (Warszawa, 1954; 1/1, 1/5, 3/1-3).
- D o s t e r t L. E., The Georgetowa IBM (International Bus Machine) Experiment (Сб. «Machine Translation of Languages», New York, 1955; 3/1).
- D ú r o v i č L., Homonymá v slovníku (Lexikograficky sborník, Bratislava, 1953; 2/1).
- E g e N., Le signe linguistique est arbitraire (Travaux de cercle linguistique de Copenhague, V, 1949; 1/1).
- E n t w i s t l e W. J., Aspects of Language (London, 1953; 1/4); Russian as an Art of Expression (Oxford Slavonic Studies, 1950; 1/3).

- E r t l V., Gebauerova mluvnice česká (изд. 9, 1926; 1/5).
- F e a r i n g F., An Examination of the Conception of Benjamin Whorf in the light of the Theories of Perception and Cognition («American Anthropologist», 56, 6, 2, Mem. 79, 1954; 1/3).
- F i l i p e c J., Synonyma v jednojazyčném slovníku (Lexikografický sborník, Bratislava, 1953; 4/1, 5/2—7).
- F l e w A. G. N., Philosophy and Language («Philosophical Quarterly», 5, 18, 1955; 1/5).
- F o u r n i e r H., Les verbes 'dire' en grec ancien (Exemple de conjugaison supplétive) (Paris, 1946; 1/5).
- F o u r q u e t J., Analyse linguistique et analyse phonologique (Travaux du cercle linguistique de Copenhague, V, 1949; 1/5).
- F r e i H., Langue, parole et différenciation (Journal de Psychologie, 1952; 5/2).
- F r i e s Ch., C Meaning and Linguistic Analysis (Language, 30, 1, 1954; 1/5).
- G a r d i n e r A., The Theory of Speech and Language (2-е изд., Oxford, 1951; 1/1).
- G a r v i n P., Referential Adjustments and Linguistic Structure (Acta Linguistica, IV, 2, 1944; 1/1).
- G a w r o n s k i A., Wartość uczuciowa deminiutivov (Сб. «Prace lingwistyczne ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay», 1921; 5/2—7).
- G i l l i e r o n J., Pathologie et thérapeutique verbales (Neuveville, 1915—1921; 2/1).
- G o d e l R., Homonymie et identité (Cahiers F. de Saussure, 7, 1948; 2/1).
- G o l d s t e i n K., On Naming and Pseudo-naming (from Experiences in psychopathology (Word, 2, 1, 1946; 1/5).
- G o o d m a n N., On Likeness of Meaning (Сб. «Philosophy and Analysis», Oxford, 1954; 4/1); On Some Differences about Meaning (там же; 4/1).
- G o u g e n h e i m G., L'espace a deux dimensions et l'espace a trois dimensions en français moderne (une étude sur l'emploi de 'sur' et de 'dans') (Journal de Psychologie, 1, 1949; 1/5).
- G r e e n b e r g I., H. Concerning Inferences from Linguistic to Nonlinguistic Data («American Anthropologist», 56, 6, Mem. 79, 1954; 1/3).
- G r o o t A., W. (de) Structurele Syntaxis (den Haag, 1949; 1/1).
- H a l l i g P. und W a r t b u r g W. (von), Begriffssystemals Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas (Berlin, 1952, XXXV; 1/5).
- H a n s e n , Aage On the Preservation of the Word-Identity (Travaux du cercle linguistique de Copenhague, 1, 1955; 1/1).
- H a r r i s Z. S., From Morpheme to Utterance (Language, 22, 3; 1/4).
- H i l l A., G. Bonfante, Semantics (Language, 28, 2, 1952; 1/3).
- H j e l m s l e v L., Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse (København, 1943; 1/5, 5/1); Über die Beziehungen der Phonetik zur Sprachwissenschaft (Archiv für vergleichende Phonetik, 11, 1936, 4/2; Bulletin du cercle linguistique de Copenhague, IV, 3—4, 1934; 4/2).
- H o c k e t t Ch. F., An Approach to the Quantification of Semantic Noise (Philosophy of Science, 19, 4, 1952; 1/4).
- H o i j e r H., The Sapir-Whorf Hypothesis («American Anthropologist», 56, 6, Mem. 79, 1954; 1/3).
- H o l t J., Rationel Semantik (Pleremik) (Acta Jutlandica, XVIII, 3, Aarhus, 1946; 1/4).
- H o r á l e k K., K teorii pojmenování (Lexikografický sborník, Bratislava, 1953; 1/5).

Horzelski J., Remarks on the Psychology of Language (Philosophy, XXX, 112, 1955; 1/4).

Hrabě V., K problému slova a pojmu (Slovo a slovesnost', VI, 4, 1955; 1/1).

Humboldt W. (von), Inwiefern lässt sich der ehemalige Kulturzustand der eingeborenen Völker Amerikas aus den Überresten ihrer Sprachen beurteilen? 1823; 1/3; Ober die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (Einleitung zum Kawiwerk, Gesammelte Schriften Hrsg. v. d. Preuss. Akademie der Wissenschaften, 7 (1907): I, S. 1—344; 1/3; Ober das Nationalcharakter der Sprachen, 1822; 1/3).

Iordan, Iorgu, Stilistica limbii române (Bucuresti, 1944; 5/1).

Janský L., Vystavba hesla (Lexikografický sborník, Bratislava, 1953; 1/5).

Joos M., Description of Language Design (The Journal of the Acoustical Society of America, 22, 6, 1950; 1/5).

Juzi G., Die Ausdrücke des Schönen in der altenglischen Dichtung. Untersuchung über ein Sprachliches Feld (Zürich, 1939; 1/5).

Karcevský S., Du dualisme asymétrique du signe linguistique (Travaux du cercle linguistique de Prague, 1, 1929; 1/5).

Kotarbínský T., Z zagadnień klasyfikacji nazw (Rozprawy komisji językowej, 1, Łódź, 1954; 1/5).

Kuryłowicz J., La notion de l'isomorphisme (Travaux du cercle linguistique de Copenhague, V, 1949; 1/5); Linguistique et théorie du signe (Journal de psychologie, 2, 1949; 1/5).

Lapárová V., Ustálené spojenia a frazeologické jednotky, ich podstata hranice (Lexikografický sborník, Bratislava, 1953; 3/1).

Laziczius J., La définition du mot (Cahiers F. de Saussure, 5, 1945; 1/1).

Lempicka Z., Uwagi o liczbie hasel w słowniku współczesnego języka polskiego (Poradnik językowy, 2, 1955; 1/5).

Lerch E., Spanische Sprache und Wesenart (Spanienkunde, Hamburg, 1932, 1/3).

Machek V., Trois noms slaves de couleurs (Lingua Posnaniensis, 3, 1951; 1/3).

Maliková O., Problem ekvivalentu v dvojsazyčnom slovníku (Lexikografický sborník, Bratislava 1953; 1/5); Рецензия на русско-чешский словарь; Slov. rec, R. XX, c. 1, 1955; 1/5).

Mally J., O slovníkovém hasle 'burza' (Poradnik językowy, 10, 1954; 1/5).

Man O., Ustálená spojení a frazeologické jednotky, jejich podstata a hranice (Lexikografický sborník, Bratislava, 1953; 3/1).

Marouzeau J., Précis de stylistique française (3-e éd., Paris, 1950; 5/1).

Marsínová M., Z teorie a praxe lexikografie. Poznámky k Ukázkovému sešitu slovníku současného spisovného jazyka českého (Slovenske řeč, XIX, 3—4, 1954; 2/1, 4/1).

Mathesius V., On some Problems of the Systematic Analysis of Grammar (Travaux du cercle linguistique de Prague, 6, 1936; 5/1); Príspevek k strukturnému rozboru zasoby slovní (Čeština a obecný jazykospyt (Praha, 1947; 1/5); Reč a sloh (Čtení o jazyce a poesii, 1, Praha, 1942; 5/1).

Meillet A., Linguistique historique et linguistique générale (Paris, 1921—1948, 1938—1952; 1/1).

Menzersath P., Die Architektonik des deutschen Wortschatzes (Bonn, 1954; 1/5).

Modeér J., Om talspråkliga drag och skriftspråkstradition i Fredmans epistlar (Nysvenska Studier, 1—5, Uppsala, 1954; 4/1).

M o r r i s C. W., Foundations of the Theory of Signs (International Encyclopedia of unified Science, 1, 2, Chicago, 1938; 1/1); Signs, Language and Behaviour (New York, 1946; 1/1).

M o w r e r O. H., The Psychologist Looks at Language («American Psychologist», 9, 11, 1954; 1/4).

N i d a E., Analysis of Grammatical Constituents (Language, 24, 2, 1948; 5/1); The Identification of Morphemes (Language, 24, 4, 1948; 5/1).

N o r e e n A., Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache (Halle, Salle, 1923; 1/1).

O b r e b s k a - J a b l o n s k a A., Od archaizmu do nowej formy językowej (C6. «Stylistika teoretyczna v Polsce», Warszawa, 1946; 5/2--7).

O e h m a n S., Wortinhalt u. Weltbild (Stockholm, 1951; 1/3); Theories of the Linguistic Field (Word, 9, 2, 1953; 1/3).

O s g o o d Ch. E., The Nature and Measurement of Meaning (Psychological Bulletin, XLIX, 3, 1952; 1/5); Method and Theory in Experimental Psychology (New York, 1953; 1/5).

O s k a a r E., Die Sprachliche Erfassung des Menschlichen Körpers am Beispiel des Estnischen (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 73, 1/2, 1955; 1/5).

P a u w e l s J. L., Een fonetisch problem (Revue des langues vivantes 20, 6, 1954; 4/1).

P e c i a r S., O fonologickom hodnotení samohláskových skupín v čudziach slovach (Slovenske řeč, XIII, 3—4, 1947; 4/1); O homonymite neohybných slov (Slovenske řeč, XX, 6, 1955; 2/5).

P o r z i g W., Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen (Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 58, 1, 1934; 1/5); Das Wunder der Sprache (Bern, 1950; 5/1).

Problèmes des recherches sur les langues de diverses fonctions (Travaux de cercle linguistique de Prague, 1, 1929; 5/1)..

Psycholinguistics. A Survey of Theory and Research Problems (Приложение к International Journal of American Linguistics, 20, 4, 1954, Mem 10; также приложение к Journal of Abnormal and Social Psychology, 49, 4/2, 1954; 1/1, 1/4, 1/5).

R e a d A. W., An Account of the Word «Semantics» (Word, 4, 2, 1948; 1/1).

R e i f l e r E., Linguistic Analysis, Meaning and Comparative Semantics (Lingua, 3, 4, 1953; 1/5).

R e u n i n g K., Joy and Freude: a Comparative Study of the Linguistic Field of Pleasurable Emotions in English and German (Swarthmore, 1941; 1/5).

R e v e s z G., Denken und Sprechen (Acta Psychologica, X, 1—2, 1954; 1/1)..

R o b i n s R. H., A Problem in the Statement of Meaning (Lingua, 3, 2, 1952; 1/5).

R o s e t t i A., Le Mot: esquisse d'une théorie générale (изд. 2, Copenhague-Bucuresti. Institut de lingu romane, 1947, 1/4); Sur la définition du mot (Acta Linguistica, 4, 1, 1944; 1/1).

R o s t a n d F., Grammaire et affectivité (Paris, 1951; 5/1).

R o t h w e l l W., Winds and Cardinal Points in French (Archivum Linguisticum, 7, 1, 1955).

R u d s k o g e r A., Fair, Foul, Nice and Proper (Gothenburg Studies in English, 1, Stockholm, 1952; 1/5).

S a l i n g o v a M., K stylistickej charakteristike slov v normativnom slovníku (Slovenske řeč, XX, 1, 1955; 5/2—7).

S a p i r E., Grading, a Study in Semantics (Philosophy of Science, 2, 2, 1944; 1/5).

- Scheel H. L., Geistesgeschichtlich orientierte Wortforschung in der Romanischen Philologie, 1945—1954 (Germanisch-Romanische Monatsschrift, 5, 1, 1955; 1/3).
- Scheidweiler F., 1) Die Wortfeldtheorie; 2) *kunst und list*; 3) *kluo* (Zeitschrift für deutsche Altertum, LXXVIII, LXXIX, 1941—1942; 1/5).
- Sechehaye A., La stylistique et la linguistique theorique (C6. «Melanges de linguistique offerts a F. de Saussure», Paris, 1908; 5/1).
- Seidler H., Allgemeine Stilistik (Göttingen, 1953; 5/1).
- Sekaninova E., Z lexikografickej problematiky (Slovenske řeč, XIX, 3-4, 1954; 1/3, 2/1).
- Skorupka S., Synonimika (Poradnik językowy, 2, 3, 4, 1953; 4/1); Wyrazy bliskoznaczne i ich wartość stylistyczną. 1. Typy wyrazów bliskoznacznych (Poradnik językowy, 4, 1954; 4/1).
- Slotty F., Die Termini «Nennwert» und «Deutwert» in «Sprache» und «Rede» (Indogermanische Forschungen, LXI, стр. 240—248, 1954; 1/1); Wortart und Wortsinn (Travaux du cercle linguistique de Prague, 1, 1929; 1/1, 1/4).
- Stankiewicz E., Expressive Derivation of Substantives in Contemporary Russian and Polish (Slavic Word, 10,3, 1954; Word, 10,4, 1954; 5/2—7).
- Sten H., Les particularités de la langue Portugaise (TCLC, 2, Copenhagen, 1944; 1/3).
- Swadesh M., Diffusional Cumulation and Archaic Residue as Historical Explanations (Univ. of New Mexico Press, 1951; 5/2—7).
- Thuresson B., Middle English Occupational Terms (Lund Studies in English, 1950; 1/5).
- Tokarski J., Podstawy naukowe nowego slownika języka polskiego (Poradnik językowy, XIX, 3—4, 1954; 1/5).
- Tragër G. L., Рецензия на книгу J. B. Carrol «Study of language: a Survey of Linguistics and Related Disciplines in America» (Studies in Linguistics, 12, 1—2, 1954; 1/5); (и Smith H. L.) An Outline of English Structure (Studies in Linguistics, Occasional Papers, Oklahoma, 1951; 1/5).
- Trávníček F., O jazykovém slohu (Praha, 1953; 5/1).
- Trier J., Das Sprachliche Feld (Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung 10, Leipzig und Berlin, 1934; 1/5); Der deutsche Wortschatz im Zinnbezirk des Verstandes (Heidelberg, 1931; 1/5); Deutsche Bedeutungsforschung (Germanische philologie. Festschr. für Otto Behagel, Heidelberg, 1934; 1/5); Sprachliche Felder (Zeitschrift für die Bedeutungslehre, 8, 1932; 1/5); Lehm. Etymologien zum Fachwerk (Münster, 1951; 1/5); Holz, Etymologien aus dem Niederwald (Münster, 1952; 1/5).
- Trnka B., Bemerkungen zur Homonymie (Travaux du cercle linguistique de Prague, 4; 2/1).
- Udall H. J., Speech and Writing (Acta Linguistica, IV, 1, 1944; 4/2).
- Ullman S., Descriptive Semantics and Linguistic Typology (Word, 9, 3, 1953; 1/5); Language and Meaning (Word, 2,2, 1/1, 1/5); The Principles of Semantics (Glasgow, 1951; 1/4); Words and their Use (New York, 1951; 1/1).
- Unbegaun B. O., Création d'une catégorie grammaticale: l'adjectif substantive russe en — ovoj (Recueil linguistique de Bratislava, 1, 1948; 2/5).
- Vachek I., Psaní jazyk a pravopis (Čtení o jazyce a poesii, 1, Praha, 1942; 4/2); Some Remarks on Writing and Phonetic Transcription (Acta Linguistica, V, 2, 1945—1949; 4/2); Zum Problem der Geschriebenen Sprache (Travaux du cercle linguistique de Prague, 6, 1939; 4/2).
- Volpatti C., Coppie di nomi di due generi (Lingua Nostra, XVI, 1, 1955; 4/1).
- Wartburg W. (von), Einführung in die Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft (Halle) Salle, 1943; 1/3).

Weisgerber I. L., Muttersprache und Geistesbildung (Göttingen, 1929; 1/3); Die Entdeckung der Muttersprache im Europäischen Denken (1948; 1/3); Der Sinn des Wortes «deutsch» (1949; 1/3); Von den Kräften der deutschen Sprache: 1) Die Sprache unter den Kräften des Menschlichen Daseins; 2) Vom Weltbild der deutschen Sprache; 3) Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur (Düsseldorf, 1949—1950; 1/3); Das Gesetz der Sprache (Heidelberg, 1951; 1/1, 1/3, 2/1).

Whorf B., Collected Papers on Metalinguistics (Washington, 1952; 1/3); Four Articles on Metalinguistics (Washington, 1950; 1/3).

Werner L., Polarity in Language (Сборник Current Volume of Linguistic Studies, Philadelphia, 1930; 5/1).

Zima L. Ukoly synonymiky při stavbě hesla v slovníčích malého a středního typu (Lexikografický sborník, Bratislava, 1953).

Ziskal A., Príspevky k lexikografickej teórii a praxe (Slovo a slovesnosť, 4, 1938; 1/4).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
<i>Часть первая</i>	
О ПРИРОДЕ ЗНАЧЕНИЯ	
<i>Глава I.</i> Входит ли значение в состав языковой единицы?	9
§ 1. Два противоположных подхода	—
§ 2. «Функционалистическая» точка зрения	10
§ 3. «Экспрессионистическая» точка зрения	12
§ 4. Действительно ли язык — лишь одна из разновидностей «конвенциональных» знаковых систем?	14
§ 5. Синтез «экспрессионистического» и «функционалистического» подходов в терминах «язык» и «речь».	16
§ 6. Синтез лингвистического и психологического аспектов в «психолингвистике».	19
§ 7. Вопрос о языковом значении в традиционном языкознании	23
Примечания	—
<i>Глава II.</i> Вопрос о значении в современном советском языкознании	27
§ 1. Понятие, слово, значение слова	—
§ 2. От понятия к значению слова	28
§ 3. От языкового значения к понятию.	31
Примечания	34
<i>Глава III.</i> Что определяет различия семантического строения языков и как эти различия связаны с мышлением.	36
§ 1. Вильгельм фон Гумбольдт и «неогумбольдтианская этнолингвистика»	—
§ 2. «Язык, сознание и культура» в современном американском языкознании	38
§ 3. Как следует подойти к вопросу с позиций марксистского языкознания.	43
Примечания	53
<i>Глава IV.</i> Какая языковая единица является основной носителем языкового значения.	57
§ 1. Постановка вопроса	—
§ 2. Вопрос о языковой единице с точки зрения «психолингвистики» и психологии	58

§ 3. Что такое грамматическое значение и каким образом оно включается в общую семантику слова	65
Примечания	69
<i>Глава V. Способы определения значения.</i>	71
§ 1. Вопрос об определении значения в господствующем направлении американского языкознания и «метод семантического дифференциала».	—
§ 2. Определение значения по методу «семантического поля».	78
§ 3. Поиски решения вопроса с позиций западноевропейского структурализма	81
§ 4. Вопрос об определении значения в работах по лексикографии	86
§ 5. Краткие выводы	92
Примечания	94

Часть вторая

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА И ОМОНИМИЯ КАК ПРЕДЕЛ ТАКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

<i>Глава I. О природе омонимии</i>	104
§ 1. Постановка вопроса	—
§ 2. Содержание исследования	107
§ 3. «Смысл» слова и его «внешняя оболочка».	108
§ 4. Пути возникновения омонимов и их основные типы	111
§ 5. О способах разграничения полисемии и омонимии	—
Примечания	116
<i>Глава II. О разграничении полисемии и омонимии в современном русском языке (существительные).</i>	120
§ 1. Вводные замечания	—
§ 2. Полисемия существительных	121
§ 3. Разграничение в случаях «выраженной» полисемии и омонимии	125
§ 4. Разграничение полисемии и омонимии в «именах действия» (nomina actionis).	126
§ 5. Разграничение полисемии и омонимии в «именах действующего» (nomina agentis).	128
§ 6. Омонимия уменьшительных существительных и существительных с десемантизированным уменьшительным суффиксом	132
§ 7. Частичная омонимия, возникающая вследствие «лексикализации» форм множественного числа	133
§ 8. «Невыраженная» омонимия существительных	134
Примечания	137
<i>Глава III. О разграничении полисемии и омонимии в современном русском языке (глаголы).</i>	139
§ 1. Вводные замечания	—
§ 2. Полисемия глаголов	140
§ 3. Разграничение в случаях «выраженной» омонимии	143

	<i>Стр.</i>
§ 4. Частичная омонимия видовых форм	144
§ 5. Приставочная омонимия	147
§ 6. Омонимия корневой морфемы при тождестве префиксальной	150
§ 7. Омонимия обеих морфем — корневой и префиксальной	151
§ 8. Неодинаковая ясность морфологического членения	—
§ 9. «Невыраженная» омонимия глаголов	152
Примечания	154
<i>Глава IV. О разграничении полисемии и омонимии в современном русском языке (прилагательные).</i>	155
§ 1. Вводные замечания	—
§ 2. Полисемия прилагательных	157
§ 3. Омонимия прилагательных	158
Примечания	159
<i>Глава V. Основные случаи «функциональной» омонимии в современном русском языке</i>	160
§ 1. Вводные замечания	—
§ 2. Частичная омонимия прилагательного и существительного, «склоняющегося как прилагательное».	161
§ 3. Другие случаи функциональной омонимии в современном русском языке.	—
§ 4. Омонимия наречия на -о и краткой формы прилагательного среднего рода	162
§ 5. Омонимия наречия и предикативного слова	163
§ 6. Вопрос о соотношении «полнозначной» и «служебной» функции слова	164
Примечания	165

Часть третья

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА В СЛОВСОЧЕТАНИИ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА КАК ПРЕДЕЛ ТАКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

<i>Глава I. О сущности лексико-фразеологического варьирования слова.</i>	166
§ 1. Постановка вопроса	—
§ 2. Что такое «фразеологические единицы» и чем они выделяются по сравнению со структурно соответствующими им свободными сочетаниями.	167
§ 3. Как образуются фразеологические единицы и что происходит при этом со словами, входящими в их состав.	170
§ 4. Типы словосочетаний как основа для изучения лексико-фразеологических вариантов слов	171
<i>Глава II. Именные словосочетания</i>	172
§ 1. Общая характеристика атрибутивных словосочетаний типа прилагательное + существительное	—
§ 2. «Ограничивающие» атрибутивные сочетания типа прилагательное + существительное	173

§ 3. «Описательные» словосочетания типа прилагательное + существительное	175
§ 4. Атрибутивные словосочетания типа «аттестат зрелости»	178
§ 5. Атрибутивные словосочетания типа «акция на предъявителя»	179
<i>Глава III. Глагольные словосочетания</i>	180
§ 1. Общая характеристика глагольных словосочетаний	—
§ 2. Глагольные словосочетания типа «потерпеть аварию»	181
§ 3. Глагольные словосочетания типа «войти в историю»	185
§ 4. обстоятельственные словосочетания	186
<i>Примечания</i>	187

Часть четвертая

ФОНЕТИЧЕСКОЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА И СИНОНИМИЯ КАК ПРЕДЕЛ ТАКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

<i>Глава I. Постановка вопроса</i>	192
<i>Примечания</i>	194
<i>Глава II. Фонетические варианты слова</i>	195
§ 1. Общие замечания	—
§ 2. Фонетические варианты слова, не различающиеся по месту ударения	197
§ 3. О строении фонетических вариантов слов	—
§ 4. Сравнительная оценка членов вариантных пар	199
§ 5. Фонетические варианты слова, различающиеся по месту ударения	203
§ 6. Сопоставление фонетических вариантов, различающихся и не различающихся по месту ударения	207
§ 7. Вопрос об «орфографических вариантах» слова	208
<i>Примечания</i>	210
<i>Глава III. Морфологические варианты слов</i>	213
§ 1. Общие замечания	—
§ 2. Существительные	217
§ 3. Прилагательные	224
§ 4. Глаголы	228
§ 5. Основные типы синонимических пар в современном русском языке	230
<i>Примечания</i>	232

Часть пятая

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛОВ

<i>Глава I. О предмете лингвостилистики</i>	234
§ 1. Постановка вопроса	—
§ 2. Что является «единицей соотнесения» (опорной единицей) стилистических средств	236
§ 3. Вопрос об условиях и сферах применения языка	239
§ 4. О «положительной» и «нулевой» стилистических характеристиках	242
<i>Примечания</i>	245

	<i>Стр.</i>
<i>Глава II.</i> Слова со «сниженной» стилистической характеристикой.	250
<i>Глава III.</i> Слова с «повышенной» стилистической характеристикой	257
<i>Глава IV.</i> Попытка структурно-семантического рассмотрения.	264
§ 1. Слова со «сниженной» стилистической характеристикой	—
§ 2. Слова с «повышенной» стилистической характеристикой.	270
<i>Глава V.</i> Архаизмы.	271
<i>Глава VI.</i> О классификации слов по сферам употребления.	274
<i>Глава VII.</i> О стилистической дифференциации слов в словарях.	276
Примечания.	277
Указатель цитированной литературы.	280

Ольга Сергеевна Ахманова

Очерки по общей и русской лексикологии

Редактор *В. В. Иванов*

Художник *Ю. М. Сигов*

Художественный редактор *Б. М. Кисин*

Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий*

Корректор *М. С. Павич*

* * *

Сдано в набор 6/X 1956 г. Подписано
к печати 27/II 1957 г. 60 X 92¹/₁₆. 18¹/₂
п. л. Уч.-изд. л. 21,47. Тираж 23 тыс. экз.

А-02604. Заказ № 1653.

* * *

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6.
Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
„Печатный Двор" им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Цена без переплета 4 р. 30 к.,
переплет 1 р. 50 к.